ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

1974

1974 ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Вл

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научный совет по проблеме «История исторической науки»
при Отделении истории АН СССР

Институт истории СССР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик М. В. НЕЧКИНА
(ответственный редактор),
М. А. АЛПАТОВ, Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ, В. И. БУГАНОВ,
М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ, Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ, В. А. ДУНАЕВСКИЙ,
академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ,
член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПОЛЯКОВ, В. П. НАУМОВ,
В. И. САЛОВ, академик Л. В. ЧЕРЕПНИН,
В. П. ШЕРСТОБИТОВ

Научно-вспомогательную работу
по сборнику провела

Г. М. АМЕШИНА

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА · 1976

В историографический ежегодник за 1974 г. вошли статьи, в которых рассматривается историография научно-технической революции в плане соединения ее достижений с преимуществами развитого социализма, освещается история разработки научной биографии В. И. Ленина в 1917 — середине 30-х годов XX в., дана периодизация русского освободительного движения XIX в. в либерально-буржуазной кадетской историографии, итоги и перспективы исследований по Отечественной войне 1812 г., концепции всемирной истории Михаила Орлова, «Заметки» А. С. Пушкина по русской истории XVIII в., деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В сборнике помещены публикация по общественно-политической деятельности академика Б. Д. Грекова, библиография к 80-летию члена-корреспондента АН СССР Ф. В. Потемкина и библиография трудов В. А. Быстрянского.

И $\frac{10601-291}{042(02)-76}$ БЗ—29—38—76

© Издательство «Наука», 1976 г.

I

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СССР

ИСТОРИОГРАФИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СОЕДИНЕНИЯ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЙ С ПРЕИМУЩЕСТВАМИ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

В. И. Касьяненко

Советское развитое социалистическое общество располагает широкими возможностями для стремительного и комплексного развития науки и техники. Научно-техническая революция стала общенародным делом, предметом постоянной заботы Коммунистической партии и Советского государства. Исходя из насущных потребностей коммунистического строительства, XXV съезд КПСС определил задачи по ускорению темпов научно-технического прогресса «как решающего условия повышения эффективности общественного производства и улучшения качества продукции. Последовательно решать задачу органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. Повысить эффективность использования научного потенциала». XXV съезд призвал ученых совершенствовать проект Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий на 1976—1990 годы [1]. Своими исследованиями обществоведы участвуют в разработке актуальных проблем экономического, социального и научно-технического развития советского общества в условиях зрелого социализма.

В минувшие пять-шесть лет на новую ступень поднялось теоретическое осмысление процессов и закономерностей научно-технической революции. Создана фундаментальная литература по различным вопросам этого феномена современности. Она свидетельствует о наметившемся теоретическом исследовании экономических, социальных и идеологических аспектов проблемы.

[1] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 170, 48.

Одно из основных мест в историографии занимают теоретические и прикладные вопросы органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма.

В настоящей статье рассматривается литература, посвященная социально-политическим, экономическим, историческим вопросам научно-технической революции в СССР; деятельности КПСС и Советского государства по ускорению темпов развития науки и техники, решению сложных проблем дальнейшего соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. О выпуске специальной научно-технической литературы и проблемах пропаганды и внедрения достижений науки и техники некоторое представление дают обзоры литературы [1a].

Методологическую основу для научного анализа развития науки и техники в современных условиях составляет марксизм-ленинизм. Необходимость теоретического обоснования тех огромных изменений, которые происходят в результате научно-технической революции, вынуждает исследователей вновь и вновь обращаться к трудам К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Именно марксизм-ленинизм, его методология дают единственно научные ответы на генезис, сущность, закономерности, экономические и социальные последствия научно-технической революции. Закономерен возросший интерес к методологии исследования промышленной и технической революции, к идеям классиков марксизма-ленинизма о диалектике и закономерностях развития и взаимосвязи науки и техники.

Известно, что К. Маркс раскрыл объективную основу развития и сближения науки, техники с производством, показал экономические и социальные последствия и противоречия технического прогресса в условиях капитализма. В общих чертах он указал перспективы развития науки и техники в социалистическом обществе [2]. Ярко и убедительно вскрыл объективные связи и взаимозависимости между наукой и производством Ф. Энгельс [3].

У нас есть литература, специально посвященная важнейшим методологическим проблемам [4].

В ней отмечается, что методология анализа закономерностей развития науки, техники, производства и общественных отноше-

[1a] *Ежков В., Мартиросян Г., Четыркин М.* Важное звено пропаганды научно-технических достижений.— «Коммунист», 1974, № 15, с. 115—122; Современная научно-техническая революция и создание фундамента коммунизма. Рекомендательный указатель литературы. Составитель Г. И. Гришина. М., 1972.

[2] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 382—407, 414.

[3] См.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 39, с. 174.

[4] Назовем лишь новейшие труды по этой теме: *Аракелян А. А.* В. И. Ленин и технический прогресс. Ереван, 1970; *Григорьян С. М.* Карл Маркс и социально-экономические проблемы технического прогресса. М., 1973; *Ваксер А. З.* Ленинские идеи научно-технической политики и их развитие КПСС и Советским государством в 1956—1965 гг.— В кн.: В. И. Ленин и вопросы истории КПСС. Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1970, т. 424, вып. 2, с. 88—108; *Гржегоржевский А. Н.* В. И. Ленин о материально-технической базе

ний, блестяще разработанная в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, имеет общетеоретическое значение. Авторами собраны и осмыслены многочисленные высказывания классиков о значении орудий труда, источников энергии, научных открытий для созревания более прогрессивного способа производства, экономических и социально-политических отношений. Классическим и часто употребляемым авторами стало положение К. Маркса о том, что «экономические эпохи различаются не тем, что́ производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда,— подчеркивает К. Маркс,— не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» [5].

В. И. Ленин показал взаимосвязи развития и противоречий между научно-техническим прогрессом и социально-экономической структурой общества в эпоху империализма [6]. В. И. Ленин предвосхитил многие черты и последствия современной научно-технической революции, обосновал закономерности научных и технических революций, высказал немало ценных методологических рекомендаций. В ленинских трудах содержится целая система методов исследования революций в естествознании, технике и производстве. Она находится на вооружении обществоведов, занимающихся изучением вопросов научно-технической революции, влияния ее последствий на основные стороны современного социалистического общества.

Какие же конкретно проблемы научно-технической революции явились объектом исследования историков, экономистов и социологов в минувшем пятилетии?

Важное место в историографии принадлежит вопросам определения сущности, исторической роли и особенностей современной научно-технической революции. Разработка этих вопросов активно велась и раньше. Сейчас можно говорить об ее определенных результатах. Прежде всего следует отметить углубление

коммунизма. М., 1970; *Кедров Б. М.* Ленин и диалектика естествознания XX века. Материя и движение. М., 1971; *Каргин В. Д.* В. И. Ленин о технике и техническом прогрессе. Саратов, 1971; *Матійко В. І.* Ленін про роль науково-технічного прогресу в будівництва комуністичного суспільства.— «Український історичний журнал», 1970, № 8, с. 3—11; *Гайдуков Л. Ф., Остапущенко О. Т.* В. І. Ленін про науково-технічний прогрес та його роль у розвитку продуктивних сил соціалістичного суспільства.— «Український історичний журнал», 1971, № 4, с. 12—18; В. И. Ленин об экономических проблемах научно-технического прогресса в СССР. М., 1972; *Мелещенко Ю. С., Шувардин С. В.* Ленин и научно-технический прогресс. Л., 1969; *Стоскова Н. Н.* Ф. Энгельс о роли техники в развитии общества. М., 1972; *Трапезников С.* Ленинизм и современная научно-техническая революция.— В кн.: Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1972, с. 5—29; *Чернышев В. И.* В. И. Ленин и технический прогресс в СССР. М., 1970.

[5] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 191.

[6] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 93—95; т. 24, с. 271—272; т. 27, с. 319—340, 364—396; т. 39, с. 115—117.

представлений о сущности и особенностях современной научно-технической революции. От уяснения этих вопросов зависит выработка правильной политики в области науки и техники, рациональное решение многих проблем дальнейшего соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. В одном из первых обзоров литературы, посвященных проблемам научно-технической революции, справедливо отмечалось, что в литературе 60-х годов XX в. не всегда можно встретить достаточно четкое понимание качественной специфики и исторической новизны научно-технической революции; нередко грани между ней и прогрессом науки смазываются или она вообще отождествляется с техническим прогрессом [7]. Однако подобных упреков уже нельзя высказать в адрес современной литературы. Мы остановимся на наиболее распространенных определениях и суждениях по данному вопросу.

В коллективной монографии [8], подготовленной советскими и чехословацкими учеными, сущность и специфика научно-технической революции рассматриваются прежде всего в универсальном, убыстряющемся изменении всех элементов производительных сил, их структуры и динамики, объективных и субъективных факторов производства. Ссылаясь на известное положение К. Маркса [9], авторы подчеркивают, что если раньше человек был главным агентом производственного процесса, то в условиях автоматизированного производства рабочий оказывается стоящим рядом с ним. Наука постепенно становится всеобъемлющей производительной силой общества и решающим фактором роста производительных сил. Эти общие суждения о сущности научно-технической революции сопровождены в книге солидной теоретической аргументацией и конкретными примерами из практики.

Опираясь на документы XXIV съезда КПСС, авторы монографии, подготовленной Институтом истории партии при ЦК КП Украины, дают более расширительное толкование проблемы. По их мнению, научно-техническая революция является процессом скачкообразного, качественного превращения производительных сил общества, форм организации производства, тесно связанных с социально-политическими проблемами современности. Происходящие изменения в комплексе «наука — техника — производство» охватывают две стороны — материальную и человеческую. В ходе научно-технической революции утверждается новый тип производительных сил, требующих социалистических, коммунистических общественных отношений; создаются условия для более

[7] *Карабанова Л., Смирнов П., Фаддеев Е.* Проблемы научно-технической революции и ее социальных последствий (Обзор литературы).— «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 2, с. 145.

[8] Научно-техническая революция и социализм. М., 1973, с. 72—75.

[9] См.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. II, с. 213—215.

грандиозного научно-технического переворота на высшей фазе коммунизма [10]. В. М. Зубец добавляет, что современная научно-техническая революция — это «прежде всего утверждение господства диалектического метода мышления, ибо только с позиций диалектического материализма можно проникнуть в глубинные тайны природы» [11].

До сих пор в литературе продолжается обмен мнениями о месте научно-технической революции в обществе, об ее соотношении с материальным производством. Этот вопрос тесно связывается с проблемой превращения науки в непосредственную производительную силу.

Историографией уже преодолена односторонняя ориентация при выявлении сущности и исторической роли современной научно-технической революции, когда последняя подменялась либо простой суммой направлений технического прогресса, либо связывалась лишь с процессом превращения науки в непосредственную производительную силу. Не получили сколько-нибудь широкого распространения упрощенная трактовка научно-технической революции как явления, якобы не подчиняющегося экономическим законам и движущим силам социализма; или концепции об автономном развитии науки. «Современная научно-техническая революция,— подчеркивает В. Г. Лебедев,— многосложный и динамичный общественный процесс. Ее надо рассматривать, с одной стороны, как скачок в познании и применении законов природы, а, с другой,— как высший результат творчества нашей эпохи» [12].

При сопоставлении многочисленных взглядов на сущность современной научно-технической революции нам кажется более предпочтительной позиция авторов коллективной монографии «Научно-техническая революция и общество». Они рассматривают научно-техническую революцию в узком смысле, ограниченном процессами, происходящими в области собственно естествознания и техники, и в широком толковании этого термина. «...Научно-техническая революция,— пишут авторы,— есть *коренное преобразование науки и техники, их связей и общественных функций, ведущее к универсальному перевороту в структуре и динамике производительных сил общества в смысле изменения роли человека в системе производительных сил на базе комплексного технологического применения науки как непосредственной производительной силы, проникающей во все составные части производ-*

[10] КПСС и современная научно-техническая революция. Киев, 1974, с. 17—22.

[11] *Зубец В. М.* Научно-технический прогресс в условиях развитого социализма. Челябинск, 1973, с. 118.

[12] *Лебедев В. Г.* Современная научно-техническая революция: социальная сущность и основные этапы.— В кн.: Экономические и социально-политические проблемы коммунистического строительства в СССР. Материалы научной конференции. М., 1972, с. 101.

ства и преобразующей вещные условия жизни человека»[13]. В книге подчеркивается, что по своему существу научно-техническая революция выражает закономерность эпохи перехода от капитализма к социализму. В историческом плане она подготовляет материальные предпосылки к этому переходу.

Уяснению сущности и закономерностей современной научно-технической революции посвятили свои работы В. Блюмберг, Е. Ф. Борисов, Г. С. Гудожник, Н. И. Дряхлов и другие[14].

Некоторые из авторов в поисках наиболее верных методологических приемов исследования сущности и процессов современной научно-технической революции обращаются к трудам К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Авторы заключают, что историческая миссия современной научно-технической революции может быть раскрыта с применением трех основных методологических принципов. Во-первых, с учетом действия всеобщего закона преемственности развития форм производства. Во-вторых, посредством анализа роли этой революции в развитии двух противоположных систем — социалистической и капиталистической. В-третьих, путем прогнозного анализа развития основных сфер проявления научно-технической революции, ее социальных функций в социалистическом обществе[15].

Если суммировать существующие взгляды по этому вопросу, то можно сделать следующие выводы. Современная научно-техническая революция является частью (этапом) научно-технического прогресса, развивающегося от глубокой древности до наших дней и имеющего в целом эволюционный характер. Современный этап его революционен и всеобъемлющ. Научно-техническая революция совершается в эпоху перехода человечества от капитализма к социализму; она носит универсальный и глобальный характер. Особенностью научно-технической революции является то, что она стала своеобразным полигоном экономического соревнования социализма и капитализма на международной арене, — с одной стороны, а также одной из активных сфер сотрудничества социали-

[13] Научно-техническая революция и общество. М., 1973, с. 63—64.

[14] *Блюмберг В.* Сущность и социальные проблемы современной научно-технической революции. М., 1971; *Борисов Е. Ф.* Политико-экономические проблемы современной научно-технической революции. М., 1970; *Гудожник Г. С.* Научно-техническая революция: сущность, основные тенденции. М., 1970; *Дряхлов Н. И.* Научно-техническая революция в условиях развитого социалистического общества.— «Научный коммунизм», 1973, № 6, с. 34—42; Закономірності науково-технічного прогресу розвинутого соціалізму. Питання політичної економії. Міжвідомчий науковий збірник. Вип. 1000. Київ, 1973; *Калниня Р.* Научно-техническая революция: сущность, основные направления.— «Коммунист Советской Латвии», 1974, № 8, с. 44—49; *Мелещенко Ю. С.* и *Шухардин С. В.* Сущность и основные направления научно-технической революции. М., 1971; *Покровский Б. В.* Научно-технический прогресс на современном этапе. М., 1972; *Рубцов И. Е.* Научно-технический прогресс в условиях развитого социалистического общества. М., 1975.

[15] Научно-техническая революция и общество, с. 42—49.

стических стран, ускоряющей экономическую и научно-техническую интеграцию между ними,— с другой. Если в переходный период от капитализма к социализму в СССР решающими факторами были индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, то в условиях развитого социализма главным рычагом построения материально-технической базы коммунизма стали достижения науки и техники.

С самого начала особенностью научно-технической революции было то, что, возникнув в области науки, она активно воздействует на все стороны жизни и деятельности людей и, конечно, прежде всего на производство. Поэтому многие исследователи считают ее одновременно и промышленной революцией, оговариваясь при этом о сроках наступления последней. Так поступает, например, В. М. Зубец. Критикуя неточности в этом вопросе, он полагает, что происходящие в СССР и других социалистических странах преобразования не дают оснований для вывода о промышленной революции. Последняя, по мнению автора, наступит лишь на завершающем этапе формирования материально-технической базы коммунизма [16].

Начало научно-технической революции авторами относится к середине XX в. Этот исторический рубеж является всеобщим. Большинство авторов уклоняются от его конкретизации применительно к нашей стране (так поступил и Зубец, хотя тема его книги обязывала коснуться этого вопроса). Интересную попытку ответить на него предприняли сотрудники Института истории естествознания и техники АН СССР. В результате социалистического развития и последовательно проводимой технической политики партии, считают они, Советский Союз к 1941 г. вплотную подошел к современной научно-технической революции, начало которой было прервано нападением фашистской Германии и необходимостью восстановления разрушенного в ходе Великой Отечественной войны народного хозяйства. После решения военной (разгром врага) и экономической (восстановление народного хозяйства) задач, СССР сразу же вступил в период современной научно-технической революции [17]. Нам представляется, что такой вывод нуждается в уточнении и дополнительном исследовании. Во-первых, неправомерно датировать сроки начала научно-технической революции каким-либо одним годом. Подобные сложные процессы общественного развития формируются на протяжении многих лет. Во-вторых, нельзя характеризовать возникновение научно-технической революции только одним (пусть даже главным) показателем, т. е. началом автоматизации производства.

В ином аспекте характеризуют этапы развертывания современной научно-технической революции экономисты и философы.

[16] *Зубец В. М.* Указ. соч., с. 137—138.

[17] Современная научно-техническая революция. Историческое исследование. Изд. 2-е. М., 1970, с. 226.

Рассматривая ее как всемирное явление, В. Г. Лебедев полагает, что пройденный этап — это не только начало современной научно-технической революции, но и время формирования ее теоретического ядра, генерирования основополагающих идей. Второй этап автор характеризует как период экспериментального использования эпохальных достижений теории. Сейчас лишь начало второго этапа, ибо большинство отраслей промышленности, строительства, сельского хозяйства и быта пока еще не имеет научных разработок, позволяющих быстро перевооружить их на основе высших достижений научно-технической революции. Темпы экономического развития ныне не отличаются от темпов, сложившихся в процессе эволюционного прогресса техники. Завершающий, третий этап будет периодом всеобщего внедрения научно-технических достижений в жизнь общества. Для него характерны изменения качественной определенности научно-технической революции, яркой формой проявления которой явится создание в народном хозяйстве единой системы машин кибернетического типа [18]. По мнению Лебедева, указанные три этапа развертывания научно-технической революции характеризуют ступени превращения науки в непосредственную производительную силу [19]. Несмотря на несколько односторонний и предположительный характер суждений автора, изложенное членение современной научно-технической революции оригинально и интересно.

Следует заметить, что многие исследователи связывают первые этапы научно-технической революции с созданием и распространением автоматов и электронно-вычислительной техники. Нам представляется, что отвергать подобный подход нецелесообразно, ибо сторонники его подчеркивают особую роль машин в научно-технической революции и производстве.

Вместе с тем правы и противники подобной периодизации, в которой игнорируются изменения экономических показателей производства. Напоминая о методологии К. Маркса и Ф. Энгельса, созданной ими при исследовании буржуазной промышленной революции, В. Д. Камаев делает вывод: «Политико-экономическим принципом периодизации научно-технической революции может быть лишь такой подход, который бы позволил оценивать изменения в материальном производстве с позиции не только динамики его эффективности (включая производительность труда), но и с учетом изменения факторов, обусловливающих ее рост» [20]. Камаев дает развернутую характеристику своей периодизации научно-технической революции. Он выделяет три этапа: начальный или подготовительный; современный; крупного автоматизи-

[18] *Лебедев В. Г.* Указ. соч., с. 110—115.

[19] Там же, с. 110.

[20] *Камаев В. Д.* Современная научно-техническая революция: экономические формы и закономерности. М., 1972, с. 78.

рованного производства [21]. Современный этап научно-технической революции характеризуется Камаевым как подготовительный для перехода к автоматизированному производству и вместе с тем решающим на пути создания материально-технической базы коммунизма. Создание этой базы совпадает в СССР с научно-технической революцией как во времени, так и по существу [22]. По мнению Камаева, новый этап начнется в 90-х годах текущего столетия, а полное развитие получит за пределами 2000 года [23].

Разумеется, авторы оговаривают условность и предположительность высказываемых ими возможных последующих этапов и последствий научно-технической революции. Однако их прогнозирование основано на научных принципах, на хорошем знании современных процессов и рубежей, уже достигнутых научно-технической революцией.

Происходящий обмен мнениями по поводу периодизации, характеристики современного этапа и перспектив развития научно-технической революции весьма интересен и полезен. Он необходим для решения ряда теоретических и научно-прикладных вопросов, связанных со строительством материально-технической базы коммунизма. Учитывая отсутствие единой периодизации научно-технической революции, сейчас целесообразно сосредоточить усилия исследователей на выработке критериев периодизации. Без решения этого коренного вопроса методологии исследования проблемы споры останутся малоэффективными.

В литературе, обобщающей опыт советского зрелого социалистического общества, научно-техническая революция предстает перед читателями как важнейшая составная часть борьбы КПСС и всего народа за коммунизм. О возросшей актуальности проблем научно-технической революции в СССР говорит тот факт, что они стали непременными в программах научных конференций. В Октябрьских чтениях, проводимых МГУ, в 1973 г. работала специальная секция «Роль партии и государства в развертывании научно-технической революции как важнейшего условия построения коммунизма». По разным аспектам этой общей темы с интересными докладами выступили Н. И. Дряхлов, Г. В. Бадеева, П. Е. Сивоконь, В. С. Макотченко, А. М. Колобова и другие [24].

В соответствии с учебной программой и уровнем развития общественных наук В. Ф. Глаголев, Г. С. Гудожник и И. А. Козиков создали для студентов учебное пособие «Современная научно-техническая революция» [25]. Подобные примеры, свидетельствующие

[21] Там же.
[22] Там же, с. 94.
[23] Там же, с. 92.
[24] Партия и государство в период строительства коммунизма. Октябрьские чтения 1973 года. МГУ. М., 1973, с. 248—338.
[25] *Глаголев В. Ф., Гудожник Г. С., Козиков И. А.* Современная научно-техническая революция. М., 1974.

о быстром распространении интереса к проблеме среди научной общественности, можно было бы продолжить. По ходу раскрытия конкретных вопросов историографии научно-технической революции будет показан этот процесс возрастания интереса к ней исследователей, процесс нарастания печатной продукции.

Известно, что на XXIV съезде КПСС была сформулирована исторической важности задача: **«органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства»** [26]. Совсем недавно эта формула в литературе либо просто повторялась, либо сопровождалась самыми общими комментариями. Одним из первых попытался раскрыть и конкретизировать ее Л. М. Гатовский. В докладе на Всесоюзной научной конференции (1971 г.) он показал, что в этой формуле «обобщена суть взаимодействия современных производительных сил и социалистических производственных отношений, единства науки и техники, экономики и политики на этапе развитого социалистического общества» [27].

По мнению автора, суть проблемы органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства заключается в том, что только социализм создает возможность последовательного и комплексного развертывания этой революции и использование ее достижений в интересах, народа; сама революция — мощный фактор возрастания преимуществ социализма. В процессе углубления научно-технической революции эти преимущества будут раскрываться и использоваться с еще большей силой. Автор высказывает ряд соображений о проблемах комплексного управления народным хозяйством и его влиянии на технический прогресс; о перспективном подходе к развитию новой техники; об органическом единстве техники и экономики, технического прогресса и эффективности производства [28]. Он считает, что исследование всей системы объективных законов и научных категорий теперь возможно на базе теоретического анализа процессов взаимосвязей научно-технической революции и развитой социалистической экономики [29].

Учитывая важнейшее значение этой проблематики для дальнейшего развития и уяснения теоретических проблем научно-технического прогресса и экономики развитого социализма, Л. М. Га-

[26] XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта — 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. Т. I. М., 1972, с. 82.

[27] *Гатовский Л. М.* Об органическом соединении достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства.— В кн.: Экономические и социально-политические проблемы коммунистического строительства в СССР. Материалы научной конференции. М., 1972, с. 136.

[28] Там же, с. 137—156.

[29] Там же, с. 157.

товский посвятил им две монографии [30]. Новый труд автора (1974 г.) отличается большой актуальностью исследуемых вопросов, высоким уровнем обобщений и что особенно важно — оригинальными научно-теоретическими разработками, которые могут быть использованы в хозяйственной практике. Применяя системный анализ, автор исследовал социально-экономическую природу и закономерности научно-технической революции в условиях развитого социализма, раскрыл такую специфическую форму экономических отношений, обусловленную научно-технической революцией, как «наука — техника — производство — потребление». Монографии Гатовского — заметный вклад в историографию проблемы.

Возвращаясь к вопросу об органическом соединении достижений научно-технической революции с преимуществами зрелого социализма, следует отметить, что здесь ведется исследовательская работа по двум направлениям. Во-первых, в литературе теоретически обосновывается актуальность и практическая значимость этой формулы; продолжаются активные поиски новых форм и путей связи науки с производством. Во-вторых, обобщается исторический и современный опыт КПСС и Советского государства по реализации на практике этого требования.

Сущность социалистических общественных отношений, новая степень их зрелости определяют преимущества и систематическое совершенствование форм связей науки и производства. Эта тема получила свое оригинальное раскрытие в докладе А. Б. Николаева на упоминавшейся Всесоюзной конференции. Принципиально новая политическая и социально-экономическая основа функционирования науки, ее связи с производством позволили СССР добиться больших успехов в развитии науки и техники. Однако, отмечает Николаев, на рубеже 60—70-х годов XX в. стала очевидной необходимость существенного совершенствования форм связей науки с производством. В условиях развернувшейся научно-технической революции стали недопустимы задержки в проектировании, разработке и освоении новой техники; неувязка между планами научных исследований и капиталовложениями, дублирование, распыление сил и средств научно-исследовательских центров; нетерпимы недостатки научной информации. Совершенствование связей между наукой и производством стало неизбежным в результате экономической реформы, а также расширения внешних экономических и научно-технических отношений СССР [31]. Николаев показывает различные формы связей науки и производ-

[30] *Гатовский Л. М.* Научно-технический прогресс и экономика развитого социализма. Очерки политической экономии. М., 1974; *он же.* Экономические проблемы научно-технического прогресса. М., 1971.

[31] *Николаев А. Б.* Новые формы связи науки и производства.— В кн.: Экономические и социально-политические проблемы коммунистического строительства в СССР. Материалы научной конференции, с. 119—123.

ства, такие как производственные и научно-производственные объединения с включением в них научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро (НИИ и КБ), высказывает свое отношение к предпринимаемым мерам по повышению эффективности работы всех звеньев системы «наука — производство» [32].

О появлении в нашей стране новых организационных форм связей науки и производства сообщается в коллективной монографии Института истории партии при ЦК КП Украины. В ней указываются такие формы: 1) комплексные научно-технические организации, в состав которых входят НИИ, КБ и опытный завод; 2) научно-производственные объединения — группы экономически обособленных и юридически самостоятельных НИИ, КБ и опытных промышленных организаций; 3) специализированные управления по внедрению результатов исследований; 4) комплексы, возникшие при некоторых академических институтах Сибирского отделения АН СССР [33].

Проблемы соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма центральное место занимают в материалах проблемного совета «Современная научно-техническая революция и ее социальные последствия» [34].

Рассматривая методологические аспекты научно-технической революции при социализме, В. И. Белозерцев, Н. В. Климин, И. Г. Пономарева, И. Б. Вишневский, С. А. Лазука и другие авторы попытались в развернутом виде рассмотреть процесс соединения научно-технической революции с преимуществами развитого социализма; влияние этого процесса на научно-техническую политику, производственные отношения, работников. В качественном отношении, считает Белозерцев, соединение научно-технической революции с преимуществами социализма выступает как идеологическая, методологическая, экономическая, социальная, технологическая, организационная и психологическая проблема [35]. Многими авторами отмечается, что соединению достижений научно-технической революции с преимуществами социализма способствуют меры, предпринимаемые КПСС и государством по развитию хозрасчетных отношений и в сфере науки.

В литературе четко показано, что КПСС последовательно, в новых условиях развивает централизованное планирование и управление в сфере соединения науки, техники и производства. Это — наглядное преимущество социализма. В последнее время появились новые направления и формы связей науки с производством. Одновременно возникло немало сложных проблем, в решении которых активное участие принимают экономисты, социо-

[32] *Николаев А. Б.* Указ. соч., с. 124—135.
[33] КПСС и современная научно-техническая революция, с. 207—208.
[34] Проблемы соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Воронеж, 1974.
[35] Там же, с. 8.

логи, юристы [36]. Однако, как показывает жизнь, это лишь начало исследований, порождаемых практическим решением многочисленных и сложных вопросов.

В литературе продолжается обмен мнениями по таким теоретически сложным проблемам как превращение науки в непосредственную производительную силу, взаимодействие комплекса «наука — техника — производство». Например, В. А. Ламин обращается к опыту социалистического строительства в СССР, пишет о процессе становления науки как неотъемлемой части производства [37]. В то же время ряд авторов обосновывает положение, согласно которому наука, как одна из форм общественного сознания, не может быть частью материального производства [38].

В декабре 1973 г. в Академии общественных наук при ЦК КПСС состоялась научная конференция на тему «Социально-экономические и идеологические проблемы органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства». С докладами и сообщениями на конференции выступили академики В. А. Кириллин и Н. П. Федоренко, члены-корреспонденты АН СССР М. Т. Иовчук и М. Н. Руткевич, секретарь Куйбышевского обкома КПСС Н. Н. Панов, ряд экономистов, философов, партийных работников [39]. Участники конференции обсудили не только теоретические аспекты проблемы, но и высказали немало практических рекомендаций по экономическим и социальным вопросам органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами системы хозяйства развитого социалистического

[36] *Козлов Ю. К.* Организационные проблемы научно-технического прогресса. М., 1972; *Мещерякова Л. И.* Деятельность вузовских партийных организаций Центрального Черноземья по развитию и укреплению связей науки с производством в восьмой пятилетке.— В кн.: Сборник работ аспирантов и соискателей. Воронежский политехнический ин-т, 1974, с. 129—142; Научно-технический прогресс — основа повышения эффективности производства. Сб. статей. Челябинск, 1972; *Простяков И. И.* Ускорение технического прогресса в условиях хозяйственной реформы. М., 1973; Технический прогресс и повышение эффективности общественного производства в свете решений XXIV съезда КПСС. Краткие тезисы докладов на научно-техническом совещании. Краснодар, 1971; *Таксир К. И.* Сущность и формы соединения науки с производством при социализме. М., 1974; *он же.* Интеграция науки и производства при социализме. М., 1975.

[37] *Ламин В. А.* О методологии изучения истории взаимосвязи и взаимодействия науки и производства.— В кн.: Вопросы методологии и истории наук. Материалы Всесоюзной конференции (29—30 июня 1972 г.). Иркутск, 1973, с. 399.

[38] *Гатовский Л. М.* Научно-технический прогресс и экономика развитого социализма. М., 1974; *он же.* Маркс и некоторые проблемы строительства материально-технической базы коммунизма.— В кн.: Марксизм и наша эпоха. М., 1968, с 367; *Жамин В. А.* Наука и экономика социализма. М., 1971; *Марахов В. Г.* Научно-техническая революция и создание материально-технической базы коммунизма.— «Философские науки», 1971, № 4, с. 10—14.

[39] См.: «Правда», 1973, 23 декабря; «Вопросы истории КПСС», 1975, № 8; 1976, № 4.

общества. Кроме того, затрагивались вопросы о роли общественных наук в решении общей проблемы, в борьбе против буржуазной идеологии и фальсификации осуществляемых в СССР мер по ускорению темпов научно-технического прогресса. Теме «Партия и научно-технический прогресс» была посвящена научная конференция, прошедшая в Свердловске в апреле 1975 г. Заметно активизировал свою деятельность Проблемный совет по теме «КПСС и научно-технический прогресс» (председатель А. В. Бакунин).

Важнейшим фактором ускорения научно-технической революции являются интеграции и комплексность естественных и общественных наук. Сотрудничество обществоведения и естествознания — программное требование КПСС — еще более углубилось в условиях развитого социализма. Современный опыт позволяет еще раз философски осмыслить происходящие процессы и тенденции во взаимодействии естественных, технических и общественных наук. Этот вопрос непосредственно связан с общей проблемой соединения достижений научно-технической революции и социалистической системы хозяйства.

Одни авторы подходят к нему с общефилософской позиции, другие — с учетом реальных условий и проблем развитого социализма. К первым можно отнести П. Е. Сивоконя, который исследует взаимосвязи естествознания и обществоведения и влияние на них научно-технической революции. Полувековой опыт строительства социализма убеждает в том, что общественные функции естествознания не ограничиваются материально-техническими, индустриально-энергетическими и другими видами воплощения достижений науки. «Такие ведущие естественные науки, как физика, химия, биология, кибернетика постоянно осуществляют свой вклад в духовную культуру, формируя моральный облик и мировоззрение человека,— пишет П. Е. Сивоконь.— Выполнение этих мировоззренческих, идеологических функций требует постоянного расширения и углубления, развития и совершенствования многообразных связей естествознания с обществоведением, прежде всего с философией, социологией, этикой, эстетикой» [40].

Рассматривая причины возрастания ведущей роли естественных и общественных наук в современных условиях, Л. М. Гатовский обращает внимание на то, что социально-экономический прогресс при развитом социализме и научно-техническая революция требуют резкого усиления оптимизации всех сфер и уровней управления технологией, производством, экономическими пропорциями и социальными процессами. Необходимость этой оптимизации в свою очередь диктуется возросшей потребностью

[40] *Сивоконь П. Е.* Проблема взаимосвязи естествознания и обществоведения в условиях современной научно-технической революции.— В кн.: Партия и государство в период строительства коммунизма. Октябрьские чтения 1973 года. МГУ, с. 279; *Сивоконь П. Е., Леонтьев В. М.* Роль естествознания в развитии общественных наук. К постановке вопроса. М., 1976.

общества в росте эффективности производства для решения социально-экономических проблем коммунистического строительства [41]. Органическое соединение достижений науки и техники с преимуществами системы хозяйства зрелого социализма требует более тесного единства общественных и естественных наук. На это вновь было обращено внимание в Отчете ЦК КПСС XXV съезду: «Новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности естественных и общественных. Их следует использовать в полной мере» [42].

Ту же проблему, но в ином аспекте, рассматривает Г. Епископосов. В небольшой, но содержательной статье он попытался показать основные направления возрастания роли и влияния общественных наук на производство. Автор считает, что особенностью нынешнего этапа научно-технической революции является возрастающая потребность применения данных общественных наук в непосредственном производственном процессе [43]. Это им показывается на примере таких прикладных дисциплин, как инженерная психология, техническая эстетика и прикладная лингвистика [44].

Таким образом, научно-техническая революция в условиях зрелого социалистического общества еще выше поднимает методологическую и мировоззренческую роль общественных наук, их практическое значение для производства. Перед исследователями-обществоведами открываются новые возможности для изучения актуальных проблем зрелого социализма, повышения теоретической и практической значимости исследований [45].

В последнее время заметно повысился интерес у историков к обобщению опыта партии по руководству процессами современной научно-технической революции. Это закономерно: усло-

[41] *Гатовский Л. М.* Научно-технический прогресс и экономика развитого социализма, с. 60.

[42] Материалы XXV съезда КПСС, с. 72.

[43] *Епископосов Г.* К вопросу о роли общественных наук в развитии производства.— «Коммунист», 1974, № 16, с. 75.

[44] Там же, с. 75—79.

[45] *Волков М.* Научно-техническая революция и преимущества социализма.— В кн.: Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1972, с. 107—116; *Жамин В. А.* и *Владимиров И. М.* Научно-техническая революция и преимущества социалистической системы хозяйства. М., 1972; *Марков Н. В.* Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия. М., 1973, с. 228—238; Соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма.— «Проблемы мира и социализма», 1972, № 8; Проблемы соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Воронеж, 1974; *Стрюковский В. И.* XXIV съезд КПСС о соединении научно-технической революции с преимуществами социализма.— В кн.: Актуальные вопросы экономического и социально-политического развития советского общества. Материалы конференции. Ростов-на-Дону, 1973, с. 176—185; *Рудов Г. А.* Научно-техническая революция и социализм. Хабаровск, 1975.

вия зрелого социалистического общества требуют дальнейшего повышения уровня партийного руководства наукой и техникой, обобщения опыта КПСС по превращению их в мощный рычаг строительства материально-технической базы коммунизма.

Примером возросшего интереса историков к проблемам научно-технической революции может служить факт одновременного (в 1974 г.) появления трех крупных монографий, подготовленных коллективами Института истории партии при ЦК Компартии Украины, Уральского политехнического института им. С. М. Кирова и группой специалистов, возглавляемых И. И. Артоболевским, А. Д. Педосовым и С. В. Шухардиным[46]. Если первая монография подготовлена киевскими историками и философами, то две другие — результат совместного труда представителей общественных и технических наук. Эти книги неодинаковы по характеру и замыслу, по уровню и глубине исследования затрагиваемых проблем, по объему использованного конкретно-исторического материала. Но все они объединены общей темой — партия и современная научно-техническая революция в СССР.

Специфика этих монографий заключается в их синтетическом характере, что позволило сочетать в них историко-партийный и социологический аспекты, затронуть немало вопросов из области экономической и истории техники. Авторам удалось показать теоретическую и практическую деятельность партии по осмыслению и ускорению темпов научно-технической революции в СССР. Это сделано посредством анализа решений КПСС и многочисленных конкретных мер, осуществленных партией и Советским государством в послевоенный период. В книгах обосновывается вывод о своевременности определения партией перспективных направлений развития фундаментальных и прикладных наук для ускорения научно-технического прогресса.

Вполне оправданными являются попытки авторов показать взаимозависимость и роль научно-технической революции в достижении советским обществом ступени развитого социализма. В монографиях украинских и московских авторских коллективов показано, что развитый социализм создает наиболее благоприятные условия для ускоренных темпов научно-технического прогресса. При этом раскрывается роль и влияние современной научно-технической революции по основным сферам нашего общества — экономической, политической и социальной. Делается это на большом фактическом и документальном материале. Пожалуй, книга Уральского политехнического института излишне перегру-

[46] КПСС и современная научно-техническая революция. Киев, 1974; КПСС и научно-технический прогресс.—«Труды Уральского ордена Трудового Красного Знамени политехнического института им. С. М. Кирова». Свердловск, 1974, сб. 216; Партия и научно-техническая революция в СССР. М., 1974.

жена сведениями о внедрении конкретных видов техники, изменении уровня механизации труда, технологии и т. д.

В целом рассмотренные нами книги представляют собой попытки *комплексного* исследования современных проблем научно-технической революции и роли КПСС в ней как направляющей и организующей силы. Затронув широкий круг вопросов, авторы углубили разработку таких актуальных вопросов, какими являются сущность и особенности современного этапа научно-технической революции, экономические и социальные последствия ее в условиях развитого социализма, содержание научно-технической политики КПСС и Советского государства, деятельность партии по совершенствованию хозяйственного механизма страны и другие. Менее удачными оказались разделы, посвященные сравнительно новым проблемам — взаимодействию научно-технической революции и политической организации общества, органическому соединению достижений научно-технической революции с преимуществами развитого социализма.

К сожалению, книги страдают общим недостатком значительной части литературы по этим проблемам — отсутствием или слишком общим характером *практических рекомендаций* по совершенствованию методов и форм партийного руководства наукой и техникой. В этом отношении литература еще серьезно отстает от современных требований партии. Потребности науки и практики делают необходимым продолжить комплексные исследования роли КПСС в научно-технической революции. Однако их ценность состоит в глубоких теоретических анализах и обобщениях, а также в тесной связи с *практическими* задачами развития существующей материально-технической базы нашего общества.

Привлекают внимание попытки сформулировать объективный закон ускоренного развития наук. «Он состоит в том,— сообщается в одной монографии,— что в условиях социализма развитие науки по своим количественным параметрам опережает развитие других сфер трудовой деятельности и оказывает непрерывно возрастающее влияние на процесс построения материально-технической базы коммунизма, совершенствование политической и нравственной жизни общества, его культуры и идеологии» [47]. По мнению авторов, этот закон проявляет себя в следующих направлениях: 1) в опережении темпов развития науки по сравнению с техникой и производством; 2) в стремительном возрастании занятости населения в сфере науки и научного обслуживания; 3) в увеличении затрат на научные исследования и разработки; 4) в росте количества и качества научной продукции; 5) в сокращении сроков реализации научных идей; 6) в развитии науки на плановой основе и в общегосударственном масштабе и в отдельных научно-исследовательских центрах [48].

[47] КПСС и современная научно-техническая революция, с. 197.
[48] Там же, с. 197—201.

Мы умышленно так подробно остановились на этих вопросах, ибо они редко встречаются в литературе и являются слаборазработанными. В приведенном выше перечне направлений действия закона ускоренного развития науки при социализме не все бесспорно. Многие из этих направлений носят всеобщий характер и действуют в капиталистическом обществе. Из рассуждений авторов видно, что объективными условиями действия этого закона является *зрелый* социализм. Если это так, то необходимы более глубокие и аргументированные исследования о специфике проявления упомянутого закона в развитом социалистическом обществе.

Ретроспективным подходом выделяется доклад А. З. Ваксера о научно-технической политике КПСС и Советского государства на современном этапе. После победы Великой Октябрьской революции открытая В. И. Лениным взаимосвязь между задачами построения нового общественного строя и прогрессом науки и техники обусловила превращение последнего в составную часть политики партии и государства. Ваксер перечисляет конкретные вопросы этой политики, которые воплощались во многих решениях, во второй Программе РКП(б) [49].

Партия последовательно осуществляла ленинские идеи, положив их в основу своей политики при проведении индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, при укреплении обороны страны. Ваксер считает, что во второй половине 50-х годов XX в. разработка и обогащение научно-технической политики КПСС и Советского государства вступили в новый этап. Отличительными чертами этапа автор считает: повышение значимости научно-технической политики в общем комплексе проблем внутренней и внешней политики; дальнейшая разработка генеральных направлений научно-технического прогресса; конкретное определение перспектив его в решающих отраслях производства; расширение сети научных учреждений; разработка мер, обеспечивающих органическое соединение науки и производства; меры по улучшению государственного планирования; вовлечение широких масс в активную борьбу за ускорение и углубление научно-технического прогресса [50].

Сопоставление характеристик научно-технической политики КПСС, данное Ваксером и авторами коллективной монографии «КПСС и современная научно-техническая революция», показывает наличие в них немало общего и вместе с тем отличного. Ваксер широко подходит к проблеме, но им игнорируются внешние факторы (научно-техническое сотрудничество СССР

[49] *Ваксер А. З.* Научно-техническая политика Коммунистической партии и Советского государства на современном этапе (1956—1969 гг.).— В кн.: Материалы к межвузовской научной конференции «В. И. Ленин и проблемы строительства коммунизма», посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Секция № 5. МГУ, 1970, с. 60.

[50] Там же, с. 61—62.

и социалистических стран; использование достижений мировой науки и техники). В коллективной монографии упор сделан на внутренние, главным образом организационные вопросы развития науки. В целом же обе работы заметно дополняют одна другую, обогащая понимание читателей о существе и особенностях научно-технической политики КПСС и Советского государства в зрелом социалистическом обществе. Примыкают к ним статьи М. П. Казакова, В. В. Остафийчука и Л. М. Кусона [51].

Историография показывает, что в условиях развитого социализма и научно-технической революции наиболее полно проявляется одно из преимуществ социалистического строя — единая политика КПСС и Советского государства в области науки и техники. Опираясь на познанные закономерности и тенденции, на ленинский принцип единства экономики и техники, она предполагает сочетание фундаментальных и прикладных исследований с внедрением в производство достижений науки. Они обеспечивают одновременное и комплексное решение проблем научно-технического прогресса с сохранением преемственности и непрерывности.

Будучи глубоко научной, политика КПСС и Советского государства не является каким-то шаблоном. Общественная практика, творческая деятельность масс выдвигают перед научно-технической политикой немало новых вопросов, требующих своевременных и квалифицированных решений. То, как эта политика реализуется, конкретизируется и обогащается в процессе ее выполнения, показывается в обширной литературе, создаваемой историками, социологами, экономистами. Эту литературу можно разделить на три основные части. *Первая* из них объединяет книги и статьи по общим вопросам борьбы КПСС, государства и рабочего класса за ускорение научно-технического прогресса [52]. *Вторая* часть состоит из литературы, в которой раскрывается разносторонняя деятельность республиканских и местных парторгнизаций по осуществлению технической политики КПСС и Советского государства. Это — самая многочисленная, постоянно

[51] *Казаков М. П.* Техническая политика КПСС в условиях развитого социализма.— В кн.: Из истории борьбы КПСС за победу социалистической революции и построение коммунистического общества. Сб. аспирантских научных статей. Вып. 4. МГУ, 1974, с. 420—440 (ротапринт); *Остафийчук В. В., Кусон Л. М.* Некоторые вопросы технической политики КПСС в условиях развертывания современной научно-технической революции.— В кн.: Наукові праці з історії КПРС. Міжвід. науков. збірник, Вип. 68, КПРС — організатор науково-технічного прогресу в промисловості в період будівництва комунізму. Київ, 1974, с. 7—13.

[52] *Алексеев Г. М.* Партия во главе научно-технического прогресса. М., 1972; *Денисенко А. М.* Об особенностях научно-технической революции в сельском хозяйстве в период развитого социализма.— «Философия и научный коммунизм». Минск, 1974, вып. 1, с. 124—130; *Василенко В. К.* Руководство КПСС развитием науки на современном этапе (на примере Украины).—

и быстро нарастающая литература[53]. Можно с уверенностью утверждать, что выпуск этой литературы будет и дальше расширяться. Одновременно возрастает необходимость своевременного и квалифицированного обобщения опыта и достижений научно-технического творчества масс. «Успех научно-технической революции, ее благотворное воздействие на экономику, на все стороны жизни общества не могут быть обеспечены усилиями только научных работников,— говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев.— Все бо́льшую роль приобретает вовлечение в этот исторического

«Український історичний журнал», 1974, № 11, с. 11—20; *Дмитриев В. И.* Ленинский путь научно-технического развития сельского хозяйства. М., 1971; *Журавский И.* В борьбе за технический прогресс. Минск, 1972; *Иванов Э. П.* Важный фактор ускорения технического прогресса. М., 1972; *Ибрагимов А.* Экономическая политика КПСС и основные направления научно-технического прогресса в сельском хозяйстве. Ташкент, 1974; *Корольков Н. В.* Историческая литература об опыте КПСС в техническом перевооружении сельского хозяйства.—«Вопросы истории КПСС», 1974, № 3, с. 116—124; *Куликов В. И.* О научно-технической революции в сельском хозяйстве.— «История СССР», 1974, № 1, с. 3—25; Основные направления научно-технического прогресса в сельском хозяйстве. М., 1974; Основные направления научно-технического прогресса. М., 1971; *Тихомиров С. М.* Основные направления научно-технического прогресса в новой пятилетке. М., 1972; *Лобанов П. П. и др.* Экономические проблемы научно-технического прогресса в сельском хозяйстве. М., 1975; *Чупров Ф. М.* Партийные организации в борьбе за технический прогресс. Фрунзе, 1974; *Ямпольский С. М., Лисичкин В. А.* Проблемы научно-технического прогнозирования. М., 1974; *Смирнов В. Ф.* XXIV съезд КПСС и вопросы научно-технического прогресса. Л., 1974; *Смирнов В. Ф.* и *Травин В. И.* В авангарде научно-технического прогресса. Коммунистическая партия в борьбе за ускорение темпов научно-технического прогресса в период развитого социализма. Л., 1975; КПРС — організатор науково-технічного прогресу в промисловості в період будівництва комунізму. Наукові праці з історії КПРС. Міжвід. науковий збірник. Київ, 1974, вип. 68; *Фурсик А. М.* КПСС во главе научно-технического прогресса в условиях развитого социализма. М., 1975; См.: Указатель советской литературы, изданной в 1958—1974 гг. КПСС и научно-технический прогресс. Свердловск, 1975.

[53] *Ашимбаев Т., Кунхожаев Н.* Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за научно-технический прогресс в промышленности. Алма-Ата, 1973; *Ахундов А. М.* Коммунистическая партия — организатор технического прогресса в промышленности Туркменистана.— «Труды кафедры истории КПСС Туркменского политехнического института». Ашхабад, 1970, вып. 8, с. 27—36; *Багомедов А. М.* Деятельность парторганизаций Дагестана по пропаганде и внедрению в сельскохозяйственное производство достижений науки и передового опыта (1959—1965 гг.).— В кн.: Организаторская и политическая работа Коммунистической партии в период строительства коммунизма. Сб. статей. Ростов-на-Дону, 1973, с. 51—85; *Баранов М. А., Григорьев В. П.* Партийная работа и технический прогресс (Деятельность Московской городской партийной организации).— «Ученые записки Московского областного пед. института им. Н. К. Крупской», 1971, т. 297 (История КПСС), вып. 17, с. 162—191; *Белянина А. Н.* Работа партийных организаций Марийской АССР по осуществлению технического прогресса в промышленности в годы восьмой пятилетки.— В кн.: Борьба парторганизаций за выполнение VIII пятилетнего плана. М., 1973, с. 6—23; *Кузнецова Т. А.* Ленинградская партийная организация в борьбе за технический прогресс (1959—1965 гг.).— В кн.: Ленинским курсом. Л., 1972, с. 53—66; *Колпаков А. Н.* Деятельность КПСС по развитию движения масс за научно-технический прогресс. 1959—1970 гг.

значения процесс всех участников общественного производства, всех звеньев хозяйственного механизма»[53а].

И, наконец, *третья* часть охватывает немногочисленную, но оригинальную литературу, обобщающую опыт парторганизаций по расширению связей науки с производством[54]. В ней подчерки-

Саратов, 1974; Партийная организация ЗИЛа в борьбе за ускорение технического прогресса. М., 1974; *Меркулов В. И.* Коммунисты Москвы в борьбе за технический прогресс в машиностроении. М., 1972; *Пуцкова З. С.* Деятельность парторганизаций автономных республик Среднего Поволжья по развитию материально-технической базы сельского хозяйства в послевоенный период. Казань, 1973; *Мирошниченко М. В.* Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за технический прогресс в промышленности (1953—1958 гг.). Ташкент, 1973; Партийные организации Украины в борьбе за научно-технический прогресс. Сб. статей. Днепропетровск, 1975; Партийные организации Восточной Сибири во главе научно-технического прогресса. Иркутск, 1975; *Рущенко П. Т.* Діяльність Комуністичної партії України по прискоренню науково-технічного прогресу в промисловості (1959—1965 гг.). Харків, 1969; *Софин Ф. А.* Деятельность парторганизаций Башкирской АССР по повышению технического уровня промышленного производства (1966—1970 гг.).— В кн.: Из истории борьбы КПСС за победу социализма и коммунизма. Сб. статей. Т. 2. М., 1972, с. 354—374; *Фомин В. М.* Профсоюзы Белоруссии в борьбе за технический прогресс в промышленности (1946—1971 гг.). Минск, 1971.

[53а] «Материалы XXV съезда КПСС», с. 48.

[54] *Асангулов К.* Коммунистическая партия Киргизии в борьбе за научный прогресс (1959—1965 гг.). Фрунзе, 1974; *Жамин В. А.* Наука и экономика социализма. М., 1971; *Кованов В. А.* Осуществление принципа единства науки и производства в практике партийного руководства промышленностью в первые годы семилетки.— В кн.: Деятельность КПСС по развитию экономики и культуры страны. Сб. статей. Воронеж, 1971, с. 139—150; *Колесник Е. И.* Из опыта работы партийных организаций КПБ по укреплению связи научных учреждений с производством (1956—1961 гг.).— В кн.: Вопросы истории КПСС. Некоторые вопросы организаторской и идеологической деятельности КПСС. (На материалах БССР). Межведомственный сборник. Минск, 1972, с. 183—195; *Лебедев В. Г., Плехов Г. Г.* Роль науки в развитии производства. М., 1972; Проблемы управления наукой в условиях научно-технической революции. Кн. 3. М., 1972; *Ламин В. А.* О методологии изучения истории взаимосвязи и взаимодействия науки и производства.— В кн:: Вопросы методологии и истории наук. Материалы Всесоюзной конференции... Иркутск, 1973, с. 397—400; *Пирогов С. В.* Из опыта работы партийных организаций по развитию исследований на предприятии в годы семилетки (На материалах Череповецкого ордена Ленина металлургического завода).— «Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена», 1971, т. 515, с. 114—131; *Сизов Л. Г.* Партийное руководство процессом соединения науки с производством. (На материалах парторганизаций Красноярского края на современном этапе).— «Вопросы истории КПСС», 1974, № 10, с. 18—31; *Тулинский С. В.* Деятельность парторганизаций Урала по укреплению творческого содружества работников науки и производства.— В кн.: Партийное руководство социалистическим строительством. Сб. статей, № 126. Челябинск, 1973; *Утенков А. Я.* КПСС в борьбе за укрепление творческого содружества науки с производством. М., 1971; *Шамсеев М. Г.* Из истории развития связи науки с производством в нефтедобывающей промышленности Татарии (в период между XX и XXII съездами КПСС).— В сб.: Из истории партийной организации Татарии. Т. 2. Казань, 1972, с. 27—46; *Шевченко А. П.* Из опыта работы партийных организаций Днепропетровщины по развитию творческого содружества науки и производства в послевоенный период (1945—1951 гг.).— «Вопросы истории КПСС», 1971, № 9, с. 89—99.

вается экономическая и политическая актуальность борьбы за повышение эффективности творческого и делового содружества науки и производства, поиски новых путей и способов ускорения темпов научно-технического прогресса. Обобщенный опыт парторганизаций и трудовых коллективов убедительно свидетельствует, что углубление союза науки и производства — важное условие ускорения научно-технического прогресса, борьбы за повышение эффективности и культуры производства и производительности труда. В литературе можно выявить одну закономерность — в идеологической работе парторганизаций все большее место занимают вопросы научно-технической пропаганды. Опыт вскрывает недостатки организации этого важного государственного дела: слабое использование резервов; медленное внедрение достижений науки в производство. Авторы дают рекомендации по улучшению системы научно-технической информации, повышению ее действенности. Немало проблем, выдвигаемых исследователями, имеет не только местное, но и общегосударственное значение.

Управление процессами связи науки и производства в условиях развитого социализма приобрело характер многоярусной системы. Решающее значение в ней играют, с одной стороны, высшие звенья и органы этой системы, а с другой — предприятия и объединения, от которых в конечном счете зависят масштабы, темпы и уровень научно-технического прогресса. Вместе с партийными организациями исследователи анализируют современный опыт планирования, контроля за состоянием связей между научно-исследовательскими учреждениями и предприятиями, их действенность и перспективность.

На XXIV съезде КПСС указывалось, что с построением развитого социализма в СССР еще больше возросла ведущая роль рабочего класса. Наиболее ярко это положение раскрывается в литературе, посвященной вопросам технического творчества рабочих. Неослабевающий интерес исследователей к этой традиционной теме в условиях научно-технической революции понятен и закономерен. Как и прежде, значительная часть литературы посвящена вопросам обобщения опыта движения рационализаторов и изобретателей. По-прежнему преобладает местная тематика и узкий круг вопросов исследования [55]. За исключением отдельных

[55] *Богачев И. Н.* Коммунисты — организаторы массового движения рационализаторов и изобретателей на промышленных предприятиях Центрального Черноземья в годы пятой пятилетки.— В кн.: Деятельность КПСС по развитию экономики страны. Сб. статей. Воронеж, 1972, с. 77—89; *Ельсукова З. М.* Деятельность партийных организаций Сибири по дальнейшему подъему изобретательства и рационализации в тяжелой промышленности (1959—1965 гг.).— В кн.: Деятельность партийных организаций Сибири по развитию производительных сил в области промышленности в 1959—1965 гг. Сб. статей. Новосибирск, 1972, с. 100—122; *Исак В. Д.* Деятельность Коммунистической партии Молдавии по развитию технического творчества рабо-

статей [56], большинство работ страдает шаблонным подходом к проблеме. С сожалением приходится констатировать своеобразное «разделение труда»: историки преимущественно «собирают и описывают» конкретный материал, а философы и социологи пытаются его теоретически осмыслить. Ненормальность подобного положения объясняется частично тем, что историки пока еще не создали обобщающих трудов в масштабе всей страны.

Анализ современной литературы позволяет сделать следующие замечания. Изучение движения изобретателей и рационализаторов почему-то ограничено только промышленностью. Из поля зрения историков выпали другие отряды новаторов техники, в частности сельского хозяйства, строительства, транспорта. Наиболее активно исследуется период 1959—1965 гг. При этом специфика развитого социализма, качественные сдвиги в техническом творчестве рабочих не выделяются.

Вкладом в разработку проблемы научно-технической революции в историческом аспекте явились книги Ю. П. Конюшей и И. Ф. Суворова. Хотя эти исследования — разные по темам и характеру исполнения, их объединяет общая идея — выдающиеся результаты деятельности КПСС в области науки и подготовки инженерно-технических кадров — главных организаторов воплоще-

чего класса (1951—1955 гг.).— В кн.: Вопросы истории Компартии Молдавии. Т. 2. Кишинев, 1973, с. 123—140; *Киреев Ф. С., Кузеев Р. Г.* Движение изобретателей и рационализаторов в промышленности Башкирии (1958—1969 гг.).— «Ученые записки Башкирского университета», Уфа, 1971, вып. 48. Серия исторических наук, № 9, с. 119—149; *Козлов А. Д.* Партийное руководство новаторским движением рабочих Урала в 1959—1965 гг. (По материалам Свердловской и Челябинской обл.).— В кн.: Партия во главе творческой активности масс. Ярославль, 1973, с. 142—154; *Колпаков А. Н.* Деятельность КПСС по развитию движения масс за научно-технический прогресс. Саратов, 1974; *Лохманенко Н. А.* Технический прогресс и творчество масс (политико-экономические аспекты). Минск, 1976; *Макаров Л. Т.* Развитие движения изобретателей и рационализаторов — показатель творческой активности рабочих (1959—1965 гг.).— В кн.: Деятельность КПСС по развитию экономики страны. Сб. статей. Воронеж, 1972, с. 90—110; *Морозов В. А.* Деятельность партийных организаций по развитию технического творчества тружеников промышленности Марийской АССР в годы семилетки (1959—1965 гг.).— «Ученые записки Марийского пединститута». Йошкар-Ола, 1971, т. 34, с. 35—50; *Мазыченко Е. Г.* Развитие технического творчества работников рыбной промышленности Каспия (1959—1965 гг.).— В кн.: Поволжский край. Межвузовский научный сборник. Вып. 1. Саратов, 1972, с. 138—155; *Чистяков В. С.* Партийные организации Украины во главе движения новаторов промышленности (1959—1965 гг.). Харьков, 1974; Научно-техническая революция, рабочий класс и профсоюзы СССР. М., 1975.

[56] *Житников А. И.* Движение за коммунистическое отношение к труду и развитие рационализации и изобретательства (на материалах Западной Сибири в годы семилетки).— «Труды Алтайского политехнического института». Барнаул, 1973, вып. 15, с. 119—130; *Фишер И. И.* Значение соцсоревнования в обеспечении технического прогресса в годы семилетки (По материалам Хабаровской парторганизации).— В кн.: Некоторые вопросы истории КПСС и международного коммунистического движения. Сб. статей. Хабаровск, 1972, с. 104—114.

ния на практике научных достижений. Книга известного исследователя Конюшей рассказывает о 130 научных открытиях советских ученых в области космоса, ядерной физики, геофизики, электроники, механики, автоматики, химии и биологии, вошедших в Государственный реестр открытий СССР за 1957—1973 гг.[57] Автором обобщен огромный фактический материал, раскрывающий предисторию, основные черты и направления современной научно-технической революции; показана роль КПСС в обеспечении научного прогресса. Высоко оценивая труд Конюшей, академик Г. Н. Флеров не без оснований считает, что ее книга «важна для истории науки и техники, она послужит ценным пособием для самого широкого круга ученых и специалистов» [58]. Вместе с тем надо заметить, что именно выяснение содержания, анализ основных компонентов происходящей научно-технической революции, их взаимодействия и взаимосвязи требуют самого пристального и постоянного исследования силами специалистов в области техники, естествознания и обществоведения.

В монографии И. Ф. Суворова показана деятельность КПСС по подготовке и расстановке специалистов в промышленности; исследуются формы и методы повышения трудовой и творческой активности инженерно-технических работников, творческого содружества ученых и специалистов-производственников, рабочих; прослеживается их влияние на ускорение научно-технического прогресса. Автор проводит исследование на материалах ведущих отраслей тяжелой индустрии — базы технического прогресса, где партия сосредоточила лучшие инженерно-технические кадры [59]. О деятельности КПСС в области воспитания и расстановки инженерно-технических работников обычно говорится фрагментарно в книгах и статьях, посвященных общей кадровой политике. Суворов первым среди историков создал фундаментальный труд по рассматриваемой проблеме.

Особое место в историографии принадлежит литературе об экономических и социальных последствиях научно-технической революции. Этими проблемами экономисты и философы занимались всегда. За минувшее пятилетие произошло резкое увеличение выпуска литературы по проблематике. Стала очевидной необходимость специального историографического анализа этой литературы. Мы же ограничимся характеристикой основных направлений, по которым происходит исследование важнейшей проблемы.

Современная научно-техническая революция подготовлена не только ростом производительных сил и великими открытиями

[57] *Конюшая Ю. П.* Открытия и научно-техническая революция. М., 1974.
[58] «Книжное обозрение», 1974, 7 ноября, с. 7.
[59] *Суворов И. Ф.* Инженерно-технические кадры — опора партии в борьбе за технический прогресс. Опыт работы партийных организаций по развитию творческой активности ИТР в ускорении технического прогресса (1959—1970 гг.). М., 1973.

науки, но и глубокими революционными преобразованиями, изменившими социально-политическую карту мира. Она ускорила строительство развитого социалистического общества в СССР, способствует решению такой же задачи в ряде братских стран. Научно-техническая революция существенно повлияла на соотношение сил в мире, на международные отношения, тактику и методы борьбы на мировой арене; усугубила противоречия современного капитализма, обострила классовую борьбу. Конкретное раскрытие эти проблемы получили в книгах и статьях Н. Н. Иноземцева, И. А. Козикова, И. Соколова, Н. М. Никольского[60].

В условиях развитого социалистического общества большое значение имеют экономические и социальные последствия научно-технической революции. Помимо работ, освещающих эту проблему в общем плане[61], историография пополнилась большим количеством книг и статей по конкретным экономическим и социальным вопросам, связанным с проходящей научно-технической революцией. Прежде всего необходимо здесь выделить труды о влиянии научно-технической революции на процесс расширенного социалистического воспроизводства и структуру народного хозяйства[62]: экономику развитого социализма[63]; на рост произво-

[60] *Иноземцев Н.* Научно-техническая революция и противоречия капитализма.— В кн.: Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1972, с. 263—274; *Соколов И.* Научно-технический переворот и революционный процесс.— Там же, с. 321—365; Идеологические проблемы научно-технической революции. М., 1974; *Козиков И. А.* Проблемы соотношения научно-технической и социальной революции. М., 1972; *Никольский Н. М.* Научно-техническая революция, мировая экономика, политика, население. М., 1972.

[61] *Кедров Б., Микулинский С., Фролов И.* Философско-социологические проблемы научно-технической революции.— «Коммунист», 1971, № 4, с. 71—81; *Кудряшев А. П.* Научно-техническая революция и ее социально-экономические последствия. Свердловск, 1972; *Марахов В. Г.* Научно-техническая революция и коммунизм. М., 1972; *Медведев Н. А.* Научно-технический прогресс и социально-экономические преобразования на селе. М., 1974; Научно-технический прогресс и его социально-экономические последствия. Сб. статей. Новочеркасск, 1972; Научно-технический прогресс и его социально-экономические проблемы при социализме. Материалы конференции. Донецк, 1971; Научно-техническая революция, ее экономические и социальные последствия. Иркутск, 1975; Научно-техническая революция, управление, право. М., 1975.

[62] *Аракелян А.* Научно-техническая революция и воспроизводство основных фондов.— «Вопросы экономики», 1973, № 4, с. 95—106; *Захаров В. Г.* Особенности воспроизводства основных фондов в условиях научно-технической революции. М., 1972; *Корягин А.* Научно-техническая революция и пропорции социалистического воспроизводства. М., 1971; Научно-технический прогресс и воспроизводство основных фондов. М., 1974.

[63] *Архипов В. М., Колесников В. И.* Эффективность и стимулы технического прогресса. Л., 1974; *Будавей В. Ю.* и *Панова М. И.* Экономические проблемы технического прогресса. М., 1974; Научно-технический прогресс и эффективность общественного производства. М., 1971; Научно-технический прогресс — основа повышения эффективности производства. Сб. статей. Челябинск, 1972; Производительные силы социализма в условиях научно-технической революции. Л., 1974; *Румянцев А. А.* Экономическая эффективность научных исследований. М., 1974; *Сальников И. И.* Научно-технический

дительности труда[64]; общественные и социальные отношения[65].

Имеются специальные исследования о роли и влиянии научно-технической революции на развитие личности, искусства, на состояние высшего образования[66]. Большое внимание исследова-

прогресс и эффективность сельскохозяйственного производства. М., 1974; *Гаврилов Е. Й.* Экономика и эффективность научно-технического прогресса. Минск, 1975; *Климин Н. В.* Развитие экономических отношений социализма в условиях научно-технической революции. Л., 1976; Научно-техническая революция: экономика и управление социалистическим производством. М., 1976; Экономические проблемы научно-технической революции при социализме. М., 1975.

[64] *Костин Л. А.* Производительность труда и технический прогресс. М., 1974; Научно-технический прогресс и производительность труда. М., 1972.

[65] *Асланов С., Ахмедли Д.* и *Рагимов А.* Научно-техническая революция и социальные проблемы. Баку, 1974; *Афанасьев В. Г.* Научно-техническая революция, управление, образование, М., 1972; *Бестужев-Лада Н. В.* Научно-технический прогресс и структура рабочего класса. М., 1972; *Ахизер А. С.* Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. М., 1974; *Волков Г. Н.* Человек и научно-техническая революция. М., 1972; Влияние научно-технического прогресса на характер труда. М., 1972; *Дряхлов Н. И.* Социальные проблемы научно-технической революции. М., 1972; *Гвишиани Д., Микулинский С.* Научно-техническая революция и социальный прогресс.— «Коммунист», 1971, № 17, с. 19—31; *Евдокимов И.* Научно-технический прогресс и общественное развитие. Опыт социально-экономического исследования. Алма-Ата, 1974; *Душкин А. И.* Научно-технический прогресс и использование трудовых резервов в сельском хозяйстве. М., 1971; *Жамин В.* Изменения характера труда в условиях научно-технического прогресса и подготовка квалифицированных кадров.— В кн.: Научно-техническая революция и социальный прогресс. М., 1972; *Коргачин В. П.* Трудовые ресурсы в условиях научно-технической революции. М., 1974; *Кревневич В. В.* Влияние научно-технического прогресса на изменение структуры рабочего класса СССР. Итоги и перспективы. М., 1971; Молодежь и научно-технический прогресс. Аннотированный указатель литературы, поступившей в центральные библиотеки Москвы в 1972—1973 гг. Вып. 1. М., 1974 (ротапринт); Научно-техническая революция и особенности социального развития в современную эпоху. М., 1974; Научно-технический прогресс и социальные изменения на селе (На материалах БССР). Минск, 1972; Научно-техническая революция и ее социальные последствия. Сб. докладов и сообщений научно-теоретической конференции. Горький, 1971; *Овчинников В. Ф.* Научно-технический прогресс и развитие творческого потенциала работника производства. Л., 1974; Современная научно-техническая революция и гуманизм. Влияние современной научно-технической революции на изменение характера и содержание труда. Материалы Всесоюзной научно-технической конференции. Кемерово, 1973; Социально-экономическое развитие коллективов в условиях научно-технической революции. Материалы городской научно-практической конференции. 2—3 октября 1973. Волгоград, 1974; Научно-технический прогресс и молодежь. Социологические исследования на материалах Молдавской ССР. Кишинев, 1974; Социальные аспекты научно-технической революции (Материалы теоретической конференции). МГУ, 1973.

[66] *Егоров А. Г.* Научно-техническая революция и искусство.— В кн.: Литературно-теоретические исследования. М., 1974, с. 34—84; *Завадский Ю., Ратнер Я.* Театр и личность в условиях научно-технической революции.— «Коммунист», 1974, № 14, с. 50—59; Искусство и научно-технический прогресс. Сб. статей. М., 1973; Научно-техническая революция и развитие образования. М., 1974; *Рогов И. М.* Научно-технический прогресс и развитие личности. Л., 1974; *Садыков К. С.* Научно-техническая революция и личность в период развитого социализма. Ташкент, 1974.

телями уделяется вопросам научно-технического сотрудничества стран СЭВ как действенного фактора международной социалистической экономической интеграции [67]. И, наконец, продолжает пополняться литература, в которой дается критика буржуазных концепций и фальсификаций научно-технической революции в СССР [68].

Следует отметить особое место в этом перечне литературы по социальным проблемам научно-технической революции, которые чаще всего рассматриваются в социологическом и социально-экономическом аспектах. Среди социальных последствий научно-технической революции наибольшее внимание уделяется вопросам изменения роли работника в производстве, содержания и характера его труда; преобразованиям в структуре, формах управления производством; новым тенденциям в процессе сближения умственного и физического труда, ликвидации существенных различий между городом и деревней; взаимоотношениям между производственной и непроизводственной сферами и т. п. Авторами высказывается немало интересных соображений, выводов, рекомендаций; приводится свежий фактический материал.

Однако во многих трудах не видна специфика научно-технической революции в условиях развитого социалистического общества. Естественно, что среди авторов этой литературы преобладают философы и экономисты, которые, к сожалению, далеко не всегда используют результаты исследований историков (в первую очередь по вопросам изменений в составе рабочего класса, крестьянства, технической интеллигенции; технического творчества рабочего класса, его содружества с учеными и т. д.). Кроме того, неразработанность ряда общетеоретических проблем научно-технической революции (ее сущность, закономерности, связь ее достижений с преимуществами и возможностями зрелого социализ-

[67] Научно-техническая революция и интеграция стран СЭВ. М., 1974; Научно-технический прогресс и сотрудничество стран СЭВ. М., 1973; *Степаненко С. И.* Совершенствование научно-технического сотрудничества в условиях социалистической интеграции. М., 1973; Трудовые ресурсы и научно-техническая революция. Использование трудовых ресурсов стран СЭВ в условиях научно-технической революции и совершенствования методов социалистического хозяйствования. М.— Берлин, 1974; *Чуканов О.* Научно-техническое сотрудничество стран-членов СЭВ на новом этапе.— «Коммунист», 1970, № 13, с. 45—52; *он же.* Социалистическая экономическая интеграция и научно-техническая революция.— «Коммунист», 1971, № 13, с. 80—92.

[68] *Войтко В. И., Ганов В. А.* Критика буржуазных теорий научно-технического прогресса. Киев, 1970; *Липкин В. Я.* Несостоятельность буржуазных фальсификаций созидательной роли рабочего класса в условиях научно-технической революции.— В кн.: Партия и государство в период строительства коммунизма. Октябрьские чтения 1973 года. МГУ, 1973, с. 331—333; *Подольская Т. Я.* Буржуазная футурология и прогнозирование социальных исследований научно-технической революции.—Там же, с. 334—338; *Тарасевич Л. Е.* Критика буржуазной фальсификации политики КПСС в условиях научно-технической революции.— В кн.: Научно-техническая революция и проблемы коммунистического движения. М., 1972, с. 354—361.

ма и др.) не содействует полноценному изучению многих социальных последствий научно-технической революции. «Это, как и огромная сложность задачи самой по себе, служит, на наш взгляд,— верно замечают Л. Карабанова, П. Смирнов, Е. Фаддеев,— немаловажной причиной того, что социальные результаты научно-технической революции исследованы пока слабо» [69]. По мнению этой группы историографов, одной из первоочередных задач является классификация социальных последствий научно-технической революции по типам, видам и направлениям [70].

В историографии накопилось немало работ о сущности и объективном характере преимуществ социализма в широком и планомерном использовании достижений научно-технической революции в интересах общества. Отмечалось и несоответствие между объективными возможностями, заложенными в социалистических производственных отношениях, и практикой их использования для ускорения темпов научно-технической революции. На XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев говорил, что в сложной цепи, соединяющей науку с производством, «наиболее слабыми являются звенья, связанные с практической реализацией достижений науки, с их внедрением в массовое производство» [71].

Советская экономическая и историческая литература содержит немало примеров, подтверждающих этот вывод. Ю. М. Воронин приводит свежие данные, из которых видно, что доля внедряемых в производство оконченных научных исследований составляет 30—50%, а сроки освоения серийного производства новой продукции и применения новой технологии часто растягиваются до 5 лет. На основе анализа, проведенного в Сибирском отделении АН СССР, автор делает вывод о продолжающейся тенденции роста количества разработок, не реализованных в производстве [72]. А. Б. Николаев обращает внимание также на такие недостатки в совершенствовании форм взаимодействия науки с производством, как подбор и воспитание научных кадров. Им приведены факты, иллюстрирующие неспособность отдельных научно-исследовательских институтов оказывать должное воздействие на производство. Так, например, проверка 31 научно-исследовательского института гор. Ленинграда показала, что от 11 до 55% научных работников не имели никакой творческой отдачи за все время своей работы. Николаев указывает пути и средства для устранения подобных

[69] *Карабанова Л., Смирнова П., Фаддеев Е.* Проблемы научно-технической революции и ее социальных последствий.— «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 2, с. 148.

[70] Там же, с. 149.

[71] XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта — 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. Т. I. М., 1972, с. 80.

[72] *Воронин Ю. М.* Использование преимуществ социализма в реализации достижений науки.— В кн.: Научно-техническая революция и преимущества социализма. М., 1975, с. 93.

недостатков [73]. Л. М. Гатовский анализирует причины несогласованности во времени между основными звеньями управления научно-техническим прогрессом, дает рекомендации по достижению более высокой эффективности ее компонентов [74].

Опыт показывает, что реализация преимуществ социализма для ускорения темпов и повышения эффективности научно-технического прогресса — сложный процесс, связанный с многочисленными факторами объективного и субъективного характера. Перед обществоведами продолжают оставаться весьма актуальными задачи исследования путей и средств дальнейшего углубления связей между наукой, техникой и производством в условиях развитого социализма. Непосредственное участие в обобщении опыта деятельности КПСС, государства, трудовых коллективов ученых, всех трудящихся в этом сложном деле принимают и будут принимать историки СССР. Причем речь идет о необходимости изучения реальных достижений, объективных закономерностей, связей и тенденций в развитии научно-технического прогресса. «Очевидно, что задачи, стоящие перед нашей общественной наукой, могут быть решены лишь при условии самой тесной ее связи с жизнью. Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить наше движение вперед. Только связь с практикой может поднять эффективность науки, а это сегодня — одна из центральных проблем» [75].

Итак, анализ литературы за последние годы свидетельствует, что уже созрели условия для создания монографического труда, в котором техническое творчество рабочего класса в союзе с учеными и инженерно-техническими работниками было бы главным предметом исследования. К сожалению, нет еще работ, в которых раскрывался бы *комплексный подход* КПСС к вопросам научно-технического сотрудничества народов СССР в условиях развитого социализма, изучалась бы взаимосвязь и взаимовлияние экономических, социальных и научно-технических процессов. Слабо освещается международное значение опыта КПСС и советских народов в осуществлении экономического сотрудничества наших республик. Почти отсутствуют работы о роли компартий союзных республик и ведущей роли рабочего класса в организации научно-технического сотрудничества народов СССР. Пока что эти проблемы затрагиваются авторами мимоходом, в общих трудах.

С каждым годом нарастают масштабы и темпы научно-технической революции; углубляются ее социальные и экономические последствия; возрастает роль КПСС и Советского государства в управлении процессами развития науки и техники — эти

[73] *Николаев А. Б.* Новые формы связи науки и производства.— В кн.: Экономические и социально-политические проблемы коммунистического строительства в СССР. М., 1972, с. 127.

[74] *Гатовский Л. М.* Научно-технический прогресс и экономика развитого социализма, с. 375—426.

[75] Материалы XXV съезда КПСС, с. 73.

вопросы не могут выпадать из поля зрения исследователей. Объединяя действия историков, экономистов и философов, важно сосредоточить усилия обществоведов на решении задачи, поставленной КПСС — органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. «Мы, коммунисты,— говорится в Отчете ЦК XXV съезду КПСС,— исходим из того, что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество» [76].

[76] Материалы XXV съезда КПСС с. 47.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ В. И. ЛЕНИНА

(1917 г.— середина 30-х годов XX в.)

В. В. Баженов

Изучение жизни и деятельности В. И. Ленина является ведущим направлением биографических исследований в советской исторической науке на всем протяжении ее существования. Работами о биографиях В. И. Ленина начиналась советская историография биографических исследований [1]. Это обстоятельство делает изучение истории советской ленинианы важнейшим участком историографической работы. В последние годы появился ряд работ по отдельным аспектам истории изучения биографии В. И. Ленина [2] и статья Р. М. Савицкой об истории разработки научной биографии В. И. Ленина, в которой охвачен значительный круг биографических работ [3].

Хронологически работа Савицкой охватила данную проблематику в нашей стране с 1917 по 1970 г. Работа построена на основе широкого изучения литературы о В. И. Ленине и в ряде случаев на основе археографического и текстологического анализа. Савицкой поставлен вопрос об углублении историографического изучения биографии В. И. Ленина. Необходимым шагом к этому является поэтапное исследование истории изучения биографии В. И. Ленина. В соответствии с этим задачей настоящей статьи является изучение истории биографических исследований о В. И. Ленине на протяжении первого периода в истории исторической науки в СССР.

[1] *Шуцкевер А.* Краткий обзор посмертных биографий В. И. Ленина.— «Пролетарская революция», 1924, № 3 (26), с. 258—260; *Остроухова К.* Общее значение деятельности Ленина и его заветы (Краткий обзор литературы).— Там же, с. 260—266; *Эйхенгольц А.* Обзор основных материалов к биографии В. И. Ленина (Ульянова).— Там же, 1929, № 1 (84), с. 243—251.

[2] *Широкова Л. В.* Н. К. Крупская — первый биограф В. И. Ленина.— «Ученые записки Коломенского педагогического института», 1961, т. 6, с. 101—145; *Никитин И. И.* О самой ранней публикации о В. И. Ленине.— «Вопросы истории КПСС», 1972, № 5, с. 117—118; *Ковнатор Р.* Первый биограф Ленина.— «В мире книг», 1969, № 1, с. 2—5; *Волин М. С.* Дореволюционные биографические публикации о В. И. Ленине.— «Вопросы истории КПСС», 1970, № 7, с. 114—119; *он же.* Первая брошюра о жизни и революционной деятельности В. И. Ленина.— «Вопросы истории КПСС», 1975, № 4, с. 122—123; *Катков Н. Ф.* Издание биографической литературы о В. И. Ленине в 1917—1920 гг.— В кн.: Материалы научно-технической конференции ЛЭИС. Общественные науки. Вып. 5. Л., 1971, с. 14—19.

[3] *Савицкая Р. М.* Разработка научной биографии В. И. Ленина.— «Вопросы истории», 1971, № 4, с. 3—19.

Советская ленинниана, как установлено А. Эйхенгольцем [4], открылась 5 ноября 1917 г., когда в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» появился биографический очерк о В. И. Ленине, предназначенный для самых широких масс. Очерк не был подписан, и имени его автора установить не удалось, как не установлены до сих пор имена авторов первых очерков о В. И. Ленине. Как ученый, публицист и политический деятель В. И. Ленин еще до революции привлекал внимание редакций и составителей различных энциклопедических словарей. Первые сообщения о В. И. Ленине появились в 1900 г. в «Малом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (т. 2) и в «Энциклопедическом словаре» М. М. Филиппова (т. 2). В. И. Ленин (под фамилией Ильин) был показан в них как экономист и представитель русского марксизма. Впоследствии энциклопедические справки расширяли запас сведений о В. И. Ленине, росло и количество словарных изданий, считавших необходимым поместить справки о нем. А всего с 1900 г. и до октября 1917 г. в русской легальной печати, в словарно-энциклопедических изданиях, которые ориентировались на демократически настроенного читателя, появилось 15 биографических справок о В. И. Ленине, а в 18 работах по истории революционного движения содержался материал о его деятельности [5].

Факт появления дореволюционных биографических справок о В. И. Ленине свидетельствует о раннем признании его как выдающегося ученого-марксиста и политического деятеля. Однако возможности научного изучения биографии В. И. Ленина открылись только после свержения самодержавия. Февральская революция позволила вернуться из эмиграции в Россию революционным деятелям. В апреле 1917 г. в Петроград приезжает Г. В. Плеханов, занимавший тогда крайне правую социал-оборонческую позицию (его восторженно встретили буржуазные и соглашательские партии). Печать этих партий в апрельские дни много пишет о нем, ставит его на первое место в русском революционном движении. Приезд В. И. Ленина этой же печатью или намеренно игнорировался, или освещался в беглых хроникальных заметках.

Сведения о В. И. Ленине, доходившие до широких масс, были отрывочны, противоречивы и часто нелепы. Солдаты на фронте и трудящиеся в тылу, инстинктивно не доверяя многому из того, что говорилось и писалось о Ленине, желали знать правду. Буржуазная печать писала о Ленине в клеветническом духе с откровенной враждебностью.

В ответ В. И. Ленин пишет автобиографию, охватывающую период до 1895 г. Вероятно, нехватка времени помешала довести

[4] *Эйхенгольц А.* Указ. соч., с. 244.

[5] *Волин М. С.* Дореволюционные биографические публикации о В. И. Ленине, с. 114—119.

ее до 1917 г. Но и в написанном содержались ответы на многие поднятые в письмах рабочих и солдат вопросы [6].

Стремление масс узнать правду о В. И. Ленине отметил М. С. Ольминский в опубликованном им биографическом очерке в газете московских большевиков «Социал-демократ»: «В нашу редакцию поступила просьба дать биографические сведения о тов. Ленине. Вообще среди нас, большевиков, нет обычая выдвигать отдельных лиц, рассказывая их биографию. Обыкновенно это делается только после смерти товарища. Но ввиду той травли, которая ведется сейчас в буржуазной печати против личности т. Ленина, и ввиду просьб со стороны товарищей-рабочих мы считаем возможным на этот раз отступить от своего обычая» [7].

Биографический очерк Ольминского невелик по размерам. В нем приведены важнейшие факты из жизни В. И. Ленина, отмечено влияние старшего брата Александра Ульянова, подчеркнута роль В. И. Ленина в организации партии и дан список главных трудов. Ольминский, пожалуй, первым в печати обратил внимание на характеристику личности В. И. Ленина: «...У него нет так называемой «личной жизни»; он весь — в революции... У него одна только забота о партии». В условиях развития революции заниматься детальным изучением биографии Ленина Ольминский не имел возможности, но, очевидно, уже тогда он думал о написании биографии — дело, которому после Октябрьской революции он отдал много сил.

Имена ленинских биографов до 1917 г. нам неизвестны, после Октябрьской революции создание научной биографии В. И. Ленина стало делом коллективной разработки, делом партии. В течение длительного периода времени серьезным препятствием к созданию научных биографий В. И. Ленина было то обстоятельство, что сама история партии как научная дисциплина находилась в стадии становления.

Важнейшие моменты истории РСДРП(б) — съезды, конференции, дискуссии, вопросы тактики и стратегии — были раскрыты в трудах самого В. И. Ленина. Первые исследовательские работы обобщающего характера по истории партии появились в годы первой русской революции [8]. Но в этой литературе, созданной историками-большевиками, не могли быть раскрыты в условиях нелегальной деятельности все детали партийной работы. Тем более нельзя было писать о жизни и деятельности руководителей партии. В то же время неразработанность биографии В. И. Ленина задерживала изучение истории партии.

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 21; т. 31, с. 119—121.

[7] *Ольминский М. С.* О т. Ленине.— «Социал-демократ», 26 мая (8 июня) 1917 г.

[8] *Батурин Н. Н.* Очерк истории социал-демократии в России. М., 1906; *Лядов М.* История Российской социал-демократической рабочей партии. Ч. I. Возникновение социал-демократического движения в России (1883—1897). Спб., 1906.

Жизнь Ленина неотделима от истории партии. Рассказать об одном — значило рассказать и о другом. В период между Февралем и Октябрем 1917 г. необходимо было раскрыть перед трудящимися массами и героическую историю партии большевиков, ее борьбу против самодержавия и буржуазно-помещичьего строя, и показать роль основателя партии, рассказать о его жизни и деятельности. Поэтому с первых биографий формируется и становится постоянным принципом советской биографической литературы о В. И. Ленине сочетание популярного рассказа о деятельности основателя партии с историей партии, ее современных целях и программе.

Именно в таком плане написан очерк Н. К. Крупской «Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии», опубликованный 26 мая 1917 г. в «Солдатской правде». Это столько же рассказ о партии, сколько и о ее создателе. Данная работа Крупской была первым опытом ее обращения к биографии В. И. Ленина. Очерк Крупской на две недели опередил (вышел 13 мая н. ст.) биографию, написанную Ольминским для «Социал-демократа». Это был самый живой, мастерски написанный в композиционном отношении, с массой интересных подробностей рассказ о жизни В. И. Ленина из появившихся до Октября 1917 г. «Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии» является наиболее ценной из прижизненных биографических работ о Ленине, поскольку это единственная авторизованная биография. В. И. Ленин ее просмотрел, сделал ряд исправлений в рукописи и написал текст небольшой вставки [9]. В «Солдатской правде» работа Крупской была напечатана без подписи и ввиду исключительно большого интереса к личности В. И. Ленина вскоре была выпущена отдельным изданием (также без подписи) [10]. Следовательно, работа Крупской была и первым отдельным изданием биографии В. И. Ленина [11].

Крупская уже в этом первом подходе к биографии В. И. Ленина выполнила те условия, которые впоследствии считала необходимыми для его биографий. В законченном виде Крупская сформулировала свои взгляды на проблему создания биографических трудов через семнадцать лет после того, как писалась «Страничка из истории...», в отзывах на книгу П. М. Керженцева «Жизнь Ленина» [12]. Она считала, что в «*популярной* биографии политических деятелей непременно должен быть дан *исторический фон*». В биографии, рассчитанной на широкие круги читателей, следует «брать *главные*, исторические моменты и показывать, как человек

[9] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 73.

[10] Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии. Пг., 1917.

[11] Биографическому творчеству Н. К. Крупской посвящена работа Широковой Л. В. (*Широкова Л.* Указ. соч.).

[12] Новые документы Н. К. Крупской о жизни и деятельности В. И. Ленина.— «Вопросы истории КПСС», 1964, № 2, с. 67—69.

реагировал на эти моменты и как это отразилось на деле. Иначе получится биография недостаточно политически заостренная — человек пишет, точно чулок вяжет, петлю за петлей накидывает, и существенное, самое важное не выпячивается»[13]. Исключительно важным, по ее мнению, для историка, пишущего биографию, является абсолютная достоверность фактов: «В популярной биографии, не менее, чем в научной, *недопустимы неверные исторические факты»*[14]. Необходимость строго достоверных фактов в биографии В. И. Ленина требует *«брать отношения между различными партийными группировками в их развитии, в зависимости от изменения исторической обстановки»*. И, наконец, «чтобы биография была живой, надо давать в ней *живого человека* и *живое его окружение»*[15].

Заслугой Крупской как биографа является постановка в данном очерке проблемы периодизации жизни и деятельности В. И. Ленина. Изложение биографии В. И. Ленина Крупская начинает с 1894 г., когда он «практически стал работать в массовом социал-демократическом движении»[16]. Крупская периодизирует биографию В. И. Ленина, связывая ее с развитием революционного движения в России. Из общей линии изложения она вычленяет детские и юношеские годы — первый период жизни В. И. Ленина. Второй период охватывает 1894—1900 годы. В это время из разрозненных кружков складывается партия. На него же приходится поездка В. И. Ленина за границу, второй арест и ссылка в Сибирь. Следующий, третий период Крупская относит к 1900—1905 гг.— издание «Искры», II съезд партии, нарастание революционного движения в России. В условиях развивающейся революции Ленин возвращается в Россию в декабре 1905 г. С этой даты начинается новый, четвертый период в жизни Ленина. Началом следующего периода его биографии является эмиграция в Швейцарию в 1908 г. Заканчивается этот пятый период в 1914 г. Последний, шестой период падает на годы первой мировой войны. В апреле 1917 г. Ленин возвратился из эмиграции. Его возвращение имело непреходящее значение для всего развития революции. Так начался новый период в биографии Ленина.

«Страничка из истории...» — единственный, написанный Крупской до 1924 г., биографический очерк о Ленине. Впоследствии Крупская внесла исключительно большой вклад в разработку биографии В. И. Ленина своими воспоминаниями, выступлениями по отдельным вопросам изучения ленинского литературного наследия, рецензиями на работы о В. И. Ленине, на кинофильмы, театральные постановки. художественные произведения. Работы Круп-

[13] Там же, с. 67.
[14] Там же, с. 68.
[15] Там же.
[16] *Крупская Н. К.* Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии.— В кн.: *Крупская Н. К.* О Ленине. М., 1965, с. 13.

ской представляют источник непреходящей ценности для научной биографии В. И. Ленина. Значение «Странички из истории Российской социал-демократической рабочей партии» состоит в том, что это она положила начало разработке *научной* биографии основателя Коммунистической партии и Советского государства.

Итак, к Октябрю 1917 г. история биографического изучения В. И. Ленина насчитывала 17 лет. Марксистская историческая биография имела уже определенную традицию, опиралась на биографические произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, на разработанный классиками марксизма методологический вопрос о роли личности в истории. После Октябрьской революции биографическое изучение Ленина могло строиться на надежной методологической основе с учетом опыта марксистских биографических исследований.

На следующий год после выхода первой советской газетной биографии В. И. Ленина появились два отдельных издания его биографий [17].

К празднованию 50-летия юбилея В. И. Ленина в 1920 г. за составление его биографии принимаются известные советские историки, для которых это становится одним из основных научных интересов: В. В. Адоратский, В. И. Невский, М. С. Ольминский, Е. М. Ярославский. Строгой и нелицеприятной критике подвергались неудачи. Отдельные просчеты встречались и в работах историков, знавших Ленина лично и с первых лет создания партии являвшихся ее активными членами. Например, в биографии Ленина, написанной В. И. Невским, первым съездом РСДРП был назван съезд, проходивший в 1903 г.[18]. В. И. Ленин первым съездом считал собравшийся в Минске в 1898 г. Неточности в первых советских биографиях Ленина объясняются и поспешностью, с какой они писались, и общей неразработанностью узловых проблем истории партии.

Еще при жизни Ленина принимаются меры к введению в определенные организационные рамки изучения его жизни и деятельности. В плане работ Истпарта отмечалось, что «в высшей степени желательно создать биографическую литературу, между прочим потому, что этот род литературы лучше всего запоминается читателям, а также и потому, что многие деятели партии уже сошли в могилу, а их биографий нет, как нет уже и тех, кто мог бы дать жизнеописание первых строителей партии. Достаточно указать на трудности, которые встречали на своем пути лица, думавшие дать хотя бы суррогат биографии тов. Ленина. Ску-

[17] *Ярославский Е.* Великий вождь рабочей революции Владимир Ильич Ульянов-Ленин. М., 1918; *Митрофанов А. Х.* Вождь деревенской бедноты В. И. Ульянов-Ленин (биографический очерк). М., 1918 (В 1918 г. было два издания работы Митрофанова).

[18] *Невский В.* В. И. Ульянов (Н. Ленин). М., 1920 (Всего вышло пять изданий работы В. И. Невского).

дость или, вернее, отсутствие источников стоят на этом пути непреодолимым препятствием» [19].

Вошедшие в Истпарт Адоратский, Невский, Ольминский, А. И. Елизарова (Ульянова) энергично принялись за сбор документов о жизни В. И. Ленина, считая это задачей первостепенной важности в ряду других работ.

В качестве первого шага по организации изучения жизни Ленина коллегия Истпарта наметила учреждение Музея Ленина. «...С нашей стороны было бы преступлением перед грядущими поколениями, если бы мы теперь же не приняли мер к собиранию и хранению всего, в чем проявлялась и проявляется личность т. Ленина в партии, в государственной жизни, в отношении к среде»,— писал тогда руководитель Истпарта Ольминский [20]. Музей создать не удалось — против был Ленин. Однако накопление необходимых материалов началось.

Требовалось собрать воедино громадное ленинское литературное наследие, разбросанное в периодических изданиях, установить авторство многочисленных неподписанных или подписанных псевдонимами статей в легальной печати, собрать и переиздать превратившиеся в библиографическую редкость публикации нелегальной и заграничной печати. Этой цели должно было служить первое издание Собрания сочинений Ленина. Историко-революционные журналы «Пролетарская революция» и «Красная летопись» (начавшие выходить с 1921 г. в Москве и Петрограде) с первых же номеров приступают к публикации ленинских работ, воспоминаний о Ленине, документов о его деятельности из полицейских и других архивов.

Вначале число таких публикаций было невелико. Журнал «Пролетарская революция» в 1921 г. напечатал воспоминания четырех авторов, в 1922— двух, в 1923 — семи. С этого начиналось собирание мемуарных свидетельств для научной биографии Ленина. Найденные документы попадали на страницы журналов. Немногочисленность публикаций в 1921—1923 гг. объясняется тем, что поиск только начинал развертываться. Накапливались источники к биографии, узнавались новые факты. «Красная летопись» публикует «Справку Департамента полиции о В. И. Ленине», из которой стал очевиден факт пристального внимания полиции к личности и связям молодого Ленина, еще только готовившегося вступить на путь революционной борьбы [21]. Тут же были

[19] План работы комиссии по истории РКП, представленный Невским и утвержденный комиссией на заседании 13 сентября 1920 г.—«Бюллетень Истпарта», 1921, № 1, с. 10.

[20] Цит. по кн.: *Лежава О., Нелидов Н.* М. С. Ольминский. Жизнь и деятельность. М., 1962, с. 221.

[21] Справка Департамента полиции о В. И. Ленине.— «Красная летопись», 1922, № 2—3, с. 306—308. Вопрос о собирании и публикации документальных источников к биографии В. И. Ленина должен стать предметом специального исследования.

напечатаны сведения о материальном положении семьи Ульяновых после смерти И. Н. Ульянова, о попытках В. И. Ленина в 1889 и 1892 гг. получить разрешение на выезд за границу. В ряде статей «Пролетарской революции» рассматривались отдельные стороны деятельности Ленина как революционера и государственного деятеля.

Значительное влияние на изучение биографии В. И. Ленина оказывало развитие исследований по истории РКП(б), истории революционного движения в России. Исследования по истории партии должны были явиться важным материалом для научной биографии Ленина. В 1920 г., отвечая на вопрос анкеты для перерегистрации членов Московской организации РКП(б) («Какие документы или удостоверения имеются у Вас, указывающие на Ваше пребывание в нашей нелегальной партийной организации?»), В. И. Ленин с законным основанием написал: «История партии — документ» [22].

Книги о В. И. Ленине выходили не только в Москве и Петрограде, но и на местах. Обычно это даже не книги, а брошюры объемом от 10 до 50 страниц. Не каждая из работ о жизни В. И. Ленина могла подвергнуться квалифицированному критическому разбору. Поэтому рецензии, появлявшиеся в центральной печати, имели методическое значение. Порой эти рецензии, написанные людьми, близко знавшими В. И. Ленина, приобретали значение источников для последующих научно-биографических трудов.

Истпарт сосредоточил в своих руках большое количество ленинских документов и продолжал их накопление. С 1923 г. изучение биографии В. И. Ленина поднимается на более высокий уровень. Пленум Московского комитета РКП(б) принял 31 марта 1923 г. решение о создании Института В. И. Ленина, задачей которого должно было стать собирание, изучение и пропаганда ленинских трудов [23].

Партия придавала большое практическое значение изучению и популяризации биографии В. И. Ленина. Через несколько месяцев после создания Института В. И. Ленина в газете «Правда» появилось обращение ЦК РКП(б) ко всем членам партии: «Члены РКП не должны забывать того, что всякий маленький обрывок бумаги, где имеется надпись или пометка В. И. Ленина, может составить огромный вклад в изучение личности и деятельности вождя мировой революции и поможет уяснить задачи и трудности, стоящие на том пути, по которому мы идем, руководимые В. И. Лениным» [24]. В этом же обращении определялись задачи Института В. И. Ленина в области собирания ленинских документов и изуче-

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 466.
[23] Институт В. И. Ленина при ЦК РКП(б). Отчет XIV партийному съезду. М., 1925, с. 7.
[24] «Правда», 1923, 8 июля.

ния жизни и деятельности В. И. Ленина[25]. Одновременно вышло обращение Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала к коммунистическим организациям и отдельным членам коммунистических партий Европы и Америки с тем же призывом собирать ленинские рукописи и документы о нем и передавать их Институту В. И. Ленина[26].

Централизация ленинского наследия и концентрация научных сил в Институте должны были благотворно сказаться на деле подготовки и разработки научной биографии В. И. Ленина. В первые несколько лет своего существования Институт В. И. Ленина не ставил своей задачей немедленную подготовку такой биографии. Трудность ее выполнения и громадный объем подготовительной работы и тогда были достаточно ясны. Поэтому биографические сочинения о В. И. Ленине до 1924 г. своей важнейшей социальной функцией имели не столько исследовательскую, сколько популяризаторскую. Методика изучения ленинской биографии не была разработана, отсутствовало единство мнений даже в вопросе о периодизации жизни В. И. Ленина.

Попыток представить жизнь Ленина в одной книге путем соединения воспоминаний, очерков, исследований было несколько при его жизни. В биографическом отношении они оказались в целом малоудачными, хотя сами по себе материалы, в них входившие, представляли большую ценность как источник для научной биографии. Однако, будучи далеки от совершенства в научном отношении, они имели большое познавательное значение. Впоследствии, когда разработка биографии В. И. Ленина примет широкий размах, появятся уже исследовательские работы, составленные из документов, воспоминаний и исследований, но это будут работы, соответствующие более высокому уровню исторических знаний.

Прижизненные биографии В. И. Ленина отразили определенный уровень марксистской исторической биографии и сыграли важную роль в формировании исторического сознания народа, приступившего к строительству социалистического общества. Тем не менее, не будучи научными по своему характеру, первые биографии В. И. Ленина заложили основы научного подхода к изучению его жизни и деятельности и подготовили будущие достижения советской ленинианы.

Траурный 1924 год вызвал небывалый поток литературы о В. И. Ленине. В этом году и в последующие годы количество изданий, посвященных В. И. Ленину, неизменно превышает литературу о всех других исторических деятелях. Среди выходивших большими по тому времени тиражами произведений на ленинскую тематику почти всегда первенствовала биографическая литература.

[25] Там же.

[26] Институт В. И. Ленина при ЦК РКП(б). Отчет XIV партийному съезду, с. 80.

Отличающаяся полнотой сведений библиография — «Лениниана», которая выходила в 1926—1930 гг., дает возможность по рубрике «Ленин. Его жизнь и характеристика» подсчитать удельный вес публикаций биографического характера среди литературы ленинской тематики [27]. Подсчет, правда, условен, так как далеко не все, что учитывалось под этой рубрикой, действительно являлось биографической продукцией, а ряд работ по формальному признаку сюда не попадал. Например, не попала сюда статья Е. М. Ярославского «Большевики в Октябре», направленная против концепции Троцкого и дававшая важный материал о руководстве Лениным вооруженным восстанием в Петрограде [28].

Исключив издания произведений В. И. Ленина, можно увидеть, что биографическая (условно) литература среди всей литературы ленинской тематики составляла по годам (в %):

1924 г.	—50,5	1927 г.	—19,2
1925 г.	—16,4	1928 г.	—19,8
1926 г.	—17,2		

Велики и абсолютные числа, показывающие литературу о Ленине этих лет: 1680 изданий — в 1924 г. и 471 — в 1928 г.

Наибольшее число произведений о В. И. Ленине вышло в 1924 г. За очень короткий срок была написана, набрана и полностью отпечатана брошюра Н. Н. Попова и Я. А. Яковлева «Жизнь Ленина и ленинизм» [29]. В дни прощания и похорон Ленина на улицах и площадях Москвы были установлены большие стенды с краткой биографией вождя, возле которых, как сообщала в те дни газета «Правда», постоянно стояли люди [30]. В эти же дни XI съезд Советов Союза ССР принял постановление о выпуске в срочном порядке большими тиражами важнейших произведений Ленина. Тем же постановлением Институту В. И. Ленина поручалось «срочно выпустить полное собрание сочинений В. И. Ленина в строго научном духе» [31].

В течение 1924 г. появился ряд вполне законченных биографий популярного характера. Центральным научным учреждением, занимавшимся изучением биографии В. И. Ленина и сбором ленинских документов, продолжал оставаться Истпарт. Его председатель Ольминский в 1924 г. намечает пути исследования биографии Ленина и ставит ряд вопросов методологического характера применительно к задачам создания научной биографии В. И. Ленина. В статье «Тов. Ленин» ставится проблема истори-

[27] Лениниана. Библиографический обзор русской литературы за 1924—1928 гг. Т. I—V. М.— Л., 1926—1930.

[28] *Ярославский Е.* Большевики в Октябре.— «Пролетарская революция», 1927, № 10, с. 26—90.

[29] *Остроухова К.* Общее значение деятельности Ленина и его заветы (Краткий обзор литературы).— «Пролетарская революция», 1924, № 3 (26).

[30] «Правда», 1924, 27 января.

[31] О выпуске сочинений В. И. Ленина.— «Правда», 27 января 1924 г.

ческой оценки личности вождя. Ольминский отрицает возможность подхода к В. И. Ленину с позиции, даже отдаленно напоминающей теорию «толпы и героя», как несовместимой с духом марксизма и научного социализма: «Познать, изучить тов. Ленина, как литературного и политического деятеля, это значит — в единой личности познать и изучить колоссальный революционный пролетарский коллектив. Познать тов. Ленина для нас означает познать самих себя, в этом — законное оправдание нашего интереса к его личности. Чем больше мы сделаем для ее изучения, тем больше двинем вперед знание истории нашей партии и понимание источника наших успехов и неудач, правильных шагов и ошибок» [32].

После смерти В. И. Ленина массовые размеры приняли публикации воспоминаний о В. И. Ленине, писавшиеся не только людьми, близко его знавшими и работавшими с ним, но и теми, кому лишь однажды довелось слышать, разговаривать или видеть его. Ценность их была разнородной. Попадались такие, где воображение мемуариста произвольно дорисовывало недостающие звенья в цепи событий или гиперболизировало отдельные черты характера и бытовой стороны жизни Ленина. Иногда воспоминания раскрывали всего лишь одно небольшое событие из жизни Ленина, но массовость этих материалов позволяла проверить одних мемуаристов показаниями других и восстановить таким образом недостающие страницы биографии.

Партия, придавая большое значение всестороннему и глубокому изучению и освоению теоретического наследия Ленина, принимает меры к изданию трудов своего вождя. XIII съезд РКП(б) принимает постановление «О работе Института Ленина». Съезд призвал всех членов партии, все партийные организации, компартии зарубежных стран помочь сосредоточить в Институте Ленина все материалы, относящиеся к жизни и деятельности Ленина. Важнейшей задачей Института Ленина съезд счел «вполне научное и самое тщательное издание Полного собрания сочинений Ленина...» [33]. Кроме того, съезд обратил внимание ЦК на необходимость «настойчиво следить за тщательным изданием всех литературных произведений В. И. Ленина и всего, что печатается о Ленине» [34].

До этого решения, как мы уже знаем, сбором ленинских материалов более всего занимался Истпарт. Теперь материалы его передавались в Институт Ленина, и последний становился единственным в стране хранителем всех ленинских документов. Тем самым создавались благоприятные условия для научного издания собрания сочинений, которое в свою очередь подготовило бы мото-

[32] *Ольминский М. С.* Тов. Ленин.— «Пролетарская революция», 1924, № 3 (26), с. 26.

[33] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1970, с. 122.

[34] Там же.

дологическую и источниковую базу для создания научной биографии В. И. Ленина. Последняя могла быть подготовлена только после тщательного изучения и освоения всего теоретического, литературного и эпистолярного наследия В. И. Ленина.

В 1924 г. проблема создания научной биографии В. И. Ленина стала в повестку дня, но эта задача не могла быть выполнена до осуществления издания сочинений В. И. Ленина. Поэтому биографии В. И. Ленина, выходившие в 1924 г., еще не отвечали и не могли отвечать критериям, которые предъявляются исследовательским биографиям. Однако они представляют значительный историографический интерес, так как составили важный этап в истории изучения и популяризации биографии В. И. Ленина.

Общим для всех почти биографических изданий 1924 г. было то, что сюжетная линия при освещении периода до 1893 г. опиралась на периодизацию, в основе которой лежали события личной жизни В. И. Ленина, а примерно с 1893—1894 гг. периодизация основывалась на наиболее крупных событиях в истории партии. В соответствии с ними освещалась революционная деятельность В. И. Ленина. Структура биографических работ приводилась в соответствие с этой периодизацией. В целом авторы биографий придерживались периодизации, данной в 1917 г. Крупской (допускалась, правда, бóльшая, чем у Крупской, дробность периодов). Вносились и новые моменты в периодизацию, вызванные необходимостью отразить советский период деятельности.

Одна из первых, наиболее значительных посмертных биографий В. И. Ленина принадлежала перу крупного историка-большевика и публициста Емельяна Ярославского. Вернее, приходится говорить о двух работах Ярославского о Ленине, вышедших после 1924 г.[35] Первая из них адресовалась крестьянам: «надо, чтобы каждый крестьянин, каждая крестьянка, ребенок в школе и старый дед, уже оканчивающий жизнь свою, знали о Ленине»[36]. Эту популярную биографию небольшого объема Ярославский писал для малоподготовленного читателя, что сказалось на структуре книги. Членение ее на главы очень дробное. Часть глав биографическими назвать нельзя — это страницы, целиком посвященные рассказу об исторической обстановке в определенные периоды и в отдельные годы. Работа Ярославского для деревенского читателя первых лет Советской власти была не только изложением жизни В. И. Ленина, но как бы и руководством по истории России начиная с 1861 г., преломлявшимся через освещение истории аграрного вопроса. Язык Ярославского в этой книге столь же прост, как и во множестве других его научно-популярных произведений. Популяризация вообще была наиболее сильной стороной творчества Ярославского, а работы его о Ленине — одно из

[35] *Ярославский Ем.* Вождь рабочих и крестьян. Л., 1924; *он же.* Жизнь и работа В. И. Ленина. 23.IV.1870—21.I.1924. М., 1924.

[36] *Ярославский Ем.* Вождь рабочих и крестьян, с. 3.

лучших достижений научно-популярной советской исторической литературы довоенных лет. Важнейшей задачей книги Ярославского «Вождь рабочих и крестьян» было поднять уровень читателей-крестьян, большинство из которых приобщилось к грамоте лишь при Советской власти, до понимания В. И. Ленина и задач партии. Доступно рассказал Ярославский о сложнейших вопросах истории революционного движения: о борьбе с экономистами и народниками, о значении политической борьбы рабочего класса, о принципах построения Лениным партии нового типа, об отношении к середняку, о революционной стратегии большевиков и т. д.

Работа Ярославского была одним из самых удачных опытов биографии В. И. Ленина среди появившихся в 1924 г. Правда, уже в ближайшие годы накопление источников выявило некоторые недочеты книги. Ярославскому, в частности, не было известно о желании В. И. Ленина во время первой заграничной поездки (1895 г.) повидаться с Фридрихом Энгельсом [37].

Тираж книги «Вождь рабочих и крестьян» был для того времени весьма значительным — 50 тыс. экземпляров. Это один из самых высоких тиражей в 1924 г. для биографических книг о Ленине и, безусловно, самый высокий среди биографий деятелей отечественной истории. Обычный тираж биографической книги в первой половине двадцатых годов редко превышал 3 тыс. экземпляров. Выходили биографические работы о Ленине не только в Москве и Петрограде, но и на местах (где, естественно, тиражи были меньшими).

Ярославский одним из первых сделал практический шаг к разработке научной биографии, выпустив уже названную выше книгу «Жизнь и работа В. И. Ленина. 23.IV.1870 — 21.I.1924». По форме она также представляет популярное изложение, однако по содержанию она приближается к научной биографии. Здесь исправлены неточности в фактах, присутствовавшие в первой книге, значительно увеличен объем (296 страниц против 92 книги «Вождь рабочих и крестьян») и, что гораздо важнее, в сюжетном плане более четко решается неизбежный для научной биографии политического деятеля вопрос об этапах его жизни. Главы укрупняются. Вместо шести глав, раскрывавших в книге «Вождь рабочих и крестьян» период от приезда В. И. Ленина в Петербург в 1893 г. и до его ссылки, появляется одна — «Ленин и Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»». Далее выделяются периоды организации партии, революции 1905—1907 гг., вторичной эмиграции и первой мировой войны, 1917 г., гражданская война, мирное строительство.

Критика отметила появление книги Ярославского в немногих газетных статьях, и долгое время произведение Ярославского не

[37] Там же, с. 19.

находило должной историографической оценки[38]. Однако факт широкой популярности данной работы Ярославского несомненен[39]. Об этом говорят многочисленные ее переиздания. Научной биографии, если ее понимать как исчерпывающе полное жизнеописание и всестороннюю оценку деятельности В. И. Ленина, в 1924 г. Ярославский написать не мог, так как тогда проходил первый этап в истории собирания ленинского наследия. Но он создал одну из первых крупных биографий, объединив показ истории и современности, жизни В. И. Ленина и значения ленинизма для современников биографа.

Политическое наследие Ленина, история партии, теоретические основы ленинизма непрестанно подвергались и прямым нападкам, и попыткам ревизии со стороны оппозиции. Незадолго до смерти В. И. Ленина Троцкий выступил со статьей «Новый курс», в которой была сделана попытка подмены ленинизма троцкизмом.

Тринадцатая конференция РКП(б) (январь 1924 г.) расценила позицию Троцкого и его сторонников как мелкобуржуазный уклон в партии. Партия осудила платформу Троцкого. Вскоре после тринадцатой конференции он выпустил книгу воспоминаний «О Ленине», имевшую подзаголовок «Материалы для биографа». Хронологические рамки ее охватывали период с 1902 г. по 1924 г. (от издания «Искры» до смерти В. И. Ленина). Троцкий в этой книге выдвинул на первое место в качестве руководителя Октябрьской революции не партию большевиков, не ЦК, не В. И. Ленина, а самого себя. Эти выступления Троцкого служили антипартийной оппозиции орудием нападок на партийное руководство, искажения истории партии, подмены ленинизма троцкизмом, умаления троцкистами выдающейся роли В. И. Ленина в победе Октябрьского вооруженного восстания и в строительстве Советского государства.

Пленум ЦК РКП(б), собравшийся 17—20 января 1925 г., подвел итоги борьбы против троцкизма. Пленум отметил, что Троцкий искажает историю Октября так, что «исчезает роль большевистской партии и выдвигается на первый план роль личности самого тов. Троцкого по формуле „герои и толпа“»; «роль тов. Ленина в Октябрьской революции рисует крайне двусмысленно; дело изображено так, будто тов. Ленин проповедовал взятие власти заговорщическим путем, за спиною Советов, и будто практические предложения тов. Ленина вытекали из непонимания тов. Лениным обстановки..., взаимоотношения тов. Ленина с ЦК партии искажает в корне, изображая их, как непрерывную войну двух „держав“»[40].

[38] Впервые историографическая оценка работ Ярославского дана Р. М. Савицкой (*Савицкая Р. М.* Указ. соч., с. 9, 14—15).

[39] С. Новиков вспоминает о литературных интересах молодежи 20-х годов: «Мы жадно впитывали в себя все, что узнавали о Марксе и Ленине. Увлекались книгой Ярославского о В. И. Ленине» («Байкал», 1968, № 1, с. 145).

[40] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1970, с. 145.

В последующие годы Троцкий неоднократно обращался к биографии В. И. Ленина и истории РКП(б), фальсифицируя их в своих интересах. Написанная им по заказу редакции «Британской энциклопедии» биографическая статья о В. И. Ленине сохранила те же антиленинские посылки, которые содержались в его воспоминаниях и в книге «Уроки Октября» (ноябрь 1924 г.).

Идейный разгром антипартийной оппозиции был завершен на XV съезде ВКП(б). Большое внимание на съезде было уделено идеологическим вопросам. Председатель Центральной ревизионной комиссии Д. И. Курский в своем отчете съезду говорил о работе Института Ленина. В части, касающейся изучения биографии В. И. Ленина, Центральная ревизионная комиссия рекомендовала Институту Ленина подготовку научной биографии Ленина [41]. Съезд партии утвердил эти предложения и нацелил Институт Ленина на усиление работы в области изучения биографии В. И. Ленина.

Исключительно важное значение имела широко развернувшаяся с 1924 г. публикация воспоминаний о В. И. Ленине. Как уже указывалось, это были свидетельства неодинаковой ценности и достоверности. Поэтому возникает проблема проверки достоверности сообщений, их критической оценки. Особенно осторожно должны были рассматриваться мемуары идейных противников Ленина. Примером воспоминаний о Ленине, написанных человеком из другого лагеря, являются сочинения профессора К. М. Тахтарева [42]. Он длительное время знал В. И. Ленина по рабочим кружкам Петербурга, по изданию «Искры» и II съезду РСДРП. Но примкнувший к «экономистам» Тахтарев разошелся с Лениным во взглядах на основные вопросы рабочего движения и отошел от активной революционной деятельности. Ренегатство наложило отпечаток на мемуары К. М. Тахтарева. Они были критически рассмотрены А. И. Ульяновой-Елизаровой, которая писала в рецензии: «Оставив в стороне освещение, которое придает событиям и личности Ленина автор, посмотрим на то, что, потушив это освещение, мы можем получить из его статьи. А получить мы можем очень много биографического материала о Ленине» [43].

Воспоминания соратников В. И. Ленина, выходившие в 20—30-е годы, представляют бесценный вклад в основной корпус источников для его биографии — они и характеризуют основную линию мемуаристики. В 1924 г. начала писать свои замечательные «Воспоминания о Ленине» Н. К. Крупская. В период 1924 г. — середина 1930-х годов писали и публиковали воспоминания

[41] Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. Кн. 1. М., 1961, с. 135—136.

[42] *Тахтарев К. М.* Рабочее движение в Петербурге (1893—1901 гг.). Л., 1924; *он же.* В. И. Ленин и социал-демократическое движение.— «Былое», 1924, № 24.

[43] *Елизарова А. И.* Профессор-оппортунист о Ленине.— «Пролетарская революция», 1924, № 11 (34), с. 130.

А. И. Ульянова-Елизарова, М. И. Ульянова, Д. И. Ульянов, В. Д. Бонч-Бруевич, В. В. Адоратский, М. И. Калинин, Г. М. Кржижановский, А. М. Горький, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, М. А. Сильвин, И. В. Сталин, Г. К. Орджоникидзе, Н. А. Семашко, А. Е. Бадаев, Н. Л. Мещеряков, В. А. Карпинский, А. В. Шотман, Э. А. Рахья, Я. С. Ганецкий, М. П. Голубева и другие.

К воспоминаниям советских партийных и государственных деятелей, ученых и писателей прибавились воспоминания иностранных коммунистов и людей, сочувствовавших Советской России, корреспонденции иностранных журналистов (Джон Рид, Альберт Рис Вильямс, Юрье Сирола, Герберт Уэллс, Бела Кун, Поль Вайян-Кутюрье, Фриц Геккерт, Франческо Мизиано, Клара Цеткин, Фриц Платтен, Гуго Эберлейн, Уильям Гуд).

Строгими критиками мемуарной и биографической литературы выступили Н. К. Крупская и А. И. Ульянова-Елизарова. Крупская участвовала в организации Института В. И. Ленина и с первых дней его существования активно сотрудничала с ним [44]. В период между 1917 и 1939 годами Крупская написала до 100 произведений на ленинскую тематику: воспоминания, биографические статьи, рецензии на биографии и воспоминания других авторов [45]. По подсчетам биографов Крупской, Институтом В. И. Ленина было направлено для просмотра к ней свыше 12 тыс. страниц книг и статей о В. И. Ленине, печатных и рукописных [46]. Крупская внимательно относилась к просьбам Института В. И. Ленина о рецензиях и в каждом отклике давала оценку достоверности мемуаров и биографических произведений.

Большое значение имела ее работа по установлению авторства ленинских работ. Необходимость текстологического изучения ленинского литературного наследия стала особенно насущной в связи с подготовкой 2-го и 3-го изданий Собрания сочинений В. И. Ленина в соответствии с решением XIII съезда РКП(б). Первое издание Сочинений Ленина, выпущенное в 1920—1924, 1927 гг. по решению IX съезда РКП(б), выполнило важную задачу сбора воедино ленинских трудов. В него вошло около полутора тысяч ленинских произведений. Однако издание осуществлялось без предварительной текстологической проверки, не имело научно-справочного аппарата и не включило многие опубликованные анонимно или под псевдонимами выступления Ленина в газетах «Искра», «Пролетарий», «Звезда», «Невская звезда» и «Правда».

[44] *Махина Ю. Я.* Работа Н. К. Крупской в Институте Ленина.— «Исторический архив», 1960, № 2, с. 172—178.

[45] В ряде рецензий Н. К. Крупская раскрыла свое понимание задач биографии (Отзывы Н. К. Крупской на воспоминания и биографические материалы о В. И. Ленине.— «Исторический архив», 1957, № 2; Новые материалы Н. К. Крупской о жизни и деятельности В. И. Ленина.— «Вопросы истории КПСС», 1964, № 2).

[46] *Левидова С. М., Павлоцкая С. А.* Надежда Константиновна Крупская. Л., 1962, с. 171.

Не вошли в него письма Ленина и написанные им государственные документы.

Для подготовки 2-го и 3-го изданий Собрания сочинений В. И. Ленина требовалась сверка текстов с рукописями, установление канонических текстов, составление комментария и определение авторства. Определению авторства содействовало раскрытие отдельных эпизодов биографии В. И. Ленина, уточнение дат его деятельности. Например, после выхода X тома Сочинений с возражениями против публикации в качестве ленинских статей из газеты «Пролетарий» за 1906 г. («Политический кризис и провал оппортунистической тактики», «Перед бурей», «К событиям дня», «О бойкоте», «Партизанская война») выступил М. С. Ольминский, редактор статей В. И. Ленина в газете [47]. С возражениями или в поддержку точки зрения М. С. Ольминского выступили Н. К. Крупская, М. М. Эссен, И. И. Минц, Е. С. и А. Г. Шлихтер [48]. Дальнейшие текстологические исследования подтвердили принадлежность В. И. Ленину этих статей. Они были включены в 4-е и 5-е издания как ленинские [49].

Произведения Ленина — наиболее важный источник для его научной биографии.

Большое значение имел также научно-справочный аппарат 2-го и 3-го изданий, который состоял из разделов: 1) Список не разысканных произведений; 2) Список изданий, в редактировании которых принимал участие Ленин; 3) Указатель литературных работ и источников, упоминаемых Лениным; 4) Документы и материалы; 5) Примечания; 6) Словарь — указатель имен; 7) Основные вехи жизни Ленина; 8) Летопись событий.

Ярко выраженный биографический характер имел 7-й раздел научно-справочного аппарата «Основные вехи жизни В. И. Ленина». Количество дат в нем сравнительно невелико. В первом томе для 1887 г. было установлено 9 дат, для 1890 — 3, для 1891 — 7, для 1892 — 4 даты. В 5-м издании для тех же лет в результате более чем двадцатилетней исследовательской работы было приведено большее количество дат (соответственно по годам: 1887—15, 1890—10, 1891—18, 1892—11) [50]. В сравнении с разделом «Даты жизни» 5-го издания подобные разделы во 2-м и 3-м изданиях производят скромное впечатление, но это было началом работы, необходимым подготовительным этапом для разработки научной биографии В. И. Ленина.

Второе издание Сочинений Ленина и, особенно, третье (идентичное второму) содействовало распространению произведений В. И. Ленина (до 557 тыс. экземпляров доходил средний тираж

[47] *Ольминский М.* Ленин или не Ленин? По поводу X тома Сочинений Ленина.— «Пролетарская революция», 1931, № 1 (108), с. 148—152.

[48] Там же, с. 154—164.

[49] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 365—367, 331—338, 348—364; т. 14, с. 1—12.

[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 646—658.

каждого из томов 3-го издания). Это издание создало необходимые предпосылки для разработки научной биографии В. И. Ленина.

В годы выхода 2-го издания Сочинений В. И. Ленина продолжала развиваться работа по исследованию биографии В. И. Ленина. В эти годы исследовательская работа велась в трех главных направлениях: биография жизни и деятельности в полном объеме, изучение отдельных периодов биографии В. И. Ленина, составление дат жизни и деятельности. Среди трудов об отдельных периодах жизни и деятельности В. И. Ленина выделяется работа В. Алексеева и А. Швер «Семья Ульяновых в Симбирске», выпущенная Институтом Ленина под редакцией и с примечаниями А. И. Ульяновой-Елизаровой [51]. Эта работа была первым крупным опытом обобщения материалов о детских и юношеских годах В. И. Ленина, об условиях, в которых формировались его личность и мировоззрение. Хронологически к ней примыкало исследование И. И. Блюменталя об одном из менее всего в те годы известных периодов жизни Ленина — о самарском [52]. Труд Блюменталя также вышел под редакцией и с примечаниями А. И. Ульяновой-Елизаровой.

Успехи в изучении биографии Ленина позволили приступить к составлению первых «Дат жизни и деятельности» (в 1924 г. вышло сразу две работы) [53]. Количество дат, установленных в них для каждого года, невелико (в отдельных случаях равнялось их количеству в разделе «Основные вехи жизни В. И. Ленина» 2-го издания Сочинений, а иногда уступая последним). Значение «Основных вех» для разработки биографии Ленина заключалось в том, что они давали канву для последовательного изложения его жизни. Составление «Основных вех» явилось важным и необходимым этапом для подготовки работ по научной биографии. Кроме того, они имели самостоятельное справочное значение.

Интересной публикацией к биографии Ленина было составленное И. Лазьяном на основе анкеты для перерегистрации членов Московской организации РКП(б) и анкеты для всероссийской переписи членов партии «„Личное дело“ члена РКП(б) В. И. Ульянова (Ленина)» [54].

Большое значение для организации работ по изучению жизни и деятельности Ленина приобрели «Ленинские сборники». Первый том вышел в 1924 г. Задачей нового издания помимо публикации новых ленинских текстов была информация общественности о ходе работы по собиранию материалов к научной биографии и публикации этих материалов. До середины 30-х годов вышло 25 томов сборников. «Ленинские сборники» становятся наряду

[51] *Алексеев В., Швер А.* Семья Ульяновых в Симбирске. 1869—1887. М.— Л., 1925.

[52] *Блюменталь И. И.* В. И. Ленин в Самаре. Самара, 1925.

[53] *Кикоин В.* Биография В. И. Ленина в датах и числах. Л., 1924; *Аросев А.* Основные вехи жизни В. И. Ульянова (Ленина). Л., 1924.

[54] «Личное дело» члена РКП(б) В. И. Ульянова (Ленина). С приложением копий документов. Составил И. Лазьян. М., 1926.

с Сочинениями важнейшим источником. В них систематически публикуются новые тексты произведений В. И. Ленина.

Редакция «Ленинских сборников» сосредоточила внимание на публикации произведений В. И. Ленина. Первые два тома содержали значительный биографический материал различного происхождения и статьи методического плана. Оба тома явились важной вехой в постановке вопросов методики изучения биографии Ленина. В год выпуска 1 тома «Ленинского сборника» Институту Ленина передали материалы 58 учреждений и отдельных лиц [55]. Около тысячи документов передала Институту Крупская [56]. Поток документов не прекращался, и к концу двадцатых годов Институт В. И. Ленина владел практически всеми крупными ленинскими произведениями в рукописях и множеством документов [57]. Таким образом, в выполнении одной из важнейших задач советской исторической науки, которая была возложена на Институт Ленина, — создании научной биографии В. И. Ленина — соединились коллективные усилия старых членов партии, работников государственного аппарата, рабочих, встречавшихся с В. И. Лениным.

Научная сторона публикаций в «Ленинских сборниках» очень высока в археографическом и источниковедческом отношениях. Каждая дата раздела «Основные вехи (Краткая выдержка из календаря жизни Владимира Ильича)» сопровождалась указанием источника установления этой даты [58].

В «Ленинских сборниках» ставятся вопросы методики сбора сведений о жизни В. И. Ленина. С целью ознакомления широкой общественности с работами по подготовке документальной базы научной биографии В. И. Ленина в них публикуется подготовленная сотрудниками Института В. И. Ленина карточка для фиксирования отдельных дат и событий с точностью до часа [59]. Таким образом, с 1924 г. Институт В. И. Ленина готовится к составлению фундаментального научного труда по биографии В. И. Ленина. Результаты исследований в Институте В. И. Ленина по биографии также нашли отражение на страницах первых двух томов [60].

Достижения советского лениноведения в концентрированном виде отображены в энциклопедических изданиях. Первая в после-

[55] Ленинский сборник, т. I, 1924, с. 185, 207—212.

[56] *Махина Ю. А.* Работа Н. К. Крупской в Институте Ленина.— «Исторический архив», 1960, № 2, с. 172.

[57] История собирания, хранения, научной обработки рукописей и документов В. И. Ленина дана в коллективной монографии Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Фонд документов В. И. Ленина» (М., 1970).

[58] Ленинский сборник, т. I, с. 161—174.

[59] Там же, с. 224.

[60] *Аросев А.* Первый шаг.— Ленинский сборник, т. II. М., 1924; *он же.* Некоторые данные о деятельности Владимира Ильича как помощника присяжного поверенного в Самаре.— Там же.

октябрьское время энциклопедическая статья о В. И. Ленине была написана А. И. Ульяновой-Елизаровой [61] и отразила достижения и трудности изучения биографии В. И. Ленина к тому времени, когда уже несколько лет работал Институт В. И. Ленина, был закончен выпуск Сочинений 1-го издания и осуществлялся выпуск 2-го издания, появилось большое количество воспоминаний и ряд биографических работ. По условиям издания словарей изложение политической деятельности В. И. Ленина и его ученых трудов не должно было входить в биографию [62]. Основным должен был стать показ истории развития личности. А. И. Ульянова-Елизарова выполнила требования к биографической статье, преследующей цели показа развития личности В. И. Ленина. Ошибки носили частный характер (наиболее заметной из таких ошибок была датировка приезда В. И. Ленина в Петроград 2-м апреля 1917 г.— на день раньше реального события. Однако это ошибка не биографа-исследователя, а мемуариста, не проверившего по документам дату памятного события).

А. И. Ульянова-Елизарова наряду с Н. К. Крупской была автором не только воспоминаний о В. И. Ленине, но и биографом-исследователем. К занятиям биографией В. И. Ленина она впервые обратилась в 1922 г. Вначале она ограничивалась рецензиями на отдельные работы о В. И. Ленине, в которых давала оценку их фактической стороны, и тогда же разработала основные требования к биографическим произведениям о В. И. Ленине. В 1923 г. она выступила с рецензией по поводу мемуарно-биографической статьи И. Чеботарева [63], в которой утверждала в качестве важнейших требований к биографиям политических деятелей: «1) их верность действительности и 2) связь с политической жизнью партии. Первое требование,— писала Ульянова-Елизарова,— ясно без комментариев. Второе также очевидно: жизнь вождей так тесно связана с партией, для которой они живут, которая растет под их влиянием и при их непосредственном сотрудничестве, что она не может мыслиться вне партии» [64].

Несоблюдение И. Чеботаревым последнего требования нарушало историзм биографии [65]. А. И. Ульянова-Елизарова указала на недостоверность легенды о проницательности Ленина-гимназиста, которому-де не понравился сын директора гимназии, будущий министр-председатель Временного правительства А. Ф. Ке-

[61] *Ульянова-Елизарова А. И.* Ленин (Ульянов) Владимир Ильич.— «Энциклопедический словарь Гранат», т. 41, ч. 1, Приложение, стлб. 304—326.

[62] *Ульянова-Елизарова А. И.* В. И. Ульянов (Н. Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1934, с. 9.

[63] *Чеботарев И.* Владимир Ильич.— «Юный пролетарий», 1922, № 1.

[64] *Ульянова-Елизарова А. И.* Образец того, как нельзя писать биографии.— В кн.: *Ульянова-Елизарова А. И.* В. И. Ульянов (Н. Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1934, с. 169 (Впервые рецензия опубликована в журнале «Молодая гвардия», 1923, № 3).

[65] Там же, с. 172.

ренский: «Сын этот был при окончании курса Владимиром Ильичем в младших классах и никоим образом интересовать Владимира Ильича не мог» [66].

Искажения, вроде указанных А. И. Ульяновой-Елизаровой, делались, возможно, в силу того, что с течением времени представление о характере событий трансформировалось в памяти мемуариста, иногда под влиянием уже сложившихся легенд или в порядке непроизвольного, не осознаваемого автором творения легенды. Бывали случаи, когда такие легенды создавались намеренно. Против таких случаев особенно резко выступали и А. И. Ульянова-Елизарова, и Н. К. Крупская. В 1934 г. Н. К. Крупская отмечала, что «сейчас «друзьями» Владимира Ильича называют себя и бывший непосредственный наблюдатель за ссыльными тогдашний заседатель Ермолаев, и Зырянов (богатый крестьянин кулацкого уклада), и Строганов (лавочник) и т. д.[67]

Обращение к биографии В. И. Ленина со стороны его родных было закономерным. А. И. Ульянова-Елизарова, Н. К. Крупская, а также М. И. Ульянова и Д. И. Ульянов практически работали над биографией В. И. Ленина. Статья А. И. Ульяновой-Елизаровой в «Энциклопедическом словаре Гранат» явилась завершающей для определенного этапа и подводила итоги изучения биографии В. И. Ленина. Последующие биографы В. И. Ленина учитывали опыт этой статьи. Опыт оказался удачным, и в 1931 г. издательство «Молодая гвардия» обратилось к А. И. Ульяновой-Елизаровой с просьбой подготовить расширенный вариант биографии В. И. Ленина. На этот раз перед А. И. Ульяновой-Елизаровой стояла задача написания такой биографии, которая «дала бы облик Ильича и общий очерк его жизни и деятельности и наметила те основные этапы, которые надо изучать, в которые надо вдумываться всем, желающим понять учение Ленина и усвоить себе его методы» [68].

Новая работа («Краткий очерк жизни В. И. Ленина») представляла расширенный вариант статьи из «Энциклопедического словаря Гранат». К этому времени в биографиях В. И. Ленина особое значение приобретает освещение истории борьбы с троцкизмом и другими антиленинскими течениями. В соответствии с новыми задачами А. И. Ульянова-Елизарова рассказала в своей книге о точке зрения В. И. Ленина по таким вопросам, как подготовка вооруженного восстания в октябре 1917 г., образование первого Советского правительства, подписание Брестского мирного договора, военный коммунизм и новая

[66] Там же, с. 170.

[67] Отзывы Н. К. Крупской на воспоминания и биографические материалы о В. И. Ленине.— «Исторический архив», 1957, № 2, с. 38.

[68] *Ульянова М. И.* Предисловие.— В кн.: *Ульянова-Елизарова А. И.* В. И. Ульянов (Н. Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности. М., 1934, с. 9.

экономическая политика, дискуссия о профсоюзах и рабочая оппозиция.

В своей работе А. И. Ульянова-Елизарова опиралась на произведения В. И. Ленина, разработку истории партии, на собственные воспоминания и на результаты других исследователей биографии В. И. Ленина. Введение в текст собственных воспоминаний Ульяновой-Елизаровой делает эту работу не только биографическим исследованием, но и источником для научных биографий В. И. Ленина. Структура книги, состоящей из 12 глав, соответствовала 12 периодам: 1) Семья, детские и школьные годы; 2) Казанский и самарский периоды жизни; 3) Петербург. Начало социал-демократической работы; 4) Период «Искры». Первая эмиграция. II и III съезды социал-демократической партии; 5) Революция 1905 г.; 6) Период реакции. Вторая эмиграция; 7) Период подъема. Эпоха «Звезды» и «Правды»; 8) Мировая война; 9) Февральская революция. Июльские дни. Подполье; 10) Октябрьская революция; 11) Жизнь и работа Ленина при Советской власти; 12) Болезнь и смерть.

По-своему рассматривала Ульянова-Елизарова вопрос о начале партийной деятельности В. И. Ленина: «Активная, связанная с нашей партией жизнь Ленина продолжалась около тридцати лет — с 1892 по 1922 г.» [69]. Крупская, как уже отмечалось выше, считала началом революционной деятельности В. И. Ленина 1894 г. Сам В. И. Ленин считал началом своей партийной деятельности 1893 г. Эту дату называл он, отвечая на вопрос о давности пребывания в партии в «Анкете для перерегистрации членов Московской организации РКП(б)» и в анкете для делегатов IX конференции РКП(б) [70]. В дальнейшем временем начала партийной деятельности В. И. Ленина будет считаться ленинская датировка.

Краткий очерк жизни и деятельности В. И. Ленина, выпущенный в 1931 г. и в 1934 гг., был подготовлен предыдущими работами Ульяновой-Елизаровой мемуарного и биографического характера [71]. «Краткий очерк...» явился одной из лучших биографий В. И. Ленина в тот период. Признание ценности работы Ульяновой-Елизаровой отразилось в решении Института Маркса—Энгельса—Ленина напечатать в одном томе цикл ее работ, включая журнальные и газетные выступления по вопросам биографии В. И. Ленина. В предисловии ИМЭЛ отмечалось, что биографический очерк Ульяновой-Елизаровой «представляет громадную цен-

[69] *Ульянова М. И.* Указ. соч., с. 103.

[70] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 466; между с. 280 и 281 (факсимильное воспроизведение).

[71] *Ульянова-Елизарова А. И.* Детские и школьные годы Ильича. М., 1925; *она же.* Воспоминания об Ильиче. М., 1926; *она же.* Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.— Л., 1927; *она же.* Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М.— Л., 1930.

ность, поскольку он основывается во многих случаях на личных воспоминаниях одного из наиболее близких Ленину товарищей — сестры и ближайшего помощника его, особенно в досоветский период» [72].

Промежуточной работой между биографической статьей Ульяновой-Елизаровой в «Энциклопедическом словаре Гранат» и выходом отдельного издания ее работы в 1931 г. был биографический очерк Н. Л. Мещерякова в «Малой Советской энциклопедии» (начала выходить в 1929 г.) [73].

Появление статей о В. И. Ленине в энциклопедических изданиях, которые подводили итоги изучения его жизни и деятельности, а также приближающееся завершение 2-го издания Сочинений В. И. Ленина свидетельствовало о том, что создались благоприятные предпосылки для начала работ над фундаментальной научной биографией В. И. Ленина. Институт В. И. Ленина к этому времени прочно занял положение ведущего научного учреждения, которое могло взять на себя выполнение задачи создания научной биографии В. И. Ленина. Положительным явлением в организационном отношении для работы над научной биографией В. И. Ленина было слияние Истпарта с Институтом В. И. Ленина в мае 1928 г. по постановлению ЦК ВКП(б) [74]. В Институте В. И. Ленина был выполнен к этому времени большой объем подготовительных работ для научной биографии, отразившийся в публикациях «Ленинских сборников», «Записок Института Ленина» [75] и в осуществлении 2-го и 3-го изданий Сочинений В. И. Ленина. Большой опыт имели сотрудники Института В. И. Ленина в сборе ленинских документов и в изучении биографии В. И. Ленина [76]. После слияния Истпарта с Институтом Ленина, согласно Постановлению ЦК ВКП(б), одной из его задач становилось изучение жизни и деятельности В. И. Ленина.

М. А. Савельев в докладе на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (декабрь 1928 г.— январь 1929 г.), назвав первоочередной задачей завершение издания Сочинений Ленина, сказал: «Вторая такая работа, требующая, несомненно, очень длительного срока и громадной подготовки,— это научная биография Ленина» [77].

В 1930 г. (за два года до завершения выпуска 2-го издания Сочинений) В. В. Адоратский сообщил: «Институт Ленина при-

[72] *Ульянова-Елизарова А. И.* В. И. Ульянов (Н. Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности, с. 5.

[73] *Мещеряков Н.* Ленин.— «Малая Советская энциклопедия». Т. IV. М., 1929, стлб. 561—570.

[74] «Правда», 1928, 13 сентября.

[75] Записки Института Ленина. Т. I—III. М., 1927—1928.

[76] *Иванова Л. В.* Институт Маркса — Энгельса — Ленина. Комиссия по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт).— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966.

[77] *Савельев М.* Работа Института Ленина.— «Пролетарская революция», 1929, № 1 (84), с. 270—272.

ступает к подготовке научной биографии Ленина и к созданию соответствующего кабинета, который должен разработать план, собрать все материалы и выполнить самую задачу»[78].

Подготовка научной биографии выдвигала ряд сложных теоретических и методологических проблем. Адоратский попытался разобрать те проблемы, без которых нельзя было создать научной биографии. Среди них он выделил вопросы содержания и литературного оформления, структуры и — в качестве самой важной проблемы — периодизации жизни и деятельности В. И. Ленина[79]. Адоратский за отправной пункт периодизации политической биографии брал время становления В. И. Ленина как марксиста. В отличие от предшествовавших работ Крупской и Ульяновой-Елизаровой, он не устанавливал с точностью до года конкретную дату, считая, что марксистом В. И. Ленин стал уже в 1892—1893 гг.— в конце своего пребывания в Самаре.

Методологическое решение вопроса о периодизации Адоратский видел в том, что дело здесь, в конечном счете, сводится «к периодам в развитии партии, потому что жизнь Ленина с 1894 г. самым тесным образом слилась с этим развитием»[80]. Исходя из этой посылки Адоратский выделил 3 главных периода биографии В. И. Ленина как политического деятеля. Первый — «подготовительный» (1887—1893), который характеризуется началом борьбы с народничеством. Второй — «вождь партии в России» (1894—1914), который состоял из 5 подпериодов, совпадающих с периодизацией Крупской и Ульяновой-Елизаровой. Третий — «Ленин — вождь Коммунистического Интернационала» (1914—1924), который делится на 3 подпериода: 1) Империалистическая война (1914—1917), 2) Эпоха буржуазно-демократической республики (с февраля по октябрь 1917 г.), 3) Эпоха пролетарской диктатуры за время жизни Ленина (1917—1924 гг.)[81].

Особенно ценным в периодизации было то, что В. В. Адоратский считал необходимым уделить большое внимание деятельности В. И. Ленина в послеоктябрьский период. Этот период тогда был менее всего изучен, а деятельность В. И. Ленина «как вождя и организатора пролетарской диктатуры, как организатора пролетарской власти, руководителя внешней политикой, военным делом, экономической политикой, строительством социализма — представляет исключительное значение и ценность», и «все уроки, весь опыт, накопленный за это время, должны быть использованы в практической работе настоящего времени»[82].

На конец 20-х — начало 30-х годов приходится время наиболее активной разработки научной биографии В. И. Ленина в тече-

[78] *Адоратский В. В.* К вопросу о научной биографии В. И. Ленина.— «Пролетарская революция», 1930, № 1 (96), с. 3.
[79] Там же, № 2-3 (97—98), с. 3.
[80] Там же, с. 12.
[81] Там же, с. 24—28.
[82] Там же, с. 27—28.

ние рассматриваемого периода в истории советской исторической науки. К этому времени относится период самой высокой творческой активности в работе над биографией В. И. Ленина Крупской. Ее самым большим вкладом в изучение биографии В. И. Ленина в эти годы были воспоминания о В. И. Ленине [83]. Для биографа исключительную ценность представляют также ее ответы на анкету Института мозга. Это источник первостепенной важности и непреходящей ценности для понимания личности Ленина [84].

Другая, не менее важная сторона работы Н. К. Крупской была связана с рецензированием воспоминаний о Ленине и биографических работ; этим она занималась более десяти лет по просьбе Института Ленина. Крупская находилась в постоянной переписке с Ф. Н. Самойловым (заместителем заведующего Истпарта, он занимался вопросами биографического изучения Ленина). Длительное знакомство, продолжавшееся, по свидетельству последнего, около 50 лет, связывало ее с Н. Л. Мещеряковым [85]. Естественно, что Мещеряков при написании биографии Ленина для «Малой Советской энциклопедии» мог пользоваться советами и помощью Н. К. Крупской. Ее советы были учтены в первой хронологически полной биографии В. И. Ленина, подготовленной в Институте В. И. Ленина.

Институт В. И. Ленина после соединения с Истпартом значительно активизировал свою работу над биографией В. И. Ленина. Начиная с 1929 г. наблюдался подъем в области издания биографической литературы о В. И. Ленине после относительного затишья 1927—1928 гг. В 1929 г. вышло 59 отдельных биографических работ о Ленине. В 1930 г., то есть когда Институт В. И. Ленина объявил о подготовке научной биографии, вышло уже 100 названий. Число их продолжало нарастать вплоть до 1934 г., когда вышло 214 работ — максимальное число книг о Ленине мемуарно-биографического характера, которое вышло за один год (в период с 1926 по 1956 г.) [86]. Если учесть, что на эти годы приходится конец первого периода в развитии советской исторической науки и весь ее второй период, то есть все основания говорить о 1930—1934 гг., как о заметной вехе в истории советской ленинианы.

Качественно новым явлением стала биография В. И. Ленина, которая была подготовлена В. Г. Сориным для шеститомника Избранных произведений В. И. Ленина. Сорин учел также замечания, высказывавшиеся Крупской по поводу работ различных

[83] Воспоминания Н. К. Крупской начали печататься в журнале «Большевик» в 1925 г., а последние главы были опубликованы в 1936—1938 гг.

[84] *Крупская Н. К.* Из ответов на анкету Института мозга в 1935 году.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в 5 томах. Т. 1. М., 1968, с. 611—617.

[85] Надежда Константиновна Крупская. К 65-летию со дня рождения. М., 1935, с. 49—51.

[86] Ленин в печати. Издание произведений В. И. Ленина, книг и брошюр о нем. Статистический сб. М., 1969.

авторов. Отзывы эти поступали на имя Сорина как заместителя директора Института Ленина. Учел он и замечания Крупской по поводу своей работы, с которой Н. К. Крупская, как установила Р. М. Савицкая, ознакомилась в корректуре [87].

В письме к Сорину Крупская советовала: «Надо бы дать биографию несколько иного типа: на фоне событий, больше обращая внимания на то, как реагировал Владимир Ильич и вся партия на те или иные события, куда и зачем вел он партию. Необходимо показать Ленина «как стратега, как организатора, как вождя масс»» [88]. Крайне важным, по мнению Крупской, было соблюсти должную пропорциональность отдельных частей биографии, рассказывающих о различных этапах жизни и деятельности В. И. Ленина, уделить больше внимания деятельности В. И. Ленина *после* Октябрьской революции, то есть годам его государственной деятельности [89].

Биография В. И. Ленина, написанная Сориным,[90] являлась важной составной частью научного аппарата шеститомника Избранных произведений В. И. Ленина — издания, предназначенного для широких масс, с учетом возросшего уровня исторического образования народа в результате происходящей в стране культурной революции. Биография имела ряд недостатков, в частности, отличалась неполнотой [91]. Однако положительные стороны преобладали. Особенно важным моментом был широкий показ советского периода жизни и деятельности В. И. Ленина.

Сорин детальнее и острее, чем в предыдущих изданиях, критиковал антиленинские позиции Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова, Томского. Сторонники Троцкого принижали роль В. И. Ленина в советском военном строительстве — В. Г. Сорин показал В. И. Ленина как организатора Красной Армии [92]. Большое внимание уделено В. И. Ленину как инициатору проведения новой экономической политики. Особо выделен вклад В. И. Ленина в марксизм, показана разработка В. И. Лениным вопросов о буржуазно-демократической революции, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, о диктатуре пролетариата и пролетарской революции, о советском государстве как форме диктатуры пролетариата, крестьянского и аграрного вопросов, учение о партии, о стратегии и тактике пролетариата, об империализме, об империалистических войнах, о строительстве социализма [93].

[87] *Савицкая Р. М.* Указ. соч., с. 13.
[88] «Исторический архив», 1957, № 2, с. 32.
[89] Там же, с. 32.
[90] *Сорин Вл.* В. И. Ленин. 1870—1924. Краткие биографические данные.— В кн.: *Ленин.* Избранные произведения в шести томах. Т. 1. М., 1930, с. XVII—LXXXIX.
[91] *Савицкая Р. М.* Указ. соч., с. 12.
[92] *Сорин Вл.* Указ. соч., с. LXXX.
[93] Там же, с. LXXV—LXXVI.

Выход шеститомника тиражом в 510 тыс. экземпляров способствовал ознакомлению широких масс населения с достижениями исторической науки в области лениноведения.

Над биографическими хрониками с момента своего создания работал Институт В. И. Ленина[94]. К концу рассматриваемого периода Институт В. И. Ленина подготовил и выпустил «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина»[95]. Работа эта должна была явиться канвой для научной биографии. Вместе с тем накопление материалов о жизни и деятельности В. И. Ленина непрерывно продолжалось, и вслед за изданием 1931 г. выходят еще три, посвященные отдельным периодам биографии[96].

Итоги изучения биографии В. И. Ленина на протяжении 1917 — середины 1930-х годов показывают, что лениноведение за этот период добилось больших успехов. Образ В. И. Ленина являлся ведущей темой советской исторической биографии. За период с 1918 по 1936 г. вышло 1478 книг и брошюр о В. И. Ленине общим тиражом 28 139 100 экземпляров[97]. Это составляет 19,6% всей биографической литературы о В. И. Ленине, вышедшей за 50 лет (с 1918 по 1968 г.).

Изучение биографии В. И. Ленина является важным участком советской исторической науки. Опыт исторической науки, ее достижения в изучении жизни и деятельности В. И. Ленина сохраняют свою значимость и сегодня.

[94] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. Т. 1. М., 1970, с. V.

[95] Даты жизни и деятельности Ленина. 1870—1924. М., 1931.

[96] Даты жизни и деятельности Ленина. 1870—1924. М., 1933; В. И. Ленин в эпоху Второго съезда и раскола партии (Из хроники жизни и деятельности). М., 1934; Два месяца работы В. И. Ленина (Из хроники жизни и деятельности. Январь — февраль 1921 г.). М., 1934.

[97] Подсчитано по книге: Ленин в печати. Издание произведений В. И. Ленина, книг и брошюр о нем. Статистический сб. М., 1969, с. 181.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ЦИК СССР (1929—1935 гг.)[1]

Т. А. Игнатенко

Научно-исследовательская, организационная и общественно-политическая деятельность секции по изучению истории пролетариата находила довольно полное отражение на страницах журнала «История пролетариата СССР».

Инициатива создания этого журнала принадлежала Истпрофу ВЦСПС и Комиссии по истории пролетариата Общества историков-марксистов. На заседании Истпрофа ВЦСПС с представителями ЦК профсоюзов и МГСПС 25 марта 1929 г. А. М. Панкратова выступила с докладом о выпуске журнала по вопросам труда и истории рабочего и профессионального движения [2]. Заседание одобрило издание такого журнала. 15 июня 1929 г. бюро Президиума Комакадемии, заслушав доклад А. М. Панкратовой, признало целесообразным выпускать журнал по истории рабочего класса СССР в издательстве Комакадемии четыре раза в год начиная с января 1930 г. [3] Тогда же было поручено А. М. Панкратовой разработать программу журнала, уточнить его название и состав редколлегии.

Таким образом, ко времени организации секции по истории пролетариата в Институте истории уже была проведена необходимая подготовительная работа, которая значительно ускорила создание журнала.

На одном из первых заседаний секции (17 октября 1929 г.) состоялось обсуждение вопроса о выпуске журнала. Все присутствующие согласились с тем, что его нужно издавать. Мнения разделились только при выборе названия: одни предлагали назвать журнал «Пролетариат СССР и его прошлое», другие — «Пролетариат»[4]. Свои соображения о журнале и его названии секция передала коллегии Института истории. Коллегия Института истории и Президиум Комакадемии обратились в Агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) с письмом об издании жур-

[1] Окончание. Начало см.: «История и историки». М., 1975.

[2] Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 30, л. 20.

[3] *Торбек Г.* Деятельность Коммунистической Академии. Работа пленума, президиума, секций и институтов.— «Вестник Коммунистической Академии», 1929, № 33 (3), с. 277; Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 29, л. 35.

[4] Там же, д. 33, л. 33.

нала «История пролетариата СССР»[5]. В нем указывалось, что после закрытия журналов «Вестник труда»[6] и «Архив истории труда в России» (1921—1925 гг., идеологическое направление последнего не было марксистским), в СССР не издается ни одного специального журнала, освещающего исторический путь пролетариата СССР и происходящие в нем изменения. Целесообразность же создания такого органа подтверждалась рядом решений как научных московских, ленинградских и провинциальных учреждений, так и профсоюзных организаций. «Журнал,— отмечалось в письме в АПО ЦК ВКП(б),— должен быть строго марксистского и боевого политического направления, имея в виду борьбу с немарксистским и антимарксистским изложением и освещением истории пролетариата, разрабатывая в противовес им последовательную марксистскую историю пролетариата в связи с его важнейшими политическими задачами»[7].

Главное внимание журнал должен был сосредоточить на публикации результатов научно-исследовательской работы по изучению дооктябрьского и послеоктябрьского прошлого рабочего класса. В состав редколлегии журнала предлагались: А. М. Панкратова — ответственный редактор, М. Н. Покровский, П. О. Горин, С. А. Пионтковский, И. Л. Татаров, В. И. Невский, Ю. К. Милонов, Е. П. Кривошеина, В. В. Максаков. Из них четверо — М. Н. Покровский, В. И. Невский, Ю. К. Милонов, В. В. Максаков — были членами партии большевиков с дооктябрьским стажем и обладали большим опытом научно-исследовательской и революционной работы, остальные вступили в партию в 1917—1919 гг.[8] Состав редколлегии журнала «История пролетариата СССР» за пять с половиной лет его существования не оставался неизменным. Уже со второго номера журнала в составе редколлегии вместо Ю. К. Милонова, В. В. Максакова, И. Л. Татарова участвуют К. Ф. Сидоров и О. Н. Чаадаева. Номера, вышедшие в 1933—1934 гг., редактировались А. М. Панкратовой, В. И. Невским, О. Н. Чаадаевой, Е. А. Мильштейном, последние номера — № 1 (21) и 2 (22) за 1935 г.— А. М. Панкратовой, О. Н. Чаадаевой, Е. А. Мильштейном[9].

В журнале установились следующие постоянные разделы: 1 — статьи; 2 — доклады; 3 — документы и материалы; 4 — кри-

[5] Там же, д. 20, л. 12.

[6] Журнал «Вестник труда» — ежемесячный орган ВЦСПС, издававшийся с 1920 по 1928 г. В его работе принимали участие Н. К. Антипов, А. К. Гастев, Ю. Ларин, С. А. Лозовский, Б. И. Мартов, Ю. К. Милонов, А. Г. Рашин, В. Н. Сарабьянов, С. Г. Струмилин и др. В журнале публиковались материалы по истории профдвижения в России, о текущих вопросах в работе профсоюзов, а также материалы пленумов ВЦСПС, конгрессов Профинтерна и др.

[7] Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 20, л. 12.

[8] Там же, л. 13.

[9] После смерти М. Н. Покровского его фамилия оставалась на титульном листе в составе редколлегии журнала.

тика и библиография; 5 — хроника. Эти разделы в том или ином объеме сохранялись в большинстве номеров [10]. С 1930 по 1935 г. вышло 22 номера журнала «История пролетариата СССР» в 20 книжках, так как № 3—4 за 1930 г. и № 1—2 (13—14) за 1933 г. вышли сдвоенными.

Минимальный тираж журнала был 2850 экземпляров, максимальный — 6175. Большинство номеров (17 из 22) выходило тиражом от 4 тыс. до 6 тыс. экземпляров. Объем журнала не был постоянным и колебался от 11 до 22 печатных листов.

Профиль журнала, его основная тематика были четко определены в предисловии к первому номеру, написанном М. Н. Покровским, и в статье А. М. Панкратовой «Проблема изучения истории пролетариата». Подчеркнув, что история рабочего класса «становится одной из самых замечательных страниц мировой истории», М. Н. Покровский писал: «...История рабочего класса нашей страны, так, как он возник и существовал до наших дней, становится очередной исторической задачей не только для нас, но и еще больше для наших западных и восточных товарищей...» [11]. Он поставил задачу написать историю пролетариата как класса-бойца заново, «по Ленину».

А. М. Панкратова указывала на необходимость комплексной разработки истории пролетариата коллективными усилиями историков-марксистов, экономистов, социологов и сформулировала главные проблемы в исследовании истории пролетариата: происхождение пролетариата, его социальный состав, экономическое положение, история профессиональных и других организаций рабочего класса, экономическая и политическая борьба, процесс формирования пролетарской идеологии [12]. По существу предисловие Покровского и статья Панкратовой стали программными документами не только для журнала «История пролетариата СССР», но и для исследования советскими историками всей проблемы в целом и на длительное время.

Издание журнала «История пролетариата СССР» признавалось одним из «наиболее крупных начинаний Коммунистической Академии в области издательства» [13], а выход в свет его первого номера был отмечен рецензиями в ведущих исторических журналах тех лет — «Историке-марксисте» и «Пролетарской революции» [14].

Для общей характеристики журнала, определения его веду-

[10] Первые девять номеров журнала «История пролетариата СССР», вышедшие в 1930 — начале 1932 г., были органом Коммунистической Академии, Института истории, секции истории пролетариата СССР. После ликвидации секции, начиная с десятого номера за 1932 г., ее название было снято с титульного листа журнала.

[11] «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1, с. III, IV.

[12] *А. Панкратова.* Проблема изучения истории пролетариата.— «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1, с. 3—9.

[13] *Торбек Г.* Указ. соч., с. 277.

[14] *Гайсинович А.* История пролетариата СССР, 1930, сб. I.— «Историк-марксист», 1931, т. 21, с. 124—126; *Анатольев П.* История пролетариата СССР.

щих тем целесообразно дать количественное представление о материалах, опубликованных в журнале в 1930—1935 гг. по различным периодам истории рабочего класса в виде таблицы.[15]

Данные таблицы наглядно показывают, что ведущее место в журнале «История пролетариата СССР» занимали материалы по дооктябрьской истории рабочего класса (32 статьи, 16 публикаций документов, 6 библиографических материалов, всего — 54). Эта тенденция наблюдалась и при изучении истории пролетариата нерусской национальности (13 материалов), еще сильнее она обнаруживается в материалах по истории фабрик и заводов (38). Значительное преобладание этих материалов (105 из 160) вполне объяснимо: прежде чем перейти к изучению истории советского рабочего класса, необходимо было исследовать начало его «биографии». Материалы по советскому периоду (30) заняли пятую часть опубликованных статей, документов, библиографий.

На первый взгляд, не может не вызвать удивления малое количество статей по истории пролетариата в период революции 1905—1907 гг. и по методике изучения истории фабрик и заводов. При этом следует иметь в виду следующее. Во-первых, события революции 1905—1907 гг. освещались в статьях и по истории национальных отрядов пролетариата России, и по истории фабрик и заводов. Во-вторых, к 25-летнему юбилею первой русской революции секция выпустила специальный коллективный труд, куда вошли девять статей общим объемом 31 печатный лист.

Что касается статей по методике изучения истории фабрик и заводов, то они публиковались не только в журнале «История пролетариата СССР». Обзор журналов «История заводов» и «Борьба классов», которые были более доступны широким читательским и прежде всего рабочим массам, показал, что на их страницах в первой половине 30-х годов сотрудники Института истории (А. М. Панкратова, О. Н. Чаадаева, А. И. Гайсинович, М. К. Рожкова и др.) выступили с 11 статьями методического характера. Таким образом, при определении научного вклада сотрудников Института истории и, в частности, секции по истории пролетариата нельзя ограничиваться только материалами журнала «История пролетариата СССР», а необходимо по возможности привлечь весь комплекс выполненных ими работ [16].

Сб. 1. М., 1930.— «Пролетарская революция», 1931, № 4—5 (111—112), с. 159—164.

[15] В основу таблицы положены материалы, учтенные нами по 20 книжкам «Истории пролетариата СССР». Они не претендуют на исчерпывающую полноту, но дают возможность представить общую тематику журнала. Наш анализ, несмотря на некоторые количественные расхождения, подтверждается данными, полученными при рассмотрении материалов журнала в статье: *Найда С. Ф., Фрейлихер Д. Я.* О некоторых вопросах советской историографии рабочего класса СССР.— «Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. История», 1973, № 2, с. 4.

[16] См. об этом стр. 68.

Таблица 1

Количество материалов, опубликованных в журнале «История пролетариата СССР» в 1930—1935 гг.

Разделы	Статьи и доклады	Программы, схемы по изучению истории рабочего класса	Публикации документов	Библиографические материалы	Всего
Общие проблемы истории рабочего класса (методика, методология, историография)	13	3	—	—	16
История предпролетариата России:					
XVIII в.	1	—	—	—	1
I-я половина XIX в.	4	—	4	—	8
История рабочего класса России:					
2-я половина XIX в.	13	—	3	1	17
Революция 1905—1907гг.	1	—	3	2	6
1908 г. до Октября 1917 г.	13	—	6	3	22
История рабочего класса России в Октябрьской революции 1917 г. и в эпоху его диктатуры	10	—	3	1	14
История национальных отрядов рабочего класса России:					
до Октября 1917 г.	11	—	2		13
после Октября 1917 г.	7	—	2		9
История профессионального рабочего движения	7	—	—	—	7
История фабрик и заводов:					
до Октября 1917 г.	26	5	4	3	38
после Октября 1917 г.	3	2	1	—	6
Методика изучения истории фабрик и заводов	3	—	—	—	3
Итого	112	10	28	10	160

Определенный поворот в тематике статей журнала был связан с опубликованием в журнале «Пролетарская революция» (1931, № 6) письма И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». В редакционной статье «Письмо тов. Сталина и задачи секции истории пролетариата» («История пролетариата СССР», 1931, сб. 8) обращалось внимание на ускорение разра-

ботки истории пролетариата в период Октябрьской революции, в годы гражданской войны и военной иностранной интервенции, подчеркивалась необходимость повышения теоретического уровня статей. Решение этих задач нашло отражение в ряде номеров журнала «История пролетариата СССР», вышедших в 1932—1933 гг. Проблемы истории пролетариата в период Октябрьской революции освещались в статьях А. М. Панкратовой, М. И. Гильберта, О. Н. Чаадаевой, Я. П. Резвушкина, Б. М. Фрейдлина и др. Анализу марксистско-ленинского наследства по истории рабочего класса России были посвящены материалы журнала № 1—2 за 1933 г. (к 50-летию смерти К. Маркса) и № 4 за 1933 г. (к 10-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина). В Архиве АН СССР хранится отчет А. М. Панкратовой о деятельности журнала в 1932—1933 гг.[17] Этот документ был составлен в 1933 г. в ответ на запрос журнального сектора Культпропа ЦК ВКП(б) о двухлетней работе журнала после опубликования и обсуждения письма И. В. Сталина. В нем отмечались такие положительные моменты в деятельности журнала, как публикация статей по совершенно не разработанной истории пролетариата в эпоху его диктатуры, по истории профессионального движения, где господство меньшевистских и правооппортунистических концепций особенно остро давало себя знать[18]. Вместе с тем в отчете указывались и недостатки журнала: малое количество статей методологического характера, по истории предпролетариата XVIII в. и начала XIX в.; слабый теоретический уровень статей по истории пролетариата послеоктябрьского периода[19]. В плане работы журнала на 1934 г. главными темами были названы: проблема промышленной революции в России; пролетариат в Октябрьской революции, гражданской войне, в восстановительный и реконструктивный периоды; история пролетариата в колониях России и национальных республиках; пролетариат в годы первой мировой войны[20]. Особое внимание в дальнейшей деятельности журнала обращалось на разработку ленинского наследства по истории пролетариата[21].

Некоторые из этих тем получили освещение на страницах журнала в 1934—1935 гг., однако советский период в истории рабочего класса по-прежнему освещался недостаточно.

Журнал «История пролетариата СССР» был основным, но не единственным изданием, где публиковались статьи сотрудников секции по изучению истории пролетариата Института истории Комакадемии.

[17] Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 271, лл. 1—20.
[18] Там же, л. 20.
[19] Там же, л. 6.
[20] Там же, л. 8.
[21] Там же, л. 3.

*

Рассмотрение совокупности всех материалов, опубликованных в исторических журналах тех лет («Историк-марксист», «Борьба классов», «История пролетариата СССР» и др.), позволит оценить вклад секции в изучение истории рабочего класса СССР.

Главная задача, которую ставила секция — создание фундаментального, марксистского труда по истории рабочего класса СССР, могла быть решена только на основе марксистско-ленинской методологии исследования. Освоение идейно-теоретического наследства основоположников марксизма-ленинизма, его применение в практике научного исследования, при обобщении фактического материала пронизывали всю работу секции.

При создании библиографии по истории пролетариата (см. «История и историки». М., 1975, стр. 14—15) по инициативе и при активном участии сотрудников секции были собраны и систематизированы все высказывания В. И. Ленина из 30 томов третьего издания его сочинений и 23 вышедших к тому времени «Ленинских сборников». Несомненно, выявление и тематическая публикация всех ленинских оценок и высказываний оказывали помощь исследователям истории рабочего класса. На том этапе развития советской исторической науки систематизация ленинских положений по различным вопросам отечественной и зарубежной истории была явлением положительным и отвечала задачам научного исследования [22]. В докладе «XVII партконференция и задачи научно-исследовательской работы Комакадемии» М. А. Савельев говорил: «...мы должны со всей отчетливостью поставить, систематизировать и развернуть высказывания Ленина относительно отдельных фронтов, чтобы иметь четкие формулировки по этим вопросам» [23].

Заслуга секции заключалась не только в ознакомлении историков с основными положениями марксистско-ленинской концепции истории рабочего класса, но и в ее дальнейшей разработке.

В 1933 г. в связи с 50-летней годовщиной со дня смерти К. Маркса сотрудники Института истории выступили с серией статей, посвященных изучению его работ. В статьях М. В. Нечкиной, А. М. Панкратовой анализировался метод исторического исследования К. Маркса в «Капитале», подчеркивалось значение этого труда для изучения истории пролетариата, прослеживались все этапы развития К. Марксом его учения об исторической роли пролетариата [24]. М. В. Нечкина писала, что «история рабочего класса в эпоху промышленного капитализма — одна из историче-

[22] Эта работа представляется тем более ценной, что к тому времени предметный указатель был издан только к первому изданию Сочинений В. И. Ленина (1930 г.).

[23] «Вестник Коммунистической академии», 1932, № 1—2, с. 9.

[24] *Нечкина М.* Что дает историку «Капитал» Карла Маркса.— «Борьба классов», 1933, № 3—4; *Панкратова А.* Маркс и Энгельс об исторической роли пролетариата.— «История пролетариата СССР», 1933, сб. 1—2 (13—14).

ских тем, особенно полно раскрытых Марксом в «Капитале». Он проводит это исследование всесторонне»[25]. Далее автор статьи раскрывала метод Маркса, применявшийся им для исследования происхождения и формирования пролетариата, его численности, состава, положения. Панкратова, раскрывая взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на историческую миссию пролетариата, широко привлекала и использовала ленинские оценки гениального учения основоположников научного коммунизма.

Большое внимание уделялось теме «К. Маркс, Ф. Энгельс и Россия». В статьях П. И. Анатольева, В. З. Зельцера, В. И. Невского, П. П. Парадизова, Б. И. Горева рассматривались взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса на капитализм и революцию в России, на русское революционное и рабочее движение, исследовался процесс проникновения марксизма в рабочие кружки России[26]. Эти статьи явились значительным вкладом в разработку марксистской историографии рабочего класса России. Они знакомили широкий круг исследователей с оценками Маркса и Энгельса различных сторон исторического процесса России, раскрывали их метод исследования, источники их информации о революционном и рабочем движении в России.

Все исследования сотрудников Института истории по любому вопросу истории рабочего класса и его революционной борьбы основывались на ленинских трудах, а некоторые из них специально посвящались анализу ленинской концепции[27]. Изучение работ В. И. Ленина помогало переосмыслить многое из того фактического материала, который был уже собран, поставить новые, до сих пор не освещавшиеся в науке проблемы. В этом плане большой интерес представляют статьи В. З. Зельцера, обратившегося к исследованию такого сложного явления, как промышленная революция в России. Он проанализировал марксистское понимание промышленной революции, в свете ленинских работ определил ее специфику и основные этапы развития в России, подчеркнул важность изучения не только технической, но и социальной стороны

[25] *Нечкина М.* Указ. соч., с. 54.

[26] *Анатольев П.* Маркс и первые шаги рабочего движения в России.— «История пролетариата СССР», 1933, сб. 1—2 (13—14); *Невский В.* К. Маркс и русское революционное движение (эпоха 60—80 годов XIX в.) — Там же; *Зельцер В.* Маркс — Энгельс и Ленин о капитализме и революции в России.— Там же; *он же.* Маркс и Энгельс о капитализме и пролетариате в России.— «История заводов», 1933, вып. 6; *Горев Б.* Маркс и Энгельс в первых рабочих кружках царской России (70—90-е годы).— Там же; *Парадизов П.* Маркс и Энгельс о России XIX столетия.— «Историк-марксист», 1933, т. 2 (30).

[27] *Невский В. И.* В. И. Ленин как историк революционного движения в своих ранних работах.— «Печать и революция», 1929, кн. 1; *Зельцер В.* Ленин и проблема промышленной революции в России.— «История пролетариата СССР», 1933, сб. 4 (16); *он же.* В. И. Ленин о развитии российского капитализма.— «История заводов», 1934, вып. 1—2 (9—10); *Анатольев П.* Ленин и первый этап рабочего движения в России.— «История пролетариата СССР», 1933, сб. 4 (16); *он же.* Ленин и рабочее движение 60—80-х годов в России.— «История заводов», 1934, вып. 1—2 (9—10).

промышленной революции для окончательного оформления классов капиталистического общества — пролетариата и буржуазии. Процесс промышленной революции рассматривался им с учетом ленинского анализа развития капитализма в России в целом. Овладение марксистско-ленинской концепцией этой проблемы оказало ценную помощь автору в дальнейшем исследовании различных сторон промышленной революции [28]. Используя печатные источники, привлекая новый архивный материал из фондов Департамента мануфактур и внутренней торговли Ленинградского отделения Центрального исторического архива (ЛОЦИА), канцелярии московского военного генерал-губернатора (Московский областной архив), фондов Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), В. З. Зельцер показал зачаточный процесс внедрения машин в хлопчатобумажной промышленности России уже в первой четверти XIX в. Он попытался проследить и процесс формирования наемного труда на крупных централизованных мануфактурах, носивших в то время крепостной характер. Таким образом, В. З. Зельцер предпринял первые шаги в изучении промышленной революции в России, которая до сих пор признается современными историками слабо исследованной темой.

В статьях П. И. Анатольева анализировались ленинские высказывания о первом этапе рабочего движения в России — о стачках и забастовках 70—80-х годов, о первых союзах русских рабочих.

Разработка ленинской концепции истории рабочего класса имела большое значение не только для исследования этой проблемы, но и для освещения поставленной еще в начале 20-х годов важной темы советской историографии — «В. И. Ленин — историк». Как известно, роль В. И. Ленина в исследовании отечественной и зарубежной истории отмечалась в трудах В. В. Адоратского, В. А. Быстрянского, Г. Л. Лелевича, М. Н. Покровского [29]. Уже в этих общих работах содержались ценные замечания о В. И. Ленине как историке революционного движения, историке рабочего класса. Заслуга сотрудников Института истории Комакадемии, и в первую очередь его секции, состоит в том, что они первыми стали разрабатывать отдельные вопросы темы «В. И. Ленин как историк рабочего класса», о чем говорят вышеназванные статьи. В дальнейшем эта тема получила всестороннее освещение в работах советских историков.

[28] *Зельцер В.* Промышленная революция в России.— «Борьба классов», 1934, № 9; *он же.* Начало машинного производства в России.— «История пролетариата СССР», 1934, сб. 4 (20); *он же.* Из истории «рабочего образования» в России в начале XIX в.— Там же, 1933, сб. 4 (16).

[29] *Быстрянский В. А.* Ленин-историк. Историзм в ленинизме. Л., 1925; *Лелевич Г.* Ленин как историк.— «Пролетарская революция», 1924, № 4; *Покровский М. Н.* Ленинизм и русская история.— «Пролетарская революция», 1929, № 1; *он же.* Ленин и история.— «Борьба классов», 1931, № 1.

Несомненно, не все темы ленинского наследия получили должное освещение в литературе тех лет, а некоторые из них не были разработаны совсем. Это особенно относится к ленинской концепции истории советского рабочего класса. Здесь отсутствовали специальные работы, и могут быть названы лишь статьи Б. М. Фрейдлина, где рассматривалась ленинская характеристика массового рабочего творчества на первом этапе пролетарской революции и раскрывалось ленинское положение о роли рабочего класса в социалистическом преобразовании промышленности [30].

Несмотря на отдельные пробелы в разработке секцией ленинской концепции истории рабочего класса СССР, вполне объяснимые на том этапе развития исторической науки, нельзя не отметить научной значимости проделанной в этом направлении работы. Освоение марксистско-ленинского наследия поднимало теоретический уровень работ, помогало сосредоточить внимание исследователей на ведущих проблемах истории рабочего класса.

Одной из них была проблема происхождения рабочего класса и первых проявлений его классовой борьбы. Она нашла отражение в статьях М. Ф. Злотникова, М. В. Нечкиной, С. Г. Томсинского [31]. Сама тема об источниках вольнонаемного труда, о первых волнениях рабочих в крепостной России вызвала большой интерес у исследователей и оживленный обмен мнениями. Доклад М. Ф. Злотникова по этой теме обсуждался на заседании комиссии по истории пролетариата при Обществе историков-марксистов 15 ноября 1929 г.[32] Уже тогда было высказано справедливое положение о том, что вольнонаемного рабочего крепостной мануфактуры нельзя отождествлять с пролетарием, так как контингент вольнонаемных рабочих чаще всего состоял из крепостных оброчных крестьян, и эту специфику необходимо было учитывать.

Расширение документальной базы исследования, привлечение архивных документов позволили М. В. Нечкиной поставить вопрос о первых рабочих волнениях в 20-х, а также 60-х годах XIX в. в связи с реформой 1861 г.[33]

[30] *Фрейдлин Б.* Декрет о рабочем контроле.— «Историк-марксист», 1933, т. 5 (33); *он же.* Ленин и массовое рабочее творчество на первом этапе пролетарской революции.— «История заводов», 1934, вып. 1—2 (9—10).

[31] *Злотников М. Ф.* К вопросу о формировании вольнонаемного труда в крепостной России. Первая половина XVIII в.— «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1; *он же.* К вопросу о заработной плате рабочих в крепостной России. Первая четверть XIX в.— Там же, 1933, сб. 1—2 (13—14); *Томсинский С.* К вопросу о рабочих кадрах крепостной мануфактуры XVIII в.— Там же; *Нечкина М. В.* Из истории рабочего движения эпохи декабристов.— Там же, 1930, сб. 2.

[32] Доклад стал основой статьи М. Ф. Злотникова «К вопросу о формировании вольнонаемного труда в крепостной России. Первая половина XVIII в.»

[33] *Нечкина М. В.* Рабочие волнения в связи с реформой 1861 г.— «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1.

Проблема рабочего движения 60-х годов получила отражение в статье П. И. Анатольева[34]. Используя данные прессы, П. И. Анатольев составил интересную таблицу о количестве рабочих выступлений в 1860—1869 гг. Хотя, как отмечал автор, эти данные не были полными и точными, все же они позволяли приблизительно определить число участников рабочих выступлений: в 60-х годах — 90—100 тыс. человек, а в 70-х годах — 120 тыс. человек. В статье имеются и другие ценные сведения о формах борьбы, о причинах волнений, о выступлениях по профессиям[35]. Использованный автором материал позволял ему сделать вывод о первых шагах стихийного рабочего движения в 60-х годах с примитивными формами экономической борьбы. П. И. Анатольев продолжал свои исследования и опубликовал ряд статей по истории рабочего движения 70—80-х годов[36]. В своих работах он широко использовал документы архивных фондов Департамента полиции, канцелярии московского генерал-губернатора, Московского охранного отделения. Им были созданы яркие портреты первых московских рабочих-революционеров: П. Н. Николаева, А. Петрова, И. В. Баринова, А. Герасимова, П. Алексеева, известного своей обвинительной речью против самодержавия.

Изучая процесс формирования идеологии рабочего класса, П. И. Анатольев попытался выяснить один из наиболее ранних и малоисследованных этапов проникновения марксизма в рабочую среду в начале 80-х годов. Он раскрыл деятельность нелегально существовавшего в 1882—1884 гг. московского «Общества переводчиков и издателей», ставившего своей целью переводы и издания марксистской литературы. Общество перевело и издало «Коммунистический манифест», ряд работ К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова. Это был один из первых центров распространения марксизма непосредственно на территории России.

Ценные статьи по истории рабочего движения 70—80-х годов были опубликованы крупным большевистским историком ленинской школы — В. И. Невским. В широком диапазоне научных исследований В. И. Невского тема рабочего движения и создания первых социал-демократических, марксистских кружков в рабочей среде занимала видное место. Эта тема нашла отражение в его «Очерках по истории Российской Коммунистической партии» (Пг., 1923), ей он посвятил ряд специальных статей[37]. Работы

[34] *Анатольев П.* К истории рабочего движения в России 60-х годов XIX в.— «История пролетариата СССР», 1934, сб. 4 (20).

[35] Там же, с. 42, 43.

[36] *Анатольев П.* Из истории марксистской и рабочей печати в России (80-е годы).— «История пролетариата СССР», 1931, сб. 6; *он же.* Из истории стачек в России. Материалы по стачечному движению рабочих Московской области в 70-х гг.— «Борьба классов», 1933, № 2, 5; *он же.* Первые московские рабочие-революционеры (70—80-е годы XIX в.).— «Борьба классов», 1934, № 7—8.

[37] *Невский В.* К вопросу о рабочем движении в 70-е годы.— «Историк-марксист», 1927, т. 4; *он же.* «Народная Воля» и рабочие. Рабочие группы

В. И. Невского, основанные, как правило, на обширном архивном материале, обогатили советскую историографию рабочего движения 70—80-х годов данными о количестве стачек и их участников за 1870—1880 гг., сведениями о деятельности народовольцев и социал-демократов в группах рабочих, о создании первых марксистских рабочих кружков. Работы В. И. Невского высоко оцениваются современными советскими историками[38].

Среди других статей, посвященных истории рабочего движения 70—90-х годов XIX — начала XX в.[39], оригинальным исследованием является работа П. П. Парадизова. Автор проследил, как постепенно с выходом рабочего класса на авансцену русской общественной жизни «верхи» вынуждены были заниматься «рабочим вопросом» в России. Впервые его публичное обсуждение состоялось в 1870 г. на Первом всероссийском съезде фабрикантов и заводчиков, где, несмотря на некоторое различие в оттенках выступлений, правые и либерально настроенные представители буржуазии высказались против смягчения эксплуатации рабочих.

Обобщая значительный фактический материал, историки тех лет опирались на ленинские высказывания об отдельных этапах развития рабочего движения в России. Они указывали на стихийность и экономический характер стачечной борьбы пролетариата в 70-х годах, выявляли черты организованности пролетариата в классовых боях 80-х годов, отмечали возраставшую роль первых марксистских организаций, особенно петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в политической направленности рабочего движения 90-х годов XIX в.

В связи с 25-летним юбилеем первой буржуазно-демократической революции в России секцией были опубликованы статьи, освещающие положение и борьбу российского пролетариата накануне и в период революции 1905 г.[40] Среди этой группы работ особенно выделялась статья В. И. Невского, явившаяся ито-

«Народной Воли».— «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1; *он же*. На перепутье. Брусневская организация.— Там же, 1934, сб. 4 (20); *он же*. Московский рабочий Союз.— «Борьба классов», 1934, № 7—8.

[38] Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966, с. 323—324, 399, 400; *Чесноков В. И.* В. И. Невский как историк русского революционного движения.— «История и историки. Историография истории СССР». М., 1965.

[39] *Парадизов П.* «Рабочий вопрос» в России в начале 70-х годов XIX в.— «История пролетариата СССР», 1932, сб. 10; *Банин Д. М.* Рабочие и рабочее движение на Урале (70-е годы XIX столетия).— Там же, 1930, сб. 2; *Панкратова А.* К пятидесятилетию Морозовской стачки.— Там же, 1935, сб. 1 (21); *она же*. Первомайская стачка в царской России.— «Борьба классов», 1931, № 2; *Розанов М.* Обуховская оборона.— «История пролетариата СССР», 1935, сб. 2 (22).

[40] *Симоненко В.* Положение рабочего класса в 1904 г. в связи с экономическим кризисом и русско-японской войной. По материалам фабричной инспекции.— «История пролетариата СССР», 1930, сб. 3—4; *Крицман Л. Э.* Борьба пролетариата против русско-японской войны.— Там же; *Невский В. И.* Вооруженное восстание в 1905 г.— Там же.

гом его кропотливой и трудоемкой работы над архивными материалами из фонда Московского охранного отделения за 1905 г. В. И. Невский дал глубокий анализ событий 1905 г., привел сводные обобщающие таблицы о демонстрациях, политических забастовках, вооруженных столкновениях по месяцам 1905 г. и по таким крупным районам России, как Польша, Прибалтика, Юг, Центр, Урал, Сибирь [41]. Рабочее движение рассматривалось им как главное, ведущее в общем потоке революционной борьбы. Эта тема освещалась им в монографии, изданной также в 1930 г.[42]

Крупным вкладом в советскую историографию рабочего класса и революции 1905—1907 гг. явился созданный секцией коллективный труд «Пролетариат в революции 1905—1907 гг.» (М.—Л., 1930). В предисловии к сборнику указывалось, что, хотя по истории революции 1905—1907 гг. имеется обширная литература, для изучения самого революционного класса, гегемона революции — пролетариата — сделано немного. «Его классовый облик и политический рост, роль его отдельных отрядов в революционной борьбе, особенности и результаты этой борьбы, положение, организации и формы, в каких протекала борьба,— все эти вопросы мало освещались» [43]. Именно эти вопросы оказались в центре внимания авторов девяти крупных статей сборника [44]. В них были приведены новые материалы из местных и центральных архивов, широко использованы материалы прессы, печатные источники. Это позволило решить главную задачу сборника — показать громадную роль и быстро растущую политическую зрелость пролетариата как гегемона революции. Работа имела ряд существенных особенностей по сравнению с предшествующей литературой по истории революционной борьбы рабочего класса: в ней впервые в советской историографии профессиональное движение рассматривалось в органической связи с общей революционной борьбой пролетариата, а не вычленялось как самостоятельное, оторванное от процессов, происходивших в самом рабочем классе. Это давало возможность проследить все формы борьбы пролетариата в их эволюции. Рабочее движение рассматривалось в статьях сборника в непосредственной связи с выступлениями его союзников—солдат и крестьян, что позволило наиболее полно выяснить роль пролетариата как гегемона революции.

[41] *Невский В.* Вооруженное восстание в 1905 г., с. 12—14.

[42] *Невский В. И.* Рабочее движение в январские дни 1905 года. М., 1930.

[43] Пролетариат в революции 1905—1907 гг. К 25-летию революции 1905 г. М.— Л., 1930, с. VI.

[44] *Семенов Ф.* Металлисты в революции 1905—1907 гг.; *Панкратова А.* Текстильщики в революции 1905—1907 гг.; *Ростов Н.* Железнодорожники в первой революции; *Софьев В.* Горнорабочие в 1905—1907 гг.; *Шестаков А.* Сельские рабочие в революции 1905—1907 гг.; *Мильштейн А.* Пролетариат в революционном движении Сибири; *Ясинский Ч.* Пролетариат в революционном движении Польши; *Геласимова А.* Центральное бюро профсоюзов в 1905—1907 гг.; *Мильштейн Е.* Политические течения в российском профдвижении 1905—1907 гг.

Авторам статей удалось показать роль социал-демократии, и в первую очередь большевиков, в рабочем движении и тем самым опровергнуть имевшиеся в литературе утверждения о стихийном характере борьбы пролетариата в революции 1905—1907 гг. Отдельные недостатки, неточности формулировок не могли снизить научного значения данного сборника. Он представлял весомый вклад в советскую историографию рабочего класса и революции 1905—1907 гг.[45] Его материалы подтверждали ленинскую оценку пролетариата России как гегемона первой буржуазно-демократической революции эпохи империализма.

История борьбы пролетариата в годы нового революционного подъема, накануне и в период первой мировой войны освещалась в ряде статей, опубликованных в журнале «История пролетариата СССР»[46]. Большое внимание в этих статьях уделялось борьбе большевиков против ликвидаторов, меньшевиков, троцкистов, социал-шовинистов в годы войны. Авторы раскрывали роль большевистской партии в политическом воспитании рабочего класса, в формировании его идеологии. В статьях Д. Куприянова, Б. М. Фрейдлина содержатся ценные данные о нарастании стачечного движения в 1909—1911 гг., о соотношении стачек экономического и политического характера, о резком возрастании политических стачек после кровавых ленских событий 1912 г. Но вместе с тем в этих статьях содержались и отдельные неверные утверждения. Так, Б. М. Фрейдлин связывал подъем рабочего движения в 1912 г. не столько с событиями на Ленских приисках, сколько с созывом Пражской конференции большевиков[47]. В статье Б. Б. Граве анализировались тактика большевистской партии в годы войны, ее деятельность по разоблачению империалистического характера войны, сплочению левых в международном рабочем движении. В статье собран большой фактический материал о нарастании революционного кризиса в России,

[45] Это признавалось многими участниками обсуждения сборника на объединенном заседании секций истории пролетариата Института истории и Общества историков-марксистов 20 марта 1931 г. Вместе с тем в выступлениях А. В. Шестакова, В. В. Максакова, К. Ф. Сидорова и др. была дана справедливая критика ряда ошибочных положений, содержащихся в статьях сборника (Сборник «Пролетариат в революции 1905 г.» (Критический разбор).— «История пролетариата СССР», 1931, сб. 6, с. 132—155).

[46] *Граве Б.* Ликвидаторство и массовое движение в годы подъема.— «История пролетариата СССР», 1931, сб. 5; *она же.* Пролетариат России в период империалистической войны.— Там же, 1934, сб. 2 (18); *Витко И.* Положение ленских рабочих накануне забастовки 1912 года.— Там же, 1932, сб. 10; *Куприянов Д.* Рабочее движение в Ленские дни 1912 г.— Там же; *Соловьева Т.* Пролетариат Ленских приисков во время войны.— Там же, 1934, сб. 2 (18); *Фрейдлин Б.* Массовое рабочее движение накануне империалистической войны.— Там же.

[47] Критический анализ статей Куприянова Д., Фрейдлина Б. М., Граве Б. Б. дан в статье: *Иванова Н. А.* Вопросы стачечной борьбы пролетариата России в советской историографии.— «Исторические записки», М., 1970, т. 85, с. 332—335.

о возникновении революционной ситуации в конце 1916 — начале 1917 г. Эта статья Б. Б. Граве как бы продолжала тему ее монографии [48], признанной современными специалистами первой попыткой всестороннего исследования истории пролетариата в военные годы [49].

Изучение рабочего класса в дооктябрьский период позволило секции создать первый обобщающий труд по этой проблеме. В 1932 г. были выпущены «Очерки истории пролетариата СССР», которые в предисловии характеризовались как «первый выпуск большой работы по истории пролетариата СССР, подготовляемой секцией истории пролетариата» [50]. Предполагалось издать еще два выпуска «Очерков» — второй посвятить истории пролетариата 1917 г. (между Февралем и Октябрем), третий — периоду Октябрьской революции и социалистического строительства. Первый выпуск «Очерков», состоящий из пяти крупных статей [51], освещал исторический путь пролетариата с первых шагов его возникновения до Великой Октябрьской социалистической революции. Несмотря на очерковый характер, этот труд был первым, где достаточно полно и с марксистско-ленинских позиций излагалась история пролетариата нашей страны. Он явился итогом многолетней творческой работы советских историков второго поколения, с честью воспринявших эстафету научного исследования у первых историков-марксистов.

Изучение истории рабочего класса дооктябрьского периода создавало необходимый фундамент для разработки его истории в советское время.

Ценной для изучения истории советского рабочего класса явилась статья видного деятеля большевистской партии, одного из организаторов советской исторической науки — П. Н. Лепешинского [52]. Статья носила методологический характер и намечала

[48] *Граве Б.* К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г.— февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.— Л., 1926.

[49] Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, с. 406. Книга Б. Б. Граве получила высокую оценку и в литературе 20-х годов (*Шестаков А.* Б. Граве. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г.— февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.— Л., 1926.— «Историк-марксист», 1926, т. 1, с. 312—313; *Пресняков А.* Б. Граве. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. М.— Л., 1926.— «Каторга и ссылка», 1926, № 5 (26), с. 285—287).

[50] *Граве Б. Б., Нечкина М. В., Панкратова А. М., Сидоров К. Ф.* Очерки истории пролетариата СССР. Пролетариат царской России. М., 1932, с. 4.

[51] *Нечкина М. В.* Рабочие крепостной России. (С XVI в. до реформы 1861 г.); *Панкратова А. М.* Рабочий класс и рабочее движение в эпоху промышленного капитализма (1861—1900 гг.); *она же.* Пролетариат в революции 1905—1907 гг.; *Граве Б. Б.* Рабочий класс и рабочее движение в годы реакции и подъема; *Сидоров К. Ф.* Рабочий класс в годы империалистической войны и Февральской революции.

[52] *Лепешинский П. Н.* Пролетариат и его партия в эпоху диктатуры рабочего класса. (К проблеме изучения истории пролетариата послеоктябрьского периода).— «История пролетариата СССР», 1930, сб. 2.

основные вехи научного исследования такой большой и важной темы, как взаимоотношения партии и рабочего класса в эпоху его диктатуры. Признавая сложность задачи воссоздания истории советского рабочего класса, П. Н. Лепешинский подчеркнул, что она может быть решена только коллективными усилиями историков. Среди сотрудников секции было мало специалистов по истории советского рабочего класса. По существу этой темой занимались О. Н. Чаадаева, Б. М. Фрейдлин, Я. П. Резвушкин, М. И. Гильберт [53].

В работе О. Н. Чаадаевой на основе данных Архива Октябрьской революции, Архива Красной Армии, Облархива, печатных и анкетно-биографических материалов из составленного в Институте истории особого «Красногвардейского фонда» шаг за шагом прослеживалась история создания рабочих отрядов Красной гвардии, их вооружение и участие на всех этапах развития революции от Февраля до Октября 1917 г. Автор не ограничилась подробным рассмотрением роли красногвардейцев в октябрьские дни в Петрограде, она изучила их участие в революционных событиях 1917 г. в Москве и других крупных городах страны. Статья основана на анализе ленинских положений, партийных документов о необходимости вооружения пролетариата для победоносного завершения социалистической революции. Залог успеха дальнейшего исследования проблемы О. Н. Чаадаева справедливо видела в совместных усилиях гражданских и военных историков.

В статьях Б. М. Фрейдлина, Я. П. Резвушкина освещалась роль пролетариата в установлении рабочего контроля над производством, его деятельность по национализации фабрик и заводов в первый год пролетарской диктатуры [54]. Заслугой авторов является использование таких архивных документов, как протоколы фабрично-заводских комитетов — этих боевых организаций рабочего класса, сыгравших большую роль в социалистическом преобразовании промышленности. Определенная ясность была внесена авторами в хронологические рамки первого этапа социалистического строительства. На основе обширного фактического материала они охарактеризовали выделенный В. И. Лениным период так называемой «красногвардейской атаки на капитал», критике подверглось предложение некоторых исследователей тех лет весь пе-

[53] *Чаадаева О. Н.* Вооружение пролетариата в 1917 г.— «История пролетариата СССР», 1932, сб. 11, 12; Там же, 1933, сб. 3 (15); *она же.* Октябрь на фронте.— «Борьба классов», 1931, № 6—7; *Фрейдлин Б.* Борьба предпринимателей против рабочего контроля в 1917 г.— Там же; *он же.* «Красногвардейская» атака на капитал.— «История пролетариата СССР», 1933, сб. 4 (16); *Резвушкин Я.* Пролетариат на первом этапе социалистического строительства. (От Октября до «военного коммунизма»).— Там же, 1932, сб. 11; *Гильберт М.* К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны.— Там же, 1934, сб. 3 (19); там же, 1935, сб. 1 (21).

[54] Подробнее о работах этих авторов см.: *Игнатенко Т. А.* Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР. 1917—1967. М., 1971, с. 122—126.

риод от Октября до нэпа отнести к «военному коммунизму». Ошибки такого характера содержались и в статье А. Баранова, помещенной на страницах журнала «История пролетариата СССР» [55]. В статье имелись и другие неверные положения, в частности о том, что социализм зарождается в недрах капиталистического общества [56]. Редколлегия журнала признала статью слабой и считала ее публикацию своей ошибкой [57].

Из других статей по послеоктябрьскому периоду [58], опубликованных в журнале, наибольшую ценность представляли статьи Н. М. Добротвора и М. И. Гильберта.

Деятельность рабочих продотрядов рассматривалась Добротвором как существенная часть общего вопроса о союзе пролетариата и трудящегося крестьянства в пролетарской революции. Он показал значение продотрядов не только в заготовке хлеба в трудный 1918 год, но и их роль в утверждении советских порядков в деревне, в укреплении союза рабочего класса с крестьянской беднотой. Примечательно, что статья Н. М. Добротвора была главой из подготовленной автором диссертации в Институте Красной профессуры (ИКП) [59], и факт ее публикации на страницах ведущего журнала по истории рабочего класса СССР свидетельствовал о стремлении редколлегии привлечь к работе в журнале молодые научные кадры.

Большая статья М. И. Гильберта — крупное явление в советской историографии рабочего класса тех лет. Она не потеряла своего научного значения и по настоящее время. Используя самые разнообразные печатные и архивные материалы, автор обобщил данные о составе промышленных рабочих России в 1913—1917 гг., проследил значительные изменения в численности, концентрации, составе рабочего класса, в его распределении по отраслям промышленности в первые годы пролетарской диктатуры — 1917—1920 гг. Оговаривая неточность собранных сведений неполнотой, а по некоторым вопросам и отсутствием каких бы то ни было источников, М. И. Гильберт в многочисленных таблицах обобщил громадный фактический материал, позволивший ему сделать важные научные выводы. Автор отметил значительные изменения в составе рабочего класса под влиянием империалистиче-

[55] *Баранов А.* К вопросу об изучении экономической политики пролетариата в годы гражданской войны и интервенции.— «История пролетариата СССР», 1931, сб. 8.

[56] Там же, с. 35.

[57] Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 271, л. 6.

[58] *Минц И.* Меньшевики в борьбе против пролетарской диктатуры.— «История пролетариата СССР», 1931, сб. 6; *Амбросенок Р.* Викжель в Октябрьские дни.— Там же, 1933, сб. 3 (15); *Добротвор Н.* Продотряды в первоначальный период их организации.— Там же, 1933, сб. 4 (16); *Гильберт М.* Указ. соч.— Там же, 1934, сб. 3 (19); там же, 1935, сб. 1 (21); *Костомаров Г.* Московский Совет и оборона страны. (1918—1920 гг.).— Там же, 1934, сб. 3 (19).

[59] Об этом сообщалось в примечании к статье Н. М. Добротвора.

ской войны: распыление основных кадров промышленных рабочих в результате мобилизации, усиление мелкобуржуазной прослойки среди рабочих, увеличение применения женского и детского труда. Процесс распыления рабочего класса продолжался и в годы гражданской войны. Он объяснялся резким сокращением производства и отливом части рабочих в деревни, активным участием рабочих в Красной Армии, в государственных, хозяйственных, партийных и профессиональных органах, в продотрядах и т. д. Численность рабочего класса, по подсчетам автора, в 1917—1920 гг. уменьшилась приблизительно в 2 раза, и все же значительная часть рабочих, занятых на производстве в эти годы, имела дореволюционный стаж работы и составляла кадровую основу пролетариата [60]. М. И. Гильберт раскрыл основные направления политики Советского государства и большевистской партии по восстановлению, сохранению и увеличению численности промышленного пролетариата нашей страны в 1917—1920 гг. По существу работа М. И. Гильберта явилась первой попыткой исторического исследования социального состава рабочего класса в первые годы Советской власти. До него состав фабрично-заводских рабочих изучался главным образом в работах экономистов, среди которых видное место занимают труды С. Г. Струмилина. А. Г. Рашина, опубликованные в 20—30-х годах [61]. В настоящее время состав и численность советского рабочего класса в 1917—1920 гг. (в целом и по отдельным областям и городам) исследуется в работах Л. С. Гапоненко, Е. Г. Гимпельсона, Д. А. Коваленко, В. З. Дробижева, М. А. Рубача, З. В. Степанова и других авторов. Ими внесены определенные уточнения, установлены новые данные, но ряд сведений, приведенных М. Гильбертом, и до сих пор используется советскими историками [62].

В изучении методов социального состава рабочего класса СССР немаловажное значение имела статья Б. Л. Маркуса [63]. Автор предложил выделить такие критерии при определении основных типов рабочих СССР, как социальное происхождение, трудовой стаж, связь с землей, производственная характеристика. Эти признаки позволили автору установить три основных социальных типа советского рабочего. Статья Б. Л. Маркуса, носящая методологический и методический характер, впервые в советской историографии поставила ряд существенных вопросов изучения

[60] *Гильберт М.* Указ. соч.— «История пролетариата СССР», 1935, сб. 1 (21), с. 149, 150.

[61] *Струмилин С. Г.* Избранные произведения, т. 3. Проблемы экономики труда. М., 1964; *Рашин А. Г.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930.

[62] *Коваленко Д. А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970, с. 231, 232, 233, 239; *Гимпельсон Е. Г.* О численности промышленных рабочих Советской республики в годы гражданской войны (1918—1920).— «История СССР», 1972, № 1, с. 72, 73, 77.

[63] *Маркус Б. Л.* К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата.— «История пролетариата СССР», 1930, сб. 2.

социальной структуры рабочего класса и представляет научный интерес и для современных исследователей [64].

Разработка основных проблем истории рабочего класса СССР шла не только на материалах истории русского пролетариата, но и пролетариата национальных регионов страны. История борьбы национальных отрядов пролетариата освещалась в общих работах по истории рабочего класса России, ей посвящались специальные статьи в журнале Института истории — «История пролетариата СССР». За годы существования журнала (см. табл. стр. 66) в нем было опубликовано 22 статьи по истории многонационального пролетариата России [65], из них по Украине — 6, Закавказью — 6, Татарии — 4, Финляндии — 1, Польше — 4, Белоруссии и Литве — 1. Тринадцать статей посвящались дооктябрьскому периоду, 9 — освещали историю борьбы пролетариата Польши, Украины, Грузии, Азербайджана, Финляндии за Советскую власть в 1917—1920 гг. Авторами этих работ были не только сотрудники Института истории (Е. Я. Драбкина, Ч. И. Ясинский, Е. Герман и др.), но и исследователи из национальных научных центров — Н. Попов (Украина), Г. Хачапуридзе (Закавказье), М. К. Корбут, Е. Медведев (Татария) и другие историки. Таким образом, вокруг этого журнала группировались историки, изучавшие различные национальные отряды рабочего класса России. Центральными проблемами в их работах были: выявление закономерностей и специфики формирования местных кадров рабочих, их идеологии, связей с борьбой русского рабочего класса; анализ сложных политических и экономических условий, в которых национальный пролетариат боролся за установление Советской власти. Раскрытие этих проблем помогало опровергнуть некоторые имевшиеся в то время националистические утверждения об отсутствии пролетарской базы для свершения социалистической революции в национальных окраинах, о привнесении ее извне русскими рабочими [66]. Резкой критике подвергались меньшевистские положения о необходимости классового сотрудничества национальной буржуазии и пролетариата, о выдвижении перед пролетариатом прежде всего задач национального освобождения [67].

[64] Подробнее о статье Б. Л. Маркуса см.: *Дробижев В. З., Дробижева Л. М.* Некоторые вопросы социальной структуры рабочего класса СССР в литературе 20-х и 30-х годов.— В кн.: Строительство Советского государства. М., 1972, с. 173—175.

[65] При подсчете учитывались и вводные статьи к публикациям документов.

[66] Такие утверждения имелись в националистической буржуазной украинской историографии. Они находили некоторое отражение и в советской украинской историографии. Против них была направлена статья: *Анатольев П.* К вопросу о формировании пролетариата Украины.— «История заводов», 1934, вып. 8.

[67] *Драбкина Е.* Тюркский пролетариат в революции и гражданской войне (Процесс изживания великодержавного и местного шовинизма в бакинском рабочем движении).— «История пролетариата СССР», 1931, сб. 5, 6.

Некоторые статьи, опубликованные в журнале «История пролетариата СССР», представляли собой главы или части глав из подготовлявшегося к печати II тома «Истории гражданской войны» [68], разделы монографий [69], переработанные главы диссертаций [70]. Они свидетельствовали о том, что в советской историографии начала 30-х годов изучалась не только история русского пролетариата, но и пролетариата многочисленных национальностей России и тем самым создавался будущий фундамент для написания обобщающей работы по истории рабочего класса СССР в целом.

Изложенный выше материал позволяет сделать вывод о большой и плодотворной научно-исследовательской деятельности Института истории и его секции по изучению истории пролетариата СССР. Сотрудники секции много сделали для разработки ленинской концепции истории рабочего класса и рабочего движения в России. Ими была создана программа изучения этой проблемы, намечено решение ряда узловых тем истории рабочего класса. Однако нельзя не отметить, что более интенсивно шло изучение истории рабочего класса дооктябрьского периода: на нем концентрировались усилия значительной группы сотрудников секции, этому периоду посвящено преобладающее количество статей и публикаций документов в журнале «История пролетариата СССР». Изучение истории советского рабочего класса явилось совершенно новой проблемой, рожденной событиями Октября 1917 г. Здесь все надо было начинать заново, и задача эта была не из легких. Накопление фактического материала, его систематизация, разработка марксистских методов научного исследования на основе трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, формирование новых кадров историков по советскому периоду — все это требовало времени и не могло дать сразу значительных результатов. Эти обстоятельства следует иметь в виду, когда речь идет об оценке исследований по истории советского рабочего класса в 20—30-х годах.

*

Превратившись в научный центр разработки истории рабочего класса СССР, секция стремилась установить контакты с научно-историческими, архивными учреждениями, развернуть работу

[68] *Попов Н.* Октябрь на Украине.— «История пролетариата СССР», 1934, сб. 1 (17); *Лехен Т.* Пролетариат Финляндии в борьбе за власть.— Там же, 1934, сб. 3 (19).

[69] *Семеркин П.* Рабочее движение на Северном Кавказе в революцию 1905 г. (январь — октябрь). (Главы из подготавливаемой автором работы «Рабочий класс Северного Кавказа в революции 1905 г.»).— Там же, 1935, сб. 1 (21); *Ясинский Ч.* Октябрьская революция и рабочий класс Польши. (Вводная глава работы «Борьба польского пролетариата против интервенции в 1919—1921 гг.»).— Там же, 1933, сб. 3 (15).

[70] *Круть В.* Пролетариат Украины в борьбе с германским империализмом и гетманщиной.— «История пролетариата СССР», 1934, сб. 3 (19).

местных отделений Общества историков-марксистов в нужном ей направлении.

Секция вступила в соглашение с Центрархивом и вела совместную работу по выявлению и каталогизации архивных материалов по истории пролетариата [71]. Сотрудники секции были активными участниками научных совещаний, проводимых комиссией по изучению истории профессионального движения в России (Истпроф [72]). Они обратились к составителям сборника документов и материалов «Октябрьская революция и фабзавкомы» с предложением выпустить общими усилиями IV и V тома сборника, посвященные деятельности фабрично-заводских комитетов в январе — марте 1918 г. в центре и на местах [73]. Секция имела связи с Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина, Обществом старых большевиков, Обществом бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Сотрудники секции принимали самое непосредственное участие в работе Главной редакции «Истории заводов»: А. М. Панкратова была ее членом, П. И. Анатольев, А. И. Гайсинович входили в состав редколлегии сборника «История заводов». Прочные контакты существовали с редакциями журналов «Историк-марксист», «Борьба классов», на страницах которых публиковались статьи членов секции.

Секция сделала первые шаги в постановке и координации изучения проблемы в различных научных центрах страны. Наиболее тесные связи существовали с секцией по истории пролетариата Института истории Ленинградского отделения Комакадемии (ЛОКА). Еще осенью 1928 г. при исторической секции Ленинградского института марксизма (ЛИМ) была создана подсекция по изучению истории профессионального и рабочего движения [74]. После образования Института истории ЛОКА в апреле 1931 г. при нем была организована секция истории пролетариата, которая объединяла всех коммунистов—историков рабочего и профессионального движения Ленинграда. Секция занималась подготовкой к печати трехтомной «Истории революционного движения на «Красном путиловце»» [75]. В секции работали три бригады: архивная, библиографическая и воспоминаний. Секции обменивались взаимной информацией о своей деятельности, наметили совместное издание сборника статей по истории стачечного движения в 1905—1907 гг.[76]

Придавая большое значение сбору и изучению автобиографического материала о рабочих — участниках революции 1917 г.,

[71] Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 32, л. 20.
[72] ЦГАОР СССР, ф. 6935 (Истпроф ВЦСПС), оп. 1, д. 152, лл. 6, 13.
[73] Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 109, л. 48. Три тома этого сборника были выпущены в 1927—1929 гг. под грифом Истпрофа.
[74] Хроника.— «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1.
СССР», 1932, сб. 9.
[76] Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 32, лл. 14, 39.
[75] Секция истории пролетариата ЛОКА.— «История пролетариата

секция оказала непосредственную помощь в постановке этой работы в Белорусском обществе историков-марксистов, в Азербайджанском научно-исследовательском институте при Азербайджанском ЦИК, Закавказском институте истории партии, Институте марксизма-ленинизма при ЦИК Грузии. В эти центры были посланы необходимые методические материалы, а в Минске и Баку с инструктивными докладами выступил сотрудник секции Б. И. Горев [77].

Сообщения о ходе работы по изучению истории пролетариата на местах публиковались в отделе «Хроника» журнала «История пролетариата СССР» [78].

С секцией вели переписку отдельные авторы, извещавшие о наличии у них интересных материалов и согласовывавшие темы своих статей по истории рабочего класса. Секция оказывала помощь тем авторам с мест, чьи работы представляли научный интерес.

Таким образом, секция стремилась к расширению контактов с различными центральными и местными историческими учреждениями и обществами, занимавшимися историей рабочего класса, оказывала им действенную помощь, пыталась координировать их работу в исследовании этой большой и сложной проблемы по стране в целом. Вместе с тем, недостаток местных марксистских кадров, отсутствие у самой секции необходимых средств ограничивали рамки этой полезной научно-организационной деятельности, но все же первые шаги в этом направлении были сделаны.

В конце 20-х — начале 30-х годов советские историки проявили инициативу в создании интернационального центра по изучению истории рабочего класса и крестьянства. Зимой 1929 г. от имени Института истории Комакадемии было составлено обращение в Международный комитет исторических наук с предложением о создании комиссии по изучению истории социальных движений и истории пролетариата. Предполагалось объединить усилия историков различных стран, занимавшихся этой проблемой. Это предложение советская делегация (Н. М. Лукин, В. П. Волгин, Г. С. Фридлянд) внесла на сессии Международного комитета исторических наук в Кембридже (28 апреля — 4 мая 1930 г.). Бюро Комитета санкционировало создание такой комиссии [79]. Ее организационное заседание было проведено во время Международного исторического конгресса в Варшаве в 1933 г. Она стала называться комиссией по истории социальных движений

[77] Хроника.— «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1, с. 296; Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 72, лл. 94, 107, 117.

[78] Изучение истории пролетариата в Нижнем Новгороде.— «История пролетариата СССР», 1930, сб. 1; Научно-исследовательская работа по истории пролетариата в Азово-Черноморском крае.— Там же, 1935, сб. 1 (21) и др.

[79] *Фридлянд Г.* Международный комитет исторических наук в Кембридже (28 апреля — 4 мая 1930 г.).— «Историк-марксист», 1930, т. 17, с. 130, 131.

XVIII—XIX вв. Председателем бюро комиссии стал норвежский профессор Кут, его заместителями — Н. М. Лукин и французский ученый Буржен [80]. Стремлением привлечь внимание научной общественности к проблемам истории рабочего класса в значительной степени был обусловлен и выбор темы доклада А. М. Панкратовой на Варшавском конгрессе. В письме в Общество историков-марксистов А. М. Панкратова предложила две темы для доклада — «Октябрьская революция и ее влияние на европейское рабочее движение» и «История заводов в СССР» [81]. Была выбрана вторая тема, которая, как известно, вызвала большой интерес и привлекла внимание исследователей к социальным аспектам изучения истории фабрик и заводов.

Еще в 1926 г. советские историки добились введения в ежегодник «Международная историческая библиография» (издание Международного исторического комитета) специального раздела, куда включались исследования по истории рабочего движения, социализма, коммунизма. Ранее они помещались под рубрикой «История права» [82]. Выделение особого раздела позволило наглядно отразить рост исследований по этим проблемам. Если в 1926 г. среди 80 названий книг, перечисленных в разделе «Рабочее движение и социализм», доминировала продукция буржуазных историков, то из 110 названий в 1928 г. до 80% составляли работы советских авторов [83]. Возрастание интереса в мировой исторической науке к экономической и социальной истории и, в частности, к темам рабочего движения и социализма наглядно подтверждается следующими данными: в процентном отношении работы 1932 г. к 1926 г. по всему отделу экономической и социальной истории составили 183,5%, а по рубрике рабочего движения — 174,2% [84].

Таким образом, советские историки-марксисты привлекли внимание мировой исторической науки к изучению истории трудящихся классов и прежде всего рабочего класса.

*

Развитие советской исторической науки в 20-х — начале 30-х годов характеризовалось не только постановкой и изучением новой проблематики, но и поисками новых форм организации научного исследования. В эти годы общепризнанным стал метод коллектив-

[80] *Лукин Н.* VII Международный исторический конгресс в Варшаве.— «Историк-марксист», 1933, т. 5 (33), с. 128. В состав комиссии были намечены также советские историки: В. И. Волгин, А. М. Панкратова, Н. Н. Ванаг, В. М. Далин, С. Г. Томсинский, Г. С. Зайдель («Историк-марксист», 1933, т. 1 (29), с. 158).

[81] Архив АН СССР, ф. 359, оп. 21, д. 11, л. 18.

[82] «Историк-марксист», 1932, т. 6 (28), с. 149.

[83] *О. Старосельская.* Международная историческая библиография. 3-й год изд.— 1928; 4-й год изд.— 1929; 7-й год изд.— 1932. Вашингтон, 1933—1934 гг.— «Историк-марксист», 1934, т. 6 (40), с. 98.

[84] Там же, с. 99—100.

ной разработки проблем, обусловивший и организацию научной работы. Деятельность секции по изучению истории рабочего класса основывалась на коллективном принципе научного исследования. Каждый член секции, участвуя в одной из ее комиссий, вносил свой вклад в разработку проблемы. Индивидуальная научно-исследовательская работа являлась частью коллективной деятельности секции. Имеющиеся в архиве протоколы секции содержат большой фактический материал об обсуждении на ее заседаниях докладов, статей, глав или разделов монографий ее сотрудников. Внутри самой секции для большей результативности научного исследования создавались творческие группы, объединенные единством темы: 1) по истории рабочего класса эпохи империализма; 2) по изучению истории пролетариата эпохи Октябрьской революции и диктатуры пролетариата; 3) по изучению истории пролетариата в национальных республиках; 4) по монографическому изучению промышленных предприятий «Серп и Молот» и Трехгорная мануфактура [85]. В конце 1931 г. была выделена бригада по теме «Новое в рабочем классе». Для исследования был взят период первой пятилетки (1928—1932 гг.). Члены бригады проводили социальные обследования групп рабочих различных профессий на определенных предприятиях, выявляли и собирали необходимый документальный материал. Недостаток квалифицированных кадров, отсутствие готовых методологических и методических принципов изучения такого материала сильно затрудняли работу бригады, но она все же смогла составить программу, определившую наиболее важные моменты исследования «Нового в рабочем классе» [86]. К работе тематических групп секции привлекались сотрудники комвузов, Института красной профессуры, институтов Комакадемии. Существование таких групп в рамках секции позволяло сконцентрировать усилия коллектива ученых на разработке определенной темы и обеспечивало широкую возможность обмена мнениями и должного критического обсуждения в кругу специалистов. Итоги научной работы тематических групп обобщались в направлении изучения проблемы в целом.

В 1932 г. был разработан и утвержден новый пятилетний план научной работы Комакадемии. С целью обеспечить его выполнение было признано целесообразным ликвидировать разделение институтов Комакадемии на многочисленные секции и создать отдельные бригады по основным проблемам науки согласно новому производственному плану [87]. В 1933 г. в Институте истории были

[85] Архив АН СССР, ф. 359, оп. 1, д. 66, лл. 48—49.

[86] О работе бригады «Новое в рабочем классе».— «История пролетариата СССР», 1931, сб. 6; там же, 1932, сб. 9.

[87] *Савельев М. А.* XVII партконференция и задачи научно-исследовательской работы Комакадемии.— «Вестник Коммунистической академии», 1932, № 1—2, с. 13—15. Подобная реорганизация была проведена по всем институтам Комакадемии в январе — марте 1932 г.

созданы три научно-исследовательские группы: по истории России и СССР; по истории промышленного капитализма и довоенного империализма; по истории мировой войны и послевоенного империализма [88]. Перестройка объяснялась необходимостью изучения наиболее актуальных проблем по разным разделам исторической науки и максимального использования всех научных сотрудников. Большая часть сотрудников бывшей секции истории пролетариата СССР вошла в первую группу.

В результате реорганизаций 1932—1933 гг. секция истории пролетариата СССР как единый научный центр разработки этой проблемы перестала существовать. Однако в первые годы после ее ликвидации изучение истории пролетариата в Институте истории не прекращалось. Большая работа, проведенная секцией в 1929 — начале 1932 г., намеченные ею планы служили основой дальнейших исследований сотрудников бывшей секции, хотя уже вне рамок единого научного коллектива. Тема истории рабочего класса СССР занимала ведущее место в общей работе Института истории. Так, среди работ института, сданных в печать и находящихся в стадии подготовки на 1933 г., были названы девять работ по истории промышленности и рабочего класса и среди них — монографии М. В. Нечкиной («История освобождения крепостных рабочих», 20 авт. л.), П. П. Парадизова («Мальцевские заводы XVIII и XIX вв. (К истории промышленного капитализма в России)», 15 авт. л.), В. З. Зельцера («Промышленный переворот в России», 10 авт. л.) и др.[89] Коллектив бывшей секции продолжал активное сотрудничество в журналах «История пролетариата СССР», «История заводов», «Борьба классов». Об этом говорят уже упомянутые выше опубликованные в этих журналах статьи А. М. Панкратовой, М. В. Нечкиной, П. П. Парадизова, В. З. Зельцера, П. И. Анатольева и др.

Однако распыление сил историков-специалистов по отдельным бригадам и группам не давало возможности сконцентрировать их усилия на создании капитальных работ по истории рабочего класса. Важной задачей было обобщение громадного материала, выявленного в ходе разработки истории отдельных промышленных предприятий. Эти обстоятельства обусловили создание в январе 1934 г. в Институте истории научно-исследовательской группы по истории пролетариата СССР. Она возглавлялась бюро в следующем составе: А. М. Панкратова — руководитель группы, Н. Н. Ванаг, О. Н. Чаадаева, П. П. Парадизов и представители редакции «Истории заводов» и «Истории граж-

[88] Подробнее о реорганизациях 1932—1933 гг. см.: О работе Института истории за первое полугодие 1932 г.— «Историк-марксист», 1932, т. 3 (25); В Институте истории Комакадемии.— «Историк-марксист», 1933, т. 3 (31); «Вестник Коммунистической Академии», 1932, № 7—8; 1934, № 1, с. 71.

[89] В Институте истории Комакадемии.— «Борьба классов», 1933, № 8—9, с. 163.

данской войны»[90]. Группа отмечала, что в результате деятельности ранее существовавшей секции по истории пролетариата, ее журнала, а также работы редакции «Истории заводов», Центрархива и др. «к настоящему времени имеются уже минимально необходимые предпосылки для успешного приступа к созданию монументальной истории промышленности и рабочего класса нашей страны»[91]. Решено было начать подготовку «Очерков по истории промышленности и рабочего класса России и СССР» (XVIII—XX вв.), которые предполагалось издать в двух томах (четырех полутомах), объемом 140—160 авт. л. По мнению членов группы, этот труд должен представлять собой конкретно-исторический исследовательский комментарий к ленинской схеме истории развития России[92]. На группу было возложено координирование работы и привлечение к ней всех научно-исторических учреждений Союза. По плану Института истории часть задуманных «Очерков» — «Историю промышленности и рабочего класса СССР в XVIII—XIX вв.» (объемом в 40—45 авт. л.) — предполагалось закончить к июню 1935 г. В состав редколлегии данного издания вошли Н. Н. Ванаг, А. М. Панкратова, П. П. Парадизов[93]. В разработке проблем, подлежащих освещению в двухтомнике, приняли участие члены бывшей секции: П. И. Анатольев, В. З. Зельцер, М. В. Нечкина, А. И. Гайсинович, П. П. Парадизов, А. М. Панкратов, Б. М. Фрейдлин, Ч. И. Ясинский, В. А. Бухина, О. Н. Чаадаева, Е. Герман, Б. И. Горев и др. Издание «Очерков» планировалось осуществить к 18-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. План двухтомника и графики работы каждого сотрудника были обсуждены и утверждены на заседании главной редакции «Истории заводов»[94]. Однако эти планы в те годы так и остались нереализованными.

Обобщая изложенный выше материал об изучении истории пролетариата СССР в Институте истории в 1929—1935 гг., можно сделать следующие выводы.

Секция истории пролетариата СССР была первым специальным научным центром по исследованию истории рабочего класса нашей страны. Подготовленная всем предшествующим ходом развития марксистской исторической науки, секция способствовала дальнейшему поступательному движению в разработке одной из самых крупных и важных проблем советской историографии — истории пролетариата СССР.

[90] «История пролетариата СССР», 1934, сб. 1 (17), с. 230.
[91] Там же.
[92] Там же.
[93] Группа по истории пролетариата СССР.— «История пролетариата СССР», 1934, сб. 2 (18).
[94] «Борьба классов», 1934, № 4, с. 101.

Главная заслуга секции состоит в изучении и применении марксистско-ленинской методологии научного исследования этой проблемы на основе глубокого и всестороннего освоения трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Принципы марксистско-ленинской методологии пронизывали все направления деятельности секции — в создании научно-исследовательских трудов по истории рабочего класса, в розыске и публикации архивных источников, библиографии. Результаты этой работы не были случайны, так как большинство сотрудников секции еще в стенах советских исторических учреждений прошли серьезную школу идейно-теоретического воспитания, овладевая марксистско-ленинской методологией исторической науки [95]. Деятельность секции сыграла большую роль в развитии советской историографии. Разработанные ею методологические и методические принципы изучения истории фабрик и заводов до сих пор используются историками всех социалистических стран в исследовании этой проблемы и служат серьезным оружием в борьбе с буржуазной методологией изучения истории отдельных предприятий.

Немало было сделано секцией по сбору и обработке биографий рабочих — участников революционных событий 1905 и 1917 гг. Как опубликованные, так и неопубликованные секцией материалы могут служить важным источником для составления биографического словаря рабочего движения в России. Работа в этом плане уже ведется в ГДР, Бельгии, Франции [96].

Структура секции, принципы ее деятельности свидетельствовали о рождении новых форм организации научных исследований в советской исторической науке. Сочетание коллективных и индивидуальных методов исследования обеспечивало высокую результативность работы секции в целом.

Устанавливая связи с различными историческими учреждениями, секция сделала первые шаги по координации исследования проблемы и в какой-то степени предвосхитила проблемные научные советы, возникшие во второй половине 50-х годов.

Секция не смогла выполнить поставленную перед ней главную задачу — создание обобщающего труда по истории рабочего класса СССР, но она многое сделала в этом направлении. И то, что сегодня, в 70-х годах, советские историки внимательно изучают и используют труды секции, ее опыт в организации исследования говорит о том, что деятельность ее была плодотворной.

[95] *Иванова Л. В.* У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917—1929 гг.). М., 1968; *Волин М. С.* В. И. Ленин и первые шаги советских историков.— В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971.

[96] Во Франции издается 15-томный «Биографический словарь французского рабочего движения». За 1964—1971 гг. выпущено 9 томов по 30 п. л. каждый. Они содержат 30 тыс. имен рабочих и революционных деятелей от французской буржуазной революции XVIII в. до Парижской Коммуны (*Заборов М.* О биографическом жанре в литературе по истории классовой борьбы пролетариата.— «Рабочий класс и современный мир», 1971, № 3).

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РУССКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ XIX в. В ЛИБЕРАЛЬНО-БУРЖУАЗНОЙ КАДЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

М. Г. Вандалковская

Ленинская концепция русского освободительного движения складывалась в ожесточенной идейной борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной историографией.

Труды В. И. Ленина по истории русского освободительного движения и общественной мысли создавались с 90-х годов XIX в., главным образом в пролетарский период революционного движения, в период борьбы за осуществление буржуазно-демократических и социалистических задач революционного движения.

В условиях обострения классовых противоречий, особенно первых русских революций, борьба за идейное наследие русского освободительного движения являлась политически важной и актуальной задачей. В 1912 г. по поводу юбилея Герцена В. И. Ленин писал: «Рабочая партия должна помянуть Герцена не ради обывательского славословия, а для уяснения своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции» [1]. Эта мысль В. И. Ленина имеет более общее значение и ее можно отнести ко всему освободительному движению.

Обращение В. И. Ленина к революционному движению XIX в. определялось насущными политическими задачами: использовать опыт революционной теории и практики предшествующих поколений, «очистить» революционное движение от наслоений либерально-кадетских и либерально-эсеровских концепций, особенно бурно развивавшихся в эпоху первой русской революции и образования политических партий.

Именно поэтому борьба В. И. Ленина по проблемам освободительного движения и общественной мысли XIX в. сосредоточивалась на вопросах демократии и социализма, отношения к революции, крестьянству, т. е. на вопросах, составляющих злобу дня современной В. И. Ленину политической борьбы.

Революционные традиции предшественников марксистской партии В. И. Ленин рассматривал как органическую часть концепции русского освободительного движения в целом, как важный

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 255.

составной элемент теории и практики борьбы за революцию и социализм.

В советской исторической литературе уделялось большое внимание изучению ленинской концепции освободительного движения в целом и, в частности, русского освободительного движения XIX в.

Статьи М. В. Нечкиной, И. Д. Ковальченко, С. С. Волка, Ш. М. Левина, А. Ф. Смирнова, Г. Д. Ионовой, В. Я. Зевина[2] и др., раскрывающие важное методологическое значение ленинских работ, внесли значительный вклад в разработку проблемы ленинской концепции освободительного движения в России.

Историки определили то новое, что внес В. И. Ленин в освещение русского освободительного движения: трактовка революционного движения как единого процесса, связанного с мировой революционной историей, зависимость и обусловленность его задач от социально-экономических условий и классовой борьбы. Выдвижение критерия классов в качестве основного критерия определяло не только сущность революционной борьбы того или иного периода, но делало революционную теорию и практику соотнесенной с массовым движением[3].

Ленинская концепция русского освободительного движения многогранна и многопланова. Ленин определил как общие черты этого движения, характеризующие его сущность, так и частные, присущие лишь отдельным периодам, этапам, деятелям.

В сумме кардинальных методологических проблем ленинского наследия по истории русского освободительного движения важ-

[2] *Нечкина М. В.* В. И. Ленин — историк революционного движения в России.— «Вопросы истории», 1965, № 10; *она же.* В. И. Ленин — историк революционного движения в России.— В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968; *она же.* Первенцы свободы России.— «Коммунист», 1975, № 17; *Ковальченко И. Д.* В. И. Ленин об этапах революционного движения XIX в. в России.— «Вопросы истории», 1960, № 4; *он же.* В. И. Ленин о формировании классов и идейно-политической борьбе в пореформенной России.— В кн.: В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; *Волк С. С.* В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль на дворянском этапе освободительного движения.— В кн.: В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX — начала XX в. Л., 1969; *Левин Ш. М.* В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль 60-х годов. В. И. Ленин и проблема революционного народничества 70-х годов.— В кн.: В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX— начала XX в.; *А. Ф. Смирнов.* К вопросу о ленинской концепции освободительного движения в России.— «История СССР», 1970, № 2; Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения.— «История СССР», 1966, № 4; *Ионова Г. Д.* Ленинская периодизация революционного движения в России.— «Преподавание истории в школе», 1969, № 4; *Зевин В. Я.* Ленин о Чернышевском.— «Литературное наследство», 1959, с. 67; *Зельдович М.* К истории статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена».— «Вопросы литературы», 1957, № 3; *Володин А. И.* Юбилей Герцена 1912 г. и статья В. И. Ленина «Памяти Герцена».— «Исторические записки», 1960, т. 67.

[3] *Нечкина М. В.* В. И. Ленин — историк революционного движения в России.— «Вопросы истории», 1965, № 10, с. 6.

ное место занимает проблема его периодизации. С марксистских позиций она впервые была поставлена В. И. Лениным. В. И. Ленин понимал периодизацию не как простую смену одного поколения революционеров другим. В основу ленинской периодизации отчетливо положен принцип определяющего классового критерия[4]. Выделяя периоды освободительного движения и их внутренние этапы, В. И. Ленин отмечал их существенные, характерные черты, определяя одновременно истоки и тенденции их развития.

Периодизация освободительного движения была отчетливо сформулирована В. И. Лениным в его статье «Памяти Герцена» в 1912 г. «Чествуя Герцена, — писал В. И. Ленин, — мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. ...Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс... Первый натиск бури был в 1905 году»[5].

В дальнейшем, в 1913—1914 гг., в статьях «Роль сословий и классов в освободительном движении» и «Из прошлого рабочей печати в России» В. И. Ленин детально конкретизировал выдвинутую периодизацию. Во второй из этих статей выделены «три главные этапа», пройденные освободительным движением в России, «соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение»: «1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895»[6] по 1917 год.

Ленин, как уже отмечалось, не ограничился выделением трех главных периодов в освободительном движении России XIX в., но и охарактеризовал внутренние этапы каждого из них: I период — декабристы, 40—50-е годы; II период — 60-е годы — революционно-просветительное движение, 70-е годы — революционное народничество. С 80—90-х годов начался период либерального народничества, обусловленный изменением социальной основы движения. В эти же годы в России оформился марксизм как самостоятельное течение общественной мысли. С 1895 г. В. И. Ленин

[4] *Ковальченко И. Д.* В. И. Ленин об этапах революционного движения XIX в. в России; *Ионова Г. Д.* Ленинская периодизация революционного движения в России.— «Преподавание истории в школе» ,1969, № 4; Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения.— «История СССР», 1966, № 4.

[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.

начинает пролетарский период освободительного движения, ознаменовавшийся соединением рабочего движения с марксизмом[7].

Важно иметь в виду, что еще задолго до появления статей «Памяти Герцена», «Из прошлого рабочей печати в России», где впервые отчетливо была сформулирована ленинская периодизация, в статьях В. И. Ленина 90—900-х годов уже имелись отдельные характеристики выделенных В. И. Лениным внутренних этапов движения.

Так, в трудах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» (1894), «Экономическое содержание народничества...» (1894), «От какого наследства мы отказываемся?» (1897), «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (1901), «Что делать?» (1901—1902) и в других были определены сущность народничества в целом, его истоки, тенденции развития, хронологические грани внутренних этапов разночинского периода (60, 70-е и 80—90-е годы), их соотношение, общие и отличительные черты. В статьях «Аграрная программа русской социал-демократии» (1902), «План писем о задачах революционной молодежи» (1903), «Политический кризис и провал оппортунистической тактики» (1906) были отмечены существенные черты дворянского периода, а также намечены его внутренние грани. В последней из названных статей В. И. Ленин подчеркивал принципиальную разницу «между дворянской революционностью декабристов,— разночинно-интеллигентской революционностью офицеров народовольцев,— и глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века»[8], намечая этим основу своей периодизации.

И после выхода статей, отчетливо формулирующих периодизацию русского освободительного движения («Памяти Герцена», «Из прошлого рабочей печати в России»), В. И. Ленин продолжал развивать, уточнять, конкретизировать выдвинутые положения. Так, важное значение для характеристики, например, дворянского периода освободительного движения имеет написанный в 1917 г. «Доклад о революции 1905 г.»; общая оценка роли революционной мысли XIX в. в развитии марксизма в России дается в статье «Детская болезь «левизны» в коммунизме» (1920).

Создание ленинской периодизации, таким образом, отражало процесс развития ленинской мысли, становления концепции освободительного движения. Этот процесс проходил в острой идейной борьбе с враждебной марксизму трактовкой предшественников русской социал-демократии.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть периодизацию русского освободительного движения XIX в. в либерально-буржуазной кадетской историографии.

[7] *Ковальченко И. Д.* В. И. Ленин об этапах революционного движения XIX в. в России.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 356.

В эпоху обострившейся классовой борьбы начала XX в., особенно первой русской революции, образования политических партий кадетское историографическое направление становится одним из основных в профессиональной исторической науке [9].

Автор не ставит перед собой цель изучить все труды ученых этого направления, в которых освещаются проблемы русского освободительного движения XIX в. В качестве предмета исследования берутся работы наиболее крупных историков, являвшихся представителями указанного историографического направления. Попытка охарактеризовать состояние научной разработки проблемы в профессиональной исторической науке будет способствовать пониманию той общественно-политической атмосферы, в которой создавались ленинские труды по истории русского освободительного движения. Важное значение разработки этой проблемы усиливается и тем, что современные враждебные марксизму буржуазные историки часто используют арсенал кадетской историографии в качестве доказательства ее прогрессивности и революционности. Тем более необходимо изучить ее основы и специфические черты в трактовке одного из важнейших вопросов русского освободительного движения — его периодизации.

Представители либерально-буржуазной, кадетской историографии уделяли пристальное внимание изучению русского освободительного движения. Однако следует учитывать, что эта проблема в их трудах не всегда являлась предметом самостоятельного изучения. Обращение к ней часто было связано с разработкой крестьянского вопроса, как, например, у А. А. Корнилова, или общего курса истории России XIX в., как это было у А. А. Кизеветтера, и т. д.

Мы обращаемся к подобным трудам наиболее крупных историков указанного направления. К их числу следует отнести А. А. Корнилова, А. А. Кизеветтера, П. Н. Милюкова и М. О. Гершензона. В их трудах наиболее четко прослеживается как общая концепция освободительного движения, так и его периодизация. Разумеется, эта периодизация органически вытекает из самого толкования освободительного движения этими историками и их общих концепционных положений.

Представления указанных историков о русском освободительном движении не являлись однозначными, однако имели ряд общих черт. Прежде всего важно иметь в виду, что в понятие освободительного движения либерально-буржуазная историография вкладывала отличное от марксистского представления содержание. История русского освободительного движения рассматривалась ею как история умственного движения, как история развития политических идей. Общественный прогресс, по убеждению этих историков, зависел от уровня развития представительно-

[9] Рассмотрению мелкобуржуазной эсеро-меньшевистской историографии по данной проблеме будет посвящена специальная работа.

правового начала в стране, от «прочности» и «стабильности» традиций конституционализма. Русское освободительное движение рассматривалось ими с точки зрения генезиса конституционных идей и конституционно-демократической программы.

Оценивая «Манифест 17 Октября», Государственную думу и ее деятелей в качестве политического эталона, «венца» освободительного движения, Корнилов, Милюков, Кизеветтер и Гершензон обращением к освободительному движению XIX в. стремились установить его преемственную связь с современной им политической жизнью. Поиски идейных корней конституционализма пронизывают исторические концепции этих историков. Этим в сущности и определяется их толкование освободительного движения.

Так, Корнилов в освободительное движение включает все общественное движение: как оппозиционное, в том числе в лице правящих правительственных сфер, так и революционное, причину возникновения которого видит в репрессивных действиях и терроре правительства. Истинным носителем освободительных идей, с его точки зрения, является стремившееся к «преобразовательной» деятельности дворянство, якобы постоянно враждующее с самодержавно-бюрократическим строем и находящееся в до конца «непонятных», «неразвитых» отношениях с обществом [10].

По Кизеветтеру, освободительные идеи также сосредоточены как в планах правительственных преобразований, так и в программах общественных деятелей. Инициатива в решении социальных и политических преобразований принадлежит в конечном счете правительству в его «мирной», «сотрудничающей» с обществом деятельности [11].

С точки зрения Милюкова, «единственным органом политической мысли» в России до событий 1905—1907 гг. являлась литература, в которой выражались различные общественно-политические программы. Освободительное движение, по Милюкову, равнозначно революционному, однако в понятие революционного движения он вкладывал и либеральную оппозиционность. «Кличка революционер», как считает Милюков, условна, так как в России и предводители дворянства, и деятели реформы выступали революционерами [12].

Для Гершензона освободительное движение — смена общественных идей, воплотившихся в «психологии немногих личностей», ключ к познанию которых находится в «области чувств» [13].

[10] *Корнилов А. А.* Крестьянская реформа. Спб., 1905; *он же.* Общественное движение при Александре II (1855—1881). Париж, 1905 и др.

[11] *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. М., 1912; *он же.* Исторические отклики. М., 1915; *он же.* История России XIX века. Ч. II. М., 1916.

[12] *Милюков П. Н.* Год борьбы. Спб., 1907, с. 35, 98, 125, 272.

[13] *Гершензон М. О.* История «Молодой России». М., 1908; *он же.* Исторические записки о русском обществе. М., 1910.

Эти исходные концепционные положения, в основе которых лежат антимарксистские, идеалистические и субъективистские представления, определили и подход этих историков к анализу всего освободительного движения, его истоков, этапов, отдельных деятелей и в целом к его периодизации.

Начало освободительных тенденций представители этого направления видели как у «крепостников-конституционалистов» (верховники, шляхетство), так и в деятельности просветителей XVIII века — Новикова, Поленова, а также Радищева [14]. Особое внимание при этом уделялось деятельности Новикова и Радищева.

Так, Милюков характеризовал Новикова «сознательным и принципиальным защитником слабых против сильных». В его журналах он видел «чаяния передовой части русского общества», ставя в один ряд интересы всех сословий и классов [15]. В деятельности Радищева — основоположника русской революционной мысли в России, Кизеветтер видел протест против крепостного права. Однако его революционные идеи сводил к «отчетливо» развитому плану крестьянской реформы [16]. По мнению Милюкова, Радищев лишь увлекался «политическим радикализмом» и никогда «принципиально» не разрывал «с понятиями о пределах дозволенного» [17]. «Путешествие из Петербурга в Москву» Милюков оценивал как «открытый и сознательный пример публицистической деятельности», адресованный не только к общественному мнению, но, главным образом, к «философу на престоле» [18]. Превратно толкуя революционный протест Радищева против крепостного строя, Милюков утверждал, что основная мысль «Путешествия» — призыв к законности, что Радищев стремится «просветить власть» и «не хочет ни национализации земли, ни коллективной собственности на землю. Крестьянская свобода в будущем рисуется ему как режим частной земельной собственности» [19]. Развивая далее эти мысли, Милюков утверждал, что по проекту Радищева, если помещики не последуют его совету преобразовать общественный строй и отменить крепостное право, то у государя есть возможность освободить крестьян «сверху», не дожидаясь освобождения «снизу» [20]. Вместе с тем Милюков признавал, что «ра-

[14] *Кизеветтер А. А.* Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов-на-Дону, 1905, с. 36—37; *он же.* Исторические очерки, с. 69; *он же.* Исторические отклики, с. 141, 328—330; *Корнилов А. А.* Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. Спб., 1905, с. 122; *Милюков П.* Очерки по истории русской культуры. Ч. III, вып. 2. Спб., 1904, с. 298—312, 377, 391—396.

[15] *Милюков П.* Очерки по истории русской культуры, ч. III, вып. 2, с. 298—312.

[16] *Кизеветтер А. А.* Русское общество в восемнадцатом столетии, с. 37; *он же.* Исторические очерки, с. 69.

[17] *Милюков П.* Очерки по истории русской культуры, ч. III, вып. 2, с. 377.

[18] Там же, с. 391.

[19] Там же, с. 393—395.

[20] Там же, с. 395.

дищевский проект» изложен в форме «угрозы аграрной революции», однако здесь же оговаривал, что он «не может быть истолкован, как подстрекательство к бунту»[21]. Таким образом, очевидно, что смысл оценки Радищева и его «Путешествия» состоял в стремлении затушевать их революционную направленность.

Важной вехой освободительного движения, преемственно примыкающей к освободительным идеям XVIII в., названные историки признавали декабристов.

Кизеветтер считал, что освободительное движение XIX в. развивается двумя мощными потоками: с одной стороны — сознательной деятельностью правительства, с другой — общества. К первому из них относится реформационная деятельность Сперанского, проекты государственных преобразований Новосильцова, деятельность «Неофициального комитета» при Александре I и т. д.; ко второму — декабристские организации, причину возникновения которых он усматривал в «резком разрыве» настроения правительства и общества и в западном идеологическом влиянии[22]. Программы декабристских обществ Кизеветтер анализировал с точки зрения наличия в них конституционных идей; восстание декабристов оценивал как бунт, возникший в связи с переговорами между Николаем и Константином о престолонаследии, а критику декабристами существующих порядков во время следствия — как якобы их стремление «передать голос правды» в уста правительства[23].

Для Корнилова 14 декабря — случайное проявление деятельности тайных обществ, целью которых являлось будто бы содействие правительству в его преобразовательной деятельности. Декабристов Корнилов оценивал как либеральную оппозицию (хотя и отмечал наличие радикальных идей, например, у Пестеля), стремившуюся к мирной преобразовательной деятельности в союзе с правительственной властью, и характеризовал их как «верных и преданных слуг» в деле проведения крестьянской реформы[24]. Олицетворением декабристской идеологии, по Корнилову, являлся Н. Тургенев, мировоззрение которого, как известно, было сложным, сочетая в себе революционные и либеральные черты. Отрицая революционность Тургенева, Корнилов возвеличивал его реформистские рассуждения, подчеркивая их якобы истинно освободительный характер.

С тех же либеральных позиций, лишая декабристов их революционной сущности, подходит к их оценке и Гершензон. Вы-

[21] *Милюков П.* Указ. соч., с. 396.

[22] *Кизеветтер А. А.* История России в XIX в. Ч. I. М., 1916, с. 88—89.

[23] Там же, с. 87—114; ч. II, с. 6—7; *он же.* Исторические очерки, с. 421—422.

[24] *Корнилов А. А.* Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России, с. V—113; *Корнилов А.* Декабристы.— ЦГАОР, ф. 51, оп. 1, д. 76.

ступление декабристов (по его терминологии — «заговор») не являлось протестом против власти. Декабристы якобы только выбирали форму правления, а следствие над ними — «семейное дело» между самими декабристами и правительством [25]. Отдавая дань идеализму и сенсуализму (черты, присущие концепции Гершензона), Гершензон называл декабристами не только участников декабристских обществ, но все «мужское молодое поколение александровского времени», которое он оценивал с точки зрения его «общественно-психологического» развития, характеризуемого будто бы соединением «мистицизма» и «общественности». Перевес так называемых «общественных настроений» в мировоззрении декабристов, как утверждал Гершензон, привел к диссонансу их внутренней цельности, «краху» их идеологии, выразившейся в заговоре 14 декабря [26]. Это извращенное толкование идеологии декабристов нашло свое наиболее полное выражение в концепции реакционных «Вех».

Идеализация и абсолютизирование либеральных черт в декабристском движении определили идейную преемственность, которую кадетские историки устанавливали от декабристов и вели к последующим этапам освободительного движения.

За декабристским этапом, по периодизации названных историков, преемственно следовали 30—50-е годы. Окрашивая весь этот период либеральными красками, они не видели коренных различий между формирующимися революционно-демократическим и либеральным лагерями. Важно тем не менее отметить, что не одни и те же деятели этого периода представлялись им носителями и продолжателями освободительных традиций предшествующего времени. Одни историки сосредоточивали внимание на петрашевцах (что создавало впечатление о понимании ими революционной преемственности декабристов и петрашевцев), другие — на деятелях либерального движения: Станкевиче, Грановском. Однако и в том и в другом случае освободительные стремления мыслились ими в либеральном, реформистском духе.

Продолжателями идей декабристов Корнилов и Кизеветтер считали петрашевцев. Однако их преемственность усматривали не в революционных программах и организациях, а в якобы «мирных» проектах, помогающих правительству в его преобразовательной деятельности. Так, Корнилов оценивал кружки петрашевцев как кружки социально-политического фурьеристского направления, но «вполне безобидные, не ставившие перед собой цели политического заговора» [27]. Так же как и в декабристах, Корни-

[25] *Гершензон М.* История «Молодой России». М., 1908, с. 5—6; *он же.* Образы прошлого. М., 1912, с. 299—300; *он же.* Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914, с. 154—158.

[26] *Гершензон М.* История «Молодой России», с. VII; *он же.* Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914, с. 156—159.

[27] *Корнилов А. А.* Воспоминания Д. Д. Ахмарумова.— ЦГАОР, ф. 5102, оп. 1, д. 106.

лов видел в петрашевцах «верных и преданных слуг» правительства в проведении крестьянской реформы (имеются в виду деятели тверского дворянства, состоявшие ранее в кружках петрашевцев). В глазах Кизеветтера петрашевцы — «невинная организация сторонников утопического социализма», «мирных политических мыслителей, но не деятелей» [28].

Милюков и Гершензон освободительные традиции этого периода видят в иных деятелях. Милюков утверждает, что характерной особенностью интеллигенции в целом, как и в период 30—40-х годов, является проблема соотношения идеального и реального в их мировоззрении. Ее решение возможно лишь на примере личной жизни, «сердечных привязанностей», так как, по Милюкову, только эта сфера дает ключ к определению типа общественного деятеля. Именно с этих позиций он подходит к оценке Станкевича, Белинского, Грановского, видя в них олицетворение названной эпохи. Не усматривая в их взглядах существенных различий, Милюков формирование их мировоззрения определяет, игнорируя социальные основы, прежде всего влиянием западноевропейской философии и особенностями психического склада. Воздействие «духовной», «идеальной» сферы (в том числе и любви) он выдвигает в качестве основного фактора, который, с его точки зрения, определяет жизнеспособность общественных взглядов того или иного деятеля. Так, по его мнению, обращение Станкевича от «идеальной» любви к «реальной» приводит его к смерти; отход Белинского от абстрактных философских построений к «социальному мировоззрению» также приближает его к смерти [29].

Выдвижение на первый план общественных деятелей 30-х годов XIX в. с чертами идеализма, мистицизма и религиозности особенно заметно в трудах Гершензона. Отличительным и «придающим устойчивость свойством» этого времени он считает его «нравственно-философский характер», лишенный политической окраски и практического значения. Именно с этих позиций он характеризует Чаадаева, Печерина, Станкевича и Грановского. В оценке Чаадаева (в противовес Герцену, видевшему в выступлении Чаадаева революционный протест) Гершензон подчеркивает его отрицательное отношение к революционным формам борьбы и «благожелательство по отношению к правительству». Философию Чаадаева Гершензон называет «социальным мистицизмом», выводя из него «основную» и «устойчивую» идею — «стремление к внутренней свободе», рассматриваемой им как «религиозное чувство» [30]. Гершензон считал, что для этих деятелей характерен идеализм, «отрыв» от окружающей действительности и на-

[28] *Кизеветтер А. А.* Исторические отклики, с. 189—190; *он же.* История России в XIX в. Ч. II. М., 1916, с. 11.

[29] *Милюков П. Н.* Из истории русской интеллигенции. Спб., 1902; *он же.* Главные течения русской исторической мысли. Спб., 1913, с. 254.

[30] *Гершензон М. О.* П. Я. Чаадаев. Спб., 1908.

рода, «жизнь в сфере чувств», игнорирование практически-политической деятельности [31]. Все эти свойства, по Гершензону, составляют ту сердцевину, которая дает основание последующему развитию освободительных традиций русской интеллигенции. Эти черты (идеализм, «отрешенность от интересов народа») Гершензон увидел воплощенными в деятеле реформ 60-х годов Н. Милютине и затем в своих политических единомышленниках кадетского толка.

Важное значение в развитии освободительных идей представители этого направления придают западничеству и славянофильству. Рассмотрение этих либерально-дворянских течений русской общественной мысли ведется ими вне стремления выявить их социальные, классовые основы. По Милюкову, оба эти течения основаны на двух источниках: западноевропейской философии и различии психического склада. Более жизнеспособным представляется западничество, тесно связанное с европейскими культурой, формами цивилизации и особенно идеей «правообращения», преемственно перешедшей в 60-е годы, которые толкуются Милюковым и его единомышленниками как «эпоха великих реформ» [32].

«Две психологии», «противоположность двух человеческих типов» усматривает в западничестве и славянофильстве Гершензон. Ему же представляется более жизнеспособной философия славянофилов, в которых он ценит прежде всего религиозность и идеализм.

Однако, несмотря на эти различия, оба историка — и Милюков и Гершензон — носителями освободительных традиций считают и здесь представителей либерального лагеря.

Высшим взлетом в развитии освободительного движения либерально-буржуазная историография считает 60-е годы XIX в. Однако этот период оценивается ею не как период обострения классовой борьбы и революционного движения, а как «эпоха великих реформ». Реформы 60-х годов, по мнению этих историков, являются не побочным продуктом «революционной классовой борьбы» [33], а законодательным актом, дарованным сверху самодержавной властью. Игнорируя классовую борьбу, обусловившую проведение реформ, и Корнилов, и Милюков, и Кизеветтер провозглашают заслуги либерально настроенных правительственных деятелей и общественных группировок, якобы самовольно шедших на реформы в интересах народа.

Исходное положение кадетской историографии о том, что инициатива в проведении реформ 60-х годов принадлежит «свободомыслящему» дворянству (как в среде правительства, так и общества), определяет и подход этих историков к анализу освободительного движения 60-х годов. Его рассмотрение органически свя-

[31] *Гершензон М.* История «Молодой России», с. 75—186.
[32] *Милюков Н. П.* Из истории русской интеллигенции.
[33] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 228.

зано с реформами и оценивается с позиций того, какую роль та или иная общественная группа сыграла в их подготовке и проведении. Реформа для буржуазно-либеральной кадетской историографии в сущности служит фиксатором, определяющим развитие освободительного движения. Отрицание классовых противоречий, лежавших в основе различных общественно-политических направлений этого времени — либерального и революционного, — приводит этих историков к утверждению единства целей, задач и средств в проведении реформ. Отсюда признание якобы полного единодушия со стороны правительства, либерального лагеря (западников, славянофилов), Герцена, Чернышевского и Добролюбова в их будто бы общих программных положениях в проведении крестьянской реформы.[34]

Характерно и толкование признаваемых представителями либерально-буржуазной историографии различий в позициях правительственных и общественных групп в связи с реализацией реформы.

Ход реформы, как справедливо отмечает Корнилов, определил дифференциацию в общественном движении. Он признает деятельность «Современника» в это время как органа «новоявленного русского радикализма», «народившейся революционной партии» [35]. Одновременно Корнилов утверждал, что Чернышевский свои взгляды черпал из западных арсеналов, не знал русской действительности и стоял на «отвлеченной» радикальной точке зрения, «ценя благородство» образованного дворянства [36]. К сторонникам Чернышевского Корнилов относил и Добролюбова, считал его «умственным революционером», стоявшим, как и Чернышевский, на отвлеченно-радикальной точке зрения [37]. Программу Чернышевского, по Корнилову, наиболее полно выражали «Письма без адреса», революционно-демократическую сущность которых Корнилов не увидел. Игнорируя идеи Чернышевского о неизбежности крестьянской революции, Корнилов приравнивал «Письма...» к проектам либерального тверского дворянства [38].

Точка зрения другого кадетского историка — Кизеветтера — по этому вопросу в основе своей совпадает с позицией Корнилова.

[34] *Корнилов А. А.* Крестьянская реформа, с. 121—166. *он же.* Общественное движение при Александре II (1855—1881). М., 1909, с. 73—75; *Кизеветтер А. А.* Обзор юбилейной литературы 1911 г. по истории крестьянской реформы 1861 г.— «Научный исторический журнал», 1913, № 2; *он же.* Исторические отклики, с. 189—220.

[35] ЦГАОР, ф. 5102, оп. 1, д. 42, лл. 42—44.

[36] *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II (1855—1881), с. 85—86.

[37] *Корнилов А. А.* Крестьянская реформа, с. 113—116, 165—166, 184—185; *он же.* Исторический очерк эпохи 60-х гг.— ЦГАОР, ф. 5102, оп. 1, д. 47, лл. 40—41; *он же.* Общественное движение при Александре II (1855—1881), с. 76—78, 85, 111—115, 164; ЦГАОР, ф. 5102, оп. 1, д. 113.

[38] *Корнилов А. А.* Исторический очерк эпохи 60-х гг.— ЦГАОР, ф. 5102, оп. 1, д. 47, лл. 41—42; *он же.* Общественное движение при Александре II (1855—1881), с. 85; ЦГАОР, ф. 5102, оп. 1, д. 13.

Кизеветтер также видит полевение в ходе реформ различных социально-политических программ, как в правительственных кругах, так и в обществе. Так, он отмечает возникновение «либерально-конституционного» «Русского вестника», «демократически-радикального» «Русского слова», «социально-революционного» «Современника», различных течений (охранительно-крепостнических, дворянско-олигархических и т. д.) в правительстве. Истинными носителями освободительных традиций среди общественных и государственных деятелей Кизеветтер считает В. А. Черкасского, Ю. Ф. Самарина, А. И. Кошелева, Н. А. Милютина, которые якобы «на своих плечах вынесли дело крестьянской реформы» и своим участием в проведении других реформ 60-х годов, особенно земской, заложили основы представительного правления в России [39]. Историческое значение 60-х годов Кизеветтер сводил к зарождению правового начала в государстве.

Показательна в этой же связи и оценка Герцена. По представлениям Корнилова, Гершензона и Милюкова, Герцен, «являясь одним из умственных вождей своего поколения», был чужд радикальных стремлений и воплощал в себе освободительные стремления всех общественных групп, без различия классов и сословий. Стремясь представить Герцена стоящим вне или над различными общественными группами, эти историки утверждали, что «Колокол» Герцена являлся органом либерального движения в России, помощником правительства в проведении крестьянской реформы и как бы синтезом, воплотившим в себе различные общественно-политические программы, в том числе и адрес тверского дворянства [40].

Очевидно, что при подобном толковании облик Герцена искажался и превращался этими историками в своего политического предтечу.

Таким образом, освободительное движение 60-х годов видится представителям либерально-буржуазной историографии прежде всего как «эпоха великих реформ», осуществление которых проводилось якобы сознательной, проникнутой глубоко гуманными интересами деятельностью дворянства. Важнейшим завоеванием реформ они считали прежде всего те черты представительства, которые способствовали созданию конституционных начал в государстве.

[39] *Кизеветтер А. А.* На заре свободы.— «Русская мысль», 1905, № 3; *он же.* Кузнец-гражданин. Ростов-на-Дону, 1904; *он же.* Девятнадцатый век в истории России. Ростов-на-Дону, 1903; *он же.* Исторические отклики.

[40] *Корнилов А. А.* Крестьянская реформа. Спб., 1905, с. 119—121; *он же.* Исторический очерк эпохи 60-х гг.— ЦГАОР, ф. 5102, оп. 1, д. 47, л. 46; *он же.* Общественное движение при Александре II (1855—1880), с. 94—104; *он же.* Жизнь А. И. Герцена.— «Речь», 25 марта 1912 г.; ЦГАОР, ф. 5102, оп. 1, д. 13, л. 142; *Гершензон М.* Социально-политические взгляды А. И. Герцена. М., 1906; *Кизеветтер А.* Герцен как политик и мемуарист.— «Русские ведомости», 25 марта 1912 г.; *Милюков П.* Герцен.— «Речь», 25 марта 1912 г. и др.

Идеализация правительственных и дворянских деятелей, реформ 60-х годов ведет к принижению и извращению действительного освободительного движения, поскольку в нем эти историки усматривали лишь осуществление идей конституционализма.

Освободительное движение второй половины XIX в. не являлось для этой же группы историков предметом пристального изучения. Однако намеченные ими тенденции в историческом развитии позволяют определить грани их дальнейшей периодизации. Корнилов, например, освободительное движение второй половины XIX в. видит в слиянии двух потоков: реформационного — земского и народнического, под последним он понимает народничество в целом, не различая народничество 70-х и 80—90-х годов, т. е. революционное и либеральное народничество. Традиции тверского дворянства, выражавшего либерально-радикальную программу, с этих же позиций толкуемые идеи революционеров-шестидесятников и, наконец, народнические теории, особенно Михайловского, «близко подходившего,— по Корнилову,— к точке зрения земцев-радикалов», воплощаются в земских проектах Гольцева и Петрункевича, являвшихся преддверием конституционно-демократической программы [41].

Кизеветтер освободительное движение этого времени делил на два течения: революционно-террористическое и легальное, разумеется, предпочтение отдавая последнему. Освободительные идеи этого времени он усматривал лишь в деятельности земства, «зародыше правового строя в России». Истинным борцом за свободу он считал председателя I Государственной думы Муромцева и «первым зачинателем революции» — лидера кадетов Милюкова [42].

В том же духе идеализации «закономерности идеи правообращения в России» (выражение Милюкова) подходил к оценке освободительного движения этого времени и Милюков, возвеличивая все тех же земских деятелей и Муромцева [43].

Все сказанное о либерально-буржуазной кадетской историографии дает основание сделать ряд общих наблюдений. Прежде всего толкование и связанная с ним периодизация освободительного движения диктуются классовой позицией этих историков, требованиями их класса и соответственно с этим их политическими взглядами. Очевидно их стремление подвести освободительное движение под свои политические идеалы конституционного демократизма. Соответственно с этим освободительное движение рас-

[41] *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II (1855—1881), с. 247—259; *он же.* К истории конституционного движения конца 70-х — начала 90-х гг.— «Русская мысль», 1913, № 7, с. 38—41.

[42] *Кизеветтер А. А.* Исторические отклики, с. 223—314; *он же.* Политическая деятельность до Государственной думы.— В сб.: Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911, с. 114—115; *он же.* История России в XIX в. Ч. II. М., 1916, с. 128—129 и др.

[43] *Милюков П. Н.* Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911, с. 23—28.

сматривается как история политических идей, носителем которых является оппозиционное дворянство, в том числе интеллигенция, без классовых и социальных различий. Причины возникновения освободительного движения эти историки видят не в социально-экономических и общественно-политических условиях, не в развитии классовой борьбы, а в непоследовательности правительства, которое якобы «неосмотрительно» обрушивает на общество репрессии, ведет во взаимоотношениях с ним «неумную» политику.

Естественным следствием такого понимания освободительного движения и его движущих сил является апология реформаторской деятельности, особенно буржуазных реформ 60-х годов, их деятелей и затем «Манифеста 17 Октября» и I Государственной думы. Реформа, таким образом, становится своеобразным критерием в оценке освободительного движения. Всем этим диктуется периодизация освободительного движения, определяются его истоки и тенденции развития.

Освободительное движение в представлениях этих историков питается не интересами народа, а интересами оппозиционного дворянства, совпадающими с требованиями либерально мыслящих членов правительства, якобы способных отражать чаяния народа.

Та часть интеллигенции, которая выражала радикально-революционные требования, была неизбежно, по мнению этих историков, обречена на неудачу, гибель и бесперспективность. В наиболее крайней форме мысль об этом была развита в «Вехах», отражающих *полнейший разрыв* «русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями» [44].

Характерной их чертой, особенно Милюкова и Гершензона, является идеалистический подход к анализу освободительного движения и его деятелей, а также субъективизм, психологизм и религиозность, возведенные в ранг критериев истинности освободительных традиций.

Очевидно, что подобная трактовка освободительного движения в целом, его отдельных этапов, истоков, тенденций развития, периодизации в корне противоречила ленинскому пониманию этих проблем. Извращение русского освободительного движения, его объективного значения и дало основание В. И. Ленину в статье «Против бойкота» (1907 г.) утверждать, что Милюков, Кизеветтер «...соперничают друг с другом в подлом оплевывании революционных традиций русской революции» [45], что течение, к которому они принадлежат, посвящено «сплошь тому, чтобы представлять нашу революцию, революционные способы борьбы, революци-

[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 168.
[45] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 25.

онные лозунги, революционные традиции как нечто низменное, элементарное, наивное, стихийное, безумное и т. д. ... вплоть до преступного...» [46]

*

Как очевидно, толкование и периодизация русского освободительного движения в кадетской историографии вытекает из ее классовой сущности.

Буржуазные основы мировоззрения историков, принадлежавших или примыкавших к кадетской историографии, определяют существо их политических и исторических взглядов, их концепции и ее особенности.

Классовые основы кадетской историографии обусловили ее тенденциозность, субъективизм, ее враждебность марксистской исторической науке.

Защищая и отстаивая русское освободительное движение от извращений со стороны кадетских историков, В. И. Ленин не только вскрыл исторические корни их отступлений от объективной реальности, но и указал на единственно верный метод в подходе к пониманию освободительного движения. Выдвижение В. И. Лениным классового критерия как основного в оценке и периодизации русского освободительного движения исходило из его основной методологической посылки о сведении «общественных идей к общественно-экономическим отношениям» [47]. Социально-экономическое развитие и связанные с ним изменения в классовой структуре общества, по Ленину, определяли содержание освободительного движения и являлись основой периодизации.

Классовый подход к оценке русского освободительного движения дал возможность В. И. Ленину определить, насколько интересы того или иного класса соответствуют объективному историческому развитию.

В деятелях русского освободительного движения (декабристах, революционерах-демократах, революционных народниках) В. И. Ленин видел своих политических предшественников, предшественников социал-демократической партии. Однако в отличие от кадетских толкований он показывал, как представители различных поколений революционеров в различные исторические эпохи выражали интересы народных масс, носителей объективного хода исторического процесса. Этим в сущности определялась ленинская трактовка русского освободительного движения и его периодизация. С этих позиций Ленин раскрывал несостоятельность враждебных марксизму исторических концепций и построений.

[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 25.

[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 414; *Ковальченко И. Д.* В. И. Ленин об этапах революционного движения XIX в. в России.— «Вопросы истории», 1960, № 4; Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения.— «История СССР», 1966, № 4.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г. И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ РУССКОЙ АРМИИ

(Итоги и перспективы исследований)

Б. С. Абалихин, В. А. Дунаевский

В 1962 г. советский народ торжественно отметил 150-летие Отечественной войны 1812 г.— героической эпопеи борьбы русского, украинского, белорусского и других народов России с захватнической наполеоновской армией.

Празднование этого славного юбилея активизировало исследовательскую деятельность наших историков. В юбилейном и последующих годах центральные и местные издательства выпустили в свет большое количество книг, сборников статей, освещающих как Отечественную войну в целом [1], так и отдельные ее периоды и проблемы [2].

[1] *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1962; *он же.* Великий подвиг народов нашей Родины. М., 1962; *Будак И.* Исторический подвиг народов России. Кишинев, 1962; *Раджабов З.* Отечественная война 1812 г. Душанбе, 1962; *Касименко О. Е.* Вітчизняна війна 1812 р.— яскравий вияв народного патріотизму. Київ, 1962; *Фадеев А. В.* Отечественная война 1812 г. (К 150-летию). М., 1962; *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968 (вторым дополн. и перераб. изданием книга вышла в 1974 г. Далее ссылки даются на 2-е изд.); *Брагин М. Г.* Кутузов. Изд. 3-е, доп. М., 1970; *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971 (изд. 2-е доп. М., 1973); *Мавродин В. В., Волынкин Н. М., Ежов В. А.* Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. М., 1972; *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974 (см. раздел 1, § 7, 8, 9).

[2] *Тарле Е. В.* Бородино. М., 1962; 1812 год. К стопятидесятилетию Отечественной войны. Сб. статей. Под ред. М. В. Нечкиной и др. (далее — 1812 год). М., 1962; *Бабкин В. И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962; *Богданов Л. П.* На поле Бородинском (1812 г.). М., 1962; *Кудряшов К. В.* Москва в 1812 г. (к 150-летию). М., 1962; *Ильин М. А.* Память истории. Тверской край в Отечественной войне 1812 г. Калинин, 1962; Недаром помнит вся Россия. Очерки о событиях 1812 г. в Калужском крае. Калуга, 1962; *Ростунов И. И.* На Старой Смоленской дороге (Партизанское движение в Отечественной войне 1812 г.). М., 1962; *Володин П. М.* Кутузовская изба. Изд. 6-е. М., 1964; *Абаліхін Б. С.* Український народ у Вітчизняній війні 1812 р. Київ, 1962; *Корнейчик Е. И.* Белорусский народ в Отечественной войне 1812 г. Минск, 1962; *Матвиевский П. Е.* Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Исторические очерки. Оренбург, 1962; *Усманов А. Н.* Башкирский народ в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 1962; *Оськин А. И.* Надежда Дурова — героиня Отечественной войны 1812 г. М., 1962; Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. Сб. статей. М., 1965; *Нерсисян М. Г.* Отечественная война 1812 г. и народы Кавказа. Ереван, 1965; *Злотников М. Ф.* Континентальная блокада и Россия. М., 1966; *Зак Л. А.* Монархи против народов. Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М., 1966; *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дип-

Проблематика Отечественной войны 1812 г. нашла широкое отражение и в нашей периодической печати. На страницах «Археографического ежегодника», «Военно-исторического журнала», «Вопросов истории», «Исторических записок», «Исторического архива», «Истории СССР», «Новой и новейшей истории», «Украинского исторического журнала», а также трудов, ученых записок, известий, вестников и сборников были опубликованы содержательные статьи и сообщения, посвященные различным аспектам этой героической страницы истории нашей Родины.

Малоизученные вопросы Отечественной войны 1812 г. стали предметом глубокого анализа в диссертационных работах [3].

Крупных успехов добились публикаторы. По важнейшим проблемам эпопеи 1812 г. изданы фундаментальные сборники документов [4], значительно расширившие источниковедческую базу новых исследований. Трудно переоценить значение многотомной публикации источников по истории международных отношений

ломатий. Россия и Франция в 1801—1812 гг. Предисл. А. Л. Нарочницкого. М., 1966; *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 г. М., 1967; *Бескровный Л. Г.* Борьба России с Францией в конце XVIII — начале XIX в. Отечественная война 1812 года.— В кн.: Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968; *Сироткин В. Г.* Континентальная блокада и русская экономика (Обзор французской и советской литературы).— В сб.: Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX в. (далее — Вопросы военной истории России...). М., 1969; *Абалихин Б. С.* Роль Украины в обеспечении армии в Отечественной войне 1812 года.— Там же; *Тартаковский А. Г.* Заметки о военной пропаганде 1812 г.— Там же; *Бабкин В. И.* Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г.— Там же; *Рыленков Н.* На Старой Смоленской дороге. М., 1969; *Кафенгауз Б. Б.* и *Новицкий Г. А.* Герои Отечественной войны 1812 г. М., 1966. К этой книге близко примыкает серия научно-популярных брошюр, которую по инициативе Музея-панорамы «Бородинская битва» выпустило издательство «Московский рабочий»: *Кочетков А. Н.* М. Б. Барклай-де-Толли. М., 1970; *Ростунов И. И.* П. И. Багратион. М., 1970; *Бескровный Л. Г.* Бородинское сражение. М., 1971; *Попов М. Я.* Денис Давыдов. М., 1971; *Почко Н. А.* Генерал Раевский. М., 1971; *Володин П. М.* Партизан Александр Фигнер. М., 1971; *Хатаевич Н. Л.* Партизан А. Н. Сеславин. М., 1973; *Крайванова И. Я.* Генерал А. И. Остерман-Толстой (1770—1857). М., 1972.

[3] *Абалихин Б. С.* Боевое содружество украинского и русского народов в Отечественной войне 1812 г. Киев, 1964 (канд. дисс.); *Власкин Л. Г.* Национально-освободительное движение в Германии в 1813 г. и внешнеполитическая поддержка его Россией. М., 1964 (канд. дисс.); *Сперанский В. Н.* Военно-экономическая подготовка России к войне с Наполеоном в 1812—1814 гг. Горький, 1968 (канд. дисс.); *Богданов Л. П.* Комплектование русской армии накануне Отечественной войны 1812 г. М., 1973 (канд. дисс.); *Рогинский В. В.* Становление русско-шведского союза. М., 1974.

[4] Назовем здесь лишь наиболее важные: Внешняя политика России XIX — начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия первая. 1801—1815 гг. (далее — ВПР). Т. 6—8. Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1962—1972; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сб. документов. М., 1962; Бородино. 1812—1962. Документы, письма, воспоминания (далее — Бородино). М., 1962; Листовки Отечественной войны 1812 г. Сб. документов (далее — Листовки...). М., 1962; Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. Сб. документов (далее — Поход русской армии против Наполеона в 1813 г.). М., 1964.

XIX — начала XX в., отложившихся в архиве российского Министерства иностранных дел.

Первая серия этой публикации, охватывающая период с 1801 по 1815 г., содержит материалы кануна и периода Отечественной войны 1812 г. (т. VI), освободительной войны 1813 г., войн 1814 и 1815 гг. (тт. VII, VIII). Эта публикация, получившая широкое признание советского и зарубежного читателя[5], содержит многочисленные и разнообразные материалы, свидетельствующие об успешных действиях русской дипломатии, стремившейся задержать развитие франко-русского конфликта и предотвратить (если это удастся) войну. Так, т. VI публикации показывает широту дипломатических задач России: поддержку ею испанских патриотов, стремление начать переговоры о мире с Персией, подготовить дальнейшее сближение с Сербией и облегчить положение балканских народов, находившихся под турецким гнетом, установить более тесные контакты с США и Португалией, перетянуть на свою сторону Данию, не идти на полный разрыв с Австрией (даже после того, как стало известно о наличии франко-австрийского союза 14 марта 1812 г.) и т. д.

Увидели свет подборки и обзоры ценных источников, в том числе неизвестных ранее документов М. И. Кутузова, М. Б. Барклая-де-Толли, П. И. Багратиона[6]. Описание Отечественной войны 1812 г. заняло достойное место в обобщающих трудах по истории СССР, союзных и автономных республик[7], а также в учеб-

[5] *Нарочницкий А. Л., Кучеренко Г. С.* О публикации «Внешняя политика России XIX и начала XX века».— В кн.: Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974, с. 54.

[6] Два письма М. И. Кутузова. Публ. подгот. Ф. П. Спиридонов.— «Исторический архив», 1962, № 3; *Казаков Н. И.* Дело, нами защищаемое, справедливо. Фельдмаршал М. И. Кутузов о ходе войны 1812 года (Письмо к херсонскому военному губернатору герцогу де Ришелье).— «Неделя», 1962, № 41; Новые документы П. И. Багратиона. Публ. подгот. Р. Е. Альтшуллер.— «Вопросы архивоведения», 1962, № 3; «Во славу Отечества!». Публикация рапортов и писем генерала Багратиона (1812).— «Литературная Грузия», 1962, № 1; День Бородинского боя. Походные записки И. Ф. Паскевича.— «Неделя», 1962, № 29. Публ. подгот. И. Ковалев; Австро-русские отношения накануне и в период Отечественной войны 1812 г. Публ. подгот. Ф. А. Федорова и Т. И. Михайлова.— «Исторический архив», 1962, № 4; *Головников В. К.* Из истории партизанского движения в 1812 г. (Обзор материалов ЦГВИА).— «Вопросы архивоведения», 1962, № 2; «Бюллетень» М. Ф. Орлова о поездке во французскую армию в начале войны 1812 г. Публ. подгот. А. Г. Тартаковский.—«Археографический ежегодник за 1961 год». М., 1962; *Тартаковский А. Г.* Труд К. Ф. Толля об Отечественной войне 1812 г. (Опыт реконструкции).— «Исторические записки», М., 1970, т. 85. *Казаков Н.* О записках М. Б. Барклая-де-Толли.—«Военно-исторический журнал», 1974, № 4; *Тартаковский А. Г.* Показания русских очевидцев о пребывании французов в Москве. (К методике источниковедческого анализа).— В кн.: Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М., 1973.

[7] См., например: История СССР с древнейших времен до наших дней (далее — История СССР...). Первая серия, т. IV. М., 1967; История БССР. Т. 1. Минск, 1961; История Грузии. Т. 1. Тбилиси, 1962; История Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1967.

никах и учебных пособиях для средней школы и вузов. Назрела необходимость подвести историографические итоги большой и плодотворной работы, проделанной советскими историками по изучению Отечественной войны 1812 г. за последнее время (1962—1975 гг.).

Результаты исследований 20—50-х годов подводились в нашей историографии неоднократно. По ряду спорных вопросов (о влиянии континентальной блокады на экономику России, о причинах и оценке московского пожара, о роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. и др.) проводились дискуссии. Обзоры основной русской дооктябрьской, зарубежной и советской (до 1962 г.) литературы содержатся в названных монографиях Л. Г. Бескровного и П. А. Жилина. Эти же авторы выступили в юбилейном году со специальными статьями историографического характера [8]. Обзоры литературы и источников по конкретным проблемам Отечественной войны 1812 г. имеются в ряде монографий [9] и в предисловиях к указанным сборникам документов. Но, как правило, эти обзоры охватывают литературу и публикации, изданные до 150-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г.

Что касается литературы, вышедшей в 1962—1974 гг., то историографические итоги по ней еще не подведены, результаты исследований не обобщены. Краткий обзор ее содержится лишь в книге П. А. Жилина «Гибель наполеоновской армии в России» (с. 17—18) и в статье Ю. Р. Клокмана [10]. В настоящей статье ставится задача выяснить, что нового внесли советские историки в разработку Отечественной войны 1812 г. в целом, а также в отдельные ее проблемы, привлечь внимание ученых к малоизученным и спорным вопросам и наметить некоторые перспективы дальнейших исследований. Главное внимание в статье уделяется трудам, опубликованным в 1962—1974 гг. Однако по отдельным темам и сюжетам авторы обращаются и к ранее изданным работам. В основу обзора положен проблемный принцип анализа литературы.

Авторы не претендуют на исчерпывающее освещение всех аспектов Отечественной войны 1812 г., рассмотренных в советской исторической литературе указанного периода. Анализу подверглись преимущественно те из проблем, которые представляются

[8] *Бескровный Л. Г.* Некоторые вопросы истории Отечественной войны 1812 г.— «Вопросы истории», 1962, № 10; *он же.* Отечественная война 1812 г. (Некоторые итоги изучения и задачи дальнейших исследований).— «Вестник АН СССР», 1962, № 9; *Жилин П. А.* Некоторые вопросы изучения Отечественной войны 1812 г.— «Вопросы истории», 1962, № 6.

[9] См., например, книги В. И. Бабкина, Л. А. Зака, В. Г. Сироткина, а также сборник статей «1812 год».

[10] *Клокман Ю. Р.* Вопросы военной истории России XVIII — начала XIX в. в советской историографии.— В кн.: Вопросы военной истории России..., с. 23, 26, 37—38.

важнейшими или стержневыми. Отсюда различная степень внимания к отдельным работам.

Отечественная война 1812 г. получила широкий резонанс на международной арене. Прямым ее продолжением явился Освободительный поход русской армии в Западную Европу. Поэтому авторы считают необходимым рассмотреть и те работы, в которых нашел отражение первый этап войны 1813 г.

*

Экономическая сторона Отечественной войны 1812 г. состоит, на наш взгляд, из следующих крупных тесно взаимосвязанных проблем: 1. Экономические причины военного конфликта между Россией и Францией. 2. Роль экономического фактора в войне. 3. Влияние Отечественной войны 1812 г. на социально-экономическое развитие России.

Известно, какое значение придавал Ф. Энгельс экономическим причинам войны 1812 г. По его словам, «экономика оказалась сильнее дипломатии и царя, вместе взятых» [11]. В лекции «Война и революция» В. И. Ленин подчеркивал, что для определения причин и характера войны необходимо знать, «какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали» [12].

У наших историков нет расхождений по вопросу о том, что одной из главных причин Отечественной войны 1812 г. явились русско-французские экономические противоречия, а точнее — участие России в континентальной блокаде. Однако влияние блокады на экономическое положение России историки оценивали и оценивают по-разному. Так, М. Н. Покровский считал, что блокада сыграла объективно-прогрессивную роль в развитии капитализма в России [13]. С противоположных позиций выступал А. В. Предтеченский, который доказывал, что блокада подорвала русскую экономику, так как «русское сырье лишалось сбыта», а ее влияние на развитие капитализма было незначительным [14]. И у того и у другого автора нашлись последователи.

Нет единства во взглядах и у современных историков, хотя, как верно заметил В. Г. Сироткин [15], они расходятся в оценке степени отрицательного влияния блокады на экономику России.

[11] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 30.

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 77.

[13] *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. статей. М., 1923, с. 30—31.

[14] *Предтеченский А. В.* К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России.— «Известия АН СССР. Отд. обществ. наук». Л., 1931, № 8.

[15] *Сироткин В. Г.* Континентальная блокада и экономика России (обзор советской и французской литературы).— В кн.: Вопросы военной истории России..., с. 61. Обстоятельный обзор Сироткина избавляет нас от анализа работ по данной проблеме.

И это понятно, ибо исследователи строят свои выводы на основе изучения различных отраслей промышленности [16] или даже различных районов страны. Так, М. Ф. Злотников изучил состояние торговли в начале XIX в. на Балтийском и Белом морях и правомерно сделал вывод о том, что блокада вызвала сильный кризис внешней торговли России [17]. В. А. Золотов на материалах черноморской торговли говорит о существенном падении вывоза зерна из южных портов страны (Одесса, Таганрог, Херсон) [18]. Поэтому прав А. Л. Нарочницкий, подчеркнувший, что «вопрос о влиянии континентальной блокады на Россию является малоизученным и весьма сложным» [19].

Эти слова были написаны до выхода в свет капитального исследования М. Ф. Злотникова и книги В. Г. Сироткина, которая содержит интересную главу о континентальной блокаде и нейтральной торговле [20]. Обе эти работы внесли много нового в изучение проблемы, но далеко не решили ее. Необходимо комплексное исследование, охватывающее всю территорию России и все отрасли ее хозяйства — промышленность, сельское хозяйство, торговлю, финансы.

К разработке второй проблемы — роли экономического фактора в Отечественной войне 1812 г. советские историки приступили лишь в 60-х годах. Правда, в изданных ранее трудах [21] эта тема получила известное отражение. В 1945 г. вышел в свет первый и пока единственный сборник документов, характеризующих экономику Урала того времени [22]. Ценные материалы о военно-экономическом потенциале России периода войны 1812 г. были помещены в фундаментальном издании «М. И. Кутузов» [23].

[16] *Яцунский В. К.* О влиянии континентальной блокады на русскую хлопчатобумажную промышленность.— «Вопросы народного хозяйства СССР». М., 1962.

[17] *Злотников М. Ф.* Континентальная блокада и Россия. Под ред. В. К. Яцунского. М., 1966 (книга написана в 1940 г.).

[18] *Золотов В. А.* Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в. Ростов-на-Дону, 1963, с. 33–35.

[19] *Нарочницкий А. Л.* Об историческом значении континентальной блокады.— «Новая и новейшая история», 1965, № 6, с. 58.

[20] *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966, с. 134—162.

[21] *Богданов Г., Воронин Е.* Роль М. И. Кутузова в организации тыла русской армии в 1812 г.— «Тыл и снабжение Красной Армии», 1945, № 9; *Ашурков В. Н.* Тульские оружейники и их классовая борьба в XVIII — первой четверти XIX в. Тула, 1947; *Балагуров А. Я.* Олонецкие горные заводы в дореволюционный период. Петрозаводск, 1957; *Пугачев В. В.* К вопросу о военно-экономической подготовке России к Отечественной войне 1812 г.— «Уч. зап. Пермского гос. университета», 1955, т. 7, вып. 2; *Лукьянов П. М.* История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в. Т. V. М., 1961.

[22] Урал в Отечественной войне 1812 г. Сб. документов. Под ред. В. В. Данилевского. Свердловск, 1945.

[23] М. И. Кутузов. Сб. документов. Под ред. Л. Г. Бескровного. Т. IV, ч. 1—2. М., 1954—1955.

Л. Г. Бескровный поставил цель всесторонне показать военные и экономические возможности России, выяснить «материальные основы побед русской армии и поражений армии Наполеона» [24]. И эту задачу он успешно решил. В книге Бескровного проанализирован и обобщен значительный фактический материал, в том числе архивный, и показана роль экономического фактора на разных этапах войны. А военно-экономические вопросы автор рассматривает в тесной связи с социально-экономическим развитием России конца XVIII — начала XIX в.

В исследовании опровергнуто бытовавшее в нашей литературе мнение о том, что в военно-экономическом отношении Россия значительно уступала Франции и ее союзникам и не была подготовлена к войне. По некоторым видам производства (железа, меди, орудий, боеприпасов, пороха) русская промышленность превосходила французскую. С другой стороны, феодально-крепостнические отношения сдерживали поступательное развитие экономики, не позволяли обеспечить армию всеми видами снабжения в полном объеме. Особенно тяжелым было положение в области финансов. Но русское командование, опираясь в ходе войны на патриотический подъем народных масс, стремилось преодолеть все трудности [25].

Военно-экономические вопросы затрагивались и в других работах [26]. Значение экономического фактора в Отечественной войне 1812 г. показано, хотя и не в полной мере, в IV томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней».

Комплексное изучение проблемы провел В. Н. Сперанский [27]. Опираясь на широкую, преимущественно архивную источниковую базу, автор осветил ряд малоизученных вопросов оборонной промышленности России в 1800—1814 гг.: производство вооружения и боеприпасов, пороха и др. В результате проведенного исследования Сперанский пришел к выводам (однако еще требующим дополнительных уточнений) о том, что в ходе войны русская армия не испытывала трудностей в снабжении орудиями, снаря-

[24] *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г., с. 5.

[25] Там же, с. 251.

[26] *Бабкин В. И.* Указ. соч.; *Абалихин Б. С.* Роль Украины в обеспечении армии в Отечественной войне 1812 г.— В кн.: Вопросы военной истории России...; *Корнейчик Е. И.* Указ. соч.

[27] *Сперанский В. Н.* К вопросу о выработке военно-экономической программы подготовки России к войне 1812 г. (План обеспечения армии орудиями и снарядами). Конференция молодых научных работников. Горький, 1965; *он же.* О снабжении русской военной промышленности свинцом в 1808—1812 гг.— «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. Серия историко-филологическая», 1965, вып. 78, т. 1; *он же.* Из истории военно-экономической подготовки войны 1812 г. (Снабжение русской армии стрелковым оружием).— Там же, вып. 78, т. II. Горький. 1966; *он же.* К вопросу о производстве пороха в России перед войной 1812 г. Конференция молодых научных работников. Горький, 1966; *он же.* Русская военная промышленность в период Отечественной войны 1812 г.— «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. Серия историческая», 1967, вып. 85.

дами, порохом, свинцом и холодным оружием. Что касается ружей, то часть их была закуплена в Англии, остальные поставили русские заводы [28].

Исследования по данной проблеме следует продолжить, так как многие ее важные аспекты не получили отражения: не освещен самоотверженный труд рабочих военных предприятий, не показано, как осуществлялось снабжение различными видами довольствия всех четырех армий, резервных корпусов и ополчений на разных этапах войны, не определен материальный вклад в победу различных классов, особенно крестьянства, не подсчитан материальный ущерб, причиненный России нашествием. Решение этих вопросов позволит полнее и глубже показать роль экономики в Отечественной войне 1812 г.

Длительное время советские историки рассматривали послевоенную экономику России сквозь призму континентальной блокады [29]. Вопрос о том, какое влияние оказала война на экономическое развитие страны, не изучался. Эта своеобразная традиция была нарушена в работах, опубликованных в юбилейном году и позже [30]. Авторы предприняли попытку (и небезуспешную) выяснить, что нового появилось в экономике России после Отечественной войны 1812 г. Исследования проводились по данным некоторых промышленных предприятий и отдельных сельскохозяйственных районов, находившихся как в сфере военных действий, так и в глубоком тылу.

В этих работах содержатся интересные наблюдения и выводы. Отмечалось, что война не только оставила разорение, но и оказала стимулирующее воздействие на глубинные экономические процессы. Так, после изгнания захватчиков, указывает Ю. Я. Рыбаков, многие предприятия и даже отрасли промышленности стали развиваться на новой основе: шире использовались вольнонаемный труд и машины, возросла емкость внутреннего рынка, расширились экономические связи между разными районами страны. По данным Б. Б. Кафенгауза, А. В. Шилова, в годы войны уральские заводчики получили огромные доходы, что позволило им расширить производство, приобрести несложные машины и ме-

[28] *Сперанский В. Н.* Военно-экономическая подготовка России к борьбе с Наполеоном в 1812—1814 гг. Автореферат канд. дисс. Горький, 1968, с. 25.

[29] *Хромов П. А.* Экономическое развитие России в XIX — XX вв., 1800—1917. М., 1950; *Лященко П. И.* История народного хозяйства. Т. 1. Докапиталистические формации. М., 1952.

[30] *Кафенгауз Б. Б.* Война 1812 г. и ее влияние на социально-экономическую жизнь России (По материалам предприятий Н. Демидова).— «Вопросы истории», 1962, № 7; *Корнейчик Е. И.* Указ. соч.; *Карцов В. Г.* Некоторые кризисные явления в глубоком тылу крепостнической России во время войны 1805—1814 гг. (По материалам Сибири).— «Уч. зап. Калининского пед. ин-та», 1964, т. 38; *Рыбаков Ю. Я.* Отечественная война 1812 г. и текстильная промышленность Московской и Владимирской губерний.— «Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та», 1965, т. 21; *Шилов А. В.* К вопросу о влиянии войн начала XIX в. на положение горнозаводской промышленности Урала.— «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», 1966, № 158.

ханизмы. Бурный подъем переживало кустарное производство в губерниях, освобожденных от французов.

В. Г. Сироткин пришел к выводу, что в известном смысле война вызвала появление военных поселений [31].

Следовательно, война явилась в известном смысле ускорителем разложения феодально-крепостнической системы.

Работа В. Г. Карцова показывает, что подобные процессы наблюдались не только в губерниях, непосредственно затронутых войной, но и в глубоком «тылу» крепостнической России. Дальнейшее изучение прольет дополнительный свет на многие важные аспекты развития послевоенной экономики России.

*

За последнее время советские историки поставили и разрешили ряд спорных военно-стратегических вопросов войн 1812 и 1813 гг. Прежде всего это относится к выяснению планов и сил сторон.

Длительное время в нашей литературе преобладало мнение о том, что Россия готовилась к войне по плану бездарного прусского генерала Фуля. На основе изучения разнообразных источников В. В. Пугачев опроверг это утверждение и показал, что процесс выработки русского стратегического плана был значительно более сложным [32]. П. А. Жилин, исследуя эту проблему, подверг критике встречающееся в нашей историографии утверждение о том, что задолго до войны был разработан план, согласно которому русское командование придерживалось «скифской стратегии»: стремилось лишь к тому, чтобы заманить войска агрессора в глубь страны [33]. По мнению А. Н. Кочеткова, отступление к Дриссе не входило в расчеты Барклая-де-Толли, а явилось прямым следствием вмешательства царя. Кочетков приводит интересное письмо Барклая Александру I, из которого видно отрицательное отношение военного министра к фулевской затее [34].

Все эти факты подтверждают вывод В. В. Пугачева о том, что «план Фуля, как таковой, не оказал серьезного воздействия ни на подготовку к войне, ни на ход военных действий» [35]. К сожалению, этот обоснованный вывод принят не всеми историками. Например, в IV томе 12-томной «Истории СССР» по-прежнему утверждается, что «русские войска были обречены действовать по заведомо порочному плану» Фуля, а план Барклая даже не упоминается [36].

[31] *Сироткин В. Г.* Финансово-экономические последствия наполеоновских войн и Россия в 1814—1824 годы.— «История СССР», 1974, № 4.

[32] *Пугачев В. В.* К вопросу о первоначальном плане войны 1812 г.— В кн.: 1812 год, с. 31—46.

[33] *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России, с. 115—116.

[34] *Кочетков А. Н.* Указ. соч., с. 22.

[35] *Пугачев В. В.* Указ. соч., с. 46.

[36] История СССР. Т. IV. М., 1967, с. 116.

Нет полной ясности и по некоторым другим вопросам (место Петербургского и Киевского стратегических направлений, роль резервов и др.). Еще далеко не все архивные источники по данной проблеме должным образом изучены. Все это свидетельствует о необходимости продолжения исследования.

В письме к И. Вейдемейеру от 12 апреля 1853 г. в числе нерешенных стратегических проблем Отечественной войны Ф. Энгельс назвал «вопрос о том, состоял ли оперативный план Наполеона в 1812 г. с самого начала в том, чтобы сразу идти на Москву, или в первую кампанию продвинуться только до Днепра и Двины...» [37] В нашей историографии этот вопрос специально не исследовался. Тем не менее в литературе прочно утвердилось мнение о том, что задолго до вторжения Наполеон принял решение овладеть Москвой [38]. Такая трактовка первоначального плана Наполеона вызывает возражения. Свою главную задачу Наполеон видел в том, чтобы разгромить русские армии поодиночке в приграничном сражении и продиктовать России выгодный для него мир. «Первым предметом действий кампании» он называл Виленскую операцию [39], в которой намеревался уничтожить 1-ю Западную армию. Такого же мнения Наполеон придерживался и после поражения в России. Находясь на острове Святой Елены, он говорил: «Я никогда не думал даже, чтобы было возможно составить подобный план (наступать на Москву.— *Б. А., В. Д.*). Я полагал, что русские будут оборонять Литву и надеялся выиграть сражение, если они примут его» [40].

Если судить по переписке французского полководца, то впервые о движении на Москву он писал 27 июня, находясь в Вильне [41]. Но даже тогда мысль о походе на Москву изложена им не в форме приказа или даже плана, а как предположение. В этот же день Наполеон писал и о возможном движении на Петербург, причем эта идея воплощена им в форме плана [42]. Как известно, Наполеон колебался и в Витебске. То он заявлял своим приближенным о намерении остановиться в этом городе, то посылал авангарды на Петербургскую и Московскую дороги и сам выезжал осматривать Петербургскую дорогу [43]. И только 23 июля

[37] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 28, с. 487—488.

[38] Например, Л. Г. Бескровный пишет: «Действительные намерения Наполеона состояли в том, чтобы начать наступление на Москву» (Отечественная война 1812 г., с. 158); *он же.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974, с. 97; П. А. Жилин подчеркивает: «С самого начала Наполеон готовился овладеть Москвой» (Гибель наполеоновской армии в России, с. 90); см. также: История СССР..., т. IV, с. 121.

[39] Correspondance de Napoleon 1-er (далее — Correspondance...). T. 23. Paris, 1868, p. 430.

[40] *Жомини Г.* Политическая и военная жизнь Наполеона. Ч. V. Спб., 1840, с. 264.

[41] Correspondance..., t. 24, p. 40—41.

[42] Ibid., p. 42—43.

[43] Ibid., p. 119—125.

отдал приказ о преследовании русских войск по Московской дороге. Подобная картина повторилась и в Смоленске.

Логично поставить вопрос: если Наполеон принял решение о наступлении на Москву, то почему в ходе войны он проявлял такую неуверенность, терял драгоценное время (почти две недели бездействия в Вильне!), казалось бы, на бессмысленные остановки? На наш взгляд, это можно объяснить тем, что первоначально Наполеон целиком рассчитывал на быстротечную кампанию. Готовясь к ней, Наполеон не исключал возможности движения на Петербург и нанесения России удара с моря, что отмечали как дореволюционные (Н. Д. Каллистов) [44], так и советские исследователи (Л. В. Ларионов) [45] истории российского флота. Когда же его первый план не удался, ему потребовалось время, чтобы разработать новый. Ни до войны, ни в первые ее недели идти на Москву Наполеон не планировал [46].

Почему же в ходе войны Московское стратегическое направление для Наполеона стало главным? По нашему мнению, это произошло потому, что к Москве отступали силы русских войск. Основополагающим принципом своей стратегии французский полководец считал уничтожение живой силы противника в одном-двух генеральных сражениях. «В Европе немало хороших генералов,— говорил Наполеон,— но они видят сразу слишком много целей. Я вижу только одно — массы неприятельских войск. Я стараюсь их уничтожить, будучи уверен, что все остальное рухнет вместе с ними» [47]. Преследуя русскую армию до Москвы, Наполеон и видел «массы неприятельских войск». Конечно, при этом он учитывал и роль Москвы в экономической, политической и культурной жизни России.

Авторы анализируемых работ [48] широко освещают вопросы организации, комплектования, управления и боевой подготовки войск России и Франции накануне и в ходе войны, приводят данные о численном составе различных родов войск и всех вооруженных сил противоборствующих сторон, показывают отличия

[44] *Каллистов Н. Д.* Русский флот и двенадцатый год (Роль флота в Отечественной войне в связи с циклом наполеоновских войн России). По архивным материалам. Спб., 1912, с. 34—35.

[45] *Ларионов Л. В.* Русский флот в Отечественную войну 1812 г. (ГПБ, РО, ф. 422, оп. 1, д. 112, л. 3).

[46] Такого же мнения придерживается А. З. Манфред: «Ни в одном из официальных документов французского командования начала войны нельзя найти никаких упоминаний о Москве. Мысль о глубоком вторжении, о проникновении в глубь Российской империи первоначально исключалась Наполеоном» (*Манфред А. З.* Указ. соч., с. 629).

[47] *Наполеон.* Избранные произведения. М., 1956, с. XVI.

[48] Кроме работ Л. Г. Бескровного и П. А. Жилина, назовем еще две статьи, посвященные специально этим вопросам: *Кочетков А. Н.* Управление войсками в русской армии в Отечественной войне 1812 г.— «Военно-исторический журнал», 1962, № 10; *Богданов Л.* Комплектование русской армии накануне Отечественной войны 1812 г.— «Военно-исторический журнал», 1972, № 1.

русской армии от французской. Не скрывают они и недостатки в действиях русских войск, подчеркивая их объективную обусловленность — наличие самодержавия и крепостнической системы, о чем подробно пишут Л. Г. Бескровный, П. А. Жилин, А. Н. Кочетков и др.

Специально следует остановиться на существующем разнобое в цифровых показателях, что является следствием использования авторами различных исходных данных. Сопоставим только цифровые показатели о численности русской и французской армий.

В Советской исторической энциклопедии численность русской армии на март 1812 г. определена в 590 973 человека, из них на западном театре находилось лишь 230 тыс.[49] П. А. Жилин определяет общую численность русских войск перед войной в 480 тыс.[50], Л. Г. Бескровный — в 597 тыс. человек[51]. По-разному определяется численность «Большой армии» и ее первого эшелона. По подсчетам Жилина, наполеоновская «Большая армия» состояла из 618 тыс. солдат, из них в первом эшелоне находилось 400 тыс.[52] В монографии «Отечественная война 1812 г.» Бескровный дважды говорит о численности наполеоновской армии и каждый раз приводит различные данные (ср. стр. 157, 168). К сожалению, таких противоречий в цифровом материале очень много.

Длительное время наши историки сосредоточивали свои усилия на разработке второго этапа Отечественной войны 1812 г. и добились в этом значительных успехов[53]. Но первый, самый тяжелый период войны оставался в тени. Теперь пробел в разработке первого этапа войны восполнен. Наиболее обстоятельно он освещен в монографиях П. А. Жилина и Л. Г. Бескровного. Новый интересный материал содержится также в брошюрах А. Н. Кочеткова о Барклае-де-Толли, И. И. Ростунова — о П. И. Багратионе, Н. А. Почко — о Н. Н. Раевском.

На большом фактическом материале авторы показывают, в каких сложных условиях оказались русские войска в первые дни войны и как благодаря мужеству солдат и искусству полководцев они с честью вышли из тяжелого положения. Новыми до-

[49] СИЭ, т. 10, стлб. 666. Такие данные впервые привел А. И. Михайловский-Данилевский в своем «Описании Отечественной войны в 1812 г.» (изд. 2-е. Спб., 1840, с. 99).

[50] *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России, с. 96.

[51] *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г., с. 193. В статье «Две стратегии» автор приводит другие данные — 572 тыс. человек.

[52] *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России, с. 84. На стр. 89 численность первого эшелона армии Наполеона указана уже в 444 тыс. человек.

[53] *Жилин П. А.* Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950; *он же.* Контрнаступление русской армии в 1812 г. М., 1953; *Бескровный Л. Г.* Отечественная война и контрнаступление Кутузова. М., 1951; Полководец Кутузов. Сб. статей. Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1955; *Пунин Л. Н.* Фельдмаршал Кутузов. М., 1957 и др.

кументальными данными подкреплен вывод К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что отступление русской армии было «делом не свободного выбора, а суровой необходимости» [54].

Подробнее, чем прежде, освещено Смоленское сражение, четче определены его основные этапы и результаты. Аргументированно звучит вывод Л. Г. Бескровного о том, что «в действиях под Смоленском обе стороны оказались не на высоте» [55]. Но все же битва за древний русский город ослабила армию Наполеона и охладила наступательный порыв французов.

Основоположники научного коммунизма высоко оценивали полководческую деятельность М. Б. Барклая-де-Толли: «Он был бесспорно лучший генерал Александра, непритязательный, настойчивый, решительный и полный здравого смысла» [56]. К сожалению, эта характеристика была надолго и основательно забыта. Барклая обвиняли в нерешительности, в отсутствии патриотизма, в непонимании характера войны и даже... в незнании русского языка. В новых работах [57] все эти обвинения как необоснованные отвергнуты. Перед читателем предстал образ полководца, который, говоря словами А. С. Пушкина, «все в жертву принес» России.

Остановимся на некоторых моментах деятельности Барклая-де-Толли, о которых в литературе, предшествующей настоящему обзору, почти ничего не говорилось. Он входил в когорту русских генералов, признававших народный характер войны [58].

По его инициативе в июле 1812 г. был создан новый армейский партизанский отряд под командованием Ф. Ф. Винценгероде [59].

О том, какое значение Барклай придавал антифранцузской пропаганде среди жителей России, войск противника и населения стран Западной Европы, ярко свидетельствуют его донесение Александру I от 22 января 1812 г., поддержка им проекта дерптских профессоров А. С. Кайсарова и Ф. Э. Рамбаха [60], приказ от 13 июня 1812 г. о начале войны.

История появления этого приказа чрезвычайно интересна и важна в историографическом плане. Как установил А. Г. Тартаковский, приказ был подготовлен еще до получения официального известия о переходе французских войск через Неман [61].

[54] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 14, с. 93.

[55] *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г., с. 324.

[56] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 14, с. 94.

[57] *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г.; *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России; *Кочетков А. Н.* М. Б. Барклай-де-Толли; *Пугачев В. В.* К вопросу о первоначальном плане войны 1812 г.; *Мусницкий Е.* К вопросу об оценке роли М. Б. Барклая-де-Толли в Отечественной войне 1812 г.— «Военно-исторический журнал», 1962, № 8.

[58] Листовки, с. 33—34.

[59] *Пугачев В. В.* К вопросу о первоначальном плане войны 1812 г., с. 45.

[60] Листовки (проект обнаружен Л. Г. Бескровным).

[61] *Тартаковский А. Г.* Заметки о военной пропаганде 1812 г.— В кн.: Вопросы военной истории России..., с. 304—313.

Автор справедливо заключил, что вторжение наполеоновской армии не было неожиданным для русского командования. Штаб Барклая-де-Толли располагал точными сведениями о дислокации войск противника, о тех пунктах, которые были намечены Наполеоном для переправы, и о дате вторжения. Таким образом, широко распространенное в нашей литературе мнение о том, что война для русского командования началась внезапно [62], не выдерживает критики.

*

Советские историки по-прежнему уделяют особое внимание Бородинской битве. Этому центральному событию войны — ее «генеральному» сражению — посвящены брошюра Е. В. Тарле «Бородино», главы монографий Л. Г. Бескровного [63] и П. А. Жилина, статьи и публикации. В брошюре Тарле дан подробный разбор действий сторон, ярко показаны героизм и стойкость русских воинов. Но в целом эта работа отражает состояние и уровень исторической науки конца 40-х — начала 50-х годов, как об этом справедливо сказано в «Послесловии» к брошюре.

На основе изучения разнообразных источников П. А. Жилин [64] пришел к выводам, что, во-первых, Бородинская битва планировалась Кутузовым заранее. Поэтому совершенно неправы некоторые зарубежные историки (А. Вандаль, А. Сорель и др.), которые писали о стихийном возникновении сражения. Во-вторых, Кутузов преследовал цель не только обескровить противника, но и не допустить его к Москве.

В работах Бескровного, Жилина и других авторов подробно рассматривается вопрос о выборе Кутузовым позиции, о расположении войск, дается глубокий анализ хода и последствий битвы, объективно освещаются действия Кутузова и Наполеона.

Малоизученному вопросу о боевом порядке и размещении русских войск на Бородинском поле посвящена статья Л. П. Богданова. Определив направление главного удара, Кутузов осуществил в ходе сражения переброску войск с правого крыла, где до начала битвы находилось 70% войск, на левое. Достаточно аргументированно автор доказывает, что Шевардинский редут не был крайним левым флангом, как считали некоторые историки (В. В. Прунцов, Н. Ф. Гарнич), а являлся передовым опорным пунктом русской позиции [65].

[62] *Левицкий Н.* Война 1812 г. М., 1938, с. 13; *Гарнич Н. Ф.* 1812 г. М., 1956, с. 58 и др.

[63] В юбилейные дни Л. Г. Бескровный выступил со статьей «Бородинское сражение (к 150-летней годовщине)».— «Вопросы истории», 1962, № 6, а позже опубликовал брошюру «Бородинское сражение». М., 1971.

[64] *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России, с. 144. (См. приводимые П. А. Жилиным письма Кутузова А. П. Тормасову и П. В. Чичагову).

[65] *Богданов Л. П.* Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении.— В кн.: 1812 год, с. 107—109.

В статье А. П. Ларионова рассматриваются спорные вопросы о размещении русской артиллерии на Бородинской позиции, о численности и роли артиллерийского резерва. По подсчетам автора, обе армии насчитывали 624 орудия и 12 орудий находились в Можайске. Ларионов считает, что артиллерийский резерв включал 296, а не 390 орудий, и что все они приняли участие в сражении [66]. Ряд уточнений и дополнений о роли артиллерийского резерва сделал Н. Павлов [67]. В. И. Бабкин установил, что в сражении участвовало не 7 тыс., как считалось раньше, а свыше 20 тыс. ратников Московского и 7 тыс. ратников Смоленского ополчений [68]. О подвигах московских ополченцев на Бородинском поле пишет также П. В. Володин [69]. Боевые подвиги донских казаков при Бородине освещены в статье А. П. Пронштейна и Б. В. Чеботарева [70].

В ряде работ [71] освещается малоизвестный вопрос об участии в «битве гигантов» украинского, белорусского и кавказских народов.

Ряд работ посвящен описанию памятных мест и памятников, возведенных на Бородинском поле в честь русских воинов [72–73].

На основе анализа записей врачей, лечивших П. И. Багратиона, Е. А. Логинова пришла к заключению, что его ранение с точки зрения современной медицины не являлось смертельным [74].

Важнейшие исторические источники, отражающие подготовку, ход и результаты битвы, подвиги воинов — представителей всех

[66] *Ларионов А. П.* Использование артиллерии в Бородинском сражении.— В кн.: 1812 год, с. 132—133. Вряд ли с указанным утверждением автора можно полностью согласиться. Однако во всех случаях этот вопрос требует доисследования, так как в некоторых изданиях имеется прямо противоположный вывод, гласящий, что орудия общего резерва в сражении вообще не участвовали (Бородино. Путеводитель по местам боев Бородинского сражения 1812 г. М., 1938, с. 133).

[67] *Павлов Н.* Об артиллерийском резерве М. И. Кутузова в Бородинском сражении.— «Военно-исторический журнал», 1966, № 3. Численности артиллерии касается и вновь опубликованный документ — дневник участника Бородинского боя Д. И. Богданова, находящийся в ЦГВИА («Неделя», 1962, № 36).

[68] *Бабкин В. И.* Народное ополчение.., с. 122–123.

[69] *Володин П. В.* О роли и численности Московского народного ополчения в Отечественной войне 1812 г.— «Исторические записки», М., 1962, т. 72.

[70] *Пронштейн А. П.* и *Чеботарев Б. В.* Донские казаки в Отечественной войне 1812 г.— «Вопросы истории», 1962, № 9.

[71] *Абалихин Б. С.* Воины-украинцы в Бородинском сражении.— В кн.: Материалы XVIII научной конференции Волгоградского гос. пед. ин-та. Волгоград, 1963; *Корнейчик Е.* Воины-белорусы в Бородинском сражении.— «Коммунист Белоруссии», 1962, № 8; *Нарсисян М. Г.* Указ. соч.

[72–73] *Богданов Л. П.* На поле Бородинском; *Володин П. М.* Указ. соч.; *Богданов Л. П., Свиридов И. Г.* Багратионовы флеши и батарея Раевского.— В кн.: 1812 г.; *Никольский С. В.* Памятники Бородинского поля.— Там же.

[74] *Логинова Е. А.* Ранение и смерть Багратиона.— «Фельдшер и акушерка», 1962, № 10.

родов оружия, опубликованы в сборнике документов и материалов «Бородино». В нем большое место занимают воспоминания и письма участников сражения: М. Б. Барклая-де-Толли, Н. Н. Раевского, Д. В. Давыдова и др. Особую ценность представляют наградные списки. Большинство материалов опубликовано впервые, их археографическая обработка проведена на высоком уровне.

Все авторы едины в оценке исторического значения Бородинской битвы. Однако имеются расхождения в определении ее места в ходе всей войны. Некоторые вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании. Так, в докладе «Очередные вопросы исследования Бородинской битвы. К 140-летию сражения» М. В. Нечкина в числе малоизученных вопросов назвала вопрос о «диверсии Уварова-Платова с русского правого фланга в тыл Наполеона» [75]. К сожалению, его и теперь нельзя считать решенным. На наш взгляд, и в настоящее время историки преувеличивают значение рейда. Участники битвы, в том числе видные полководцы, были невысокого мнения о его результатах. Барклай-де-Толли писал: «...Есть ли б сие нападение исполнилось с большою твердостию, не ограничиваясь одним утомлением неприятеля, то последствие оного было бы блистательно» [76]. Неудавшимся считал рейд и М. И. Кутузов, по замыслу которого он проводился. Ответственность за невыполнение поставленной задачи фельдмаршал возлагал на Платова. Отвечая на запрос Александра I, почему за Бородинское сражение не представлен к награждению Уваров [77], Кутузов сообщил, что «в сражении 26 августа» войска Уварова не могли «что-либо важное предпринять, потому что казаки, кои вместе с кавалерийским корпусом должны были действовать и без коих не можно ему было приступить к делу, так сказать, не действовали» [78]. Следовательно, при определении значения рейда необходимо исходить из того, какую задачу ставил главнокомандующий Платову и Уварову и как она была ими решена.

В некоторых работах справедливо подчеркивается международное значение Бородинской битвы [79], но изучение этого вопроса необходимо продолжить.

Существенные расхождения имеются в данных о потерях сторон. По мнению П. А. Жилина, урон войск Наполеона убитыми и ранеными составил более 50 тыс. человек, или 43,3% состава, а русская армия потеряла почти 44 тыс. человек, т. е. 36% со-

[75] Архив АН СССР, ф. 627, оп. 5, д. 70, л. 2.

[76] Бородино, с. 335.

[77] Из всех генералов, принимавших участие в Бородинском сражении, не были награждены Уваров и Платов.

[78] М. И. Кутузов, т. IV, ч. 1, с. 219.

[79] Международному значению Бородинской битвы посвящены: *Манфред А.* 150 лет после Бородина.— «Международная жизнь», 1962, № 9; *Дюкло Ж.* 1812 год, Бородино, современность.— «Литературная газета», 1962, 18 октября.

става[80]. Л. Г. Бескровный считает, что французская армия понесла урон в 58 578 солдат и офицеров, в том числе 49 генералов, а русская — 38 506 солдат и офицеров и 22 генерала[81].

На некоторые неточности и ошибки в освещении Бородинской битвы указал А. Н. Кочетков[82]. Автор рассмотрел вопросы выбора позиции, группировки войск и замысла сражения, описания его хода и результатов и высказал свое несогласие с выводами, содержащимися в работах Л. Г. Бескровного, Л. П. Богданова, Н. Ф. Гарнича и Ф. А. Гарина.

*

Отечественная война 1812 г. проходила в переломную эпоху. Она шла между буржуазной Францией, стремящейся к мировому господству, и феодальной Россией, которая в силу исторических условий отстаивала не только свою национальную независимость, но и свободу народов Европы. Это обстоятельство наложило отпечаток на характер и способы ведения борьбы. Во-первых, в орбиту войны были втянуты миллионы людей. Наполеоновской буржуазной массовой армии противостояла русская феодальная армия, но она опиралась на широчайшие массы народа. Второй особенностью Отечественной войны было то, что она охватывала огромную территорию. Предшествовавшие ей феодальные войны таких масштабов не знали. Наполеоновские войска вели наступление не только на Московском стратегическом направлении, но и на Петербургском и Киевском.

К сожалению, в нашей историографии ход военных действий на флангах освещается бегло. Конечно, важнейшие события происходили на центральном, Московском, направлении. Здесь решался исход войны, судьба России. Однако это вовсе не означает, что наряду с главными событиями мы не должны исследовать второстепенные, которые также имели немаловажное значение для достижения победы в 1812 г. На флангах действовали закаленные в боях, прошедшие суворовскую и кутузовскую школу войска; они внесли серьезный вклад в разгром армии агрессора.

На наш взгляд, особенно неблагополучно обстоит с освещением подготовки и хода войны на Киевском стратегическом направлении[83]. В работах встречаются существенные ошибки. На-

[80] *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России, с. 162.

[81] *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г., с. 396—397. Автор дает подробное объяснение, на основании каких документов он подсчитал общие потери русских войск, и заключает: «Вопрос о размерах потерь русской армии в Бородинском сражении можно считать решенным» (там же). Доводы и вывод Бескровного нам представляются убедительными.

[82] *Кочетков А.* О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения.— «Военно-исторический журнал», 1963, № 12.

[83] На это обратил внимание еще М. Иностранцев, писавший, что «операции армии генерала Тормасова остались в тени» (*Иностранцев М.* Отечест-

пример, П. А. Некрасов утверждает, что Наполеон, подобно Карлу XII, рассматривал Украину как «надежный плацдарм для наступления на сердце России — Москву — с юга» [84]. Но у Наполеона никогда не было такого намерения. Напротив, он резко критиковал Карла XII за то, что тот «ринулся» на Украину, «бросив подготовленную операционную линию в Белоруссии» [85].

Ряд историков считает, что французский император в первые же дни войны повел наступление на Киев, выделив для этой цели австрийский корпус под командованием фельдмаршала Шварценберга и польско-саксонский корпус под командованием генерала Ренье [86]. В действительности такой приказ Наполеон отдал лишь 10 июля и только Ренье. Австрийский корпус повел наступление на Украину после поражения саксонского отряда под Кобрином 15 июля.

В нашей исторической литературе не показано, какое влияние оказало Кобринское сражение на изменение оперативных планов Наполеона. В частности, не нашел отражения тот факт, что к началу августа французский полководец ставил перед своей правофланговой группировкой задачу овладеть Украиной, ведя наступление с запада и севера. Совершенно не освещены такие события, как переход войск Дунайской армии из Валахии на Волынь, оборона Бобруйской крепости. Очень слабо показана роль II резервного корпуса в защите украинских губерний. Широкое распространение получила неверная точка зрения на действия III армии. Считалось, что с 17 августа по 9 сентября III армия бездействовала. Однако есть свидетельства, говорящие о другом [87]. 11 сентября Тормасов доносил Кутузову: «Занимая прежнюю мою

венная война 1812 г. Операция 2-й Западной армии кн. Багратиона от начала войны до Смоленска. Спб., 1914, с. II). Военным действиям на Петербургско-Рижском направлении посвящены работы: *Дорман М. А.* 1812 г. Оборона путей на Петербург. Спб., 1912; *Жамов В. Е.* Отечественная война 1812 г. Операции в направлении Тильзит — Митава — Рига. Рига, 1912; *Каллистов Н. Д.* Русский флот и двенадцатый год. События на правом фланге кратко освещены в статье: *Епанчин Н.* Очерк событий 1812 г. в пределах Киевского военного округа.— «Военно-исторический вестник», 1911, кн. 7—8. Из советских авторов наиболее подробно осветил ход военных действий на флангах Л. Г. Бескровный (Отечественная война 1812 г., с. 324—337).

[84] *Некрасов П. А.* Участь українського народу у боротьбе против наполеонівськоі навали в 1812 р.— Праці Одеського держ. ун-ту. Т. 146. Серія історичніх наук, вип. 5. Одесса, 1959, с. 122.

[85] *Наполеон.* Указ. соч., с. 692—693.

[86] *Котов В. Н.* Украина в завоевательных планах Наполеона I. Киев, 1945 (канд. дисс.). Основные положения и выводы своей диссертации В. Н. Котов изложил в статье: Завойовницькі плани Наполеона І щодо Украіни та їх крах у 1812 р.— «Вісник Київського держ. ун-ту. Серія історії та права», 1965, № 7; *Буцик А.* Вітчизняна війна 1812 року і крах наполеонівської імперії. Київ, 1959; *Буцик А. К., Стрельский В. И.* Великий патріотичний подвиг (Участь українського народу у Вітчизняній війні). Київ, 1962.

[87] ЦГВИА СССР, ф. 474, д. 34 («Журнал военных действий III Западной армии»). После объединения III армия по численности превосходила австро-саксонские и польские войска.

позицию за рекою Стырь, не переставал я в продолжении сего времени сколь возможно беспокоить неприятеля партиями легкой кавалерии»[88]. Не соответствует действительности утверждение, что на левом фланге не было партизанских рейдовых отрядов.

Необходимо также отметить, что на юго-западе России ход военных действий протекал по-иному по сравнению с Московским направлением. Общая периодизация Отечественной войны для III армии не подходит, так как в контрнаступление она перешла 9 сентября. Специальные исследования помогут выяснить роль военных действий на юго-западе России в изменении планов Наполеона и общем ходе Отечественной войны. В полной мере этот вывод может быть распространен и на северо-западный театр военных действий. До настоящего времени специального исследования о ходе войны 1812 г. на этом участке фронта и в Прибалтике советская историография еще не создала[88a].

*

Тема «Москва в 1812 г.» более 160 лет волнует историков[89]. Сказали о ней слово и авторы недавно вышедших работ[90]. При знакомстве с современной литературой бросаются в глаза два момента. Во-первых, широкий диапазон рассматриваемых проблем. Авторы показывают положение Москвы и ее жизнь накануне вступления французов, рассказывают о разнообразных формах участия москвичей в Отечественной войне.

Как и прежде, много внимания уделяется московскому пожару, выяснению причин его возникновения. Именно в связи с московским пожаром обращает на себя внимание вторая отличительная черта работ о Москве 1812 г.— стремление глубоко разобраться в событиях, привлечь максимальное число источников и, что особенно важно, дать им критическую оценку.

При освещении вопроса о московском пожаре снова выявились разногласия о его причинах. Л. Г. Бескровный поддерживает прочно устоявшуюся за последнее время точку зрения о том, что виновником пожара были Наполеон и его армия. С кри-

[88] Известия о военных действиях российской армии против французов 1812 года. Спб., 1813, с. 114.

[88a] *Дунаевский В. А.* Отечественная война 1812 года на Северо-Западе России и в Прибалтике (некоторые вопросы историографии; постановка темы).– «Известия АН Латвийской ССР», 1976, № 10.

[89] Историографию по теме см.: *Полосин И. И.* М. И. Кутузов и пожар Москвы.— «Исторические записки», 1950, т. 30.

[90] *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г.; *Кудряшов К. В.* Указ. соч.; *Холодковский В. М.* Наполеон ли поджег Москву? — «Вопросы истории», 1966, № 4; *Тартаковский А. Г.* Население Москвы в период французской оккупации 1812 г.— «Исторические записки», 1973, т. 92; *он же.* Показания русских очевидцев о пребывании французов в Москве в 1812 г.— В сб.: Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М., 1973; *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России.

тикой этой версии выступил В. М. Холодковский. По его мнению, пожар был невыгоден Наполеону ни в экономическом, ни в политическом, ни в военном отношениях.

С интересными источниковедческими статьями выступил А. Г. Тартаковский. Он выявил и тщательно проанализировал 173 показания очевидцев пребывания французов в Москве. Автор прослеживает, как складывалась официальная правительственная версия пожара. Впервые о решающей виновности французов в сожжении Москвы Александр I писал шведскому наследному принцу Карлу Юхану 19 сентября. Царь мотивировал такое поведение Наполеона и его армии тем, что он «не нашел в Москве ни богатств, которых жаждал, ни мира, который надеялся здесь продиктовать» [91]. Этой версии было придано значение официальной дипломатической установки. Но всеобщим достоянием правительство сделало ее лишь после оставления французами Москвы.

Обстановку, сложившуюся в оккупированной Москве, рассмотрел П. А. Жилин. Особый интерес представляют приведенные им данные о втором пожаре Москвы, начавшемся 28 сентября. Его виновниками безусловно были оккупанты.

В вопросе о причинах первого пожара П. А. Жилин, в известной мере разделяя мнение Холодковского, подчеркивает, что русские уничтожили только военные объекты, а о преднамеренном сожжении Москвы, по его словам, не может быть и речи [92]. Не согласен он и с выводом Холодковского о том, что пожар имел важное военное значение. Русское командование, считает Жилин, полагалось не на стихию, не на пожар, а «на штык и пулю русского солдата и русского крестьянина» (с. 183). И далее автор пишет: «В военном отношении пожар Москвы имел свои последствия: он создал для французской армии тяжелые условия пребывания в городе, способствовал ее разложению, затормозил ее движение. И в то же время позволил русским войскам оторваться от противника, скрытно осуществить фланговый марш-маневр» (с. 185). Таким образом, признавая военное значение московского пожара, П. А. Жилин отрицает преднамеренное планирование его русским командованием в своих целях.

Причастность М. И. Кутузова и его штаба к пожару еще не выяснена. Но И. И. Полосин утверждает, что взрывы были произведены почти одновременно в 15 пунктах Москвы. Сразу же в этих местах вспыхнули пожары. Возникли и распространялись они как раз по линии движения русской, а вслед за ней французской армий — от Дорогомиловской заставы к Рязанской дороге, особенно в районах Арбата, Большого каменного моста, на Солянке, на подступах к Яузе. На основании этих фактов и некоторых путаных показаний очевидцев Полосин заключил, что Москва была подожжена по приказанию Кутузова.

[91] *Тартаковский А. Г.* Показания русских очевидцев..., с. 253.
[92] *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России, с. 185.

Противоречивые суждения о причинах московского пожара, разногласия в оценках его значения, наконец, наша все еще незначительная осведомленность о пятинедельной жизни оккупированной французами Москвы — настоятельно требуют продолжить исследование этой волнующей темы.

*

Как уже отмечалось, второй этап Отечественной войны 1812 г. особенно интенсивно и плодотворно изучался в 50-х годах. В опубликованных за последнее время работах углублены и расширены знания по уже ранее рассмотренным проблемам, поставлены и решены новые. Знаменательно, что в юбилейные дни «Военно-исторический журнал» опубликовал серию статей, посвященных основным событиям контрнаступления русской армии. И. Исаев осветил роль Тарутинского лагеря и показал особенности сражения при р. Чернишне [93]. Тем самым автор продолжил и дополнил изыскания, успешно начатые П. Г. Рындзюнским [94]. А. Дмитриев обстоятельно проанализировал ход и результаты Малоярославецкого сражения и показал его место в стратегических замыслах Кутузова и Наполеона [95]. В статье Н. Павленко рассмотрены важнейшие операции русской армии от Малоярославца до Березины [96]. Во всех этих статьях характеризуются стратегия и тактика Кутузова.

О полководческом искусстве Кутузова периода Отечественной войны подробно говорится в монографиях Л. Г. Бескровного и П. А. Жилина, а также в их специальных статьях [97]. В ряде работ получил всестороннее обоснование тезис о том, что в области стратегии и тактики М. И. Кутузов превосходил Наполеона. Историческая заслуга Кутузова, пишут авторы, состоит в том, что он верно понял характер войны 1812 г. и в условиях феодального строя России нашел возможность использовать силу народа для решения стратегических задач.

Это особенно ярко проявилось в Тарутинский период, когда во всю мощь развернулась «малая война». Находившаяся в Москве армия Наполеона оказалась блокированной армейскими и крестьянскими партизанскими отрядами и ополчениями центральных губерний. «Вокруг Москвы,—подчеркивает Л. Г. Бескровный,—

[93] *Исаев И.* Тарутино.— «Военно-исторический журнал», 1962, № 10.

[94] *Рындзюнский П. Г.* Кутузов в Тарутинском лагере.— «Исторический журнал», 1945, № 3.

[95] *Дмитриев А.* Малоярославец (Из истории Отечественной войны 1812 г.).— «Военно-исторический журнал», 1962, № 11.

[96] *Павленко Н.* Гибель великой армии (к 150-летию Отечественной войны 1812 г.).— «Военно-исторический журнал», 1962, № 11.

[97] *Бескровный Л. Г.* Две стратегии.— В кн.: 1812 год; *Жилин П. А.* Военно-исторические взгляды М. И. Кутузова.— Там же; *он же.* Полководческая деятельность М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г.— «Военно-исторический журнал», 1962, № 7.

образовалось как бы два кольца, состоящих из легких войск — партизан и ополченцев. Они постепенно суживались, угрожая превратить стратегическое окружение в тактическое» [98].

О том, как действовали партизанские отряды под Москвой, обстоятельно рассказано в работах А. Н. Кочеткова, Г. В. Ильина, И. И. Ростунова и других авторов [99]. Военные действия ополчений в Тарутинский период подробно осветил В. И. Бабкин, отметив, что они носили «не изолированный друг от друга характер, а представляли собой четкую систему боевых операций, направлявшихся М. И. Кутузовым к единой цели» [100].

Многие работы посвящены описанию борьбы народных сил с наполеоновской армией в отдельных районах страны: в Калужской, Ярославской, Владимирской, Тверской губерниях и на Украине [101]. Все эти работы дают основание заключить, что по замыслу Кутузова в период подготовки русской армии к контрнаступлению была создана единая система обороны. Она прикрывала не только центральные губернии России, но и южные. В частности, в районе Рославля и Брянска Калужское ополчение тесно взаимодействовало с Украинским. Украинские ратники и казаки образовали так называемую «кордонную цепь» протяженностью свыше 700 верст [102]. Так глубоко и обстоятельно вопросы организации обороны в нашей литературе прежде не освещались.

Однако эту тему пока нельзя считать завершенной, ибо нам в полной мере еще не известно, как обстояло дело на многих других участках театра военных действий, в частности, на Петербургском и Рижском стратегических направлениях.

В работах, изданных за последнее время, полнее освещено контрнаступление. Авторы показывают принципиальное отличие плана Кутузова по разгрому врага от подобного плана Александра I, глубоко анализируют замыслы фельдмаршала и рассказывают о их реализации. Подробно описаны главнейшие бои и сражения, показано взаимодействие регулярных войск с армейскими рейдовыми отрядами и ополчениями. Отличительной особенностью последних работ является то, что в них не скрываются те ог-

[98] *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г., с. 488.

[99] *Кочетков А. Н.* Партизанская война.— В кн.: 1812 год; *Ильин Г. В.* Партизанское движение в 1812 г. к северу от Москвы (к 150-летию Отечественной войны 1812 г.).— «Ученые записки Московского библиотечного ин-та», 1963, вып. 10; *Ростунов И. И.* На Старой Смоленской дороге. М., 1962; *Володин П. М.* Партизан Александр Фигнер. М., 1971; *Хатаевич Н. Л.* Партизан А. Н. Сеславин. М., 1973.

[100] *Бабкин В. И.* Народное ополчение, с. 140–141.

[101] *Андреев П. Г.* Ярославские ополченцы. Из истории Отечественной войны 1812 г. Ярославль, 1960; *Ильин М. А.* Память истории. Тверской край в Отечественной войне 1812 г. Калинин, 1962; «Недаром помнит вся Россия». Очерки о событиях 1812 г. в Калужском крае. Калуга, 1962 и др.

[102] *Абалихин Б. С.* Украинское ополчение 1812 г.— «Исторические записки», т. 72, М., 1962, с. 101–103.

ромные трудности, которые переносила русская армия, преследуя противника от Малоярославца до западной границы. Следует отметить, что по многим основополагающим моментам хода контрнаступления точки зрения авторов совпадают. Однако по отдельным вопросам имеются расхождения. У наших историков нет единого взгляда на периодизацию контрнаступления.

Сама по себе идея создать периодизацию контрнаступления чрезвычайно интересна и важна. Разработка ее позволит показать превосходство русской стратегии над наполеоновской, полнее и глубже раскрыть полководческое искусство М. И. Кутузова. Вопрос о периодизации контрнаступления в историографии поднимался давно. Впервые он был освещен в военно-историческом обзоре «Отступление французов», подготовленном прусским офицером Э. Пфулем и изданном с ведома М. И. Кутузова в виде листовки 12 декабря [103]. Мы полагаем, что при разработке периодизации контрнаступления необходимо учитывать и этот документ.

Разногласия по периодизации контрнаступления наблюдались еще в работах, изданных в 50-е годы. Так, Л. Г. Бескровный началом контрнаступления считал сумму событий, развернувшихся от Тарутина до Малоярославца, а его концом — изгнание захватчиков за границу [104]. По мнению П. А. Жилина, контрнаступление началось под Малоярославцем, а завершилось разгромом войск агрессора на Березине [105].

В новых исследованиях названные авторы также по-разному определяют рамки контрнаступления. Наиболее детально периодизацию контрнаступления разработал Бескровный в статье «Две стратегии» [106]. Автор выделил четыре этапа контрнаступления и охарактеризовал каждый из них. По его мнению, первый этап включал действия русской армии от сражения под Тарутиным и до битвы под Малоярославцем включительно. «Содержанием второго этапа контрнаступления,— пишет Л. Г. Бескровный,— явился срыв попытки Наполеона оторваться от русской армии, выйти к Смоленску (?), остановиться там и организовать оборону, прикрывшись от русских с севера — Западной Двиной, с востока — Днепром и с юга — Полесьем». По словам автора, «содержанием третьего этапа контрнаступления является разгром армии на Березине». Л. Г. Бескровный считает, что контрнаступление завершилось выходом русских войск к западной границе.

П. А. Жилин делит военные действия русской армии в октябре—декабре на два больших периода: период контрнаступления (от Малоярославца до Березины, когда была достигнута основная цель — разгром наполеоновской армии) и период общего

[103] Листовки, с. 105—110.
[104] *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова.
[105] *Жилин П. А.* Контрнаступление русской армии в 1812 г.
[106] *Бескровный Л. Г.* Две стратегии, с. 92—94.

наступления, в котором, по его словам, «принимали участие уже все армии: Западные, Дунайские и корпус Витгенштейна» [107].

По нашему мнению, периодизацию второго этапа Отечественной войны, разработанную при жизни М. И. Кутузова, необходимо восстановить. Заметим, кстати, что нуждается в конкретизации и общая периодизация всей войны [108].

К спорным проблемам стратегии второго периода Отечественной войны 1812 г. относится и вопрос о том, куда намеревался вести свою армию Наполеон, оставив Москву 6 октября. Е. В. Тарле, Л. Г. Бескровный, П. А. Жилин считают, что французский полководец преследовал цель захватить Калугу, а затем отойти по Смоленской дороге на зимовку в район между Могилевом, Смоленском, Минском и Витебском. В некоторых работах утверждается, что через Калугу Наполеон рассчитывал прорваться на Украину, где также намеревался зазимовать, чтобы продолжить борьбу в 1813 г.

Данная проблема требует специального изучения. В настоящем обзоре мы остановимся только на позиции М. И. Кутузова и его штаба. Во-первых, с русской стороны это самое авторитетное свидетельство. Во-вторых, ссылаясь на мнение Кутузова, некоторые историки нечетко или неправильно излагают его взгляды.

Например, Л. Г. Бескровный пишет: «Кутузов правильно определил, что единственным реальным путем для отхода французов является Смоленский тракт...» [109]

Изучение документальных материалов, исходивших из Главного штаба и непосредственно от Кутузова, показывает, что главнокомандующий всегда считал, что Наполеон, ведя наступление на Калугу, преследовал цель прорваться в украинские губернии, и принимал энергичные меры, чтобы не допустить этого [110]. Дальновидность Кутузова как полководца и проявилась в том, что в движении французских войск к Малоярославцу он увидел далеко идущие цели Наполеона. Разгадав его стратегический план, Кутузов твердо и последовательно проводил мероприятия, приведшие к полному краху замыслов французского императора [111].

[107] *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России, с. 312—313.

[108] Об этом уже был поставлен вопрос И .И. Ростуновым (*Ростунов И. И.* Книга о народном подвиге. [Рец. на кн.: *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1962].— «История СССР», 1963, № 1, с. 196). Возражая Л. Г. Бескровному, делящему войну на два этапа (рубеж — Бородино), И. И. Ростунов предлагает трехэтапную периодизацию: начало войны до Тарутина, пребывание в Тарутино и переход к преследованию противника до окончательного разгрома армии Наполеона.

[109] *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г., с. 523.

[110] М. И. Кутузов, т. IV, ч. 2, с. 131, 187, 227, 339, 345, 529. Однако для выяснения окончательного суждения по этой проблеме требуется привлечение также и французских оперативных документов.

[111] Подробнее: *Абалихин Б. С.* Некоторые вопросы стратегии Отечественной войны 1812 года в советской историографии.— В кн.: Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975, с. 266—270.

К числу малоизученных военных вопросов следует отнести последний этап контрнаступления русской армии. Как правило, описание Отечественной войны 1812 г. заканчивается Березинской катастрофой. Например, П. А. Жилин, хотя и пишет, что после Березины началось общее наступление, этот период совершенно не освещает. А он продолжался более месяца, примерно с 17 ноября до 21 декабря, когда Кутузов издал свой знаменитый приказ об окончании Отечественной войны. Наиболее удачно события последних недель войны отображены в книге Л. А. Бескровного «Отечественная война 1812 г.».

Говоря об общих потерях наполеоновской армии, авторы приводят противоречивые данные. По мнению В. М. Хвостова и Н. И. Казакова, из 600-тысячной армии за Неман сумели уйти лишь около 25—30 тыс. человек [112]. В. И. Бабкин считает, что урон французов составил 600 тыс. человек [113]. П. А. Жилин пишет: «Общие потери вторгшихся на русскую территорию войск (учитывая и подкрепления, поступившие после вторжения) составили 570 тыс. человек, включая пленных» [114]. Если учесть, что общую численность французской армии Жилин определяет в 618 тыс. человек, то, следовательно, спаслось не более 50 тыс. По подсчетам Л. Г. Бескровного, из России вышло более 100 тыс. французских войск, в плен русские взяли 160 тыс.[115] На наш взгляд, данные Л. Г. Бескровного наиболее полно и точно отражают реальную картину. Дело в том, что Бескровный учитывает не только остатки войск центральной группировки Наполеона, но и корпуса Макдональда, Сен-Сира, Удино, Ренье и Шварценберга, которые действовали на флангах и не понесли таких катастрофических потерь.

Но в целом, как выше уже было отмечено, положение с цифровым материалом в работах по Отечественной войне 1812 г. обстоит неблагополучно. На это обратила внимание также и «Учительская газета», опубликовавшая реплику под характерным названием «Вокруг около». Ее автор, учитель истории Высокопольской средней школы Харьковской области Д. Коваль, сопоставив цифровые данные по ряду учебников и учебных пособий, отметил, что в учебной литературе по теме «Отечественная война 1812 г.» «господствует неточность и разноголосица, игнорируется единство показателей» [116].

[112] *Хвостов В. М., Казаков Н. И.* Победа России в Отечественной войне 1812 г. как предпосылка освобождения Европы от наполеоновского владычества.— В сб.: Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. М., 1965, с. 81.

[113] *Бабкин В. И.* Организация и военные действия народного ополчения, с. 163.

[114] *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России, с. 314.

[115] *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 г., с. 580; *он же.* Две стратегии, с. 94; *он же.* Введение к сб. «Листовки...», с. 70.

[116] «Учительская газета», 1968, 25 июня.

*

Бурные события двенадцатого года всколыхнули широчайшие народные массы, вызвали небывалую энергию народа, пробудили, по словам Белинского, «народное сознание и народную гордость» [117].

Тема «Народ в Отечественной войне 1812 г.» всегда привлекала наших историков. Новыми гранями засверкала она в юбилейной литературе.

Моральный дух русской армии, боевые подвиги ее солдат, офицеров и генералов нашли широкое отражение в монографиях Л. Г. Бескровного, П. А. Жилина и во многих других работах. Авторы подчеркивают, что во время Отечественной войны героизм русских войск был массовым. В сражениях и боях отличались полки, дивизии и даже корпуса и армии. В монографиях приводятся новые факты об участии в войне декабристов. В этом отношении представляют интерес небольшие, но насыщенные новым архивным материалом статьи Ю. И. Башнина, Е. Воронина и Т. Ивановой [118], в которых содержатся оригинальные мысли и выводы. Прекрасно передает атмосферу «грозы двенадцатого года», помыслы и чувства прогрессивно настроенного офицера «Дневник Александра Чичерина» [119].

В содержательных статьях М. В. Нечкиной, П. А. Жилина, С. Б. Окуня [120], А. В. Фадеева [121] и И. И. Ростунова [122] вскрыты источники патриотизма народных масс, определено отношение различных классов и слоев к грозным событиям 1812 г., показано разнообразие форм участия народа в войне, высвечено то новое, что появилось в сознании народа во время войны, а затем укрепилось и развилось в послевоенные годы.

Широкое освещение в литературе получили наиболее активные и массовые формы участия народа в войне — партизанское движение и ополчение.

Немало работ о партизанской войне 1812 г. было написано в 20—30-х годах [123]. Поэтому перед учеными стояла сложная

[117] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 446—447.

[118] *Башнин Ю. Н.* О патриотизме декабристов. (К вопросу об общественно-политических взглядах дворянских революционеров).— «Уч. зап. Карельского пед. ин-та», Петрозаводск, 1963, т. 13, с. 43—55; *Воронин Е., Иванова Т.* Декабристы в 1812 г. (По материалам ЦГВИА).— «Наука и жизнь», 1962, № 9.

[119] Дневник Александра Чичерина. 1812—1813 гг. М., 1966.

[120] *Нечкина М. В., Жилин П. А.* Бессмертная эпопея.— «Коммунист», 1962, № 12; *Окунь С. Б.* Русский народ и Отечественная война 1812 г.— «История СССР», 1962, № 4.

[121] *Фадеев А. В.* Отечественная война и русское общество.— «История СССР», 1962, № 6.

[122] *Ростунов И.* Народные массы в Отечественной войне 1812 г.— «Военно-исторический журнал», 1962, № 6.

[123] Библиографию работ, изданных до 1956 г., см. в кн.: М. И. Кутузов. V. М., 1957, с. 811—815.

задача обобщить накопленные наукой факты, ввести в научный оборот новые документы и создать оригинальные исследования. Этим требованиям (но лишь отчасти) отвечают работы А. Н. Кочеткова, И. И. Ростунова, Г. В. Ильина[124]. Авторы привлекли новые архивные материалы и в рамках своих работ поставили и решили ряд проблем: показали формы народной войны в тылу французских войск, рассказали о видных организаторах и командирах партизанской борьбы, осветили взаимодействие крестьянских партизанских отрядов с армейскими рейдовыми отрядами и ополчениями. Заслуживает внимания стремление авторов обобщить опыт крестьянского партизанского движения 1812 г., теоретически его осмыслить. В этом отношении большую научную ценность представляют книга П. П. Вершигоры и статья Л. Г. Бескровного[125]. Содержательна статья Л. Н. Бычкова «Партизанское движение в Отечественной войне 1812 г.», помещенная в 10-м томе СИЭ.

И все же опубликованные работы не дают еще полного представления о географии, масштабах, формах, этапах и историческом значении партизанской войны в тылу наполеоновской армии. Слабо, а порой упрощенно показаны причины возникновения партизанского движения. Недостаточно освещено руководство Кутузова и его штаба партизанским крестьянским движением, что уже отмечал ранее П. Г. Рындзюнский[126]. В настоящее время наука располагает новым доказательством — листовками походной типографии, в которых Главный штаб популяризировал партизанское движение, обобщал боевой опыт крестьян и призывал «истинных сынов Отечества» к борьбе с интервентами.

Есть немало и других малоизученных аспектов этой героической темы. А главное, наша историография до сих пор не располагает обобщающим трудом по истории партизанского движения 1812 г. Узка источниковедческая база исследований. Одни и те же факты и имена героев «кочуют» из одной работы в другую. А как показывает обзор материалов ЦГВИА В. К. Головниковым[127], в архивах хранится огромное количество неиспользованных документов. Думается, назрела научная потребность издать их специальным сборником.

Примером всестороннего и глубокого изучения проблемы может служить тема об ополчении. По ней издан фундаментальный

[124] *Кочетков А. Н.* Партизанская война.— В кн.: 1812 год; *Ростунов И. И.* На Старой Смоленской дороге; *Ильин Г. В.* Партизанское движение в 1812 г. к северу от Москвы.

[125] *Вершигора П. П.* Военное творчество народных масс. Исторический очерк. М., 1961 (шестая глава посвящена партизанам 1812 г.); *Бескровный Л. Г.* Партизаны в Отечественной войне 1812 года.— «Вопросы истории», 1972, № 1—2.

[126] *Рындзюнский П. Г.* М. И. Кутузов — руководитель народных ополчений и крестьянских партизанских отрядов.— В кн.: Полководец Кутузов. М., 1955.

[127] «Вопросы архивоведения», 1962, № 2.

сборник документов «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.», получивший высокую оценку в нашей печати [128], опубликованы обобщающая монография В. И. Бабкина и ряд работ. освещающих историю отдельных ополчений [129]. Многие важные вопросы о месте и роли ополчения 1812 г. в вооруженных силах России первой половины XIX в. исследованы Б. Ф. Ливчаком [130]. Ополчению, как и партизанскому движению, посвящены специальные главы в монографиях Л. Г. Бескровного и П. А. Жилина. В работах нашли широкое освещение такие вопросы, как формирование, снабжение и вооружение ополчений, их социальный состав, военные действия и многие другие. Особенно плодотворно работал по данной теме В. И. Бабкин. Кроме монографии, им опубликован ряд статей [131]. Автор показал, что в ходе войны 1812 г. ратники народного ополчения внесли достойный вклад в разгром армии агрессора. Однако в работах Бабкина имеются недостатки и неточности, которые в свое время были отмечены рецензентами [132].

В целом проблему о роли ополчений в Отечественной войне 1812 г. (если иметь в виду все опубликованные работы и защищенные диссертации) можно считать решенной. Исключение составляет Донское казачье ополчение, по истории которого более или менее удовлетворительно разработаны только вопросы формирования. Кстати, нуждаются в дальнейшем изучении и военные действия казачьего корпуса под командованием М. И. Платова, освещение которых отстает от наличной документальной базы [133].

[128] *Волченков Г. И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.— «Вопросы истории», 1962, № 9; *Клокман Ю. Р.* К юбилею Отечественной войны 1812 гг.— «История СССР», 1962, № 5; *Белан В. Т.* Народное ополчение 1812 г.— «Український історичний журнал», 1962, № 2.

[129] *Андреев П. Г.* Ярославские ополченцы. Ярославль, 1960; *Абалихин Б. С.* Украинское ополчение 1812 г.— «Исторические записки», М., 1962, т. 72; *Володин П. М.* О роли и численности Московского народного ополчения 1812 г.— Там же; *Алешкин П. А., Головников В. К.* Московское ополчение в Отечественной войне 1812 г.— «Вопросы истории», 1962, № 9 и др.

[130] *Ливчак Б. Ф.* Народное ополчение в вооруженных силах России 1806—1855 гг.— «Уч. зап. Свердловского юридического ин-та», 1961, т. IV.

[131] *Бабкин В. И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.— «Преподавание истории в школе», 1960, № 5; *он же.* Организация и военные действия народного ополчения в Отечественной войне 1812 г.— В кн.: 1812 год; *он же.* Основные этапы боевых действий народного ополчения в освободительном походе 1813—1814 гг.— В кн.: Из истории национально-освободительной борьбы в дореволюционной России. Волгоград, 1968; *он же.* Участие народного ополчения в заграничном походе русской армии 1813 г.— «Военно-исторический журнал», 1972, № 2.

[132] *Богданов Г.* Новое исследование по истории народного ополчения в 1812 г.— «Военно-исторический журнал», 1963, № 6; *Ливчак Б. Ф.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.— «Вопросы истории», 1963, № 9; *Абалихин Б. С.* Дополнительные уточнения.— «Вопросы истории», 1964, № 3.

[133] *Францева Л. М.* Донское ополчение 1812 г.— «Исторические записки», М., 1954, т. 47; Донские казаки в 1812 г. Документы об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 г. Под ред. А. В. Фадеева, предисл. Л. Г. Бескровного. Ростов-на-Дону, 1954.

В ряде исследований была рассмотрена классовая борьба в России в период Отечественной войны [134]. И если в работах начала 60-х годов (Л. Н. Бычков) еще имела место определенная недооценка классовых противоречий в губерниях, оккупированных наполеоновскими войсками, то в последующих трудах по этому вопросу высказывается уже иная точка зрения. Так, В. И. Бабкин на основании новых документальных источников показал резкое обострение классовых битв в Белоруссии, Литве, Смоленщине, ряде уездов Московской губернии и на других территориях.

Все авторы (Б. С. Абалихин, В. И. Бабкин, И. И. Игнатович и др.), отмечая, что война обострила присущие феодализму противоречия, приходят к выводу, что в выступлениях народных масс сочетались два переплетающихся между собой движения: социальное и патриотическое, причем патриотическая тенденция чаще всего брала верх над социальной. Подчеркивается разнообразие форм и методов борьбы народных масс, широкая «география» выступлений, охвативших 32 губернии. Однако в то же время ясна и необходимость дополнительных поисков документальных материалов, в первую очередь в местных архивах, которые позволят полностью снять тезис И. И. Игнатович о том, что «чем дальше отстояла губерния от мест, занятых французами, тем меньше зарегистрировано в ней крестьянских волнений» [135].

Большинство авторов фиксирует наличие массовых антифеодальных выступлений также и в весьма отдаленных от театра военных действий губерниях России (Архангельской, Тобольской, Пермской, Казанской и др.). А на важный аспект темы — активизацию борьбы с крепостными порядками крепостных рабочих и приписных к заводам крестьян — специальное внимание обратил В. И. Бабкин.

Все это говорит о том, что народные массы России, поднимавшиеся на решительную борьбу против иноземных захватчиков, проявив исключительный героизм, надеялись на освобождение от крепостного рабства после изгнания врага. Это убедительно подтвердили изученные В. С. Годиным на основании документов ЦГИА СССР и Государственного архива Пензенской области события декабря 1812 г. в Инсаре, Чембаре и Саранске,

[134] *Бычков Л. Н.* О классовой борьбе в России во время Отечественной войны 1812 г.— «Вопросы истории», 1962, № 8; *Игнатович И. И.* Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. Под ред. и с предисл. Н. М. Дружинина. М., 1963; *Годин В. С.* Антикрепостническое восстание ратников Пензенского ополчения в декабре 1812 г.— В кн.: Краеведческие записки гос. архива Пензенской области. Пенза, 1965; *Абалихин Б. С.* Особенности классовой борьбы в России в 1812 г.— В кн.: Из истории классовой борьбы в дореволюционной и Советской России. Волгоград, 1967; *Бабкин В. И.* Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г.– В кн.: Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX вв.; *он же.* Специфика классовой борьбы в период Отечественной войны 1812 г.— «История СССР», 1972, № 2.

[135] *Игнатович И. И.* Указ. соч., с. 89.

когда ратники Пензенского ополчения, твердо уверовав, что после окончания войны они не вернутся в крепостное состояние, стали требовать у помещиков царский указ о воле.

Дальнейшего исследования заслуживает также проблема о наличии элементов солидарности у разных народов России в их общей борьбе против захватчиков на оккупированных врагом территориях Литвы и Белоруссии, затронутая Б. С. Абалихиным.

В конечном же счете все вышеназванные работы свидетельствуют, что классовые противоречия в стране во время войны еще больше обострились.

*

В 1958 г. в Москве и Тарту вышли из печати исследования А. Г. Тартаковского[136] и Ю. М. Лотмана[137], положившие начало изучению неизвестной ранее страницы Отечественной войны 1812 г. и раскрывшие пропагандистскую деятельность русского командования. Были опубликованы и изучены летучие издания, составленные в походной типографии Кутузова, адресованные войскам противника, народам Европы и населению губерний России, временно оккупированных в 1812 г. Они призывали к национально-освободительной борьбе против захватчиков и в то же время разъясняли французским войскам реакционность целей русского похода Наполеона.

За сравнительно короткий срок наши историки проделали большую работу. В архивах СССР ими было выявлено свыше 80 листовок, из которых 40 были опубликованы с развернутыми комментариями в специальной публикации[138], а ряд листовок помещен в других изданиях[139]. Особенно плодотворно по данной теме работает А. Г. Тартаковский[140]. Агитационно-пропагандистская сторона деятельности русского командования в период вой-

[136] *Тартаковский А. Г.* Листовки эпохи Отечественной войны 1812 г.— «Записки отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина». М., 1958, вып. 20, с. 205—282.

[137] *Лотман Ю. М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени.— «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1958, вып. 63, с. 169—191.

[138] Листовки...

[139] ВПР, т. VI; Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. ...

[140] *Тартаковский А. Г.* Новые данные о листовке-памфлете на 29-й бюллетень французской армии.— «Зап. отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина», 1960, вып. 23, с. 68—71; *он же.* Из истории русской военной публицистики 1812 г.— В кн.: 1812 год, с. 233—254; *он же.* Русская армейская публицистика 1812 г.— «Археографический ежегодник за 1963 год». М., 1964, с. 158—197; *он же.* Военная публицистика, 1812 г. М., 1967; *он же.* Из истории одной забытой полемики (Об антикрепостнических «диверсиях» Наполеона в 1812 г.).— «История СССР», 1968, № 2; *он же.* Заметки о военной пропаганде 1812 г.— В кн.: Вопросы военной истории России, с. 300—312; *он же.* Журналы военных действий штаба Кутузова как летучие армейские издания 1812 г.– «Археографический ежегодник за 1967 г.». М., 1969, с. 178–186.

ны нашла отражение и в монографии Л. Г. Бескровного «Отечественная война 1812 г.», в статьях Ю. М. Лотмана[141] и Б. С. Абалихина[142]. Принципиально важную роль в разработке этой проблемы сыграла статья Лотмана «Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность», опубликованная в юбилейном году.

Л. Г. Бескровный, Ю. М. Лотман и А. Г. Тартаковский убедительно показали, что полководцы России (М. Б. Барклай-де-Толли, М. И. Кутузов и др.) придавали важное значение роли морального фактора, активизации пропаганды, которая велась в разнообразных формах и была наполнена высоким идейным содержанием.

Как установил Б. С. Абалихин, «Известия из армии», выпускавшиеся походной типографией, пересылались во Львов, где печатались в местных газетах (с 4 ноября 1812 г. по 23 февраля 1813 г.). Агитационно-пропагандистские материалы Главного штаба публиковали также многие австрийские, немецкие и польские газеты[143]. Часть листовок засылалась за границу с русскими разведчиками; для этой же цели использовались партизанские отряды и другие каналы. Большое внимание историки уделяли полемике, развернувшейся в русских и французских изданиях[144], по поводу хода войны и целей воюющих сторон.

Специальный интерес представляет статья А. Г. Тартаковского «Из истории одной забытой полемики», в которой рассматривается малоизвестный вопрос о социальной политике Наполеона. Приведенный автором материал показывает, что отношение Наполеона к крепостному праву в различных оккупированных районах было далеко не однозначным. В западных губерниях, где польская и литовская шляхта поддерживала его, он полностью сохранял крепостнические отношения и жестоко подавлял крестьян-

[141] *Лотман Ю. М.* Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность.— В кн.: 1812 год; *он же.* Тарутинский период Отечественной войны 1812 г. и развитие русской литературы и общественной мысли.— «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», 1963, вып. 139.

[142] *Абалихин Б. С.* Русская пропаганда в Польше в 1812 — начале 1813 г.— «Материалы XXI научной конференции Волгоградского пед. ин-та», 1966; *он же.* «Львовская газета» и ее связь с походной типографией русской армии в 1812 г.— «Zeszyty naukowe wyższej Szkoly pedagogicznej w Opolu». Historiavi. Opole, 1967, str. 187—222 (на русском языке); *он же.* Отечественная война 1812 г. и Западная Украина.— В сб.: Из истории национально-освободительной борьбы в дореволюционной России. Волгоград, 1968; *он же.* Русская армейская пропаганда и национально-освободительное движение в Германии (1812—1813).— Там же; *idem.* Propaganda der russischen Armee in Deutschland in den Jahren 1812/1813.— «Wissenschaftliche Zeitschrift des pädagogischen Instituts Zwickau», 5. Jahrgang 1969, Heft 1; *он же.* «Львовская газета» и ее связь с русским командованием в 1812 г.— «Археографический ежегодник за 1969 г.». М., 1971.

[143] *Абалихин Б. С.* «Львовская газета» и ее связь с русским командованием в 1812 г., с. 107—108.

[144] *Тартаковский А. Г.* Листовки эпохи Отечественной войны 1812 г. и др.

ские волнения. В русских же центральных губерниях Наполеон стремился использовать волнения крестьян в своих интересах. После провала «мирной» миссии Лористона французский император решается на крайнее средство — запугать русское дворянство крестьянской войной. Но это была только угроза. Всерьез Наполеон никогда не думал об освобождении русских крестьян от крепостного права.

*

Все более пристальное внимание советской историографии за последние 10—15 лет привлекает история международных отношений периода Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г., явившейся ее естественным продолжением. Но обобщающего труда до сих пор не создано, хотя еще в 40-е годы к исследованию этой важнейшей темы приступил И. С. Звавич, готовивший докторскую диссертацию «Дипломатическая история Отечественной войны 1812 г.» Ранняя смерть помешала ученому завершить свой труд, тем не менее в отдельных опубликованных фрагментах работы [145] ему удалось наметить важнейшие узлы дипломатических взаимоотношений России с европейскими государствами (Испанией, Швецией, Австрией, Пруссией, Англией). Основной вывод автора сводился к тому, что в канун войны 1812 г. и в последующий период российской дипломатии удалось добиться весьма существенных успехов.

При рассмотрении англо-русских отношений в годы войны с Наполеоном автор обратился к английским источникам: парламентским прениям, прессе и иным документам, недостаточно использованным в русской и советской историографии.

Существенное значение в деле формирования концепции советской исторической науки по рассматриваемой проблеме имели опубликованные в середине 40-х годов курсы лекций А. Л. Нарочницкого и С. Б. Окуня [146]. В этих работах были четко сформулированы ведущие проблемы международной политики начала XIX в.: борьба Наполеона за мировое господство, континентальная блокада, восточная политика европейских держав, русско-французские отношения после Тильзитского мира, борьба Фран-

[145] *Звавич И.* Испания в дипломатических отношениях с Россией в 1812 г.— «Исторический журнал», 1943, № 3—4; *он же.* Союз между Россией и Швецией в 1812 г.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1944, № 1; *он же.* Англия и Отечественная война русского народа против наполеоновского владычества.— «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», 1945, вып. 1; *он же.* Меттерних и Отечественная война 1812 года.— «Исторические записки», 1945, № 16; *он же.* Вероломство Пруссии в отношении России в 1812 г.— «Исторический журнал», 1944, № 1; *он же.* Как была заключена Таурогенская конвенция.— «Уч. зап. МГУ. История», 1947, вып. 114.

[146] *Нарочницкий А. Л.* Международные отношения европейских государств с 1789 по 1830 г. М., 1946; *Окунь С. Б.* История СССР, 1796—1825. Л., 1947.

ции и России за союзников и т. д. Оба автора отмечают наличие многочисленных противоречий между Францией и Россией, которые были лишь загнаны вглубь тильзитским соглашением. Вместе с тем был сделан чрезвычайно важный вывод о том, что и после Тильзита Россия, несмотря на сложившиеся для нее весьма неблагоприятно условия, оказалась в силах проводить самостоятельную внешнюю политику[147], с чем Наполеон никак не мог примириться. Его планы осуществления мирового, а по началу европейского господства исключали подобные действия России.

Необходимость изучения истории международных отношений и внешней политики европейских держав в годы наполеоновских войн является одной из важных задач советской послевоенной историографии. Решению этой задачи способствовало существенное расширение источниковой базы, в частности, выход в свет документов Российского Министерства иностранных дел «Внешняя политика России XIX и начала XX в.», документов из архивов ГДР и ряда других документальных публикаций, ставших доступными для исследователей с начала 60-х годов.

В это же время в связи со 150-летней годовщиной Отечественной войны 1812 г. и Освободительной войны 1813 г. был опубликован цикл статей, тематических сборников и несколько монографий, в которых определенное (в ряде случаев весьма существенное) место заняла тематика международных отношений рассматриваемого нами периода. Наряду с дальнейшим изучением основных направлений внешней политики России и различных аспектов франко-русских отношений в годы наполеоновских войн[148] продолжалось исследование англо-русских отношений в годы войны[149]. Специальному рассмотрению подверглись англо-германские и англо-австрийские контакты этого времени[150], политика России на освобожденных от захватчиков германских землях[151],

[147] *Нарочницкий А. Л.* Международные отношения..., с. 34.

[148] *Дружинин Н. М.* Историческое значение Отечественной войны 1812 г.— «Вопросы истории», 1962, № 12; *Казаков Н. И.* Внешняя политика России перед войной 1812 года.— В кн.: 1812 год; *Киняпина Н. С.* Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963; *Бескровный Л. Г.* Борьба России с Францией в конце XVIII — начале XIX в. Отечественная война 1812 года.— В кн.: Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968.

[149] *Гуткина И. Г.* Отклики в Англии на Отечественную войну 1812 года.— «Новая и новейшая история», 1962, № 5; *Зак Л. А.* Из истории английской политики в отношении Германии в последний период наполеоновских войн (конец 1812—1813 г.) — «Уч. зап. по новой и новейшей истории», 1957, вып. III.

[150] *Зак Л. А.* Англия и германская проблема (Из дипломатической истории наполеоновских войн). М., 1963; *он же.* Англо-австрийские отношения во время войны за освобождение Германии от господства Наполеона.— «Новая и новейшая история», 1963, № 4.

[151] *Власкин А. Г.* Отечественная война 1812 г. и движение немецких патриотов.— «Новая и новейшая история», 1962, № 5; *он же.* Освободительное движение в Германии и военно-политическая поддержка его Россией

освободительный поход русской армии в Европу, международное значение кампании 1813 г. и ее отдельных сражений [152]. Что касается содержания внешней политики России в годы, предшествовавшие Отечественной войне 1812 г., то за редким исключением (причем, относящимся уже к литературе 70-х годов), точка зрения советской историографии была единой.

Все авторы говорят о стремлении Наполеона к мировому господству — стремлении, которое всегда учитывалось русской дипломатией. Характеризуя трудность стоявших перед Россией дипломатических задач, советская историография отметила огромное значение таких актов российской внешней политики, как заключение Бухарестского мирного договора с Турцией и наступательного союза со Швецией [153]. Приведенный в работах конкретный фактический материал свидетельствовал, что в конечном счете срыв русской дипломатией наполеоновских планов в отношении Швеции и Турции целиком перечеркнул надежды французского императора на полную дипломатическую изоляцию России.

Одно из важнейших условий успешных действий России и других европейских государств против наполеоновской агрессии заключалось в установлении более тесных контактов между ними, т. е. выходе России из состояния частичной изоляции, в котором она оказалась к концу первого десятилетия XIX в. Так, анализ англо-русских взаимоотношений, а также английской политики в отношении Германии и Австрии проведен в нескольких исследованиях советских историков. В частности, достаточно плодотворным следует признать рассмотрение английской политики по отношению к Германии (в меньшей мере к Австрии), осуществленное Л. А. Заком [154]. Очень важна для понимания сути

(декабрь — май 1813).— Там же, 1963, № 5; *Фадеев А. В.* К истории создания русско-немецкого легиона в России в 1812—1813 гг.— В кн.: Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. М., 1965; *Дружинина Е. И.* Русско-немецкие культурные связи и Освободительная война 1813 г.— Там же; *Абалихин Б. С.* Русская армейская пропаганда и национально-освободительное движение в Германии (1812—1813 гг.) — В кн.: Из истории национально-освободительной борьбы в дореволюционной России. Волгоград, 1968.

[152] *Дружинин Н. М.* Освободительная война 1813 г. и русское общество.— В кн.: Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. М., 1965; *Хвостов В. М., Казаков Н. И.* Победа России в Отечественной войне 1812 г. как предпосылка освобождения Европы от наполеоновского владычества.— Там же; *Нарочницкий А. Л.* Народы и правительства в войне 1813 г. за освобождение Германии.— Там же; *Бескровный Л. Г.* К 150-летию Лейпцигского сражения.— Там же; *Жилин П. А.* Роль русской армии в освобождении народов Западной Европы от наполеоновского ига.— Там же; *он же.* Историческое значение битвы под Лейпцигом в 1813 г.— «Новая и новейшая история», 1963, № 4; *он же.* Гибель наполеоновской армии в России. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1974.

[153] *Казаков Н. И.* Из истории Бухарестского мирного договора 1812 г.— «История СССР», 1967, № 3; *Рогинский В. В.* Союз России и Швеции перед Отечественной войной 1812 г.— «Новая и новейшая история», 1974, № 3.

[154] *Зак Л. А.* Англия и германская проблема. М., 1963 и другие работы автора.

этой политики вскрытая автором линия английского правительства, направленная, с одной стороны, к ограничению размаха патриотического движения в Германии и активности немецких эмигрантов, а с другой — к противопоставлению Пруссии России и Франции. Что же касается англо-австрийских отношений, то лишь на рубеже 1813 и 1814 гг., после освобождения Германии от французского владычества, следует, по мнению автора, говорить о достаточно четко наметившемся сближении между двумя странами.

Заметным явлением в новейшей советской историографии наполеоновских войн стала книга А. З. Манфреда «Наполеон Бонапарт» [155]. Работа Манфреда, обладающая большими литературными достоинствами, привлекла внимание читателей к тем периодам жизни Наполеона Бонапарта, которые ранее были недостаточно известны в русской дореволюционной и советской исторической литературе. В первую очередь это относится ко времени участия Наполеона в политической борьбе на острове Корсика, в революционных войнах французской республики (особенно в итальянской кампании), к деятельности в качестве первого консула и т. д. Блестяще написана А. З. Манфредом глава «100 дней». Но стремление автора (проходящее красной нитью сквозь всю книгу) доказать, что «ведущей идеей внешнеполитической концепции» Наполеона была идея союза с Россией, возвращает нас к уже пройденному «наполеоновской историографией» этапу, особенно активно давшему о себе знать в годы создания франко-русского союза 1891—1893 гг.[156] Правда, в отличие от А. Вандаля и А. Трачевского, считавших, что во франко-русском союзе Россия оказалась в подчиненном положении, А. З. Манфред говорит о наличии союза равноправных сторон. С подобных позиций автор и подошел к рассмотрению международной политики кануна и периода Отечественной войны 1812 г. и последующих за ней событий 1813—1814 гг.

[155] *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971 (Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1973).

[156] Среди французских историков наиболее видным ее выразителем можно считать Альбера Вандаля (*Vandal A.* Napoleon et Alexandre 1-er. V. 1—3. Paris, 1891—1893; русский перевод: т. 1—3. М., 1910—1913). В русской историографии указанная идея защищалась А. С. Трачевским, чья публикаторская деятельность получила весьма высокую оценку со стороны А. З. Манфреда. Неясно лишь, почему автор не упомянул статью: *Трачевский А.* Франко-русский союз в эпоху Наполеона I. («Исторический вестник», 1891, т. 44, с. 568—593), в которой Трачевским (вслед за Вандалем) эта идея четко сформулирована.

*

В приказе об окончании Отечественной войны 1812 г. М. И. Кутузов поставил перед войсками новую грандиозную задачу: «Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем далее. Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его» [157].

К сожалению, в нашей историографии взгляды Кутузова на заграничный поход длительное время излагались неверно. Значительная часть историков разделяла мнение дореволюционной исторической науки, которая утверждала, что Кутузов был якобы противником перенесения военных действий за границу. Такой точки зрения придерживался, например, Е. В. Тарле. В книге «Нашествие Наполеона на Россию» (М., 1938) он писал: «И не только трудно и опасно было, по мнению Кутузова, затевать новую войну с Наполеоном, но и вовсе это не нужно. Русский народ отстоял себя, победил непобедимого, добыл себе бессмертную славу. Зачем освобождать и усиливать этим англичан и немцев, соседей, а потому возможных опасных врагов в будущем?» [158]

Это ошибочное суждение, явно противоречившее концепции М. И. Кутузова, подверглось справедливой критике Н. М. Коробковым [159] и С. Б. Окунем [160]. В статье «М. И. Кутузов — полководец и дипломат» [161] пересмотрел свою точку зрения и Е. В. Тарле. Основные документы, характеризующие кутузовский план ведения войны за рубежом, были опубликованы в сборнике «Фельдмаршал Кутузов» [162]. Вопросы подготовки освободительного похода, разработка и развитие стратегического плана М. И. Кутузова на первом этапе войны 1813 г. наиболее полное отражение получили в предисловии Л. Г. Бескровного к сборнику документов и материалов «М. И. Кутузов» [163]. Однако в целом военные действия 1813 г. освещались не всесторонне, а главное — в отрыве от Отечественной войны 1812 г. Особенно слабо показано влияние Отечественной войны на политическую и военную обстановку в Европе конца 1812 — начала 1813 г.

Новый важный шаг в разработке всего комплекса вопросов (как выше уже было отмечено) наши историки сделали в трудах,

[157] М. И. Кутузов, т. IV, ч. 2, с. 634.

[158] *Тарле Е. В.* Соч., т. VII, с. 728.

[159] *Коробков Н. М.* Кутузов и освободительный поход русской армии в 1813 г.— «Военная мысль», 1945, № 6—7; *он же.* Кутузов и освободительный поход русской армии в 1813 г.— В кн.: Полководец Кутузов. М., 1955; *он же.* Военное искусство Кутузова.— «Вопросы истории», 1945, № 1—2.

[160] *Окунь С. Б.* Кутузов и война 1813 г.— В кн.: Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция историческая, 1948; *он же.* История СССР, т. 1 (1796—1825). Курс лекций. Л., 1948.

[161] «Вопросы истории», 1952, № 3.

[162] Фельдмаршал Кутузов. Сб. документов и материалов. Под ред. Н. М. Коробкова. М., 1947.

[163] М. И. Кутузов. Сб. документов и материалов. Т. V. М., 1956.

опубликованных в связи со 150-летием Отечественной войны 1812 г., а также со 150-летием освобождения Германии от наполеоновского господства. Значение Отечественной войны 1812 г. для народов борющейся Европы, и прежде всего германского народа, показано в вышеназванных статьях Н. М. Дружинина, А. Г. Власкина и других авторов. В них получил документальное подтверждение известный тезис Ф. Энгельса о том, что «уничтожение огромной наполеоновской армии при отступлении из Москвы послужило сигналом к всеобщему восстанию против французского владычества на Западе» [164].

Принципиальное значение в определении характера событий 1813 г. имеет четко сформулированная советской историографией концепция освободительной войны 1813 г., которая базируется на оценках основоположников марксизма-ленинизма этой войны как справедливой национально-освободительной борьбы немецкого народа, направленной против иноземного владычества. Вместе с тем они отмечают в ряде случаев ее весьма противоречивый характер. В статьях Л. Г. Бескровного, П. А. Жилина, И. Кернеса и А. Кочеткова [165] показан процесс разработки М. И. Кутузовым стратегического плана кампании 1813 г. и освещены военные действия на территории Германии. Авторы справедливо подчеркивают, что фельдмаршал считал освободительный поход 1813 г. прямым продолжением Отечественной войны 1812 г. К разработке планов военных действий за рубежом М. И. Кутузов приступил еще в ходе войны на территории России.

На очень важный момент обратил внимание Л. Г. Бескровный. «Великий полководец и дипломат (М. И. Кутузов.— *Б. А.* и *В. Д.*),— писал он,— считал, что освобождение Европы от наполеоновского ига должно быть делом не только русской армии, но и самих народов Европы. В задачу русской армии входит лишь оказание им военной помощи» [166].

Много нового в связи с формированием в России в 1812 г. русско-немецкого легиона, деятельностью немецких эмигрантов в России внесли исследования А. В. Фадеева и А. Г. Власкина.

Неизмеримо шире (а применительно к некоторым странам впервые) получила в историографии отражение такая важная тема, как «Отклики на Отечественную войну 1812 г. в странах Западной Европы и США» [167]. Авторы этих работ показали, что

[164] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 30.

[165] *Бескровный Л. Г.* К 150-летию Лейпцигского сражения.— В кн.: Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965; *Жилин П. А.* Историческое значение битвы под Лейпцигом в 1813 г.— «Новая и новейшая история», 1963, № 4; *Кернес И.* 150-летие освобождения Берлина русскими войсками.— «Военно-исторический журнал», 1963, № 3; *Кочетков А.* Лейпцигское сражение 1813 г.— Там же, № 10.

[166] Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства, с. 97.

[167] *Болховитинов Н. Н.* Отклики в США на Отечественную войну 1812 г.— «Новая и новейшая история», 1962, № 6; *он же.* Становление рус-

героическая борьба России с наполеоновской армией вызвала горячее сочувствие и поддержку среди народов многих стран, в первую очередь, славянских. Отечественная война способствовала оживлению в ряде стран демократических движений.

Много полнее, чем в исторической литературе до 1962 г., получил освещение последний период жизни и деятельности М. И. Кутузова[168].

В юбилейные дни были опубликованы ценные подборки документов[169], показывающие реакцию мировой общественности на великую победу народов России над захватнической армией Наполеона.

Важной вехой в дальнейшем изучении освободительного похода русской армии явились научные сессии историков СССР и ГДР, проходившие в 1963 г. в Берлине и Москве в связи со 150-летним юбилеем освобождения Германии от наполеоновского ига[170]. Материалы сессии были опубликованы на русском[171] и немецком[172] языках в специальном сборнике. Советская историческая наука в нем представлена уже упомянутыми выше статьями Н. М. Дружинина, В. М. Хвостова и Н. И. Казакова, А. Л. Нарочницкого, Л. Г. Бескровного, Е. И. Дружининой, А. В. Фадеева.

Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, привлекая разнообразные источники, авторы осветили широкий круг проблем. Так, в статьях Н. М. Дружинина и А. Л. Нарочницкого глубоко проанализировано отношение различных общественных кругов России к войне 1813 г., показано, в какой сложной международной обстановке складывалась новая антинаполеоновская коалиция. Патриотическое движение напугало правительства России, Австрии, Пруссии.

А. Л. Нарочницкий, диалектически раскрывая внутреннюю противоречивость общеевропейской борьбы с Наполеоном, показывает, как правительства стран антинаполеоновской коалиции

ско-американских отношений 1775—1815 г. М., 1966; *Молок Ф. А.* Отклики в Чехии на Отечественную войну 1812 г. и освободительный поход русской армии в Европу.— «Новая и новейшая история», 1962, № 4; *Додолев М. А.* Россия и война испанского народа за независимость (1808—1814).— «Вопросы истории», 1972, № 11.

[168] *Шутой В. Е.* По памятным местам исторического похода русской армии 1813 г.— «Вопросы истории», 1962, № 9; *Красников Н., Шурыгин Я.* Последние дни жизни М. И. Кутузова.— «Военно-исторический журнал», 1963, № 4; *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России.

[169] Австро-русские отношения накануне и в период Отечественной войны 1812 г.— «Исторический архив», 1962, № 4; 1812 год. Мир приветствовал великую победу русского народа (документы).— «Международная жизнь», 1962, № 8; Из истории участия русских войск в освобождении Германии от наполеоновского ига.— «Новая и новейшая история», 1963, № 5.

[170] О работе сессии см.: Знаменательная веха в истории дружбы русского и немецкого народов.— «История СССР», 1964, № 2.

[171] Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства.

[172] Der Befreiungskrieg 1813. Berlin, 1967.

восстанавливали реакцию в Европе, готовили новый передел земель. «Всем войнам за независимость, которые велись против Франции,— указывал К. Маркс,— свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности» [173]. Это важное методологическое положение в статьях Н. М. Дружинина и А. Л. Нарочницкого получило глубокое обоснование.

А. Л. Нарочницкий констатировал, что в сложившейся в годы войны обстановке правительство Александра I при всем своем консерватизме «вынуждено было апеллировать к русскому народу, а также к народам порабощенных Наполеоном стран» [174]. Вместе с тем А. Л. Нарочницкий показал, какой страх испытывали правители Австрии, России и немецких княжеств перед подъемом национально-освободительного движения.

Выяснению международного значения Отечественной войны 1812 г. посвящена обстоятельная статья В. М. Хвостова и Н. И. Казакова. Глубоко проанализировав разнообразные источники и литературу, в которой рассматривалась эта очень важная, но малоизученная проблема, авторы всемирно-историческое значение разгрома агрессора на полях России увидели в следующем. Во-первых, гибель наполеоновской армии в России резко ослабила военную мощь империи Наполеона и тем самым положила предел экспансионистским притязаниям французского императора на мировое господство. Во-вторых, следствием русской победы явилось то, что она развеяла ореол непобедимости, которым был до этого окружен Наполеон. В-третьих, гибель наполеоновской армии на полях России вынудила правительства стран Центральной Европы изменить политику. Под влиянием победы России и под давлением народных масс правительства Австрии, Пруссии и других немецких государств были вынуждены порвать с Наполеоном и примкнуть к антинаполеоновской коалиции. Авторы подчеркивают, что распад наполеоновской коалиции «начался только после поражения Наполеона в кампании 1812 г.»; в четвертых, победы русской армии привели к тому, что, вступив в пределы Восточной Пруссии и Польши, русская армия не позволяла Наполеону накапливать силы и не давала ему передышки. Для судеб Европы это имело решающее значение. Пятым следствием русской победы было то, что она способствовала успеху борьбы испанских партизан и английской экспедиционной армии в Испании [175]. К этим бесспорно верным выводам необходимо сделать дополнение: вступление русских войск в Германию активизировало борьбу немецких патриотов, что убедительно по-

[173] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 10, с. 436.

[174] Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства, с. 157.

[175] *Хвостов В. М., Казаков Н. И.* Победа России в Отечественной войне 1812 г. как предпосылка освобождения Европы от наполеоновского владычества.— В кн.: Освободительная война 1813 г..., с. 81—87.

казано А. Г. Власкиным и рядом историков ГДР (Ф. Штраубе, Г. Камницером, Е. Клуком и др.) [176].

Таким образом, труды советских историков и исследования историков Германской Демократической Республики глубоко и всесторонне раскрыли всемирно-историческое значение Отечественной войны 1812 г. и еще раз документально подтвердили вывод В. И. Ленина о том, что «с 1812 г. начинается упадок военного могущества Н[аполео]на I» [177].

В 1964 г. вышел в свет фундаментальный сборник документов «Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии» — первая отечественная публикация, освещающая весь период войны 1813 г. Сборнику предпослано обстоятельное предисловие Л. Г. Бескровного.

Освободительному походу русской армии в Европу посвящена специальная глава монографии П. А. Жилина «Гибель наполеоновской армии в России». В основу ее положены вышеназванные статьи автора, но значительно дополненные. Глава завершается описанием Лейпцигского сражения.

При анализе военного искусства М. И. Кутузова в период Отечественной войны 1812 г. Л. Г. Бескровный и П. А. Жилин характеризуют взгляды главнокомандующего и на войну 1813 г. «В действиях русской армии в Западной Европе,— пишет Жилин,— Кутузов видел прежде всего достижение политических целей — присоединение Пруссии и Австрии к антинаполеоновской коалиции и освобождение народов Европы от наполеоновского владычества» [178]. Бескровный отметил особенность стратегии М. И. Кутузова в кампании 1813 г.: «В основу своего стратегического плана великий русский полководец положил идею ведения войны путем нанесения последовательных ударов по рубежам. Он понимал, что победы русской армии вынудят правителей Пруссии и Австрии покинуть Наполеона и перейти на сторону России» [179].

В статье Б. С. Абалихина [179a] нашли отражение многие неизученные вопросы, связанные с освобождением Варшавского герцогства: определено место Польши в политических и военно-стратегических планах французского и русского командования в конце 1812 — начале 1813 г., освещен ход и особенности военных действий на территории герцогства, показано отношение польского наро-

[176] *Зак Л. А.* Новые работы историков ГДР о войне за освобождение Германии от наполеоновского господства.— «Новая и новейшая история», 1964, № 5.

[177] Ленинский сборник, т. XI. М.— Л., 1929, с. 50.

[178] *Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России, с. 384.

[179] *Бескровный Л. Г.* Борьба России с Францией в конце XVIII — начале XIX в.— В кн.: Страницы боевого прошлого, с. 248.

[179a] *Абалихин Б. С.* Поход русской армии в Польшу в конце 1812—1813 г.— В кн.: Из истории классовой и национально-освободительной борьбы дореволюционной и Советской России. Волгоград, 1975.

да к русской армии. Несмотря на все усилия Наполеона, ему и его ставленникам не удалось поднять поляков на национальную войну.

Успехи советской историографии в освещении международного значения Отечественной войны 1812 г. и освободительного похода русской армии 1813 г. очевидны. Однако эта работа не может считаться законченной.

Необходимо более обстоятельно ознакомиться с документальными материалами зарубежных архивохранилищ (Франции, ГДР, Австрии, Швеции, Польской Народной Республики и других стран). Об источниках на французском языке по войне 1812 г. А. З. Манфред, работавший в архивах Франции, писал: «Теперь можно уже с полной определенностью утверждать, что архива наполеоновской армии, вторгшейся в Россию, не существует» [180].

Несколько иной точки зрения по этому вопросу придерживался Е. В. Тарле, составивший еще в 1910 г. записку о наличии во французском Национальном архиве и Архиве Министерства иностранных дел документов, касающихся России. Тарле отмечал большое разнообразие этих документов, в том числе и бумаг «1812—1814 гг., относящихся к войне... Тут есть, между прочим,— писал он,— обстоятельные рапорты [Даву, Бертье, Евгения Богарне и др.] Наполеону об отступлении из России, воззвания русских и французских начальствующих лиц к населению в 1812—1814 гг., вырезки из газет 1811—1814 гг. и т. д.» [181]

Наличие подобных противоречивых заключений лишний раз свидетельствует о необходимости поиска в архивах Франции. И тем более важна задача максимального использования иностранных источников, отложившихся в советских архивах [182].

В постановлениях ЦК КПСС о повышении роли общественных наук постоянно подчеркивается важность разработки и популяризации таких тем, которые способствуют патриотическому воспитанию советского народа в духе ленинской национальной политики. В этом отношении Отечественная война 1812 г. является предельно благодатной темой: она позволяет показать глубокие исторические корни дружбы народов нашей Родины.

В юбилейном и последующих годах советские историки добились определенных успехов в дальнейшем изучении роли народов Российской империи в их героической борьбе с наполеоновским

[180] *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1973, с. 666.

[181] ЦГИА СССР, ф. 746, оп. 1, д. 42, л. 3.

[182] В ЦГВИА, ЦГИА и других архивах сосредоточено немало документов, отбитых у противника. Часть из них была опубликована в многотомном издании «Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива» (Спб., 1900—1914). Как видно из «Каталога рукописных материалов о войне 1812 г.» (Л., 1961), аналогичные материалы хранятся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

нашествием. В настоящее время историография Отечественной войны 1812 г. насчитывает десятки работ[183], в которых отражено участие украинского, белорусского, башкирского, армянского, грузинского, азербайджанского, калмыцкого, молдавского, карельского, казахского, татарского, литовского, латвийского и эстонского народов.

Авторы освещают патриотическое движение национальных окраин России, показывают разнообразие форм их участия в Отечественной войне (партизанское движение, создание ополчений, материальная помощь и др.), рассказывают о героических подвигах воинов нерусской национальности в рядах регулярной армии в 1812 и в 1813 гг. Во всех работах подчеркивается важность боевого содружества народов России для победы над агрессором и отмечается решающая роль русского народа.

К сожалению, участие некоторых народов России в разгроме французских захватчиков показано не всегда убедительно и ярко. Это замечание касается работ Е. И. Корнейчика, И. Будака, З. Раджабова. Об участии отдельных народов (татарского, молдавского, карельского, казахского) написано еще очень мало.

Недостаточно полно освещена помощь, оказанная в 1812 г. русским войскам населением Алтая, Сибири, Урала и других отдаленных от театра войны местностей[184].

Далеко не все формы участия народных масс в эпопее 1812 г. получили достаточно полное отображение: строительство военных дорог, мостов и укреплений, борьба населения с наполеоновскими агентами и т. д. Об этих важных формах помощи народа армии можно сказать значительно больше, т. к. архивы хранят огромное количество еще не введенных в научный оборот источников. Следует упрекнуть и авторов обобщающих трудов по Отечественной

[183] Кроме работ, упомянутых на с. 106, назовем также следующие: *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста, 1965; Калмыки в Отечественной войне 1812 г. Сб. документов. Элиста, 1964; *Зейд Т.* События Отечественной войны 1812 г. на территории Латвии.— «Коммунист Советской Латвии», 1962, № 9; *Кахк И.* Народная война (к 150-летию Отечественной войны 1812 г.).— «Коммунист Эстонии», 1962, № 8; *Валескалн П.* 150-летие Отечественной войны 1812 г.— «Изв. АН Латв.ССР», 1962, № 10; *Жюгджа Ю.* Великий подвиг народа (К 150-летию Отечественной войны 1812 г.) — «Коммунист» (Вильнюс), 1962, № 9; *Березняков Н.* Слава русского оружия (Отражение Отечественной войны 1812 г. в документах архива Молдавской ССР).— «Днестр», 1962, № 8; *Балагуров Я.* Карелия в Отечественной войне 1812 г.— «На рубеже», 1962, № 4; *Калиев Ш.* Казахстанцы в 1812 г.— «Простор», 1963 г., № 1. Из работ, ранее опубликованных, назовем следующие: *Славин Н.* Казанцы в Отечественной войне 1812 г. Казань, 1942; *Раимов Р. М.* Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 г. Изд. 2-е. Саратов, 1942; *Стрельский В. И.* Участие украинского народа в Отечественной войне 1812 г. Киев, 1953.

[184] *Стрельский В. И.* Сибирь в Отечественной войне 1812 г. Омск, 1943; *Палашенков А. Ф.* Сибиряки — участники войны 1812 г.— «Известия Омского отдел. географ. о-ва СССР», 1963, вып. 5; *Бородкин П.* Алтай в Отечественной войне 1812—1814 гг.— «Алтай», 1962, № 3; *Дулов В. П.* Патриотический подвиг сибиряков в Отечественной войне 1812 г.— «Ангара», 1962, № 4.

войне 1812 г., в том числе и IV тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» за то, что они свели участие народных масс в войне только к партизанскому движению и созданию ополчений. Это были главные, но не единственные формы борьбы народов России с агрессором.

Таким образом, за рассматриваемый период (1962—1974 гг.) советские историки поставили и во многом по-новому решили важнейшие проблемы национально-освободительной борьбы народов России с наполеоновской агрессией, показали воздействие этой борьбы на усиление сопротивления народов Западной Европы французским захватчикам. В целом советская историография Отечественной войны 1812 г. за эти годы поднялась на новую ступень.

Вместе с тем анализ литературы показал, что по некоторым проблемам имеются серьезные пробелы, ряд вопросов изучен еще далеко не достаточно. Весьма редко привлекается новейшая иностранная литература, посвященная событиям 1812—1813 годов. Явно недостаточен и ее историографический анализ[185]. Все это говорит о необходимости дальнейшего глубокого и всестороннего изучения этой героической страницы истории нашей Родины. По нашему мнению, назрела потребность в создании аналитического обобщающего труда, охватывающего все основные аспекты Отечественной войны 1812 г. и освободительного похода русской армии 1813 г. Предстоит также создать еще немало исследований, посвященных отдельным частным вопросам. Все эти работы должны базироваться как на опубликованных, так и на архивных документах.

Целесообразно, на наш взгляд, подготовить и издать сборник статей, который бы отразил участие всех народов России в борьбе с наполеоновским нашествием. Важно составить полный научно-библиографический указатель советской литературы по данной теме, опубликованной на русском языке и языках народов СССР.

[185] Единичный пример: *Сироткин В. Г.* Война 1812 г. в общих работах современных историков Франции.– «История СССР», 1962, № 6.

РАННЯЯ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ИММУНИТЕТА В РОССИИ

С. М. Каштанов

Проблема феодального иммунитета, тесно связанная с проблемой крепостного права, получила весьма основательную разработку в историографии XVIII — начала XX вв. В двух опубликованных ранее статьях нами были показаны главные тенденции развития дворянской, буржуазной и революционно-демократической историографии крепостного права, рассматриваемого в качестве одного из проявлений и следствий иммунитета [1].

Новый этап в изучении иммунитета наступил после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

У истоков советской исторической науки стоял В. И. Ленин. Идеи Маркса, Энгельса, Ленина определили развитие русской историографии в направлении исторического материализма. Еще в дореволюционный период В. И. Ленин выработал четкие представления о характере докапиталистических отношений в России.

В III выпуске своей книги «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.) В. И. Ленин говорил о переходе России от «крепостнического, феодального способа производства к капиталистическому» [2]. В своем капитальном

[1] *Каштанов С. М.* К историографии крепостного права в России [I].— «История и историки. Историография истории СССР». Сб. статей. М., 1965, с. 270—312; *он же.* К историографии крепостного права в России [II].— «История и историки. Историографический ежегодник. 1972». М., 1973, с. 126—141.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 247. Об употреблении В. И. Лениным терминов «феодализм», «крепостничество», «крепостное право» см. также: *Сахаров А. М.* В. И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России.— «Вопросы истории», 1960, № 4, с. 78—79 и др.; *он же.* Ленин об основных этапах развития Русского государства.—В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968, с. 303—304 и др.; *Зимин А. А.* Проблемы истории России XVI в. в свете ленинской концепции истории русского феодализма.— Там же, с. 328; *Шмидт С. О.* В. И. Ленин о государственном строе России XVI—XVIII вв. (О методике изучения материалов по теме).— Там же, с. 332, 339—340; *Муравьев В. А.* Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX — начала XX в. Автореферат канд. дисс. М., 1969, с. 15; *Маньков А. Г.* Вопросы крепостного права и крепостничества в России в трудах В. И. Ленина.— В кн.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970, с. 313—321; *Мавродин В. В.* В. И. Ленин и классовая борьба крестьян в феодальной России.— В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. Л., 1970, с. 7. Вопрос этот в той или иной степени затрагивался и другими советскими историками.

труде «Развитие капитализма в России» (написан в 1896—1899 гг., впервые напечатан в 1899 г.) В. И. Ленин, анализируя вторую, по его определению, черту «барщинного хозяйства» — наделение непосредственного производителя землей и прикрепление его к земле,— подчеркивает универсальный характер этого признака ссылкой на Энгельса, которого он цитирует: «В средние века не освобождение (expropriation) народа *от* земли, а напротив, прикрепление (appropriation) его *к* земле было источником феодальной эксплуатации» [3]. Такое же универсальное значение придает В. И. Ленин третьей, по его определению, черте «барщинной системы» — личной зависимости крестьянина от помещика: «Необходимо... „внеэкономическое принуждение", как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим (...„Das Kapital", III , 2, 324)» [4]. Нет сомнений в том, что «барщинное хозяйство» рассматривается В. И. Лениным как тип феодального хозяйства, механизм которого исследован Марксом в III томе «Капитала» [5].

Признав «внеэкономическое принуждение» типичной, необходимой чертой «барщинного хозяйства» вообще (как в России, так и в любой другой стране), В. И. Ленин пишет: «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина» [6]. Отсюда ясно, что крепостничество — лишь разновидность той хозяйственной системы, для которой характерно «внеэкономическое принуждение» [7] (помимо наделения непосредственного производителя землей и прикрепления его к земле), то есть крепостничество — определенная форма феодализма.

В ряде случаев В. И. Ленин употреблял термины «феодализм» и «крепостничество» как равнозначные, никогда не отождествляя «крепостничество» с рабством и не выделяя его в отличную от феодализма формацию. Так, в книге В. И. Ленина «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» (написана в 1915 г., впервые напечатана в 1917 г.) находим следующие высказывания: «... при всех и всяких общественных укладах хозяйства мелкий земледелец „трудится": и при рабстве, и при крепостничестве, и при капитализме» [8]; «... часто латифундии являются пережитком докапиталистических отношений — рабских,

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 184—185. Цитата из предисловия Ф. Энгельса к американскому изданию (1887 г.) книги «Положение рабочего класса в Англии» (*Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 349).

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 185.

[5] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. II, с. 353—354, 357—358.

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 185.

[7] О неприменимости термина «внеэкономическое принуждение» к рабству см.: *Каштанов С. М.* Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте.— В сб.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 194—195.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 148.

феодальных или патриархальных»[9]. Можно видеть, что здесь крепостничество и феодализм предстают как вполне однородные понятия. В лекции «О государстве» (произнесена в 1919 г., впервые напечатана в 1929 г.) В. И. Ленин пользуется термином «крепостничество» в значении «феодализм» применительно не только к России, но и к другим странам: «... переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму»; «... Крепостничество было вытеснено из всех стран Западной Европы. Позднее всех произошло это в России»[10].

Под «крепостничеством» В. И. Ленин понимал как власть крепостников, так и всю систему землевладения, в том числе и землевладение крестьянское. В статье «Сущность „аграрного вопроса в России“» (1912 г.) В. И. Ленин писал: «Крепостническим является не только помещичье, но и крестьянское землевладение»; «... надельное крестьянское землевладение в России остается средневековым, крепостническим»[11]. Эту мысль следует сопоставить с высказыванием К. Маркса в I томе «Капитала» (1867 г.) о том, что крестьяне «имели такое же феодальное право собственности» на занимаемые ими участки, «как и сами феодалы»[12]. У Ф. Энгельса в его работе «К истории прусского крестьянства» (1886 г.) мы находим разъяснение этого положения: крестьяне «до тех пор, пока они выполняли обусловленные повинности, имели такое же право на свои усадьбы и гуфы, а также и на общинные угодья, как и сам господин-помещик»[13].

Определяющее значение для марксистской постановки проблемы феодального иммунитета в России имела дальнейшая разработка В. И. Лениным марксовой теории земельной ренты. Уже в книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин показал главные черты «барщинного хозяйства» как основанного на предоставлении непосредственному производителю земли во владение, на прикреплении его к земле и вытекающем отсюда «внеэкономическом принуждении», с помощью которого земельный собственник получал прибавочный продукт. Проблему «внеэкономического принуждения» и добываемой при его посредстве феодальной земельной ренты В. И. Ленин затронул позднее в брошюре «Карл Маркс» (1918 г.). Касаясь здесь докапиталистической денежной ренты, В. И. Ленин снова включил Россию в контекст всеобщей истории: «... важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной... в ренту продуктами или натурой..., затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, „оброк“ старой Руси, в силу развития товарного производства) ...»[14].

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 170.
[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 71.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 309.
[12] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 730.
[13] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 249.
[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 70.

Ленинское понимание русского средневековья как периода развития феодальных отношений принципиально отличалось от буржуазных концепций феодализма в России, согласно которым феодализм — это система политических институтов. Политическая концепция русского феодализма не противоречила традиционному представлению о «личной свободе» крестьян до закрепостительного законодательства XVI в. и как бы взаимообусловливала иммунитет и «свободу» крестьян[15]. Напротив, ленинская схема «барщинного хозяйства», основанная на марксовом анализе феодальной ренты, показывала невозможность крестьянской «свободы» в условиях «внеэкономического принуждения», какие бы формы ни принимало последнее.

В статье «Эсеровские меньшевики» (1906 г.) В. И. Ленин говорил о «тысячелетней истории» «кнута» в России[16], а в статье «Левонародничество и марксизм» (1914 г.) он указал точные

[15] Н. П. Павлов-Сильванский обходит вопрос о «свободе» или «несвободе» подвластного иммунисту населения. Однако он утверждает, что боярщина была основана на «территориальной власти» (*Павлов-Сильванский Н. П.* Соч., т. III. Феодализм в удельной Руси. Спб., 1910, с. 245). Говоря о «подвластности лица землевладельцу-господину» (там же, с. 272), о «подданстве частному лицу» (там же, с. 304), автор имеет в виду политическую, государственную подвластность, а не внеэкономическое принуждение. Павлов-Сильванский цитирует без каких-либо оговорок Фюстель-де-Куланжа, писавшего: «По отношению к людям, *свободным* (курсив наш.— *С. К.*) и рабам, живущим на его земле, он (иммунист.— *С. К.*) уже не только собственник, он делается тем, чем раньше был граф; в его руках все, что принадлежало государственной власти» (там же). Б. И. Сыромятников, рассматривавший иммунитет как «политическую привилегию крупного землевладения», много говорил вместе с тем о всеобщей зависимости в эпоху феодализма: «Свободный, вольный человек уже исчез» (*Сыромятников Б. И.* История русского государственного права. Лекции, читанные в Московском Коммерческом институте в 1908/9 академическом году. М., [1909], с. 74—75). Однако, во-первых, эту несвободу он больше относил к периоду «социального» (с XVI в.), а не «политического» (удельных времен) феодализма (там же, с. 74); во-вторых, он трактовал ее прежде всего как проявление иерархии, а не специфики производственных отношений; в-третьих, автор не видел «личной» несвободы крестьян в удельный период, сводя дело к «земельной» или территориальной (т. е. политической) зависимости: «Холопство — личная зависимость, крестьянство — земельная»; «Крестьяне — вольные арендаторы (цензива) княжеских или частновладельческих земель» (*Сыромятников Б. И.* История русского права. Удельный период (с к. XII до нач. XVI ст.).—«Вестник Высших женских юридических курсов в Москве. 1907/8 акад. год», 1908, № 5—6, с. 13—14). М. С. Ольминский отмечал, что крестьяне были «подчинены» иммунистам «в отношении суда и управления», но при этом, по его мнению, крестьянин удельного времени «сравнительно легко мог избегнуть власти своего помещика». Речь у него идет о «державных правах» бояр-землевладельцев, но не о личной зависимости и внеэкономическом принуждении крестьян (*Александров М.* [*Ольминский*]. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. Спб., 1910, с. 10—13). Общий анализ концепций феодализма Н. П. Павлова-Сильванского, Б. И. Сыромятникова, М. Н. Покровского и М. С. Ольминского см.: *Муравьев В. А.* Указ. соч., с. 16—33.

[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 401, 403.

хронологические рамки господства «крепостничества» в России — «с IX по XIX век» [17].

В. И. Ленин различал два основных пути установления феодальной зависимости: 1) внешне «добровольное», а по существу вынужденное поступление крестьян в кабалу к земельному собственнику; 2) переход от рабства к крепостничеству.

Первый путь В. И. Ленин упоминал еще в 1894 г. В первом выпуске своей работы «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» он писал, что в «эпоху московского царства» «помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест» [18]. В «Проекте речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе» (написан в 1907 г., впервые напечатан в 1925 г.) В. И. Ленин отметил сходное явление для XI в.: «... в XI веке шли в кабалу „смерды" (так называет крестьян „Русская Правда") и „записывались" за помещиками!» [19] При этом В. И. Ленин проводил единую линию от феодальной кабалы раннего средневековья до пережитков крепостничества в XX в.[20] В его статье «Крепостное хозяйство в деревне» (1914 г.) читаем: «... когда полунищий крестьянин работает на помещика своим убогим скотом и орудиями, будучи закабален выдачей денег взаймы или арендой земли, то это и есть экономическая сущность крепостного хозяйства» [21].

Второй путь установления феодализма — переход к нему от рабства — В. И. Ленин рассматривал в лекции «О государстве» как общую закономерность: «Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право» [22].

Таким образом, В. И. Ленин обосновал принципиальную принадлежность крепостного хозяйства в средневековой России к типу феодальной общественно-экономической формации. Он предпочитал в ряде случаев называть феодальный строй крепостническим, поскольку, во-первых, это определение было наиболее понятно и бесспорно в России конца XIX — начала XX в.[23]; во-вторых, оно лучше отражало специфику позднефеодальной России [24]; в-третьих, термин «крепостничество» при неизжитости по-

[17] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 237; подробнее см.: *Сахаров А. М.* В. И. Ленин о социально-экономическом развитии..., с. 83; *Мавродин В. В.* Указ. соч., с. 7; *Маньков А. Г.* Указ. соч., с. 320—321.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 153.

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 15, с. 131.

[20] *Сахаров А. М.* В. И. Ленин о социально-экономическом развитий..., с. 83, 85; *он же.* Ленин об основных этапах..., с. 303—304; *Мавродин В. В.* Указ. соч., с. 7; *Маньков А. Г.* Указ. соч., с. 320—321, ср. с. 315; ср. *Шмидт С. О.* Указ. соч., с. 332, 339.

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 90.

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 70.

[23] *Маньков А. Г.* Указ. соч., с. 318; ср. *Шмидт С. О.* Указ. соч., с. 339.

[24] Вместе с тем нельзя забывать, что В. И. Ленин очень часто использует понятие «крепостничество» как синоним термина «феодализм». Поэтому едва ли мы можем точно хронологизировать тот отрезок истории феода-

литических концепций феодализма (Н. П. Павлов-Сильванский и др.) вернее передавал идею присущего этой системе «внеэкономического принуждения», личной несвободы крестьян [25]. В. И. Ленин обратил серьезное внимание на генетическую связь крепостничества с рабством, подчеркнув при этом коренное различие названных социально-экономических формаций.

Процесс перехода русской историографии на позиции марксизма-ленинизма был сложным и длительным. Проследить его на примере историографии иммунитета является одной из основных задач настоящей статьи.

Наиболее характерными чертами буржуазной историографии феодального иммунитета в России были следующие: 1) отсутствие анализа производственных отношений, порождающих иммунитет; 2) абсолютизация в том или ином плане роли государства в истории иммунитета; 3) постоянная борьба двух течений — одного, стремившегося доказать независимое от пожалований возникновение иммунитета, и другого, представители которого отстаивали мысль о появлении иммунитета лишь в результате княжеского пожалования. Из двух указанных течений в начале XX в. восторжествовало первое [26]. Ведущей фигурой в нем был Н. П. Павлов-Сильванский. Его теория независимого от пожалований происхождения светского иммунитета завоевала себе немало сторонников (Н. А. Рожков, А. Е. Пресняков, М. Н. Покровский, П. И. Беляев и др.). Однако уже тогда наблюдалось отрицание правильности взглядов Н. П. Павлова-Сильванского, волна открытого преодоления его концепции (В. И. Сергеевич, П. Н. Милюков, М. К. Любавский и др.). Кроме того, и в трудах историков, в целом разделявших теорию Павлова-Сильванского, имелись внутренние противоречия, компромиссы с противоположными точками зрения, что тоже вело к определенному пересмотру и модификации всей теории.

лизма в России, к которому В. И. Ленин применял определение «крепостничество», ограничив его, например, XVII—XIX вв. Речь у него идет о всем периоде — с IX по XIX в. Мало оснований относить ленинскую характеристику «барщинного хозяйства» преимущественно к позднему феодализму, ибо В. И. Ленин здесь развивает марксову теорию феодальной земельной ренты, без реализации которой нет и самого феодализма.

[25] Всех этих аспектов не учел К. Витфогель, пытающийся доказать, что В. И. Ленин якобы отрицал наличие «феодализма» в России, признавая существование в ней лишь «крепостничества» (*Wittfogel Karl A.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957, p. 379—380). Рассмотрение всех высказываний В. И. Ленина по этому вопросу, как приведенных Витфогелем, так и оставшихся вне поля его зрения, показывает, что В. И. Ленин никогда не считал «крепостничество» какой-то особой хозяйственной системой или формацией, отличной от феодализма, и термин «крепостничество» применял в двух значениях: 1) как синоним «феодализма» вообще; 2) как обозначение русской разновидности феодализма, преимущественно позднего периода.

[26] Подробнее об этом этапе развития историографии иммунитета см.: *Каштанов С. М.* К историографии... [II], с. 126—141.

В 1918 г. вышла в свет вторая часть книги М. Н. Покровского «Очерк истории русской культуры», где автор развил свои взгляды на иммунитет, сформулированные уже в I—IV томах «Русской истории с древнейших времен» (1910—1912 гг.) и в первой части «Очерка истории русской культуры» (1915 г.). Покровский различал в иммунитете «положительный» признак — «право владельца судить и собирать подати на своих землях» и отрицательный — «ограждение этого права от вмешательства княжеского судьи» [27]. Такая трактовка была по существу дальнейшей модификацией схемы Павлова-Сильванского, у которого имеются хотя и близкие, но не вполне равнозначные понятия «сеньориальное право» и «иммунитет». В принципе «положительный» признак иммунитета в концепции Покровского соответствует «сеньориальному праву» в концепции Павлова-Сильванского, а «отрицательный» — собственно «иммунитету». Объединение у Покровского обоих признаков в общее понятие «иммунитет» помогало дальнейшей разработке теории органической связи различных сторон иммунитета как социального явления, способствовало преодолению юридической ограниченности схемы Павлова-Сильванского [28].

Признание феодальной власти землевладельца «положительным признаком» иммунитета означало верность Покровского идее Павлова-Сильванского о возникновении иммунитета до пожалования, которую он разделял еще в «Русской истории с древнейших времен» [29]. Утверждая, что «в иммунитете важен не положительный его признак..., а отрицательный...» [30], Покровский в книге 1918 г. уделил основное внимание последнему. Дабы не останавливаться на «реальных корнях» права владельца судить и собирать подати на своих землях, автор сослался на первую часть «Очерка», освещающую этот вопрос. Там он выводил «корни феодальных порядков древней Руси» из «суда старых родителей», из власти «барина над его холопом, не только у себя дома, но и перед лицом общественной власти, которая не смела наложить руки на холопа без согласия барина». Покровский называл ука-

[27] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры. Ч. II. М., 1918, с. 124.

[28] Еще в своей «Русской истории» Покровский писал, что феодализм — «...гораздо более есть известная система хозяйства, чем система права» (*Покровский М. Н.* [с участием *Никольского Н. М.* и *Сторожева В. Н.*]. Русская история с древнейших времен. Т. I. М., [1910], с. 94; *он же.* Избранные произведения в четырех книгах. Кн. I. М., 1966, с. 130), «...сила шла впереди права» (*Покровский М. Н.* Русская история..., т. I, с. 92; *он же.* Избранные произведения..., кн. I, с. 129).

[29] *Покровский М. Н.* Русская история..., т. I, с. 84—85 (*он же.* Избранные произведения..., кн. I, с. 121—122). В книге М. С. Ольминского, вышедшей в том же 1910 г., что и I том «Русской истории» Покровского, также подчеркивалось независимое от жалованных грамот происхождение иммунитета (*Александров М.* [*Ольминский*]. Указ. соч., с. 9—10, 13—17).

[30] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. II, с. 124.

занные факторы пережитками «того строя, из которого развился феодализм семейного строя» [31].

Иными словами, историк продолжал придерживаться мысли о том, что вотчинное право «было пережитком патриархального права, не умевшего отличать политической власти от права собственности» [32]. Данный тезис позволял доказать независимое от государства происхождение только светского, но не церковно-монастырского иммунитета, ибо духовные власти не приравнивались к «старым родителям» и не имели холопов.

Следовательно, Покровский по существу остался на той же суженной почве признания автогенности иммунитета, что и Павлов-Сильванский, который не подводил общей социальной базы под феодальный иммунитет в целом. Павлов-Сильванский, как мы уже подчеркивали, вернулся к концепции не Неволина, а Милютина, производя светский иммунитет из права землевладельца, а церковно-монастырский — из княжеской милости [33]. Покровский в борьбе с «историками-идеалистами» не забывал подчеркнуть надстроечное происхождение жалованных грамот и глубинность иммунитетных корней: «и церковный иммунитет не создавался, а только признавался княжескими грамотами» [34].

Это утверждение Покровского имело очень большое методологическое значение, хотя и не было оригинальным — ту же мысль, но применительно к ханским ярлыкам, высказывал некогда К. А. Неволин [35]. Покровский пошел дальше Павлова-Сильванского, и возрожденный им тезис Неволина получил признание в последующей советской историографии. Тем не менее, в книге 1918 г. данный тезис звучал декларативно, поскольку автор не только не доказывал его, но больше того — он довольно тщательно заслонил его другой концепцией возникновения иммунитета, весьма близкой к концепции княжеской милости, которую он оспаривал, критикуя «историков-идеалистов». Вместо фигурировавшей еще у Павлова-Сильванского идеи милости (по отношению к духовным землевладельцам) Покровский развил идею «табу»: «В

[31] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры. Ч. I. М., 1915, с. 257; ср. с. 220 (Разрядка Покровского).

[32] *Покровский М. Н.* Русская история..., т. I, с. 86 (*Покровский М. Н.* Избранные произведения..., кн. I, с. 123). В дореволюционные годы мысль о решающей роли рабовладения для возникновения вотчинного хозяйства высказывал Б. И. Сыромятников: «Благодаря приложению несвободной рабской силы к земле, в эту эпоху у нас начинает развиваться крупное правительственное и частное землевладение на рабовладельческой основе» (*Сыромятников Б. И.* История русского государственного права. Лекции..., с. 72). Эта работа появилась почти одновременно с I томом «Русской истории» Покровского.

[33] Подробнее см.: *Каштанов С. М.* К историографии... [II], с. 128.

[34] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. II, с. 124. (Разрядка Покровского).

[35] *Неволин К.* О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. Спб., 1847, с. 202; см. *Каштанов С. М.* К историографии... [I], с. 274.

основе «феодальных вольностей» лежит понятие иммунитета, а в основе самого этого понятия — идея, нам хорошо знакомая: идея «табу», только табу это нечто неприкосновенное безусловно, для всех людей, а иммунитет создавал неприкосновенность условную, для некоторых людей при известных обстоятельствах». «Имение, пользующееся иммунитетом, есть табу для королевской, царской, великокняжеской — чьей угодно администрации. Есть много оснований думать, что идея условного табу зародилась там же, где идея табу вообще — в области религиозной. Древнейшие, и абсолютно, и относительно, в истории отдельных народов образчики иммунитета встречаются нам в церковных имениях и владениях» (далее приводился пример Нипура в Вавилоне) [36].

Покровский указывает, что «в древней Руси церковь отгораживается от княжеского суда всех раньше — и всех основательнее»: в XII в. князья признают право церковного суда над так называемыми «церковными людьми» (сюда автором включались «не только те, кто дал аскетический обет», но и все, «кто ... работал» в обширном церковном хозяйстве); затем, в XIII—XIV вв., полный иммунитет предоставили русской церкви татарские ханы в своих ярлыках; «позднейшие грамоты русских удельных князей лишь по частям подтверждали то, что универсально и сразу было даровано татарскими ханами» [37].

Идею «табу» Покровский распространил и на светский иммунитет, существенно ослабив тем самым концепцию независимого от государственной власти происхождения иммунитета, которую он тут же декларировал: «Светское табу от княжеского судьи появляется в русской истории позже церковного — и объем его меньше... Светское табу само по себе не может нас удивить: мы знаем, что и на родине табу, в Полинезии, вождь может «табуировать» любую понравившуюся ему вещь...; отчего не произвести ему такой же операции по отношению к понравившемуся ему человеку?» [38]. Столь широкое и произвольное объяснение пожалования светского иммунитета правом княжеского «табу» Покровский, однако, конкретизировал и поставил на почву реальных фактов: «Иммунитет давался светскому владельцу за службу и, конечно, фактически под условием этой службы. В обмен на эту последнюю князь налагал на себя и своих слуг, так сказать, пост по отношению к данному имению» [39]. Здесь уже иммунитет обусловлен службой, связан с вассалитетом и даже рассматривается как его следствие [40]. Новизну и важность этого поло-

[36] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. II, с. 122—123. (Разрядка Покровского).

[37] Там же, с. 123.

[38] Там же, с. 124.

[39] Там же.

[40] Мысль, подобную идее Покровского, высказывал А. Богданов, видимо, опираясь на материал западноевропейской истории: «Во внутренние де-

жения можно оценить, учитывая, что главный предшественник Покровского — Н. П. Павлов-Сильванский — изучал иммунитет и вассалитет совершенно изолированно один от другого.

Не видя в иммунитете характерного порождения феодальной формы земельной собственности, Покровский допускал возможность его ликвидации в случае отсутствия жалованной грамоты: «...в любой момент мог явиться конкурент и, фактически же, упразднить монополию» [41]. Жалованную грамоту автор считал «юридической основой иммунитета» [42] и приравнивал ее по значению к документам XIX — начала XX в., оформлявшим какую бы то ни было «монополию»: «... жалованная грамота... являлась не материальной, а идеологической необходимостью при создании иммунитета, как в наше время закон, изданный государственной властью, является необходимостью при создании любой монополии», которая может существовать «и раньше закона» [43]. В основе уподобления жалованных грамот позднейшему законодательству, утверждавшему права «монополий» [44], лежит челобитная теория Ланге — Сергеевича, модернизированная Н. А. Рожковым (выдача грамоты — нотариальный акт, князь — «простой нотариус») [45].

Однако Покровский не был безусловным последователем этой теории. В работе 1918 г. он не проводит мысль, что жалованные грамоты давались как бы автоматически, в порядке штамповки привилегий. Его теория «табу» и выдачи грамоты как компенсации за службу по существу ближе к концепции княжеской «милости», т. е. выборочного, а не сплошного пожалования землевладельцев.

Итак, можно построить следующую схему происхождения иммунитета по Покровскому: 1) «положительный» иммунитет проистекает: а) светский — из власти «старых родителей» или холоповладельцев, б) церковно-монастырский — ? (остается без объяснений), но оба могут существовать до выдачи жалованной грамоты; 2) «отрицательный» иммунитет в целом обусловлен идеей «табу», причем: а) светский дается за службу, оказываясь оборотной стороной или следствием вассалитета, б) церковно-монастырский — ? (остается без объяснений); 3) жалованная грамота — «юридический источник» иммунитета, она закрепляет «отрицательный» иммунитет по типу закона, устанавливающего «моно-

ла поместья своего данника (вассала) сюзерен, вообще говоря, не вмешивался» (*Богданов А.* Краткий курс экономической науки. Изд. 2-е. Пг., 1922, с. 39).

[41] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. II, с. 125.

[42] Там же, с. 124.

[43] Там же, с. 124—125. (Разрядка Покровского).

[44] В XVIII в. под «монополиями» подразумевались чаще всего винные откупа. Покровский же имел в виду, вероятно, различные организационные формы капиталистического предпринимательства.

[45] *Рожков Н. А.* Происхождение самодержавия в России. М., 1906, с. 21, 27; см. *Каштанов С. М.* К историографии... [II], с. 129.

полию»; без грамоты иммунитет (опять-таки, видимо, лишь «отрицательный») подвержен угрозе «упразднения».

Сравнительно с 1-м томом «Русской истории» (1910 г.) здесь введено различение «положительного» и «отрицательного» признаков иммунитета и подчеркнуто, что не только светский, но и церковный «положительный» иммунитет возникает без юридического оформления его грамотой. Углублена трактовка «отрицательного» иммунитета, слабо намеченная в 1910 г.; новым было стремление вывести «отрицательный» иммунитет из идеи «табу». Эта идея придавала всей проблеме несколько внеисторический характер и в то же время ослабляла верность автора концепции Сергеевича, согласно которой пожалования составляли «общее правило». Если в 1910 г. Покровский писал, что привилегия принадлежала целому сословию землевладельцев, а никак не отдельным лицам в виде особой государственной милости [46], то в 1918 г. он утверждал, что «иммунитет создавал неприкосновенность условную, для некоторых людей при известных обстоятельствах» [47]. Зато объяснение пожалования иммунитета светским землевладельцам их службой князю вполне гармонировало с имеющимся в книге 1910 г. тезисом о политических мотивах выдачи ханских ярлыков [48].

Модификацию взглядов Покровского на происхождение иммунитета нельзя оценить однозначно. Безусловным шагом вперед было различение «положительного» и «отрицательного» признаков иммунитета, декларирование независимости от пожалований и светского, и церковного «положительного» иммунитета, установление связи между пожалованием «отрицательного» светского иммунитета и службой.

Идея «табу» способствовала изживанию представления об автоматическом пожаловании грамот всем членам определенного сословия, т. е. она заключала в себе фермент преодоления челобитной теории Ланге—Сергеевича. Вместе с тем эта концепция, во-первых, переносила поиски причин возникновения «положительного» и «отрицательного» церковного иммунитета в область чисто идейную и, во-вторых, служила новым основанием для выведения «положительного» иммунитета в целом из характерных особенностей не феодальных, а патриархально-родовых и патриархально-рабовладельческих отношений.

[46] *Покровский М. Н.* Русская история..., т. I, с. 85 (*он же.* Избранные произведения..., кн. I, с. 122).

[47] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. II, с. 122. В другом месте этой работы автор говорит: «Грамоты носили индивидуальный характер — давали иммунитет определенному лицу или, лучше, определенной семье» (там же, с. 125).

[48] Смысл выдачи ярлыков Покровский видел в том, что, с одной стороны, благодаря этому церковь возносила за ханов публичные молитвы, а с другой стороны, привилегии церкви стесняли власть местных князей, ослабляя их перед лицом ханов (*Покровский М. Н.* Русская история..., т. I, с. 221; *он же.* Избранные произведения..., кн. I, с. 219).

Незыблемым ядром концепции Покровского и оставалось признание этих отношений источником «положительного» светского иммунитета. Взятые изолированно от феодального способа производства, личностные (фактически патриархально-рабовладельческие) связи рассматривались Покровским в качестве первопричины развития иммунитета. В книге 1918 г. заметен более существенный, чем в работе 1910 г., отход автора от теории феодально-землевладельческого происхождения иммунитета, намеченной в трудах Н. П. Павлова-Сильванского.

Ни Павлов-Сильванский, ни Покровский не выводили иммунитет из механики реализации феодальной формы земельной собственности. Оба они говорили о свойственном феодализму «соединении» собственности на землю с властью над людьми [49], т. е. ставили собственность и иммунитет в ряд явлений одного порядка. Однако Павлов-Сильванский придерживался публично-правовой концепции иммунитета, считая его по содержанию государственным правом, и это право он иногда трактовал не просто как «соединенное» с земельной собственностью, а как органически «приданное» ей. Характерно в этом плане его замечание, что составитель одной грамоты видит в иммунитете «естественный *придаток* (курсив наш.— *С. К.*) к праву собственности на село» [50]. Покровский по существу противопоставил публичноправовой концепции иммунитета представление о частноправовой его природе (власть «старых родителей» и холоповладельцев), и частное право на людей у него гораздо больше оторвано от права собственности на землю, чем у Павлова-Сильванского иммунитет как конструкция публичных прав от землевладения в узком смысле слова. Можно даже сказать больше: в схеме Покровского феодальная собственность на землю ни в малейшей степени не играет роли источника иммунитета.

Именно поэтому, не найдя в патриархальных и рабовладельческих отношениях причин установления власти монастырей и церкви над людьми, Покровский оставил открытым вопрос о происхождении «положительного» иммунитета духовных феодалов и не дал общей концепции возникновения иммунитета, удовлетво-

[49] «Основным политическим признаком феодализма является соединение землевладения со властию над людьми, которые живут на земле данного землевладельца» (*Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. I, с. 255—256. Разрядка Покровского). В 1910 г. Покровский говорил о «неразрывной связи» землевладения с политической властью (*Покровский М. Н.* Русская история... Т. I, с. 84; *он же.* Избранные произведения..., кн. I, с. 121). Тезис автора прямо восходит к идее Павлова-Сильванского, считавшего «главною, первою чертою феодализма» «раздробление верховной власти или тесное слияние верховной власти с землевладением» (*Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. Спб., 1907, с. 69. Разрядка Павлова-Сильванского). Павлов-Сильванский имел в виду в частности и то, что владелец сеньории «соединяет частные права собственника земли с некоторыми государственными правами на лиц, живущих на его земле» (там же).

[50] *Павлов-Сильванский Н. Н.* Соч., т. III, с. 296.

рительно объясняющей наличие его у представителей различных господствующих сословий феодального общества.

К заслугам Покровского принадлежит попытка проследить развитие иммунитета на всем протяжении существования феодализма в России. Как известно, К. А. Неволин резко противопоставлял юрисдикцию русских землевладельцев раннего периода (в отношении «людей свободных») судебным полномочиям позднейших помещиков (в отношении их крепостных). В. И. Сергеевич и М. А. Дьяконов, напротив, провели единую линию от иммунитета до крепостного права. Эту последнюю тенденцию воспринял Покровский в своей «Русской истории» (1910—1912 гг.), а вслед за ним — П. И. Беляев (1916 г.) [51].

В «Русской истории» Покровский говорил об иммунитете как о сословном праве [52] без указания того, был ли этот характер сословного права присущ иммунитету с самого начала его существования или он установился позднее. В «Очерке» автор, признавая некоторую выборочность ранних пожалований, прослеживал постепенное *превращение* иммунитета в сословное право: «... в церковном иммунитете мы видели уже образчик светского табу, распространявшегося на целую категорию лиц. Дальнейшее развитие иммунитета и заключалось в применении его ко все новым и новым случаям, и в распространении его на целые общественные группы» [53].

Способом такого «распространения» иммунитета Покровский считал выдачу не только собственно жалованных, но и уставных губных и земских грамот: жалованные грамоты предоставляли иммунитет «отдельным имениям», а уставные — «коллективным единицам, городам и волостям» [54]. Говоря, что «сущность в обоих случаях была совершенно та же самая» [55], автор однако отмечал бóльшую близость «волостного» иммунитета «к церковному, чем к частно-помещичьему», и это обстоятельство наводило его на мысль «о возможности и д е й н о г о влияния» церковного иммунитета на «губную и земскую реформу» Ивана Грозного [56].

Указанная близость «церковного» и «волостного» иммунитетов заключалась в том, что для них не отыскивался источник «положительного признака» иммунитета, который был бы тождествен власти «старых родителей» или холоповладельцев, лежавшей, по его мнению, в основе иммунитета светских феодалов.

Практически у Покровского как «церковный», так и «местный» (губной и земский) иммунитет представал в качестве

[51] *Каштанов С. М.* К историографии... [I], с. 277—278, 305; [II], с. 132, 134, 138.

[52] *Покровский М. Н.* Русская история..., т. I, с. 84—85 (*он же.* Избранные произведения..., кн. I, с. 121—122).

[53] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. II, с. 125.

[54] Там же, с. 132.

[55] Там же.

[56] Там же, с. 133 (Разрядка Покровского).

иммунитета «отрицательного», или, вернее, его «положительный» признак — власть над людьми и т. д.— должен был выводиться не из каких-то глубоких корней, независимых от пожалования, а из самого пожалования, из отрицания верховной властью полномочий местных властей — наместников, волостелей и др. Следовательно, теория «местного иммунитета» означала дальнейший подрыв декларируемой автором общей концепции иммунитета как явления, которое имеет положительный и отрицательный признаки, находящиеся в таком сочетании, когда предполагается существование «положительного» признака до возникновения признака «отрицательного».

Теория «местного иммунитета» восходила к идеям второго тома «Русской истории» (1910 г.), где Покровский говорил, что «правившие земством капиталисты» не только пользовались «финансовым иммунитетом..., но и судили» [57]. В работе 1918 г. эти идеи были развиты в определенную схему. В литературе конца XIX — начала XX в. попытки сблизить жалованные и уставные (губные и земские) грамоты наблюдаются у П. И. Беляева и С. А. Шумакова, причем если Беляев (1899 г.) искал общую исходную редакцию названных разновидностей грамот, то Шумаков (1917 г.) признавал сами жалованные грамоты источником более поздних губных и земских [58]. Последняя постановка вопроса по существу соответствовала представлению Покровского о создании «местного» (губного и земского) «иммунитета» под влиянием иммунитета «церковного».

Сходство взглядов Шумакова и Покровского проявилось также в том, что каждый из них рассматривал областные и частновладельческие привилегии как способ ограничения самодержавия, как своего рода конституционные нормы. По формулировке Шумакова, уставные (губные и земские) и жалованные грамоты представляли собой «хартии вольностей отдельных классов (уставные грамоты) и лиц (грамоты жалованные в тесном смысле), вырванных и завоеванных ими в пылу классовой социально-экономической борьбы» [59]. Покровский вместо термина «вольности» пользовался понятием «гарантий», но фактически выражал ту же мысль: «Московское государство знало, таким образом, два рода гарантий — гарантии общественных групп и гарантии местностей» [60].

Эти поиски исторических прецедентов конституционного ограничения самодержавия характерны для русской историографии

[57] *Покровский М. Н.* Русская история..., т. II. М., [1910], с. 241 (*он же.* Избранные произведения..., кн. I, с. 427).

[58] *Беляев П. И.* Источники древнерусских законодательных памятников.— ЖМЮ, 1899, ноябрь, с. 151; *Шумаков С.* Обзор «грамот Коллегии экономии». Вып. IV. М., 1917, с. 5; ср. *Каштанов С. М.* К историографии... [II], с. 127, 139.

[59] *Шумаков С.* Указ. соч., вып. IV, с. 3.

[60] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. II, с. 133 (Разрядка Покровского).

1916—1917 гг.[61] Рассмотрение иммунитета и самоуправления именно под таким углом зрения привело Покровского к признанию местничества «своеобразной формой иммунитета» [62]. Как указывал автор, «связь эта до сих пор не была подмечена в русской исторической литературе» [63]. Почему же местничество оказывается формой иммунитета? Да только потому, что оно давало определенные политические гарантии и ограничивало самодержавие [64], не позволяя ему превратиться в «абсолютную монархию»: «„отечество" является первой политической гарантией, какую мы встречаем на русской почве, если не считать церковного иммунитета» [65].

При квалификации местничества в качестве разновидности иммунитета автором допущена логическая ошибка, так как из посылки, что иммунитет есть форма политической гарантии, сделан вывод, что всякая политическая гарантия — иммунитет. Та же логическая ошибка лежит в основе отождествления губного и земского самоуправления с иммунитетом. Во всех этих случаях потеряна ориентация на «положительный» признак иммунитета и его источники.

Конечно, увлечение построением схемы «гарантий» от произвола царской власти и приравнивание их к иммунитету было обусловлено в большой степени острым интересом автора к судьбам русской государственности накануне и в период краха самодержавия. Несмотря на спорность и уязвимость выдвинутых Покровским положений, они сохраняют научное значение, давая пищу для размышлений о характере реформ местного управления XVI—XVII вв. и эволюции иммунитета в это время.

В книге 1918 г. Покровский сосредоточил основное внимание на той стороне иммунитета, которую составляли взаимоотношения царской власти с представителями господствующего класса. Именно о «гарантиях» для дворян идет у него речь при рассмотрении развития «иммунитета» в XVIII — первой половине XIX в. Говоря, что в этот период «с местным иммунитетом дело об-

[61] Интерес к данной проблеме сохранился у Покровского и позднее. Так, в «Русской истории в самом сжатом очерке» (1920 г.) он обратил особое внимание на договор бояр с Сигизмундом, отцом Владислава, любопытный «в том отношении, что это первая попытка русской конституции, т. е. первая попытка определить права и обязанности государя, закрепить их письменным договором, который был бы для него обязателен» (*Покровский М. Н.* Избранные произведения..., кн. III. М., 1967, с. 69. Разрядка Покровского).

[62] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. II, с. 125.

[63] Там же.

[64] «...в самой существенной своей прерогативе, назначении министров и генералов, выражаясь по-теперешнему, «земной бог» далеко не был свободен: на место *а* он мог посадить только представителя рода А или того, кто был этому последнему «в версту»...» (*Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. II, с. 125).

[65] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. II, с. 126. (Разрядка Покровского).

стояло не лучше, чем с сословным», поскольку отсутствовали гарантии гарантий [66], Покровский под «местным» иммунитетом подразумевает в основном систему местного дворянского самоуправления и называет «веткой иммунитета» право дворян выбирать судей из своей среды, причем автор не вполне правомерно отождествляет этот порядок с земским самоуправлением более раннего времени [67].

«Дворянский иммунитет» Покровский трактует тут исключительно как право личной неприкосновенности и неподсудности дворянина: «Дворянский «иммунитет» при Екатерине II совершенно не отвечал окружающей социальной обстановке. Дворянин мог пользоваться им, лишь сидя безвыездно в своем имении: туда действительно суд к нему «не въезжал», разве в самых исключительных случаях. Но стоило ему приехать в город — и он сталкивался с созданною новыми экономическими условиями бюрократической администрацией, весьма мало склонной уважать какие бы то ни было привилегии. Стоило ему поступить на службу, и он сталкивался с дисциплиной, бюрократической, если он был «штатским», еще более суровой дисциплиной постоянной армии, если он был военным» [68]. В отличие от П. И. Беляева, подчеркнувшего, что московские цари были не в силах «уничтожить существование сеньорий, ячеек крепостного права», «сеньории эти» процветали «до позднейших времен», помещики в своих имениях уподоблялись монархам, выполняли судебно-полицейские функции и т. д.[69], Покровский выпятил другую сторону дела — слабость отдельно взятого дворянина и даже местной дворянской корпорации перед лицом абсолютистской монархии с ее организованным аппаратом насилия.

На примере М. М. Щербатова и декабристов Покровский показывает, что дворянство дорожило своими иммунитетными привилегиями и скорбело об их умалении правительством: «Щербатов имел в виду... охрану не только сословного, но и местного иммунитета. Его схема охватывала «феодальные вольности» так широко, как только можно себе представить» [70]; «Миросозерцание декабристов в целом было, несомненно, буржуазным... и, тем не менее, сословная дворянская обида, нарушение иммунитета верных вассалов русского царя, трогает его (Каховского.— *С. К.*) сильнее, чем что бы то ни было» [71].

Не вкладывая в понятие «абсолютная монархия» специального конкретно-исторического и социального содержания, подразу-

[66] Там же, с. 134—135.
[67] Там же, с. 130—132.
[68] Там же, с. 131.
[69] *Беляев П. И.* Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение.— ЖМЮ, 1916, октябрь, с. 152; ноябрь, с. 164—165; ср. *Каштанов С. М.* К историографии... [II], с. 138.
[70] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. II, с. 140 (Разрядка Покровского).
[71] Там же, с. 132.

мевая под ней государство с неограниченной властью монарха, Покровский считал иммунитет, даже в форме унифицированной сословной привилегии, институтом, противоречащим абсолютной монархии, мешающим монархии быть «абсолютной» [72]. По словам автора, французское королевство до 1789 г. «отнюдь не было абсолютной монархией», поскольку там, как и в России, имелось противоречие: «король был государем божией милостью, если не прямо земным богом; но в то же время у его вассалов был свой иммунитет, и остатки этого иммунитета, не совсем мирно, но упрямо, продолжали сосуществовать уже с бюрократической монархией» [73]; во Франции еще при Монтескье «налицо были иммунитеты, сословные и провинциальные, и ограждавший их парламент» [74].

Покровский проводит прямую аналогию между Францией и Россией XVIII в.: в «Наказе» Екатерины II Сенат признается хранителем гарантий, его роль фактически отождествляется с ролью французского парламента — судебной курии [75]. «Теория «монархического» либерализма...,— заключает автор,— последнее звено длинного эволюционного ряда, первым звеном которого были столь первобытные учреждения, как «табу» и иммунитет» [76].

По широте хронологического охвата проблемы иммунитета в России Покровский может быть поставлен рядом только с П. И. Беляевым. Лишь эти два историка уделили серьезное внимание эволюции иммунитета в XVIII — первой половине XIX в.[77] Но Покровский, подобно Шумакову, сделал основной акцент на вольностях-«гарантиях» дворянства, считая их в каком-то смысле явлением положительным — ограничивавшим самодержавие, Беляев же (как и Ольминский) выделил прежде всего отрицательную сторону привилегий — самовластие дворян в пределах их имений.

У Покровского и Беляева, при всем различии их концепций, было известное сходство и в трактовке происхождения иммунитета. В схеме Покровского источником иммунитета оказывалась «власть старых родителей» или холоповладельцев; Беляеву иммунист напоминал «опекуна в примитивном смысле, имеющего власть над подопечным имуществом и действующего в своих

[72] Фактически это означало отрицание тезиса Павлова-Сильванского о возникновении в России XVIII в. «абсолютизма» (*Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси, с. 124, 144—147).

[73] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. II, с. 136.

[74] Там же, с. 138.

[75] Там же.

[76] Там же, с. 142.

[77] Их идейными предшественниками в этом вопросе являлись Сергеевич и Павлов-Сильванский. Первый говорил, что право вотчинного суда «вошло в состав крепостного права» (*Сергеевич В.* Русские юридические древности. Т. I. Спб., 1890, с. 330). Второй утверждал: «Основою социального строя нашей московской и петербургской монархии был тот же сеньориальный режим. Господский, помещичий суд и управление у нас известны достаточно

интересах» [78]. Оба исследователя существенно отошли от землевладельческой концепции иммунитета Н. П. Павлова-Сильванского, вероятно, вследствие ее несовершенства, ибо Павлов-Сильванский хотя и признавал иммунитет придатком к земельной собственности, однако не показывал, как именно обусловливался иммунитет собственностью на землю [79].

Основанное на идеях Павлова-Сильванского мнение Беляева, что иммунитет — это «конструкция публичных прав как принадлежности недвижимых имений» [80], сочетается в работе того же автора с противоречащим данному положению славянофильским тезисом, согласно которому феодал — не собственник, а лишь властитель, опекун [81]. Покровский не отрицал собственность феодала на землю и констатировал соединение с нею власти над людьми, но саму эту власть — источник «иммунитета» — он выводил не из собственности на землю, а из патриархально-рабовладельческих прав.

хорошо из очень недавнего прошлого. Источником его было боярское вотчинное право удельной эпохи» (*Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси, с. 124—125). Дворянское сословие, по мнению Павлова-Сильванского, унаследовало «от феодальной эпохи сеньориальное право» (там же, с. 125). Правда, это позднее «сеньориальное право» Павлов-Сильванский не называет прямо «иммунитетом». Иммунитет он считал институтом «политическим», имевшим «державное» значение (*Павлов-Сильванский Н. П.* Соч., т. III, с. 304), а, по его концепции, «политический феодализм окончательно пал у нас... при Иване Грозном» и на его место пришел «так называемый феодализм социальный» (*Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси, с. 124). Но этот взгляд историка не противоречит тому, что он рассматривал «сеньориальное право» XVII—XIX вв. по существу как продолжение иммунитета, ибо, во-первых, по признанию автора, само «политическое значение иммунитета» даже в удельное время сильно варьировалось и «могло сводиться к нулю», когда иммунитетом обладал мелкий вотчинник (*Павлов-Сильванский Н. П.* Соч., т. III, с. 305), во-вторых, в устах Павлова-Сильванского «сеньориальное право» почти тождественно «иммунитету»: «Иммунитет или, точнее, вообще сеньориальное право...» (*Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси, с. 81). Единую линию от иммунитета удельной Руси до самовластия «государей»-помещиков XVIII в. проводил также М. С. Ольминский (*Александров М.* [*Ольминский*]. Указ. соч., с. 6, 9, 54—55).

[78] *Беляев П. И.* Древнерусская сеньория...— ЖМЮ, 1916, октябрь, с. 161.

[79] Павлов-Сильванский считал, что решение вопроса о начале иммунитета «надо искать в направлении, указанном Маурером, именно в отношениях вотчин к маркам-волостям» (*Павлов-Сильванский Н.* Иммунитеты в удельной Руси.— ЖМНП, 1900, декабрь, с. 353; *он же.* Соч., т. III, с. 295; ср. *Тарновский Ф. В.* Феодализм в России. Критический очерк.— «Варшавские университетские известия», 1902, [вып.] IV, с. 19). Маурер усматривал основу иммунитета в свободе барского двора «от полевых общинных уз» вследствие выхода его из общины-марки (*Маурер Г. Л.* Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общинной власти. М., 1880, с. 254—259). Павлов-Сильванский никак не смог применить теорию Маурера на деле, т. е. показать на русском материале освобождение барского двора от общинных уз и возникновение на этой почве иммунитета (*Павлов-Сильванский Н.* Иммунитеты.., с. 353—356; *он же.* Соч., т. III, с. 295—298).

[80] *Беляев П. И.* Древнерусская сеньория...— ЖМЮ, 1916, октябрь, с. 150.

[81] Там же, с. 161.

Может быть, отчасти поэтому распространение иммунитета в XVI — начале XIX вв. Покровский связывал не с историей земельной собственности, а только с историей взаимоотношений между господствующим классом и правительством. Классовая направленность иммунитета против крестьянства исчезла из поля зрения Покровского. Автор применил марксово понятие «внеэкономического принуждения», однако он выделил его в категорию, стоящую как бы вне самой схемы получения феодальной земельной ренты [82]. Так, в 1910 г. Покровский отождествлял с «внеэкономическим принуждением» княжеский разбой, ограбление земель (видимо, сюда включалось и взимание дани) [83]. В 1915 г. Покровский писал: «Судопроизводство XVIII в. было конкретной формой того вне-экономического принуждения, на котором держалось крепостное хозяйство» [84]. Под «судопроизводством» автор подразумевал тут государственную уголовную юстицию, служившую «торговому капиталу» [85], хотя он и замечал, что в $^{9}/_{10}$ случаев дела решал суд помещичий, а не государственный [86]. О «крепостном хозяйстве» Покровский говорил как о «базисе» феодального «правосудия», не показывая включенность внеэкономического принуждения в систему функционирования «крепостного хозяйства»: «...базисом утонченно-жестокому «правосудию» XVIII в. служило именно крепостное хозяйство со сложившимися в нем нравами и обычаями» [87].

Следовательно, Покровский создал весьма своеобразную концепцию истории феодального иммунитета в России. Он не дал определения иммунитета как внеэкономического принуждения. Возможно, ученый был склонен даже к противопоставлению этих понятий, ибо в иммунитете (во всяком случае «положительном») он усматривал господство «частного права» [88], власть «старых родителей» и холоповладельцев, а внеэкономическое принуждение относил к функциям публичной власти [89]. Вместе с тем, труды Пок-

[82] В рамках данной схемы рассматривалось «внеэкономическое принуждение» в книге А. Богданова и И. Степанова. Авторы говорят о «внешнем, внеэкономическом принуждении землевладельцев к труду», хотя под принуждающей силой понимают помещика, а не государство (*Богданов А., Степанов И.* Курс политической экономии. Т. I. Изд. 2-е. [М.], 1918, с. 285). Определение внеэкономического принуждения как «внешнего» представляется малоудачным.

[83] *Покровский М. Н.* Русская история..., ч. I, с. 135 (*он же.* Избранные произведения..., кн. I, с. 169).

[84] *Покровский М. Н.* Очерк истории русской культуры, ч. I, с. 235.

[85] Там же.

[86] Там же, с. 236.

[87] Там же, с. 237.

[88] *Покровский М. Н.* Русская история..., т. II, с. 253 (*он же.* Избранные произведения..., кн. I, с. 438).

[89] Позднее Покровский писал, что власть московских царей и российских императоров «была политической оболочкой „внеэкономического принуждения“» (*Покровский М. Н.* О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России.— «Борьба классов», 1931, № 2, с. 85).

ровского, как думается, стимулировали работу мысли советских историков в направлении отождествления иммунитета с внеэкономическим принуждением.

Покровский отошел от схемы как Павлова-Сильванского, так и Сергеевича, взяв у первого идею независимости первооснов иммунитета от пожалования, а у них обоих — представление о превращении иммунитета в сословное право. Покровский пошел дальше Павлова-Сильванского, высказав мнение, что и церковный иммунитет существовал до пожалования. В отличие от Сергеевича, он видел в выдаче грамот не простое выполнение воли челобитчиков, а политическую сделку, хотя и сравнивал выдачу грамот с учреждением «монополий». Поставив иммунитет в связь с вассалитетом, Покровский сделал заметный шаг вперед по сравнению с Павловым-Сильванским и Сергеевичем. Покровский, наряду с Шумаковым, верно уловил конституционное значение иммунитета, ограничивавшего самодержавие в пользу дворянства.

Влияние идей В. И. Ленина на созданную Покровским концепцию иммунитета сказалось в том, что историк рассматривал «положительный иммунитет» прежде всего как хозяйственную, а не чисто юридическую или чисто политическую категорию. Порывая с традициями буржуазной историографии, Покровский не считал иммунитет «удельного периода» условием «свободы» крестьян. Напротив, своим отождествлением первоначального иммунитета с властью холоповладельцев Покровский поставил знак равенства между иммунитетом и личной несвободой непосредственных производителей. Тем самым он приблизился к пониманию иммунитета как способа «внеэкономического принуждения», хотя его толкование последнего отличалось противоречивостью.

Ленинскому подходу к изучению крепостного хозяйства соответствовало и стремление Покровского провести прямую линию между ранним и поздним (XVIII—XIX вв.) иммунитетом, что также нарушало каноны буржуазной историографии. Если В. И. Сергеевич и М. А. Дьяконов говорили лишь о включении норм иммунитета в состав крепостного права, то Покровский считал саму власть крепостников формой иммунитета.

В то же время в концепции Покровского были слабые и спорные места: тенденция отрыва иммунитета от землевладения (при декларировании связи между ними), выведение иммунитета из первобытных и патриархально-рабовладельческих отношений, отождествление с иммунитетом любой формы местного самоуправления и т. п.

К 1918 г. относится выход двух книг еще одного видного историка, занимавшегося проблемой иммунитета,— А. Е. Преснякова. Иммунитет и жалованные грамоты интересовали его на этот раз в связи с вопросом об укреплении власти московских государей. Если в печатном тексте лекций Преснякова 1907/08—1915/16 гг. и в его монографии 1909 г. нет прямых высказы-

ваний о природе иммунитета [90], то в книге 1918 г. он прямо солидаризуется с мнением К. А. Неволина, что грамоты «только подтверждали тот порядок, который существовал сам собой и по общему правилу с древнейших времен», а обычай «возобновления» жалованных грамот использовался «для постепенного пересмотра грамот по их содержанию, с общей тенденцией к ограничению предоставленных грамотчикам льгот и привилегий» [91].

Однако, кроме повторения верных идей Неволина, Пресняков переосмыслил с новых позиций всю проблему выдачи жалованных грамот в целом. Во-первых, он подчеркнул классовую солидарность князей-жалователей с представителями господствующих сословий, получавших жалованные грамоты: эти акты давали «крупным землевладельцам опору по отношению к другим группам населения» [92]. Во-вторых, автор обратил особое внимание на установление с помощью жалованных грамот политической зависимости грамотчиков от князей: акты ставили «вотчинную власть в подчиненную зависимость от власти великого князя, делали ее из самодовлеющей — делегированной путем милостивого пожалования», «пожалование налагало обязанность верности и могло быть обусловлено определенными требованиями». Наконец, в-третьих, Пресняков отметил, что выдача грамот укрепляла княжескую власть как институт, превращая ее в источник «всякого признанного права» [93].

Решающее значение Пресняков придавал, видимо, второму моменту, ибо, по его мнению, «вся эта эволюция отношений» (выдача грамот и ограничение привилегий) была «направлена к разрушению коренного противоречия между вотчинной властью князя над всей территорией его княжения и вотчинными же пра-

[90] *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. I. Киевская Русь. М., 1938, с. 194—195; *он же.* Княжое право в древней Руси. Спб., 1909, с. 296. В неопубликованном тексте лекций есть утверждение (со ссылкой на Н. П. Павлова-Сильванского) о независимом от пожалований происхождении иммунитета (*Чирков С. В.* А. Пресняков как источниковед и археограф. Рукопись канд. дисс. М., 1975, с. 121—122).

[91] *Пресняков А. Е.* Московское царство. Пг., 1918, с. 41; *он же.* Образование великорусского государства. Пг., 1918, с. 453—457.

[92] *Пресняков А. Е.* Московское царство, с. 41. Очень четко по этому вопросу высказался Пресняков и в другой связи — объясняя, почему в земельных спорах между вотчинниками и волостью князья обычно поддерживали вотчинников: «...вотчинное землевладение имело слишком большое значение для самой княжеской власти, чтобы она могла стать на сторону волости в этом конфликте. Развитие вотчинного землевладения с присущей ему вотчинной властью стало существенным моментом в организации боевой силы и хозяйственных средств княжества рядом с путным-дворцовым и наместничьим управлением. Боярство и духовенство, две живых и влиятельных опоры великокняжеской власти, могли особенно рассчитывать на ее заботу [о] (в издании «о» отсутствует.— *С. К.*) своих интересах, об укреплении их социальной силы. А в то же время — дать им опору в своей власти значило для великого князя усилить свои связи с руководящим общественным слоем и свое влияние на него. Обе эти задачи великокняжеской власти определяют существо политики жалованных грамот» (там же, с. 38—39).

[93] Там же, с. 41.

вами крупных землевладельцев. Весь строй этих прав был настолько близок к княжескому властвованию над территорией и населением, что связь боярщины с княжеством, казалось, держится только на личной вольной службе ее владельца князю» [94].

Следовательно, Пресняков разделял взгляд Павлова-Сильванского на боярщину как тип «государства в государстве» [95]. Мысль Преснякова о создании с помощью жалованных грамот «обязанности верности», или, другими словами, вассальной зависимости, совпадает и с воззрениями М. Н. Покровского. Но Пресняков больше, чем Павлов-Сильванский [96] или Покровский, подчеркнул политическую сущность выдачи жалованных грамот. Характерно введенное им понятие — «политика жалованных грамот» [97]. Намечавшийся еще в работах В. А. Панкова и М. Н. Покровского поворот к новым позициям в оценке мотивов выдачи грамот Пресняков довел до логического конца. Одновременно с Покровским Пресняков ясно показал, что политическая сущность выдачи жалованных грамот заключалась в установлении вассалитета-сюзеренитета, определенной формы союза или договора между жалователем и грамотчиком и формы подчинения вассала сюзерену. Впрочем, о «феодализме» автор предпочитал не говорить и избегал пользоваться западно-феодальной терминологией Павлова-Сильванского.

Приближение Преснякова к марксистской постановке вопроса выразилось прежде всего в его попытке вскрыть классовую сущность «политики жалованных грамот». Пресняков четко показал, что князь-жалователь — представитель интересов господствующего класса и не может не действовать в пользу последнего. Как это далеко от взглядов того же Сергеевича, писавшего в свое время: «Различие черных и белых сох не стоит ни в какой связи с сословным различием лиц» [98]! Однако в трактовке природы иммунитета Пресняков не поднялся до анализа рентных отношений и остался на уровне концепции Неволина.

В работах и Покровского, и Преснякова практически нет анализа конкретного материала жалованных грамот, поэтому их труды имели значение лишь для теоретического углубления проблемы и постановки новых вопросов. Такой же неисточниковедческий характер носила и «Русская история» Н. А. Рожкова.

Взгляды Рожкова на иммунитет не претерпели существенных

[94] Там же.

[95] Ср. там же, с. 39.

[96] Павлов-Сильванский был настолько увлечен сравнением правовых норм русских и иностранных иммунитетов, что почти не обратил внимания на политический аспект выдачи жалованных грамот. Единственное, о чем он говорит, это об ограничении иммунитета в XV—XVI вв., подчеркивая, хотя опять-таки в чисто юридическом плане, бо́льшую ограничительность московских грамот по сравнению с прочими (*Павлов-Сильванский Н. П.* Соч., т. III, с. 287—289).

[97] *Пресняков А. Е.* Московское царство, с. 39.

[98] *Сергеевич В.* Древности русского права. Т. III. Спб., 1903, с. 313.

изменений по сравнению с дореволюционным периодом. Его концепция по-прежнему состояла из очевидного соединения отдельных положений теории Павлова-Сильванского, с одной стороны, и Сергеевича, с другой [99]. У Неволина и Павлова-Сильванского Рожков взял: 1) идею обусловленности иммунитета землевладением [100] и независимости его от пожалований [101]; 2) утверждение, что жалованные грамоты только подтверждали давно сложившиеся права [102]. У Сергеевича заимствовано: 1) отнесение иммунитета не к числу феодальных институтов, а к числу «зародышей феодализма» [103] (отсюда и повторение мысли Сергеевича, что феодализм на Руси не развился) [104]; 2) представление о выдаче грамот как более или менее механическом «нотариальном» акте [105].

[99] *Каштанов С. М.* К историографии... [II], с. 129.

[100] «...обладание землей — все равно на вотчинном или поместном праве — обусловливало собою и принадлежность помещику или вотчиннику прав суда над всеми жителями его имения и сбора податей с них» (*Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. II. Пг.— М., 1922, с. 33). Это же определение см. в более ранних работах автора: *Рожков Н.* Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. II, вып. I. Спб., 1905, с. 147; *он же.* Происхождение самодержавия в России. М., 1906, с. 20. Понятие «обладание землей» в книге 1922 г. не расшифровывалось, а в книге 1906 г. читаем: «...носитель верховной власти был таковым именно по той причине, что он обладал землей, верховные права являлись не чем иным, как одним из хозяйственных атрибутов земельного владения, вроде отдельных земельных угодий» (*Рожков Н.* Происхождение самодержавия..., с. 29; ср. там же, с. 39). Трактовка верховных прав в качестве «хозяйственных» атрибутов была отступлением от публичноправовой концепции Павлова-Сильванского к частноправовой концепции Б. Чичерина (о ней подробнее см.: *Каштанов С. М.* К историографии... [I], с. 282; ср. [II], с. 128).

[101] «Не следует думать, что дача жалованных грамот князьями свидетельствует о происхождении всех этих преимуществ из княжеского пожалования» (*Рожков Н.* Русская истори..., т. II, с. 34). То же самое в книгах: *Рожков Н.* Обзор русской истории..., ч. II, вып. I, с. 147; *он же.* Происхождение самодержавия..., с. 20).

[102] «...жалованные грамоты только формулировали давно сложившийся и господствовавший обычай и подтверждали, укрепляли права...» (*Рожков Н.* Русская история..., т. II, с. 34). То же самое в книгах: *Рожков Н.* Обзор русской истории..., ч. II, вып. I, с. 147; *он же.* Происхождение самодержавия..., с. 20—21. Неволинская мысль о позднейшем ограничении привилегий четко сформулирована и подтверждена материалом грамот в книге 1905 г. (*Рожков Н.* Обзор русской истории..., ч. II, вып. I, с. 147).

[103] «Судебные и податные привилегии можно назвать только иммунитетом, а иммунитет, как и бенефиций, является лишь одним из зародышей феодализма» (*Рожков Н.* Русская история..., т. II, с. 35). То же самое см. в книге: *Рожков Н.* Обзор русской истории..., ч. II, вып. I, с. 148.

[104] «Феодальных отношений в удельной Руси и в социальном отношении, как и в экономическом, не было, были налицо только их элементы, не вышедшие из первоначальной стадии развития» (*Рожков Н.* Русская история..., т. II, вып. I, с. 35). В книгах 1905—1906 гг. дано более короткое резюме: «Феодальных отношений в удельной Руси не было, были налицо только их элементы, не вышедшие из первоначальной стадии развития» (*Рожков Н.* Обзор русской истории..., ч. II, вып. I, с. 148; *он же.* Происхождение самодержавия..., с. 21).

[105] «...подобно тому, как теперь всякое вещное право нуждается в нотариальном акте укрепления» (*Рожков Н.* Русская история..., т. II, с. 34).

В третьем томе «Русской истории...» Рожков говорил, что в процессе «падения феодализма» всюду сохранялись «устои старого феодального общественного строя — феодальные привилегии и феодальная сословность» [106]. Возможно, это положение он распространял и на Россию [107], хотя не признавал наличия в ее истории периода развитого феодализма. Если подобное допущение верно, в утверждении Рожкова можно усматривать признак солидарности его с тезисом Покровского о превращении иммунитета в сословную привилегию, что не исключает вероятности непосредственной переработки Рожковым идеи Сергеевича — Дьяконова относительно вхождения иммунитета в состав крепостного права.

Таким образом, в книге 1922 г. наблюдается не ослабление, а скорее некоторое нарастание влияния построений Сергеевича на схему Рожкова. В связи с отрицанием Рожковым феодализма в России его концепция имела точки прямого соприкосновения и с теорией П. Н. Милюкова. Это проявилось в частности в трактовке иммунитета в книге 1922 г., где Рожков писал: «...иммунитеты не превратились в полный суверенитет, за исключением непродолжительного момента в XIII в. для отдельных великих княжеств...» [108]. Милюков высказывал в свое время аналогичную мысль: «В своей вотчине он (русский землевладелец.— *С. К.*) никогда не был тем полным государем, судьей и правителем, каким был западный барон в своей баронии» [109].

Рожков эволюционировал в сторону все большего признания самобытности России. Покровский и Пресняков оставались ближе к Павлову-Сильванскому, но и они несколько отошли от тех прямых отождествлений русских институтов с западными, которые есть у Павлова-Сильванского. Впрочем, всех этих авторов объеди-

То же самое в книге: *Рожков Н.* Обзор русской истории..., ч. II, вып. I,. с. 147. Немного иная редакция в книге 1906 г.: «...подобно тому, как теперь имущественные права нуждаются в нотариальном акте укрепления» (*Рожков Н.* Происхождение самодержавия..., с. 21; о князе в роли «простого нотариуса» см. там же, с. 27).

[106] *Рожков Н.* Русская история.., т. III. М.— Пг., 1922, с. 284.

[107] Рожков отрицал наличие развитого сословного строя в удельной Руси: «Сословный строй только слабо намечался» (*Рожков Н.* Происхождение самодержавия..., с. 22), но для второй половины XVI—XVII вв. признавал существование таких явлений, как «сословность, резкие юридические различия одних общественных групп от других» (*Рожков Н. А.* Город и деревня в русской истории. (Краткий экономический очерк истории России). Изд. 2-е. М., 1904, с. 53).

[108] *Рожков Н.* Русская история..., т. II, с. 286; ср. с. 417.

[109] *Милюков П.* Очерки по истории русской культуры. Ч. I. Изд. 2-е. Спб., 1896, с. 165; изд. 3-е. Спб., 1898, с. 168; изд. 4-е Спб., 1900, с. 178—179; изд. 5-е. Спб., 1904, с. 207—208; изд. 6-е. Спб., 1909, с. 221—222. Павлов-Сильванский тоже признавал, что ««окняженье» земли у нас, в противоположность Западу, предупредило ее «обояренье»», и поэтому иммунитет в России не перешел в суверенитет, но он объяснял это обстоятельство «чисто случайной причиной» — «быстрым размножением рода владетельных князей Рюриковичей» (*Павлов-Сильванский Н. П.* Соч., т. III, с. 308).

нял с Павловым-Сильванским, по крайней мере, один основополагающий момент — представление о независимости происхождения иммунитета от пожалований.

Весьма короткое замечание о русском иммунитете принадлежит П. Кушнеру (1924 г.): «Иммунитет на Руси получил также немалое распространение: к XIV веку им обладало большинство крупных земельных собственников» [110]. Неясно, какой теории происхождения русского иммунитета придерживался автор. Во всяком случае, возникновение иммунитета на Западе он связывал с борьбой между вассалами и королем, говорил, что «иммунитет был получен вассалами не сразу», установление иммунитета происходило путем заключения договоров между королем и вассалами, а сам иммунитет есть «отказ короля от вмешательства в действия вассалов, производимые на их земле, или над людьми, находящимися у них в зависимости» [111]. С Рожковым его сближает толкование феодального суда как доходной статьи [112]. В целом автора трудно считать вполне четким сторонником теории самобытного происхождения иммунитета.

Некоторые противоречия в понимании происхождения русского иммунитета наблюдаются у И. М. Кулишера (1925 г.). К теории автогенности иммунитета он присоединился в следующих словах: «... нет сомнения в том, что вотчинники сами издавна себе присваивали эти права...» [113]; «начало ... иммунитету было положено, по-видимому, уже в древнейшие времена» [114]. Подобно Преснякову и Покровскому, Кулишер видел начало иммунитета на Руси в праве церковного суда [115].

Автор не дает какого-либо своего объяснения исконности иммунитета, ссылаясь на страницы книг Неволина, Сергеевича, Павлова-Сильванского и Преснякова, хотя взгляды этих историков отнюдь не идентичны. В другом месте того же труда Кулишер как бы забывает тезис о независимости иммунитета от жалованных грамот и говорит, что благодаря содержащемуся в грамотах освобождению крестьян от суда наместников «право суда и расправы передавалось вотчиннику», «от жалованных льготных грамот (разрядка наша.— *С. К.*) ведет свое начало и податная ответственность землевладельцев ...» [116]

Кулишер, вероятно, склонен был считать вотчинников инициаторами выдачи грамот. По его выражению, вотчинники, присвоив-

[110] *Кушнер П.* (*Кнышев*). Очерк развития общественных форм. М., 1924, с. 207.

[111] Там же, с. 206.

[112] Там же, с. 231.

[113] *Кулишер И. М.* История русского народного хозяйства. Т. I. М., 1925, с. 97.

[114] Там же.

[115] Там же.

[116] *Кулишер И. М.* История русского народного хозяйства. Т. II. М., 1925, с. 104.

шие себе иммунитетные права, «*заставляли* (курсив наш.— *С. К.*) князей подтверждать их» [117]. Здесь звучит отголосок челобитной теории, осмысленной в духе Шумакова, рассматривавшего жалованные грамоты в качестве хартий вольностей, «вырванных и завоеванных... в пылу классовой социально-экономической борьбы» [118].

В трактовке существа иммунитета Кулишер тоже несколько отошел от Павлова-Сильванского и приблизился к Рожкову. Он оценивал не только податной, но и судебный иммунитет исключительно как доходную статью [119]. Павлов-Сильванский не отрицал эту роль иммунитета и даже говорил, что для мелкого феодала весь смысл иммунитета мог сводиться к получению дохода [120], однако в целом он считал иммунитет прежде всего формой политического властвования [121]. Такого аспекта ни у Рожкова, ни у Кулишера нет. Их взгляды на сущность иммунитета восходят к концепциям Чичерина и Ключевского [122].

В соответствии с идеями последнего, Кулишер уделил много внимания хозяйственному, эксплуатационному предназначению иммунитета. По мнению автора, ограждение крестьян иммунитетных владений от поборов и наездов княжеской администрации способствовало предупреждению разорения крестьянства. Кулишер подчеркивал, что взамен освобождений, даруемых князьями, «вотчинники могли, конечно, требовать усиленных повинностей и платежей в свою пользу — эксплоатация в пользу князя и его людей заменялась эксплоатацией труда в интересах вотчинников духовных и светских. Иммунитет доставлял им реальные выгоды, выражаемые в росте их доходов» [123].

Вопрос о значении жалованных грамот для усиления внутривотчинной эксплуатации был поставлен применительно к одному частному случаю еще Н. К. Никольским [124], а в общей форме — В. А. Панковым. Панков высказал мысль, что положение крестьян в пожалованных вотчинах в XVI в. было не более легким, чем в других землях (всю разницу он усматривал только в способности богатых тарханщиков давать крестьянам кратковременные льготы) [125]. Это мнение шло в русле утверждения Н. И. Ланге, согласно которому вотчинное тягло и вотчинный суд были не

[117] *Кулишер И. М.* История русского народного хозяйства, т. I, с. 97.
[118] *Шумаков С.* Указ. соч., вып. IV, с. 3.
[119] *Кулишер И. М.* Указ. соч., т. I, с. 99 («Для игумена или архимандрита вся суть заключалась именно в этом»).
[120] *Павлов-Сильванский Н. П.* Соч., т. III, с. 305.
[121] Там же, с. 304.
[122] Ср. *Каштанов С. М.* К историографии... [I], с. 282, 302.
[123] *Кулишер И. М.* Указ. соч., т. I, стр. 103.
[124] *Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). Т. I, вып. 2. Спб., 1910, с. 59—60.
[125] *Панков В.* Льготное землевладение в Московском государстве до конца XVI века и его политическое и экономическое значение. Спб., 1911, с. 176—186; ср. *Каштанов С. М.* К историографии... [II], с. 135.

лучше, «если не хуже», государственных [126]. Кулишер, напротив, полагал, что эксплуатация в частновладельческих вотчинах, принадлежавших как светским лицам, так и духовенству, «была все же меньше», чем «эксплуатация в пользу князя», поскольку задача «борьбы за рабочие руки» вынуждала частных землевладельцев к соблюдению «умеренности в эксплоатации крестьянского труда» [127].

Автор не дал обоснованного решения этого вопроса [128], но шел в интересном и малоизученном направлении.

Старому тезису буржуазной историографии, считавшей одним из мотивов выдачи жалованных грамот стремление заселить пустующие земли и превратить их «в цветущие луга и поля» (Соловьев, Горбунов, Дювернуа, Мейчик, Панков) [129], Кулишер придал новый аспект, выделив тут проблему «борьбы за рабочие руки» [130] и связанную с ней проблему ограничения крестьянских переходов и закрепощения крестьян. Одновременно автор конкретизировал идею Сергеевича — Дьяконова о вхождении иммунитета в состав крепостного права. Он попытался вскрыть механику складывания крепостной зависимости на почве иммунитета, выводя из него, а вернее из жалованных грамот, как судебную власть землевладельцев, так и их податную ответственность «за исправное отбывание тягла проживающими за ними крестьянами», и резюмировал: «Следовательно, и в податном отношении создавалась зависимость крестьян от вотчинника, ответственность перед последним, возможность для него воздействовать на крестьян принудительными мерами, для побуждения их к уплате податей» [131]. Так преодолевалось давнее представление о том, что иммунисты, в отличие от позднейших крепостников, пользовались властью в отношении людей «свободных». Это представление было сформулировано еще Неволиным и поддерживалось многими исследователями, условно разделявшими историю русского крестьянства на период «свободы» (до конца XVI в.) и период «несвободы» (с конца XVI в.) [132].

[126] *Ланге Н.* Древние русские смесные или вобчие суды. М., 1882, с. 21, 23.

[127] *Кулишер И. М.* Указ. соч., т. I, с. 103—104.

[128] Достаточно спорно его утверждение, что «вотчинники не разоряли своих крестьян в той мере, как это делали за пределами вотчин княжеские наместники, тиуны и волостели» (там же, с. 104).

[129] Подробнее см.: *Каштанов С. М.* К историографии... [I], с. 279, 290, 296, 307; [II], с. 134.

[130] Надо, впрочем, сказать, что аспект «борьбы за рабочие руки» был уже отчетливо намечен Сыромятниковым (*Сыромятников Б. И.* История русского государственного права. Лекции..., с. 72; ср. *Муравьев В. А.* Указ. соч., с. 29—30).

[131] *Кулишер И. М.* Указ. соч., т. II, с. 104.

[132] Такое противопоставление есть, например, у Милюкова, Панкова и др. (*Каштанов С. М.* К историографии... [I], с. 277; [II], с. 131), хотя еще И. Е. Андреевский само получение грамот обусловливал фактической зависимостью «землевладельцев от владельца земли» — возникавшим элементом крепости (*Андреевский И.* О наместниках, воеводах и губернаторах. Спб., 1864, с. 32; ср. *Каштанов С. М.* К историографии... [I], с. 293—294).

Таким образом, Кулишер сосредоточил основное внимание на социальных, классовых сторонах иммунитета, на его обращенности против эксплуатируемого большинства. И столь выразительно это было сделано в советской историографии впервые.

Автор попытался также в самых общих чертах проследить политику правительства в XVI—XVII вв. в отношении иммунитета духовенства. Он пришел к заключению, что, несмотря на ряд ограничений, иммунитетные привилегии монастырей, особенно судебные, устойчиво сохранялись [133].

В работе Кулишера дается не только трактовка проблем, но и содержится прямое обращение к источникам: жалованные грамоты нередко цитируются, хотя использование их носит ярко выраженный «иллюстративный характер», обычный для юридических исследований XIX — начала XX вв.

Итак, новизна концепции Кулишера заключалась главным образом в установлении тесной связи между проблемой иммунитета и проблемой борьбы за «рабочие руки» и за ограничение крестьянских переходов. Основное противоречие его схемы — признание исконности иммунитета и вместе с тем рассмотрение его в качестве источника вотчинной власти — своеобразное сочетание взглядов Павлова-Сильванского и Сергеевича. При всей противоречивости и непоследовательности концепции Кулишера в ней наблюдается несомненное влияние марксизма-ленинизма, которое проявилось в показе классовой сущности иммунитета, несвободы крестьян в рамках иммунитетных отношений.

Если в сочинениях Покровского, Преснякова, Рожкова, Кушнера, Кулишера прослеживается известное «количественное» накопление наблюдений и мыслей, шедших вразрез с представлениями Павлова-Сильванского о происхождении иммунитета, то «качественный» взрыв или разрыв с этой концепцией был произведен в работах С. В. Юшкова и С. Б. Веселовского. Эта вторая волна открытого преодоления взглядов Павлова-Сильванского наступила через 20 с лишним лет после первой, на гребне которой находились В. И. Сергеевич и П. Н. Милюков. Первая волна докатилась до 1918 г. (книга Панкова 1911 г., лекции Любавского 1915—1918 гг.) и замерла под натиском работ Покровского, Преснякова и др.

Следование советских историков концепции Павлова-Сильванского в течение первых семи лет развития нового общественного и государственного строя в России не было безоговорочным, и тем не менее возрожденная Павловым-Сильванским мысль о независимости происхождения феодального иммунитета от княжеских пожалований получила в это время широкую поддержку. Теория Павлова-Сильванского привлекала попыткой найти объективные истоки иммунитета и феодализма в целом, поставить историю России в рамки общеевропейских закономерностей.

[133] *Кулишер И. М.* Указ. соч., т. II, с. 64—66.

Вместе с тем все более выяснялись и слабые стороны его теории. Важную роль в отказе от концепции Павлова-Сильванского могло сыграть то обстоятельство, что теория политического феодализма рушилась под влиянием идей марксизма-ленинизма, доказавшего невозможность политической «свободы» крестьянства в условиях «внеэкономического принуждения».

В 1925 г. с весьма оригинальной работой выступил С. В. Юшков. В этой работе коренным образом пересматривалась теория самобытного происхождения иммунитета. Заслуживают внимания источниковедческие предпосылки автора. По его мнению, у нас нет данных ни в пользу того, что иммунитет был созданием государственной власти, ни в пользу того, что «право на иммунитет является исконным обычным правом крупных землевладельцев и дружинников» [134]. Юшков счел несостоятельной попытку Павлова-Сильванского объяснять вслед за Маурером происхождение иммунитета выходом крупного землевладельца из общины и освобождением от общинных уз: «...в древнейшей Руси не было следов общины и, тем более, общины того типа, который был бы сходен в основных чертах с германской маркой...» [135]. В этом отрицании территориальной (или сельской) общины в Древней Руси Юшков не был одинок. Такую же мысль (фактически тоже направленную против теории Павлова-Сильванского) мы находим, например, у М. Н. Покровского [136]. Последний, как известно, усматривал истоки иммунитета не в землевладении, а во «власти старых родителей» и холоповладельцев, что означало неприятие концепции Маурера — Павлова-Сильванского.

Отвергал Юшков и возможность следовать мнению двух других немецких авторитетов, на которых отчасти опирался Павлов-Сильванский — Эйхгорна и Цепфеля, считавших иммунитет исконной принадлежностью всякого крупного землевладения [137] (хотя и выводивших иммунитетные права из разных источников) [138].

[134] *Юшков С. В.* Феодальные отношения в Киевской Руси.— «Ученые записки Саратовского государственного имени Н. Г. Чернышевского университета», 1925, т. III, вып. IV, с. 85.

[135] Там же.

[136] Согласно Покровскому, до XVI в. на Руси не было главного признака сельской общины — переделов, существовало «печищное» или «дворищное» первобытное землевладение — «отнюдь не ассоциация свободных и равных землевладельцев, какою рисуется некоторым исследователям, например, община древних германцев». «Для того, чтобы возникла и у нас община с ее переделами, мало было тех финансовых и вообще политических условий, о которых нам еще придется говорить ниже: нужна была еще земельная теснота, а о ней и помину не было в домосковской и даже ранней московской Руси» (*Покровский М. Н.* Русская история..., т. I, с. 73; *он же.* Избранные произведения..., кн. I, с. 111).

[137] *Юшков С. В.* Указ. соч., с. 85.

[138] Цепфель — из неприкосновенности частного жилища, Эйхгорн — из отношения дружинников к королю (подробнее см.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Соч., т. III, с. 293—294; *Тихомиров Б.* К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси.— «Историк-марксист», 1936, кн. 3 (55), с. 5).

Юшкову казались бесплодными попытки найти корни иммунитета в эволюции какого-то одного, отдельно взятого института. Он видел в иммунитете «порождение экономического и социально-политического строя эпохи, *предшествующей феодализму*», но тут же заявлял, что на происхождение и развитие иммунитета влиял «целый ряд *феодальных* институтов: и патронат, и вассалитет, и бенефиций, и основные черты хозяйственно-административного строя боярщины-сеньории и т. д...» [139] Иммунитет, по определению Юшкова, являлся «одним из основных устоев *феодальной* (курсив наш.— *С. К.*) системы и одним из характернейших и необходимейших ее признаков» [140].

Признавая иммунитет типично феодальным институтом, Юшков не порывал с Павловым-Сильванским в главном. Понимание синкретической природы иммунитета было плодотворным и открывало пути для дальнейшего, более глубокого изучения его происхождения. Вместе с тем, оставалось неясным, что́ представляла собой механика возникновения иммунитета в дофеодальную эпоху и под влиянием феодальных институтов типа патроната, вассалитета и т. п. Особенно туманен тезис об иммунитете как порождении дофеодальных отношений. Или это пережиток концепции Сергеевича, или тут имеется в виду факт вырастания самого феодализма, а вместе с ним и иммунитета из предшествующих им социальных отношений?

Юшков оказался первым советским автором, давшим развернутую критику теории самобытного, независимого от княжеского пожалования происхождения иммунитета в Древней Руси. Согласно Юшкову, здесь «процесс сеньоризации... почти полностью протекал на почве развития княжого землевладения и обусловливался фактом передачи княжеских земель церковным учреждениям и боярству. Почти все сеньориальные права были унаследованы новыми владельцами от князя, одним словом, княжое землевладение было организующим центром феодализации, основным очагом феодальных отношений... Отсюда естественнее всего предполагать, что иммунитет был принадлежностью не всякой вотчины, не всякого крупного владения, а только того, которое было передано князем и на которое уже распространялись и осуществлялись те права, которые обеспечивались иммунитетом» [141].

Ранний русский иммунитет Юшков практически сближал с кормлением, осмысливая его в духе Ключевского — как форму удовлетворения экономических потребностей княжеских бояр и слуг: «...передача этих прав и обеспечение их иммунитетом первоначально обусловливалась [142] не столько административным, сколько экономическими моментами, так как эти права — право на суд и дань — были одним из главных источников доходов с

[139] *Юшков С. В.* Указ. соч., с. 86.
[140] Там же.
[141] Там же, с. 87.
[142] Так в тексте.

пожалованных земель, а в некоторых случаях и единственным, именно, при пожаловании административных единиц, волостей и городов. Можно, пожалуй, предполагать, что пожалование дани и суда вместе с пожалованием земли было более обычным в IX—X вв., нежели в XII—XIII, когда были найдены и усвоены интенсивные способы эксплоатации земли и когда было обращено больше внимания на землевладение, дававшее новые источники дохода для владельца» [143].

Из такого понимания иммунитета, рассматриваемого в качестве порожденного спецификой земельной собственности права на суд и дань, вытекало предположение о весьма раннем возникновении светского иммунитета на Руси. Юшков думал, что, несмотря на отсутствие каких-либо данных относительно существования светского иммунитета в XI—XIII вв., есть основания считать вероятным наличие его в этот период: «...поскольку процесс феодализации имел свой основной очаг в княжеской дружине, можно предполагать, что светский иммунитет хронологически предшествовал церковному. И только в XIII в. этот институт стал развиваться на почве церковного землевладения... Развитие же боярского землевладения не поспевало за развитием церковного, почему не был отражен светский иммунитет в памятниках того времени» [144].

Ставя светский иммунитет хронологически раньше церковного, Юшков вступал в противоречие со взглядами Покровского, Преснякова и др., но представление о такой последовательности появления иммунитетов в принципе соответствовало теории Павлова-Сильванского.

«Исходными пунктами» развития церковного иммунитета на Руси Юшков считал постановления Устава Владимира, т. е. опять-таки «пожалование» [145]. Под церковным иммунитетом автор подразумевал всякие вообще судебно-административные или финансовые права церкви, хотя он понимал, что подобные привилегии вне связи с землевладением еще не создавали полного или полноценного иммунитета. Так, по Уставу Владимира, «иммунитет, предоставленный церкви, является частичным: 1) он касался только судебной области и не говорил об освобождении от финансовой администрации князя, 2) он не носил территориально-поземельного характера» [146].

Тенденцию недифференцированной характеристики полномочий церкви мы наблюдаем уже в работах Покровского, Кулишера и др.

[143] *Юшков С. В.* Указ. соч., с. 87.
[144] Там же, с. 88—89.
[145] Там же, с. 89. В дальнейшем «...право на суд осуществлялось церковью без особого пожалования со стороны князя и основывалось на общих постановлениях о церковном суде, выраженных в княжеских уставах» (там же, с. 91).
[146] Там же, с. 89.

Нам кажется, что судебные права церкви в отношении лиц, не связанных с ней узами феодально-поземельной зависимости (например, бояр, купцов, крестьян, не живущих в пределах церковных вотчин), нельзя определять в качестве иммунитета [147]. Юшков сознавал условность или спорность подведения этих привилегий под понятие «иммунитет», поэтому он назвал указанные привилегии «частичным» иммунитетом.

При рассмотрении «развития церковного иммунитета» Юшков уделил главное внимание усилению его социальной направленности и возникновению земельной базы: «...перечень лиц, подлежащих епископскому церковному суду, все более растет, начинает захватывать уже и те элементы, связь которых с церковью основывается на хозяйственно-экономических отношениях» [148]; «...первоначальные постановления о церковной юрисдикции стали носить и территориально-поземельный характер» [149]; расширение канонических прав церкви «имело целью обобщить иммунитетные формы [150] для церкви и придать им территориально-поземельный характер» [151].

Юшков считал, что «иммунитет уже достаточно развивался (так! — *С. К.*) в XII в. и был уже обычным институтом на исходе рассматриваемой эпохи» [152].

Общую тенденцию эволюции иммунитета Юшков изображал как путь от полных изъятий к менее полным, но эту меньшую полноту позднейшего иммунитета он объяснял «не столько стремлением князей ограничить иммунитет, сколько расширением [153] публичных прав и установлением [154] новых публично правовых обязанностей, благодаря новым экономическим условиям и социально-политической перестройке» [155] — напротив, «... крайняя несложность, малочисленность прав, которые могли обеспечиваться иммунитетом XI—XII вв., побуждает думать, что они обеспечивались им всецело, без тех ограничений, которые мы наблюдаем обычно в XIV—XVI в.» [156]

Конечно, установление новых налогов и повинностей было само по себе формой ограничения иммунитета, ибо для освобождения от них требовалась жалованная грамота. Но в то же время

[147] Подробнее см.: *Каштанов С. М., Клокман Ю. Р.* Советская литература 1965—1966 гг. по истории России до XIX века.— «История СССР», 1967, № 5, с. 167; ср. *Каштанов С. М.* Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте.– В сб.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. с. 198.

[148] *Юшков С. В.* Указ. соч., с. 89.

[149] Там же, с. 90.

[150] *Так в тексте; вероятно, надо* «нормы».

[151] *Юшков С. В.* Указ. соч., с. 90.

[152] Там же, с. 91.

[153] *В тексте* «расширению».

[154] *В тексте* «установления».

[155] *В тексте* «перестройки».

[156] *Юшков С. В.* Указ. соч., с. 91.

через жалованные грамоты XIV—XV вв. проводилась отмена именно старинных и «простейших» привилегий — свободы от дани[157] и полного судебного иммунитета[158]. Поэтому трактовка Юшкова не исчерпала всей глубины вопроса и не перечеркнула тезис об ограничительной политике князей.

Юшков коснулся и проблемы сходства русского иммунитета с западным. Он в целом подтвердил мнение Павлова-Сильванского, заявив, что «исходные пункты» русского иммунитета аналогичны с западными, «более или менее и объем прав по иммунитету как у нас, так и [на][159] Западе, был одинаков»[160].

Главную специфику русского иммунитета Юшков усмотрел в наличии грамот с «положительной» формулировкой иммунитетных норм. Если Покровский подразумевал под «положительным» признаком иммунитета существование вотчинной власти независимо от грамот, то Юшков называл «положительным иммунитетом» или «иммунитетом в широком смысле» такое пожалование, при котором иммунитетные права передавались в форме их утверждения за землевладельцем, а не в форме отрицания прав местных агентов князя. Пожалования последнего типа Юшков определял в качестве «отрицательного иммунитета» или «иммунитета в тесном смысле слова». При этом в обоих случаях имелись в виду словесные формулировки грамот. Поскольку «положительный иммунитет» встречается в древнейших грамотах, Юшков говорит, что «иммунитет положительный как бы предшествовал иммунитету отрицательному», отрицательный иммунитет возник из положительного[161]. Автор очень подчеркивал этот момент, но он ему мало что давал при его концепции государственного происхождения иммунитета в целом.

Сравнение с западными источниками навело Юшкова на мысль об особой архаичности «положительного иммунитета»: «Даже ранние меровингские дипломы всегда формулировались отрицательно... Возникает вопрос, не носит ли эта форма иммунитета (положительная.— *С. К.*) глубоко архаические черты, уже изжитые в раннем западноевропейском средневековье и сохранившиеся только у нас?»[162].

Юшков игнорировал специфику феодальной собственности на землю и особенности ее функционирования на Руси в разные периоды развития феодализма. Это позволило ему возродить в правах гражданства «жалованную» теорию происхождения иммунитета. Но это возрождение старой теории проходило на иной

[157] *Kashtanov S. M.* The Centralised State and Feudal Immunities in Russia.— «The Slavonic and East European Review», vol. XLIX, N 115, April 1971, p. 235—254.

[158] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. II. М., 1951, с. 116—225.

[159] *В тексте* «на» *пропущено.*

[160] *Юшков С. В.* Указ. соч., с. 91.

[161] Там же, с. 87—88.

[162] Там же, с. 91.

основе, чем в трудах Сергеевича, Милюкова или Любавского. Автор признавал наличие феодализма на Руси, иммунитет он считал одним из важнейших устоев феодализма и был согласен с тезисом об однородности русского и западного иммунитетов. Другими словами, теперь опровержение Павлова-Сильванского сочеталось с глубоким усвоением кардинальных положений его концепции.

Через год после появления работы Юшкова, в 1926 г., вышла книга С. Б. Веселовского, где тоже проводилась мысль, что источник иммунитета — княжеское пожалование. Веселовский изложил здесь свои взгляды на происхождение и развитие иммунитета светских лиц, оставив вне сферы изучения монастырский иммунитет, но коснувшись некоторых вопросов истории иммунитета церковных учреждений. Под иммунитетом Веселовский подразумевал предоставление тому или иному лицу податных и судебных привилегий. Вслед за Сергеевичем он говорил о пожаловании иммунитета тяглым людям — рыболовам, сокольникам, кирпичникам[163], бортникам[164], ставя знак равенства между иммунитетом феодалов-землевладельцев и корпоративными привилегиями некоторых групп тяглецов[165], не имевших права феодальной собственности на землю и не владевших крестьянами.

Согласно мнению Веселовского, «судебные и другие иммунитетные права землевладельцев в XIV—XVI веках могли ...основываться только на княжеских пожалованиях»[166], поэтому они «имели личный характер и вовсе не были связаны с землевладеньем частных лиц по обычному праву»[167]. Выясняя происхождение иммунитета светских вотчинников, Веселовский видел корни его в рабстве, когда господин являлся единственным судьей раба: «Самые глубокие корни иммунитета имели не земельный, а личный характер, вытекали из личных отношений сильных к слабым»[168].

По Веселовскому получалось, что в основе иммунитета лежали две линии личных отношений: во-первых, личная зависимость раба или полусвободного человека от своего господина, зависимость должника от кредитора (долговое рабство), во-вторых, личные отношения между вассалом и сюзереном.

По мнению Веселовского, первая линия отношений превращалась в иммунитет путем ограничения полной неподсудности рабов государственным судьям. Происходило это не на базе установления феодальной формы земельной собственности, а в результате якобы «развившегося сознания, что известные преступления

[163] *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926, с. 78—83.
[164] Там же, с. 86—87.
[165] Там же, с. 73.
[166] Там же, с. 31.
[167] Там же, с. 27; ср. с. 26, 71.
[168] Там же, с. 23; ср. с. 8, 20.

являются общественным злом, а не только убытком для потерпевших»[169]. Веселовский не отрицал совершенно роли земельной собственности, но в его схеме она играла второстепенную роль в оформлении феодального иммунитета: «Чтобы связать эти предпосылки (личную зависимость «сильного» от «слабого».— *С. К.*) с землей, дополнить их другими необходимыми элементами и придать всему определенность института землевладельческого иммунитета, нужно было пожалование князя»[170].

Прослеживая дальнейшую судьбу иммунитета, Веселовский указывал, что прекращение выдачи жалованных грамот светским землевладельцам не означало ликвидации их феодального иммунитета. Свой вывод автор обосновывал данными о всеобщем распространении иммунитетных привилегий в среде феодалов в XVI в. и закончившимся, наконец, разграничением финансовых полномочий государства и феодалов в отношении вотчин и поместий[171]. По мнению Веселовского, установление четкого круга платежей и повинностей, которые должны были нести крестьяне светских землевладельцев в пользу государства, т. е. принуждение крестьян иммунитетных владений к уплате главных поземельных налогов, способствовало ухудшению положения крестьян. Автор объяснял это увеличением ответственности феодалов за уплату крестьянами податей в казну[172], не отмечая, однако, что рост финансового гнета государства, отмена некоторых податных привилегий феодалов вызывали, в свою очередь, усиление эксплуатации непосредственных производителей самими землевладельцами с целью получения ренты.

Внутренне противоречивы суждения Веселовского о целях выдачи жалованных грамот. С одной стороны, он предполагал значительную активность государства в этом деле, считая жалованные грамоты универсальным средством государственного управления[173], экономической политики в первую очередь (задача разграничения «интересов княжеского хозяйства и частных землевладельцев»[174]). С другой стороны, эту политику он понимал в значительной мере модернизаторски — как систему хозяйственного регулирования, особенно переоценивал значение традиции и шаблона в выдаче жалованных грамот монастырям, которые приобретали их якобы «автоматически»[175], не учитывал ограничительной роли жалованных грамот, отводя ее только грамотам указным[176].

[169] *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926, с. 10.
[170] Там же, с. 23; ср. с. 13, 26.
[171] Там же, с. 98—113.
[172] Там же, с. 104—105.
[173] Там же, с. 82—83; ср. с. 24.
[174] Там же, с. 37; ср. с. 35. С. Б. Веселовский в соответствии со своей концепцией писал о превращении «сборов из княжеских в вотчинные» (с. 42).
[175] Там же, с. 59.
[176] Там же, с. 35.

Веселовский применял старый метод отвлеченно-юридического анализа жалованных грамот. Однако, будучи прекрасным знатоком источников, как изданных, так и неопубликованных, он внес в этот метод довольно значительный элемент историзма. Иллюстрируя ту или иную юридическую норму памятниками XV—XVII вв., автор стремился показать разное значение ее в разных исторических условиях, отмечал архаизм формуляра жалованных грамот и указывал на необходимость сопоставления их с другими документами, более живо отражающими реальное положение вещей [177].

Сам автор считал свою работу основанной теоретически на концепции Сергеевича, противопоставленной взглядам Неволина и Павлова-Сильванского. Однако идейные истоки построений Веселовского сложнее.

Веселовский не указал или не заметил, что, пытаясь найти «самые глубокие корни иммунитета» в рабстве и вообще в отношении «сильных к слабым», он прямо повторяет Покровского, а по существу и Сыромятникова. Именно Покровский выводил «положительный» признак иммунитета из власти «старых родителей» и холоповладельцев. Развитие теории Покровского позволяло настаивать на личностном характере иммунитета и отрицать феодальное землевладение в качестве его основы. От Покровского, Преснякова и Сыромятникова шло и понимание вассально-сюзеренных отношений как одного из факторов складывания иммунитета. Не случайно Веселовский, подобно Покровскому, игнорировал проблему монастырского иммунитета, происхождение которого не вязалось с концепцией рабовладельческой природы иммунитета и — при отрицании определяющей роли земельной собственности — могло быть объяснено только пожалованиями.

Межеумочное положение земельной собственности в схеме Веселовского напоминает аналогичный момент в концепции Юшкова. Оба автора не считали земельную собственность источником иммунитета и в то же время сознавали, что без нее иммунитет не приобретает законченного вида. Так, Юшков называл иммунитет, не построенный на территориальной основе, «частичным», а Веселовский воспринимал выдачу жалованной грамоты как следствие необходимости связать «предпосылки» иммунитета (личностные отношения) с «землей» и дополнить «другими элементами», чтобы «придать всему определенность института *землевладельческого* (курсив наш.— *С. К.*) иммунитета». Здесь сказалось влияние идущего от Гизо, Фюстель-де-Куланжа, Павлова-Сильванского и Покровского представления о «соединении» власти и земельной собственности при феодализме, но не происхождении власти из особенностей реализации феодальной формы земельной собственности, как это показали Маркс и Ленин.

[177] Там же, с. 104—105. Критический анализ книги С. Б. Веселовского см. также: *Черепнин Л. В.* Указ. соч., ч. II, с. 105—106.

Сама идея возникновения иммунитета в результате пожалования не была вызвана только прямым обращением к трудам Сергеевича. Ранняя советская историография достаточно подготовила пересмотр схемы Павлова-Сильванского. Никто из советских авторов, чьи взгляды охарактеризованы выше, не поддержал теорию складывания иммунитета на почве освобождения барского двора от общинных уз. Более того, Юшков прямо ее отверг, а Покровский, формально не отвергая, предложил совсем иную трактовку. Тот же Покровский считал «отрицательный» признак иммунитета, т. е. пожалование, более важным, чем «положительный». Его теория «табу» открывала прямой путь к возрождению идеи пожалований. Кулишер, забыв на время принятую концепцию, писал, что право суда «передавалось» в грамотах вотчиннику из рук наместников и волостелей. Соответствует этому мнение Веселовского о превращении «сборов из княжеских в вотчинные».

Доказательство Веселовским всеобщего распространения иммунитетных норм после прекращения выдачи жалованных грамот светским феодалам в XVI в. было дальнейшей конкретизацией тезиса Сергеевича о вхождении иммунитета в состав крепостного права, который разделяли Дьяконов и Беляев и переосмыслил Покровский.

Как и Кулишер, Веселовский связывал проблему распространения иммунитета с проблемой эксплуатации крестьянства. Отмечая ухудшение положения крестьян в результате отмены важнейших привилегий, Веселовский практически присоединялся к мнению Кулишера, что в пожалованных вотчинах крестьянам жилось легче, чем в непожалованных (Панков считал эту разницу несущественной, а Ланге вообще отрицал преимущества вотчинного суда и тягла).

Когда Веселовский говорил об «автоматической» выдаче жалованных грамот монастырям, то в этом проявилось его следование идеям Сергеевича, Рожкова (князь — «простой нотариус»), отчасти Покровского (учреждение «монополий»). Когда же автор усматривал в жалованных грамотах светским лицам средство государственного управления, то тут давала себя знать близость концепции Веселовского к взглядам П. И. Беляева («регулирование финансовых отношений населения»). Непризнание Веселовским ограничительной функции жалованных грамот созвучно аналогичному тезису Юшкова, хотя Веселовский в этом вопросе шел на уступку традиционным представлениям, отводя роль ограничителей иммунитета указным грамотам.

А. Е. Пресняков упрекал Веселовского в том, что он не упомянул своего главного и прямого предшественника — П. И. Беляева [178]. Действительно, для концепции Беляева характерен не только взгляд на жалованные грамоты как на акты государствен-

[178] *Пресняков А. Е.* Вотчинный режим и крестьянская крепость.— ЛЗАК, вып. 34. Л., 1927, с. 175—176.

ного управления, но и тезис о неразрывной связи между средневековым иммунитетом и позднейшим крепостным правом. Пресняков считал обоснование этого тезиса наиболее ценным результатом работы Веселовского [179]. Однако, во-первых, рассматриваемый тезис был уже у Сергеевича, на которого Веселовский опирался в первую очередь, затем его приняли Дьяконов, Покровский, Ольминский. Да и Павлов-Сильванский говорил о «сеньориальном режиме» XVI—XIX вв. Во-вторых, вполне сблизить концепции Беляева и Веселовского невозможно: они по-разному решали вопрос о происхождении феодального иммунитета. И, наконец, в-третьих, идейные источники концепции Веселовского были гораздо сложнее и гораздо современнее, чем это казалось самому Веселовскому, выступавшему под знаменами Сергеевича — Дьяконова, и его оппоненту Преснякову, ставившему автора в прямую зависимость от Беляева.

Веселовский испытал на себе влияние прежде всего современной ему советской историографии, в которой центральной фигурой был М. Н. Покровский. Разрушая концепцию самобытного происхождения иммунитета, Веселовский, как и Юшков, не выступал против теории существования феодализма в России, хотя, в отличие от Юшкова, не делал акцента на феодальной природе изучаемых явлений. Возрождение взглядов Сергеевича в труде Веселовского имело целый ряд ограничений, и новые веяния сыграли в формировании его концепции весьма важную роль.

Критикуя Веселовского за формально-юридический подход к исследованию «вотчинного режима» [180], Пресняков не внес, однако, ничего методологически нового в постановку этого вопроса. Вслед за Павловым-Сильванским он не видел в «феодализме» общественно-экономической формации. Поэтому он противопоставлял «феодализм» (до XVI в.) «крепостному режиму» (после XVI в.), а боярство — дворянству, как различные «классы» [181]. Подобно Веселовскому, Пресняков абстрагировался от внутренней структуры феодальной собственности на землю, из-за чего он и не смог выяснить подлинную природу иммунитета, идя в своей критике Веселовского на постоянные уступки его концепции.

Эта компромиссность позиции Преснякова видна даже в основном вопросе, разделявшем двух авторов,— в вопросе о происхождении иммунитета. С одной стороны, Пресняков отрицал княжеское пожалование в качестве источника иммунитета, с другой стороны, он весьма непоследовательно связывал иммунитет с землевладением. Для него было «бесспорно» положение Веселовского, что «корни иммунитета имели не земельный, а личный характер» [182]. По его мнению, «нельзя выводить из землевладения не

[179] Там же, с. 180.
[180] Там же, с. 186.
[181] Там же, с. 175—176, 188.
[182] Там же, с. 179.

только «предпосылок иммунитета» в отношениях подсудности, но также повинностей хозяйственного характера, а вернее представлять себе дело так, что власть над трудовой силой была предпосылкой для организации как вотчинного, так и дворцового землевладения, с постепенным разграничением их прав и интересов» [183].

Строго говоря, источник иммунитета Пресняков видел не в землевладении, а в рабовладении, холоповладении, но он правильно считал древнерусских холоповладельцев одновременно землевладельцами — и в этом единственное отличие его концепции происхождения иммунитета от соответствующих взглядов Веселовского. Натуральное, замкнутое рабовладельческо-землевладельческое хозяйство — это именно та структура, которая определяла, согласно Преснякову, возникновение иммунитета. И в этом построении Пресняков вполне следовал за Сыромятниковым и Покровским. Иммунитет на захваченных феодалами новых землях автор связывал с поселением на них опять-таки «несвободной челяди и полусвободных людей: закупов, изгоев, серебренников, половников и т. п.». «Можно только с полным сочувствием повторить утверждение С. Б. Веселовского, что «выводить право суда над свободными людьми из землевладения, из землевладельческих прав... нет никаких оснований»»,— писал Пресняков [184].

Но такая постановка вопроса по существу оставляла место для княжеского пожалования как источника иммунитетных прав землевладельца в отношении «свободных людей», оказавшихся в орбите феодального землевладения: «...Разграничение, путем освобождения населения иммунитетных владений от ряда сборов и повинностей и от вмешательства в административное и хозяйственное властвование над ним, вело к превращению повинностей из княжеских в вотчинные и к закреплению вотчинной юрисдикции за счет княжеской» [185]. Вместе с тем сходные рассуждения Веселовского о разграничении тягла Пресняков расценивал как проявление старой теории выделения частных хозяйств из княжеского. У Преснякова, таким образом, акцент сделан на существовании частных хозяйств параллельно с княжеским и зарождении рабовладельческого земельного иммунитета независимо от княжеских пожалований, которые, однако, приобретали решающее значение по мере распространения иммунитета на прежде свободных людей.

Само «властвование» (значит, и публичную княжескую власть) Пресняков считал предпосылкой иммунитета в большей степени, чем землевладение. Это проистекало из невнимания автора к внутренней структуре феодального землевладения, неизбежно порождавшей иммунитет. Пресняков вслед за Павловым-Сильван-

[183] *Пресняков А. Е.* Вотчинный режим и крестьянская крепость.— ЛЗАК, вып. 34. Л., 1927, с. 185—186.
[184] Там же, с. 180.
[185] Там же, с. 186.

ским и Покровским представлял механизм феодальной экономики в виде простого «соединения крупного землевладения с мелким хозяйством». Это соединение, по словам автора, «вполне соответствовало основам феодального хозяйства, сводившегося, по существу, к сбору доходов с населения, подвластного вотчинной власти» [186].

Игнорируя, как и Веселовский, проблему монастырского иммунитета, Пресняков не дал универсального объяснения независимости иммунитета от пожалований. Практически он хотел лишь показать, что соединение с землей власти светских вотчинников над несвободными людьми существовало до пожалования и не возникало благодаря пожалованию. Пресняков углубил аргументацию Веселовского, доказывавшего наличие корней иммунитета в рабовладельческой власти. Саму организацию феодального землевладения Пресняков выводил из владения несвободными людьми, дополненного пожалованием привилегий в отношении свободных. Это весьма условное разделение зависимых людей на «несвободных» и «свободных» было пережитком старого юридического мышления и не соответствовало специфике социальных отношений при феодализме [187].

Подводя итоги развития ранней советской историографии иммунитета (1917—1927 гг.), следует подчеркнуть в ней тенденцию неуклонного отхода от концепции Павлова-Сильванского, видевшего зарождение иммунитета в освобождении боярской усадьбы от уз сельской общины, и переход на точку зрения Покровского, отождествлявшего корни иммунитета с властью «старых родителей» и холоповладельцев. Эта тенденция достигла апогея в работах Веселовского и Преснякова. Одновременно пересматривалась вся дореволюционная теория иммунитета как власти над свободным крестьянством (до конца XVI в.) и утверждалось представление, что в истоках своих иммунитет есть власть над несвободным населением.

Это был путь к иной концепции феодализма, чем та, которая сложилась в трудах Павлова-Сильванского. Вместо схемы политического феодализма возникали очертания теории, ставящей во главу угла экономические, частнособственнические отношения.

Преодоление взглядов Павлова-Сильванского имело свои издержки: к концу изучаемого периода возродилась концепция пожалованного иммунитета. Это объясняется тем, что рабовладельческая теория происхождения иммунитета не давала вполне удовлетворительного истолкования того разделения публично-правовых функций между государством и частными феодалами, которое засвидетельствовано в источниках.

[186] Там же, с. 187.

[187] Характеристику отношения Преснякова к проблеме фодального иммунитета см. также: *Черепнин Л. В.* Указ. соч., ч. II, с. 106; *он же.* Об исторических взглядах А. Е. Преснякова.— «Исторические записки», М., 1950, [вып.] 33, с. 228, 230.

Но если в отношении проблемы происхождения иммунитета возникали разногласия, то вопрос о дальнейшей его судьбе — конечном переходе в крепостное право — решался довольно единодушно.

Таким образом, советская историография феодального иммунитета в России уже в первом десятилетии своего развития сделала заметные шаги в сторону марксизма, хотя она еще не овладела марксистско-ленинской теорией земельной ренты. Влияние идей ленинизма нашло свое выражение в постепенном отходе от концепции «политического феодализма», от представления об иммунитете как чисто государственной власти сеньора над лично свободными людьми, в распространении мнения о несвободе подвластных иммунисту людей, в понимании классовой природы иммунитета и классовой сущности иммунитетной политики, в углублении тезиса о переходе иммунитета в крепостное право. Вместе с тем в это время в историографии еще вполне ощущался груз старых, буржуазных концепций иммунитета. Неумение связать иммунитет с землевладением при помощи марксовой теории феодальной земельной ренты определило преувеличение роли рабовладельческих и патриархальных отношений в появлении иммунитета, возрождение отвергнутого было взгляда на пожалование как источник иммунитета.

II

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ю. Н. Афанасьев

Современная французская буржуазная историография Октябрьской революции — это сложное и многозначное явление. За последние годы в ней произошли значительные изменения, которые отразились как на проблематике, так и на характере освещения отдельных аспектов социалистической революции в России.

Главной причиной этих изменений является то, что буржуазная историография пытается более активно влиять на развитие общего комплекса идей современного капиталистического мира, воздействовать на формирование общественного сознания.

Обострение социальных конфликтов и серьезные успехи союза левых сил вызывают растерянность и растущее беспокойство среди монополистической буржуазии и ее идейных прислужников. Для них становится все более очевидным, что большинство французов убеждены в необходимости радикальных преобразований общества, высказываются за коренные политические и социальные изменения. Особую тревогу, у буржуазии вызывает то обстоятельство, что широкие слои трудящихся связывают вопрос о радикальных преобразованиях общества с перспективами борьбы за передовую демократию во Франции, за социализм.

Этот факт все чаще и чаще отмечается в буржуазной прессе. В феврале 1970 г. газета «Насьон» в редакционной статье опубликовала следующее заявление: «...Марксизм продолжает соблазнять большую часть французской молодежи, которая... видит ... в марксизме единственное средство создать более справедливое общество».

Идеологи буржуазии внимательно изучают состояние общественного мнения различных групп населения страны. Особенно их интересует отношение масс к Советскому Союзу, к социалистиче-

ской революции в России. Как показали результаты одного из опросов общественного мнения во Франции, 61% опрошенных считает итоги Октябрьской революции положительными [1].

В этих условиях крупная буржуазия пытается мобилизовать все средства идеологического воздействия на массы, чтобы нейтрализовать влияние на них революционных идей, сдержать подъем народного движения, помешать сплочению левых сил, росту авторитета и влияния Французской коммунистической партии. Заправилы крупного капитала,— отмечал Ж. Марше,— «страшатся того, что трудящиеся французы в своей массе начинают понимать действительное положение вещей, наблюдая постоянный прогресс социалистических стран в то время, когда кризис капиталистической общественной системы углубляется. Они испытывают страх перед успехом идей социализма и хотели бы исказить его образ. Они страшатся союза левых сил и стремятся поколебать его» [2].

Арсенал средств, при помощи которых буржуазия пытается воздействовать на различные социальные слои французского общества, довольно разнообразен и широк.

Главным орудием идеологических диверсий империализма против мировой системы социализма, против нашей страны, против международного коммунистического и рабочего движения является антикоммунизм. Активизация антикоммунизма во Франции в последние годы выразилась, в частности, в антисоветских кампаниях, организованных реакционной монополистической буржуазией. Во время этих кампаний на страницах французских газет и журналов, в эфир и на экраны телевизоров буквально хлынули фальсификаторские опусы о социалистическом обществе.

Причины и главные цели активизации антикоммунизма в стране и организации антисоветских кампаний французские коммунисты усматривают в стремлении монополистической буржуазии и ее прислужников дискредитировать социализм, породить сомнения в возможности социалистической революции во Франции, подорвать веру во Французскую коммунистическую партию [3].

Анализ основных этапов становления и закономерностей развития антикоммунизма показывает, что буржуазные идеологи в борьбе за свои классовые интересы ведут поиск наиболее результативных приемов и средств распространения буржуазной идеологии в массах, тщательно взвешивают, какие лозунги можно использовать на каждом этапе. При этом средствам массовой пропаганды отводится роль ударной силы в извращении или замалчивании экономических, социальных и культурных достижений СССР и других социалистических стран, в сосредоточении вни-

[1] La révolution d'Octobre et le mouvement ouvriers européen. Paris, 1967, p. VII.
[2] «L'Humanité», 1974, 9 février.
[3] «L'Humanité», 1974, 19 janvier.

мания на объективных трудностях в развитии коммунистического движения на современном этапе, на ошибках отдельных личностей. Главный расчет здесь делается на то, чтобы воздействовать на эмоции людей, чтобы «вызвать в массах своего рода инстинктивную реакцию против социализма путем разжигания ненависти или страха по отношению к первому социалистическому государству» [4].

Наряду с этим в последнее время все больше уделяется внимания решению главной, стратегической, с точки зрения буржуазии, задачи — преподнести в выгодном для себя свете, т. е. фальсифицировать всю историю Советского Союза со времени Октябрьской революции, опорочить не только реально существующий социализм, но и его теоретические основы — марксистско-ленинское учение. Буржуазные идеологи в последнее время, отмечается в еженедельнике французских коммунистов «Франс нувель», все более «активно атакуют именно сами принципы советского общества и других социалистических стран, то есть ленинизм, а совсем не отклонения от него» [5].

Ведущее место в решении этой задачи отводится буржуазной историографии. За последнее время существенно изменился характер публикаций по истории Октября. Расширение проблематики, введение в исследовательную сферу новых тем потребовали от буржуазных историков соответственного расширения историографической и документальной базы, круга источников. Авторы книг, которые составляют основу «научной» продукции «советологии», оперируют довольно большим фактическим материалом, пытаются аргументировать свои выводы, очень часто делают ссылки на произведения классиков марксизма-ленинизма, приводят цитаты из их работ, обращаются к выводам советской исторической науки, вступают в полемику. В результате многие публикации внешне выглядят весьма внушительно, а их авторы предстают перед читателем как настоящие исследователи. Эти обстоятельства, безусловно, следует учитывать.

Одной из главных тенденций в развитии буржуазной историографии на современном этапе, как справедливо отмечается во многих работах советских историков, является отказ от грубых антисоветских концепций, более тонкая и изощренная маскировка под объективность, стремление к «переориентации», к «переоценке» отдельных аспектов нашей отечественной истории вообще и Октябрьской революции в частности. Будучи правильной для всей буржуазной историографии советского общества, эта характеристика современного этапа в ее развитии нуждается, однако, в дополнительной конкретизации с точки зрения более углубленного раскрытия существа происходящих в ней перемен.

[4] «Cahiers du communisme», 1974, N 3, p. 66.
[5] «France nouvelle», 19—25 mars 1974, p. 14—16.

Некоторые авторы, говоря о видоизменении ранних представлений о социалистической революции в России, о том, что на смену грубым антисоветским концепциям приходят все более эластичные и модернизированные, несколько односторонне оценивают этот вопрос. В результате сама тенденция к более широкому распространению «модифицированных», «сбалансированных», «интеллектуализированных» и тому подобных концепций по сравнению с примитивно антикоммунистическими трактовками социалистической революции выглядит подчас как некий «прогресс» современной буржуазной исторической науки, как шаг вперед к более или менее правдивому отображению конкретно-исторического хода событий.

На самом же деле о некотором «превосходстве» последних публикаций по истории Октябрьской революции над работами предшествующих лет можно говорить лишь с точки зрения усиления опасности модернизированного антисоветизма по сравнению с антисоветизмом грубым, примитивным. Что же касается существа наиболее распространенных в настоящее время представлений и концепций Октябрьской революции, то они представляют собой усовершенствованный вариант ранее существовавших. Модификация взглядов на кардинальные проблемы истории Октября, не выходя за рамки буржуазного мировоззрения, осуществляется с учетом развития социальных противоречий, новейших теорий в буржуазном обществоведении и особенностей идеологической борьбы на современном этапе.

В отношении современного этапа в развитии французской историографии Октябрьской революции необходимо обратить внимание и на то, что антисоветизм проявляется здесь не только в завуалированной форме. Для публикаций наиболее правых, реакционных историков и социологов (таких, например, как Р. Арон, Б. Суварин, Ж. Вальтер, А. Конт) характерна тенденциозность, откровенная ненависть к идеям социализма, стремление любыми средствами опорочить опыт социалистического строительства в нашей стране. Такого рода публикации не являются исключением для последнего времени. Активизация правых сил во французской исторической науке проявилась в издании книг Р. Гошера («Оппозиция в СССР»), Ж. Лалуа («Социализм Ленина»), Ж. Плокарда д'Ассака («Ленин, или техника государственного переворота»), Ж. Конта («Русская революция и ее свидетели») и многих других, в которых французскому читателю преподносятся в самой примитивной форме воскрешенные старые пошлости кадетов и меньшевиков о событиях 1917 года [6]. Авторы подобных публикаций, выступая в периодической печати, публично призывают оживить и активизировать агрессивно-наступательный

[6] *Gqucher R.* L'oposition en URSS (1917—1967). Paris, 1967; *Laloy J.* Le socialisme de Lénine. Paris, 1967; *Plocard d'Assac.* Lénine ou la Technique du coup d'Etat. Paris, 1968; *Comte G.* La révolution russe par ses témoins. Paris, 1963.

антисоветизм и антикоммунизм. «Остается еще,— с сожалением констатируется в одном из самых реакционных журналов «Восток и Запад»,— миф, легенды о героической борьбе на баррикадах, об эпопее взятия Зимнего, о залпе «Авроры»». Далее следует призыв развенчивать упорно удерживающиеся в сознании людей идеи о народном, социалистическом характере Октябрьской революции [7].

Характерным для современного этапа французской историографии Октябрьской революции является и все более широкое распространение в ней идей и концепций так называемого «левого» варианта антисоветизма. Литературу, в которой события 1917 года рассматриваются с позиций мелкобуржуазной идеологии, можно подразделить на две группы. К первой относятся работы профессиональных историков — таких, например, как Ж.-Ж. Мари, В. Фей, П. Суйри, П. Кессель и другие, которые основные события истории Октября рассматривают сквозь призму троцкистских, анархистских концепций [8]. Вторую группу составляют работы самих руководителей, «идеологов» всевозможных левоэкстремистских группировок типа Кривина, Франка, Кана-Бендита, Соважо, Герэна, Крепо [9].

Ближайшими, непосредственными задачами этих авторов является борьба против действительно авангардных революционных сил, против Французской коммунистической партии, единства всех левых сил, против первой в мире страны социализма. Для выполнения этих задач, для «теоретического» обоснования своей деятельности они часто совершают экскурс в историю Октябрьской революции, фальсифицируют ее.

Политической основой активизации историков мелкобуржуазного направления в современной историографии является классовая заинтересованность в оппортунизме. В обстановке роста антикапиталистических настроений, распространения стихийного социального критицизма буржуазия не может в борьбе против коммунистической идеологии ограничиться лишь собственными силами, ей не всегда выгодно прямо и открыто говорить о своих целях. В качестве одного из главных орудий труда удержания под своим влиянием широких слоев населения буржуазия использует мелкобуржуазную идеологию [10].

[7] «Est et Ouest», N 390—391, p. 2.

[8] *Marie J.-J.* Le trotskisme. Paris, 1970; *Houpt G., Marie J.-J.* Les bolchéviks par eux-même. Paris, 1969; *Fay V.* La tragédie des «vielles bolchéviks».— «La révolution d'Octobre et le mouvement ouvrier européen». Paris, 1967; *Souyri P.* Le marxisme après Marx. Paris, 1970; *Kessel P.* Le mouvement maoist en France. Paris, 1972.

[9] *Cohn-Bendit.* Le Gauchisme remède à la maladie séntile du communisme. Paris, 1968; *Guerin D.* Pour un marxisme libertaire. Paris, 1968; *Crepeau J.* La révolution qui vient. Les voies nouvelles du socialisme. Paris, 1957.

[10] В качестве примеров прямой заинтересованности буржуазии в активизации различных левоэкстремистских течений можно сослаться на некоторые факты. Буржуазные журналы занялись популяризацией их взглядов,

Из направлений современной французской историографии Октября наименее представительным является так называемое либерально-буржуазное, объективистское. Что касается имен, то назвать можно лишь Р. Порталя и Ф.-Х. Кокена, да и то не без оговорок. Первый в исследовательском плане занимается историей развития русской экономики XIX — начала XX в. О его взглядах на Октябрьскую революцию можно судить лишь по отдельным высказываниям, специальных работ по этой теме у него нет. Объективизм же Кокена, его позиции являются слишком непоследовательными и шаткими, чтобы его безоговорочно можно было считать представителем точно определенного направления. Это, кстати, относится и не только к Кокену.

Об основных направлениях современной западной историографии и о принадлежности того или иного автора к какому-то из этих направлений можно говорить лишь с некоторой условностью. Подавляющее большинство работ характеризуется отсутствием теоретической последовательности и концептуальной целостности, им присуща внутренняя противоречивость. Авторы многих работ часто избегают открыто формулировать свои цели и окончательные выводы, говорят о рассматриваемых событиях революции очень туманно, в завуалированной форме. Кроме того, нередко западные историки в зависимости от внутриполитической конъюнктуры и международной обстановки проявляют колебания, меняют свои взгляды: «левые» оппортунисты становятся ярыми антикоммунистами, последние рядятся в тогу либералов [11]. В силу этого иногда затруднительно квалифицировать очень точно и однозначно идейные позиции того или иного автора в рамках указанных направлений.

раздуванием мнимых успехов этих группировок. Особенно усердствует в этом отношении газета «Монд». Выпуск литературы «теоретиков» «левого» экстремизма достиг поистине промышленных масштабов. Буржуазия всеми средствами пытается протащить некоторых наиболее активных представителей «левого» оппортунизма на авансцену политической жизни. Так, на президентских выборах 1969 г. была выдвинута кандидатура одного из троцкистских лидеров Кривина. Как известно, на выборах президента республики должно быть представлено в пользу каждой кандидатуры минимум 100 подписей мэров, генеральных советников или парламентариев по крайней мере от 10 департаментов. Во Франции никто из этих выборных лиц не причисляет себя к троцкизму. Тем не менее Кривину удалось представить более 200 имен поручителей.

[11] Тенденция к сползанию на позиции самого грубого, агрессивно-наступательного антикоммунизма и антисоветизма в особенности характерна для разного рода ренегатов французского рабочего и коммунистического движения типа Б. Суварина, П. Эрве, А. Баржоне, Р. Гароди, многие из которых в качестве своей профессии избрали фальсификацию истории. Так, Борис Суварин, принимавший участие в основании ФКП, уже в начале 20-х годов встал на позиции Троцкого, некоторое время был активным глашатаем троцкистской «революционности». В 1924 г. он был исключен из партии и очень скоро стал ярым врагом коммунизма. В последние годы жизни он печатал свои грубые фальсификации истории Октября и помещал антикоммунистическую хронику в газетах «Фигаро», «Монд» и др.

Характеризуя современный оппортунизм, кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС тов. Б. Н. Пономарев отметил, что в общественно-политической жизни никогда не было «чисто» правого и «чисто» левого оппортунизма: «На основе антисоветизма, с целью принижения роли международного рабочего класса, под лозунгом раскола и разобщения революционных сил создаются уродливые концепции-гибриды; подчас бывает трудно сказать, к какой разновидности относятся те или иные путаные, беспринципные платформы — к „правой“ или „левой“» [12]. Беспринципность, многоликость, наличие концепций-гибридов — все это характерно не только для оппортунизма, но и для всей немарксистской западной историографии Октябрьской революции.

Изменения проблематики публикаций по истории Октябрьской революции находят свое проявление в том, что буржуазные историки стали уделять внимание таким аспектам социалистической революции в России, которые раньше буржуазная историография игнорировала. В последних публикациях по истории Октября иногда целые разделы посвящаются таким вопросам, как содержание и характер первых декретов Советской власти, в них анализируются устремления различных классов, мотивы действий различных социальных групп, программные положения политических партий накануне и в ходе Октябрьской революции. Десятки и сотни страниц в книгах по истории Октября отводятся на «освещение» вопросов о Советах, рабочем контроле, о профсоюзах, о численности и составе рабочего класса, об экономических и политических предпосылках революции, о ее последствиях.

Французских историков занимают в первую очередь те проблемы истории, которые стали наиболее созвучными с социально-политическими проблемами сегодняшней Франции. Среди них на первом месте проблемы — народ и революция, массы и партия большевиков. Выбор именно этих проблем не является случайным. Как уже отмечалось, характерной особенностью в политической жизни французского общества является то, что именно компартии здесь принадлежит ведущая роль в классовой борьбе, в результате чего нарастающее массовое движение протеста становится не отдельной, а непосредственной, реальной угрозой для господства монополий и самого существования капиталистического строя. Изменения в соотношении классовых сил, все более широкое распространение марксистских идей убедили буржуазных идеологов в том, что сохранить и упрочить свое влияние на массы невозможно без того, чтобы не заговорить во весь голос в своих публикациях о народе, о классах, о партиях, о революции. Знаменательно в этом отношении признание широко известного французского экономиста Ф. Перру [13]. В опубликованной

[12] Борьба коммунистов против идеологии троцкизма. М., 1973, с. 8.

[13] Наиболее крупные работы *Perroux F.*: Экономика XX века (L'economie du XX siècle. Paris, 1969); Мирное сосуществование (La coexistence pacifique. Paris, 1958); Отчуждение и индустриальное общество (Aliéntation

им в 1972 г. книге «Масса и класс» констатируется, что массы слишком долго и робко проникали в публикации по истории, литературе и даже по социологии. Далее Ф. Перру категорически утверждает, что сознающий всю серьезность своих обязанностей и значение своей профессии экономист должен занять определенную позицию в отношении масс. К экономисту,— говорит Ф. Перру,— могут быть применены слова В. И. Ленина о политических деятелях: он изменит своему призванию, если он боится масс [14].

Признание возросшей активности масс и призывы занять по отношению к ним определенную позицию не являются редкостью для современных публикаций буржуазных и мелкобуржуазных идеологов. Однако продиктованы они не гуманными интересами, а именно страхом, растерянностью, стремлением не допустить дальнейшей активизации масс и роста их революционной сознательности.

Представители каждой из отраслей буржуазного обществоведения разрабатывают свои подходы к решению этой задачи, пытаются теоретически обосновать различные тезисы и платформы, практическое назначение которых сводится к одному — выдать для правящих кругов как можно больше разнообразных рецептов для сохранения своего господства над массами, а самим массам внушить идею примирения с существующим строем, бесполезности борьбы за социальное преобразование, или же деформировать их представления о классовой структуре современного капитализма, отвлечь их от раскрытия реальных причин, порождающих угнетение, эксплуатацию.

Экономист Ф. Перру пытается доказать, что учение Маркса о классах и классовой борьбе не выдержало испытания временем, и предлагает свой вариант создания «общества согласия и организации». Философ-структуралист К. Леви-Строс с помощью антиисторических, антидиалектических аналогий и натяжек доказывает, что «современный человек Запада» не годен для того, чтобы стать «субъектом революции». Французского философа К. Леви-Строса дополняет Г. Маркузе, работы которого имели широкое распространение во Франции в конце 60-х — начале 70-х годов XX в.[15] Из ложного фальшивого утверждения о том, что рабочий класс из революционного превратился в «деморализованный», полностью «купленный буржуазией», Г. Маркузе приходит к заключению: «новых левых», «новые революционные силы» надо искать среди радикально настроенной интеллигенции и идущих ей на смену студентов, среди безработных и бунтующих молодежных группировок. Неофрейдисты усматривают причины повы-

et société industrielle. Paris, 1970) переизданы в Англии, ФРГ, Италии и Японии.

[14] *Perroux F.* Masse et classe. Paris, 1972, p. 7.

[15] *Marcuse H.* Eros et civilisation. Paris, 1968; *Idem.* La fin de l'utopie. Paris, 1968; *Idem.* L'Homme unidimensionnel. Paris, 1965.

шения социальной активности в том, что лидеры бунтующих студентов эмоционально пребывают в том возрасте, которому «свойственна раздражительность». Вся «теория» неофрейдизма направлена на поддержку усилий правящих классов в том, чтобы «обвинить саму жертву» за то, что ее преследует капиталистическое общество.

К сожалению, до настоящего времени ко всем этим модным течениям современной идеалистической философии примыкает немало левых сил, стремящихся к постижению новых идей, но не способных еще оценить их практические последствия.

Приведенные примеры являются лишь некоторыми штрихами всего калейдоскопа идей, при помощи которых буржуазные идеологи пытаются воздействовать на общественное мнение. Как видно, особой идеологической всепроницаемостью отличаются идеи, предназначенные для того, чтобы не допустить дальнейшего повышения роли народных масс в современном историческом процессе, направить расширяющийся стихийный социальный критицизм в русло безысходности, деформировать в сознании людей представления об авангардных силах массового движения. Весомый вклад в это неблаговидное дело вносит современная буржуазная и реформистская историография. Ее представители во Франции сосредоточивают главные усилия на обосновании концепции недемократичности Октябрьской революции.

Как и в прежние годы, в современной литературе можно встретить утверждения о безразличии масс к событиям Октября 1917 г., об их апатии, о том, что Октябрь — это дело рук группы профессиональных революционеров «при полной апатии населения» [16]. Теория «большевистского заговора» в самом примитивном виде воспроизводится во многих публикациях по истории Октябрьской революции [17].

Однако наиболее характерным для современного этапа французской буржуазной историографии является стремление многих авторов приспособить эту теорию к новым условиям, сделать ее более созвучной с содержанием и методами всей буржуазной пропаганды, направленной на то, чтобы не допустить союза левых сил, изолировать марксистско-ленинские партии, отпугнуть от революционного пролетариата его естественных союзников. В последние годы во Франции появилось большое количество антикоммунистической литературы, в которой предпринимаются попытки фальсифицировать марксистско-ленинские идеи о движущих си-

[16] *Crouzet M.* L'Epoque contemporaine. A la recherche d'une civilisation nouvelle. Paris, 1959, p. 220.

[17] *Cont A.* Lenine. Staline. Paris, 1970; *Idem.* Les coups d'Etat. Paris, 1963; *Bonnet G.* Les guerres insurrectionelles et révolutionnaires de l'Antiquité à nos jours. Paris, 1958. В многотомной энциклопедии Ларуса, например, объяснение победы Октябрьской революции сводится к тому, что из-за ошибок царя, малочисленности буржуазии, военного поражения России большевики с помощью 10 тыс. человек захватили столицу и овладели властью (Grand La rousse encyclopédique. T. 9. Paris, 1964, p. 242).

лах социалистической революции и опыт осуществления этих идей в России. В конце 60-х — начале 70-х годов вышли работы сотрудника Высшей школы практических исследований М. Ферро «Революция 1917 года. Падение царизма и истоки Октября» [18], профессоров Ф.-К. Кокена «Русская революция» [19] и Ш.-О. Карбонеля «Великий русский Октябрь 1917 — неподражаемая революция» [20], труды профессора Института политических наук в Париже П. Сорлена «Советское общество» [21] и «Ленин, Троцкий, Сталин» [22], книги политолога И. Тротиньона «Рождение и рост СССР» [23] и профессора Национального центра политических наук Э. Каррер д'Анокосс «Советский Союз от Ленина до Сталина 1917—1953» [24], а также работы М. Лесажа, С. Вернера, М. Бринтона, Э. Шамбра и др.[25]

Рассмотрим конкретные взгляды некоторых историков на вопросы о взаимоотношениях большевистской партии и масс, о Советах в 1917 г., о революции и вооруженном восстании. Представляется правомерным ограничиться анализом работ, которые составляют основу научной продукции современной «советологии». К их числу следует отнести прежде всего работы одного из видных французских историков М. Ферро.

В своих работах Ферро затронул широкий круг вопросов периода подготовки и проведения Октябрьской революции: состояние экономики, положение различных социальных групп российского общества, их цели и стремления после Февральской революции, степень и характер участия народных масс в основных событиях, программы политических партий и их политика между двумя революциями, деятельность Временного правительства.

Главный вопрос, на который пытается ответить Ферро, сводится к тому, «каким образом кучка недовольных (имеется в виду партия большевиков.— *Ю. А.*) с мартовских дней расширилась до такой степени, что смогла охватить своим влиянием всю нацию и повести ее против правительства и руководителей Советов» [26]. Решая этот вопрос, французский историк прежде всего занимается выяснением целей, устремлений сил, игравших главную роль в событиях 1917 г. Он полагает, что ни рабочий

[18] *Ferro M.* La révolution de 1917. La Chute du tsarisme et les origines d'Octobre. Paris, 1967.

[19] *Coquin F.-X.* La Révolution russe. Paris, 1967.

[20] *Carbonelle Ch.-O.* Le grand Octobre russe 1917. La révolution inimitable. Paris, 1967.

[21] *Sorlin P.* La Société soviétique. Paris, 1964.

[22] *Idem.* Lenine, Trotski, Staline. Paris, 1972.

[23] *Trotignon.* Naissance et croissance de l'URSS. Paris, 1970.

[24] *Carrère d'Encausse H.* L'Union Soviétique de Lénine à Staline, 1917—1953. Paris, 1972.

[25] *Lesage M.* Les régimes politiques de l'URSS et de l'Europe de l'Est. Paris, 1971; *Werner E.* De la violence au totalitarisme. Paris, 1972; *Brinton M.* Les bolchéviks et le contrôle ouvrier 1917—1921. Paris, 1973.

[26] *Ferro M.* La révolution 1917. La Chute du tsarisme et les origines d'Octobre. Paris, 1967, p. 460.

класс, ни крестьянство России после Февральской революции даже и не помышляли о каких бы то ни было социалистических идеалах и их требования вполне могли быть решены в условиях буржуазно-демократического строя. Однако именно в русских условиях 1917 г. эти требования, по мнению Ферро, не соответствовали экономическим возможностям момента и были «экстремистскими». «В невоздержанности,— пишет Ферро,— проявляла себя лихорадочная атмосфера более старой традиции — пугачевщины» [27]. «Чрезмерным» требованиям народных масс и их стремлению немедленно удовлетворить свои основные чаяния противостояла неуступчивость буржуазии, собственные цели которой,— поясняет Ферро,— «чаще всего противоречили целям народных масс» [28]. При такой степени антагонизма интересов главных противостоящих сил в обществе столкновение становилось неотвратимым. Из всех политических партий, группировок и организаций лишь та, пишет Ферро, могла добиться успеха, которая, вопреки реальным возможностям, согласилась бы выполнить народные требования, не сопротивлялась бы «спонтанному движению революции». В обстановке разоренной войной экономики, когда «старые пружины государства и общества» больше не действуют, было вполне допустимо, что «какая-то группа, даже небольшая, сможет осуществить влияние, непропорциональное ее реальной силе, если она будет действовать решительно» [29].

Меньшевики и эсеры, по мнению Ферро, действовали нерешительно, во-первых, потому, что больше всего боялись контрреволюции и, «парализованные этой угрозой, не осмеливались что-либо сделать, чтобы установить социальный мир в городе, осуществить аграрную реформу, решить национальный вопрос и, главное, разрешить проблему войны». Во-вторых, они руководствовались здравым смыслом и были убеждены, что осуществление требований народных масс все равно ни к чему бы не привело, кроме окончательного краха русской экономики. В силу этих причин, пишет Ферро, складывалось впечатление, что меньшевики и эсеры «сопротивляются спонтанному движению революции» [30].

В результате к власти пришли большевики, осуществившие Октябрьское вооруженное восстание, которое представляется Ферро не как государственный «переворот», осуществленный меньшинством, а скорее как естественный результат развития событий, в ходе которых «меньшинство политических деятелей взяли на себя заботу осуществить желания большинства народа» [31]. Французский историк особо подчеркивает гениальность В. И. Ленина,

[27] *Ferro M.* Pourquoi Février? Pourquoi Octobre? — «La révolution d'Octobre et le mouvement ouvriers européen». Paris, 1967, p. 13—14.
[28] *Ferro M.* La révolution russe de 1917. Paris, 1967, p. 40.
[29] Ibid., p. 80.
[30] *Ferro M.* La révolution 1917. La Chute du tsarisme et les origines d'Octobre, p. 468.
[31] Ibid., p. 471.

благодаря которой большевики смогли со всей остротой почувствовать стремления и желания народных масс.

Все вышесказанное, несмотря на туманность и двусмысленность рассуждений о силе и возможностях российских политических партий, позволяло бы отнестись к работам Ферро как к явлению не совсем обычному для буржуазной историографии, если бы не одно обстоятельство. М. Ферро считает большевистскую партию антидемократическим образованием по своему существу с момента ее создания и до настоящего времени. Большевики, внушает он, выступили в поддержку требований народа из чисто тактических соображений, преследуя при этом свои собственные цели, в конечном итоге расходящиеся с интересами масс, и благодаря своей политической беспринципности им удалось взмыть на гребне революционной волны и оказаться у власти. То, что именно эта мысль лежит в основе работ Ферро, хорошо поняла газета «Монд». Свой обзор одной из книг Ферро она закончила следующими словами: «Большевики лучше чувствовали гнев народа и не боялись показаться нигилистами. Но доверие раздраженных народов России партии Ленина — не было ли оно основано на недоразумении?» [32]

В работах М. Ферро десятки страниц посвящены описанию «разгула анархии» в период после Февральской революции. Самые незначительные примеры проявлений анархизма, действительно имевшие место в ходе революции, он пытается возвести в степень, а побудительные мотивы и все многообразие различных форм народного движения свести к проявлению «векового инстинкта» русских к разрушению, ниспровержению любых порядков и авторитетов. «Русские,— пишет он,— назывались по-разному: социал-демократами, эсерами и т. п.; в действительности же они действовали как анархисты, но плохо это сознавали, так как пропаганда анархизма не получила здесь широкого распространения» [33]. Придерживаясь, как и большинство буржуазных и реформистских историков, той точки зрения, что движение Советов от февраля до октября шло по нисходящей линии, М. Ферро усматривает причину этого явления в анархизме русского народа. «Может быть этим (анархизмом русских.— *Ю. А.*),— пишет он,— можно объяснить относительную неудачу Советов. Соглашаясь рассматривать Советы как органы разрушения старого режима, русские отвергали их с тех пор, когда они становились подконтрольными партии, так как враждебные всяким формам парламентаризма, русские хотели иметь возможность самостоятельно решать свою собственную судьбу». Даже такое явление, как поддержку народом политики партии большевиков, Ферро пытается объяснить опять-таки врожденным инстинктом русских к анархизму: «Народ-

[32] «Le Monde», 1967, 24 mai.

[33] *Ferro M.* La révolution 1917. La Chute du tsarisme et les origines d'Octobre, p. 472.

ные массы могли установить, что большевики были единственными, кто одобрял все их начинания, которые способствовали разрушению старого порядка вещей» [34].

Извращая подлинный смысл многогранной деятельности партии большевиков, ее политику среди рабочих, крестьян и солдат, сводя все к подстрекательству со стороны большевиков солдат — к дезертирству, крестьян — к беспорядочному самоличному захвату земель, а рабочих — к борьбе с администрацией, Ферро утверждает, что деятельность большевиков всегда «шла в направлении дезинтеграции и именно в этом состояла тенденция живых сил революции». Именно этим объясняется, по мнению Ферро, поддержка со стороны масс партии большевиков. Что же касается вопросов большой политики, конечных целей партии большевиков, то они не находили якобы отклика в народных массах, для которых события 24—25 октября явились полной неожиданностью и не вызвали у народа никаких других эмоций, кроме удивления. Это нашло свое проявление,— пишет М. Ферро,— в «удивленном возгласе одного неизвестного, раздавшемся в тот самый день, когда большевики возвестили от имени съезда Советов об образовании Совета Народных Комиссаров: «Как? Еще одно правительство?!» [35]

Как видим, взгляды Ферро на основные события 1917 г. не отличаются последовательностью. Это объясняется прежде всего тем, что он, как и многие другие французские историки, продолжает в новой обстановке воскрешать старые схемы и наиболее ходовые антикоммунистические мифы кадетов и меньшевиков. В частности, тезис об анархичности масс в 1917 г., о всеразрушающем характере их движения заимствован у кадетских профессоров (П. Караев, П. Рысс, Р. Бланк), которых в свое время В. И. Ленин заклеймил в работах «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906), «К истории вопроса о диктатуре» (1920).

В. И. Ленин отмечал тогда, что в представлении самодовольного буржуа, когда «история человечества подвигается вперед со скоростью локомотива, это — «вихрь», «поток», «исчезновение» всех «принципов и идей». Когда история движется с быстротой гужевой повозки, это — сам разум и сама планомерность. Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории»,— тогда буржуа чувствует страх и вопит, что „разум отступает на задний план“». Наоборот, говорил В. И. Ленин, в истории именно в такие моменты выступает разум масс, а не разум отдельных личностей, именно тогда массовый разум становится «живой, действенной, а не кабинетной силой...» [36].

[34] *Ferro M.* Pourquoi Fevrier? Pourquoi Octobre? p. 24.
[35] Ibidem.
[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 389–390.

Ряд положений Ферро заимствовал из книги одного из идеологов русского анархизма, махновца Волина «Неизвестная революция» [37]. В одной из своих статей, опубликованной в «Монд» в дни ленинского юбилея, Ферро пытается отыскать аргументы для трактовки на свой манер таких вопросов, как демократический централизм, взаимоотношения партии и масс, в трудах Р. Люксембург. Всячески раздувая вопрос о разногласиях Р. Люксембург с В. И. Лениным, он утверждает, что критика ленинизма с ультралевых позиций была обоснованной [38].

Непоследовательность и эклектизм Ферро во многом определяются тем, что он, рассматривая события 1917 г., пытается приспособить свои взгляды к современной внутриполитической обстановке во Франции. Когда он определяет политику русской буржуазии как явно антинародную, это придает его книгам видимость антикапиталистической направленности. Но когда Ферро указывает на просчеты сторонников сохранения капиталистического строя в России и прежде всего партий, стремившихся пойти «третьим путем», его позиции становятся приемлемыми в буржуазных и даже в правобуржуазных кругах. Именно поэтому его связывают узы тесного сотрудничества с «Монд», а книги его пропагандируются в самых правых публикациях.

В настоящее время советская историческая наука располагает значительным количеством работ, в которых вопрос о характере и формах революционного творчества народных масс накануне и в ходе революции получил всестороннее и глубокое освещение [39].

В свете последних достижений советской исторической науки особенно жалкими выглядят потуги французских буржуазных историков изобразить состояние масс накануне революции в виде неуправляемой стихии, массового психоза, бессознательной толпы.

То, что буржуазные историки называют анархией и хаосом, на самом деле было стремлением найти истину путем участия в митингах, манифестациях, на заседаниях Советов, в продолжительных спорах и дискуссиях, которые проходили повсеместно. Все это было поиском нового в общественной жизни, «необходимым переходом совершенно еще неподготовленных к общественному строительству масс,— переходом от исторической спячки к новому историческому творчеству» [40].

[37] *Voline*. La Révolution inconnu. Paris, 1947, p. 124, 132, 138, 161.

[38] «Le Monde», 25 april 1970.

[39] *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 1 (Свержение самодержавия). М., 1967; т. 2 (Свержение Временного правительства. Установление диктатуры пролетариата). М., 1969; *Городецкий Е. Н.* Рождение Советского государства. М., 1965; *он же.* Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970; *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970; *Кузин В. А.* Народные массы и революция. Казань, 1967; *Токарев Ю. С.* Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.

[40] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 154.

Буржуазные историки в своих работах старательно обходят или же дают ложное толкование тем фактам, в которых наглядно проявились не только поиски и сомнения, но и активное творчество, созидательный труд народа в ходе революции. Такими фактами являются в первую очередь деятельность Советов рабочих и солдатских депутатов, фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов, отрядов рабочей милиции и Красной гвардии, что явилось убедительным доказательством неиссякаемой энергии и творческой инициативы самых широких народных масс.

Одним из приемов, с помощью которых современные французские буржуазные историки пытаются аргументировать свою концепцию «недемократичности» Октябрьской революции, является фальсификация ими роли и сущности Советов накануне и в ходе самой революции.

В работах почти всех без исключения буржуазных историков в самых разных вариациях муссируется формула «большевики над Советами», необходимая им для внушения читателям мысли о том, что большевики лишь использовали Советы как средство для установления своей диктатуры.

Повышенный интерес некоторых буржуазных историков к вопросу о Советах накануне Октябрьской революции и в ходе ее осуществления не является случайным. Они идут на любые махинации во имя того, чтобы достоянием трудящихся капиталистических стран не стали совершенно неопровержимые с научной точки зрения факты, свидетельствующие о всенародном характере Октябрьской революции. К числу таких фактов, если говорить, в частности, о Советах, можно отнести следующие. Прежде всего, Советы являлись одним из самых ярких примеров проявления способности широких народных масс к самостоятельному революционному творчеству. Далее, Советы были наиболее массовой организацией, объединившей 40 млн. человек. Непреложным является и факт большевизации Советов во всей стране к осени 1917 г. Наконец, именно Советы стали государственной формой диктатуры пролетариата в результате Октябрьской революции. Достаточно последовательного воспроизведения этих фактов, чтобы сложилось объективное представление о характере Октябрьской революции. Но именно против этого и направлены все старания буржуазных историков. Стремление во что бы то ни стало скрыть правду, исказить историческую действительность находит свое проявление в том, что в работах французских буржуазных историков, пишущих о Советах накануне революции, не редкость явные противоречия, отсутствие элементарной логики. Иногда даже и из того фактического материала, который приводится в работах буржуазных историков, следуют выводы, прямо противоположные тем, которые делают тенденциозно настроенные авторы этих работ.

Особенно характерной в этом отношении является изданная в 1967 г. книга Ф.-Х. Кокена «Русская революция». Утвержде-

ние о «заговорщическом» характере Октябрьской революции следует у этого автора за констатацией факта, что авторитет Советов признавался огромным большинством страны. Описывая корниловский мятеж, Кокен отмечает, что «Советы взяли на себя руководство народным сопротивлением. Эти народные ассамблеи, единственные органы, чей авторитет признавался подавляющим большинством страны, выставили таким образом свою кандидатуру на власть, показав, что только они способны эту власть осуществить» [41]. Сославшись на некоторые факты о большевизации Советов во всей стране после корниловского мятежа [42], Кокен завершает раздел своей книги «Октябрьское восстание» (которое он называет «заговором») следующим утверждением: «Ничто не было менее похожим на народные дни февраля, чем восстание 25 октября: горстка профессиональных революционеров, опирающаяся на несколько тысяч большевистских матросов и красногвардейцев, сломила в течение нескольких часов сопротивление Временного правительства» [43].

Все построения Кокена основываются на попытках противопоставить Советы и партию большевиков. Большевистская партия изображается им как узкая группа профессиональных революционеров, стремящихся к установлению своей диктатуры, а Советы как зародыш спонтанной и народной демократии, как органы, совершенно чуждые руководству со стороны политической партии.

Кокен следующим образом характеризует сущность и политическое призвание Советов, родившихся в ходе Февральской революции: «Избранные на заводах и мастерских, или в казармах Советы на самом деле по самой своей структуре представляли собой настоящие народные парламенты. ...Советы быстро превращались в фактическую исполнительную власть, решения которой имели силу закона на заводах, вокзалах, почтовых отделениях, в полках. Это был зародыш спонтанной народной демократии. Это была новая Россия, выходящая из мрака, еще колеблющаяся, но уже начавшая организовываться» [44]. Эта характеристика Советов периода февраля — марта 1917 г. Кокеном не может вызвать особых возражений, так как в самом общем виде она соответствует исторической действительности. Но эта характеристика еще не выражает в полной мере сущности Советов и в силу этого с точкой зрения Кокена могут согласиться представители самых противоположных политических убеждений. И лишь когда Кокен заводит речь о призвании Советов, о той роли, которую они должны были сыграть в революции, проявляются классовые позиции этого автора и он сразу же вступает в противоречие с фактами.

[41] *Coquin F.-X.* La révolution russe. Paris, 1967, p. 87.
[42] Ibid., p. 88—89.
[43] Ibid., p. 102.
[44] Ibid., p. 55.

Воспроизведя тезис меньшевиков о том, что власть, идущая на смену царизму, должна быть буржуазной, Кокен утверждает, что на такой же позиции стояли якобы и большевики. Это мнение,— пишет он,— было тогда исключительно единодушным, его разделял и Плеханов, основатель русского марксизма (разумеется, Кокен умалчивает о том, что к тому времени Плеханов уже окончательно изменил делу марксизма). Да и сами большевики якобы разделяли идею о том, что Россия созрела лишь для буржуазной революции и что ее пролетариат был еще слишком неопытным, чтобы взять на себя выполнение государственных задач. «Именно по этому вопросу,— замечает Кокен,— началось расхождение между большевиками и меньшевиками. И этот разрыв поставит под угрозу саму природу и политическое призвание Советов» [45]. Дальнейший ход рассуждений Кокена сводится к тому, что установление господства большевиков в Советах превратило эти организации из народных парламентов, какими они были по своей природе сразу после Февральской революции, из своего рода объединений социалистических партий для защиты интересов рабочих перед лицом Временного правительства в инструмент для захвата власти, в безликие органы, которые слепо подчиняются диктатуре одной партии. Подводя окончательный итог своим измышлениям об эволюции Советов в период между февралем и октябрем, Кокен утверждает, что в ходе революции власть Советов осуществлялась не так, как она была задумана в феврале, а в форме большевистской диктатуры [46].

Каким же образом можно совмещать утверждение о «недемократичности» Октября с признанием, что Советы, объединявшие большинство народа, шли за большевиками? Кокен не дает ответа на этот вопрос, так как объективный анализ социальной базы установившейся в результате Октябрьской революции власти, взаимоотношений этой власти с массами приводит к выводам, прямо противоположным тем, которые утвердились в современной буржуазной историографии.

Буржуазные историки во Франции и, в частности, Кокен, стремятся в своих работах слабые стороны в деятельности Советов, обусловленные прежде всего недостаточностью классового самосознания пролетариата в первые месяцы революции, выдать за кульминационный пункт в их развитии, а политику соглашательства, проводимую в то время Советами,— за их политическое призвание. Именно этим можно объяснить то, что послеиюльскому периоду деятельности Советов они уделяют гораздо меньше внимания и, если говорят о Советах периода осени 1917 г., то исключительно в плане измышлений об изменениях самой их природы и политического призвания в результате установления господства большевиков над Советами.

[45] *Coquin F.-X.* La révolution russe. Paris, 1967, p. 56—57.
[46] Ibid., p. 104.

После июльских событий, как писал В. И. Ленин, «контрреволюционная буржуазия, об руку с монархистами и черной сотней, присоединила к себе мелкобуржуазных эсеров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактическую государственную власть в руки Кавеньяков, в руки военной шайки, расстреливающей неповинующихся на фронте, разгромляющих большевиков в Питере» [47]. Это не означало, что все Советы превратились в придаток контрреволюции. Речь шла о решающих местах, о центрах страны, где власть оказалась в руках военщины. Это также не означало и того, что большевики отказались от построения государства по типу Советов. Но это будут уже другие Советы, «...не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней» [48]. Такими Советы стали к сентябрю 1917 г., когда подавляющее число голосов на выборах в Советы ведущих центров страны было отдано большевикам и перешедшим на их сторону левым группировкам эсеров и меньшевиков.

Изменилось ли к этому времени политическое призвание Советов по сравнению с весной 1917 г., о котором говорит Кокен? О таком изменении можно говорить, если смотреть на историческую роль Советов и их значение в революции с точки зрения лидеров мелкобуржуазных партий или отдельных представителей либеральной буржуазии (позиции которых, как видно, разделяет и Кокен). Они всегда рассматривали Советы как некую профессиональную организацию, которая должна поддерживать Временное правительство и способствовать соглашению между буржуазией и пролетариатом. Меньше всего они хотели видеть Советы в роли органов вооруженного восстания и революционной власти. Большевики же, наоборот, с первых дней революции видели в Советах силу, которая «создаст Временное революционное правительство» [49]. И в этом смысле к осени 1917 г. Советы, отвоеванные у соглашателей, стремившихся сделать их жалким придатком контрреволюционного Временного правительства, превращаются в органы, имеющие реальную возможность выполнить свое призвание — осуществить диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Эволюция Советов в период между февралем и октябрем определялась ростом классового самосознания пролетариата, который в ходе борьбы с буржуазией накапливал свой собственный политический опыт.

В свою очередь рост классового самосознания пролетариата, укрепление его связей с крестьянством, и в первую очередь с деревенской беднотой, были бы невозможными без помощи со стороны партии большевиков. Буржуазные историки пытаются выдать за «диктат» и «насилие» партии над Советами то, что на

[47] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 12.
[48] Там же, с. 16.
[49] Листовка РСДРП(б) с призывом к свержению самодержавия и созданию Советов рабочих депутатов (Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, с. 5).

самом деле является почином и революционной инициативой, а это — не только полное право партии, политика которой одобряется большинством трудящихся, но и ее обязанность, так как без революционной инициативы она не смогла бы выполнить роль авангарда рабочего класса. Именно политика партии большевиков, направленная на развитие революции и свержение капитализма, обеспечила ей победу на выборах в Советы осенью 1917 г. и всенародную поддержку.

Подводя итоги развитию настроения масс и их отношения к партии большевиков, В. И. Ленин писал: «Большинство народа *за* нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа *в нашу сторону*. Колебания эсеров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое» [50].

Весьма распространенным приемом фальсификации народного характера Октябрьской революции в современной буржуазной историографии является умышленная подмена понятий революции и вооруженного восстания. Используя этот прием, буржуазные историки стремятся прежде всего ограничить весь процесс революции узкими рамками по времени и по территории, т. е. свести революцию к тому, что произошло в течение нескольких дней в Петрограде. Они умалчивают о том, что Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде явилось началом триумфального шествия Советской власти, которое захватило самые отдаленные уголки нашей страны. Этот прием помогает им прежде всего подготовить читателя к восприятию мысли о том, что русский народ находился где-то в стороне от революции. Кроме того, при таком подходе перед буржуазными историками открываются дополнительные возможности для фальсификации ленинской теории социалистической революции, а затем и для «открытия» противоречий между этой теорией и практикой претворения ее в жизнь. Отдельные высказывания В. И. Ленина о вооруженном восстании они выдают за его теорию социалистической революции и на этом основании строят свои измышления о «бланкизме» и «волюнтаризме» большевиков и т. п. Наконец, подменяя понятия «революция» и «вооруженное восстание», буржуазные историки пытаются убедить читателя в том, что главной задачей большевиков, определявшей якобы всю их практическую деятельность в 1917 г., являлась узурпация ими власти в стране. Во Франции этим приемом пользуются очень многие буржуазные и реформистские историки и, в частности, такие, как Ш.-О. Карбонель, В. Александров, Ж. Вальтер, П. Бруэ и др.

Каким образом буржуазные историки применяют этот прием в своих произведениях, нагляднее всего можно увидеть на примере книги Ш.-О. Карбонеля «Великий русский Октябрь 1917 —

[50] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 239.

неподражаемая революция». Книга эта написана в расчете на массового читателя и является, пожалуй, одной из наиболее характерных с точки зрения приемов самой изощренной фальсификации существа событий Октябрьской революции.

Издатели книги Карбонеля заверяют читателей, что ее автор освещает вопросы, «которые все мы себе ставим, особенно вопросы о соотношении марксистской теории и исторической действительности по поводу взятия власти». На самом же деле при помощи изложения полуправды о событиях революции Карбонель все свои усилия направляет на извращение, а не на освещение основных вопросов теории и практики революции. Книга его состоит из трех частей («Верить», «Знать», «Понимать»), в которых с различных точек зрения рассматриваются события революции. В разделе «Верить» пересказываются самые грубые измышления об Октябрьской революции, имевшие хождение на Западе в первые годы после ее свершения и сохранившиеся еще в некоторых современных публикациях с целью сыграть на чувствах читателей. Карбонель называет эти измышления мифами (миф о германском заговоре, миф о еврейском заговоре, миф о бандитизме большевиков) и говорит, что все эти мифы могли держаться лишь на предрассудках и непонимании сущности происшедших событий. Он приводит наиболее «звонкие» названия первых публикаций во Франции об Октябрьской революции (вроде «Красный террор в России») и высказывает свое резко отрицательное отношение к подобного рода публикациям. Разоблачая указанные мифы, Карбонель в глазах читателя выглядит серьезным исследователем, смело отметающим все то, что основано лишь на вымысле и не подкреплено фактами.

В следующем разделе своей книги («Знать») Карбонель излагает в хронологической последовательности некоторые факты, имевшие место в Петрограде в октябре 1917 г. Уже в этом разделе его книги мы имеем дело с фальсификацией истории. Во-первых, Карбонель ничего не говорит о фактах и событиях революции, происшедших за пределами Петрограда, хотя книга его посвящена революции вообще. Во-вторых, поскольку Карбонель не показывает в своей книге всего комплекса фактов и событий Октября 1917 г. в Петрограде, читателю трудно отличить главное от второстепенного. А это и позволяет Карбонелю расставить акценты именно на тех местах, на тех фактах, которые в дальнейшем послужат ему основанием для окончательных выводов о характере Октябрьской революции, об участии в ней народных масс (которые он сделает в третьем разделе книги — «Понимать»). Здесь Карбонель предпринимает попытку сопоставить основные теоретические положения марксизма о революции с тем, что произошло на практике в России в 1917 г.

Избрав в качестве объекта для фальсификации такие вопросы, как перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, революционная ситуация, общенародный харак-

тер социалистической революции, соотношение ее общих и национально-особенных признаков, Карбонель по каждому из них приходит к выводу о том, что все эти теоретические положения были якобы опровергнуты практикой Октябрьской революции. Видимо, не случайно в качестве эпиграфа к этому разделу Карбонель избрал два высказывания: Ф. Энгельса — о том, что события всегда кажутся подчиненными случайности, но в то время, как случай играет роль на поверхности, история всегда управляется внутренними скрытыми законами; и Н. Бердяева — о том, что революция неразумна и является свидетельством превосходства неразумных сил в истории [51]. Весь следующий за этими двумя высказываниями материал сводится к попытке доказать, что первое из них так и не вышло за рамки теории, а на практике история-де развивалась по-бердяевски.

Нагляднее всего беспомощность автора проявляется, когда он начинает разбирать ленинское положение о революционной ситуации. Карбонель не приводит, разумеется, целиком или хотя бы в кратком изложении разработанное В. И. Лениным положение о революционной ситуации, так как одного этого уже было бы достаточно, чтобы обнаружилась полностью искусственность и фальшивость всех рассуждений автора о противоречии ленинского положения о революционной ситуации учению Маркса об объективных законах развития общества. Определив революционную ситуацию как историческую случайность, как временную и недолговечную совокупность обстоятельств, Карбонель выдает это определение за ленинское. Совокупность же обстоятельств, историческая случайность — это, согласно Карбонелю, коммерческий дефицит, сокращение производства, рост цен, сокращение заработной платы, обострение социальных противоречий, т. е. все, что связано не с нормальным состоянием общества, а с последствиями войны [52]. При помощи всех этих подтасовок Карбонель приходит к общему заключению: теоретик «революционного кризиса» Ленин реабилитирует совокупность обстоятельств в противовес философии объективных законов. Он подымает исторический случай на уровень самого определяющего из условий: надо схватить мимолетный момент, час, перед которым революция *еще* невозможна и после которого она *уже* невозможна [53].

В этом утверждении что ни слово, то извращение, фальсификация. Прежде всего В. И. Ленин никогда не говорил, что революция возможна лишь в определенный, «мимолетный момент». Его положение о необходимости выбора наиболее выгодного момента (опять-таки ничего общего не имеющее с тем, как его интерпретирует Карбонель) всецело относится к вооруженному восстанию, а не к революции. Еще в 1905 г. в борьбе с меньше-

[51] *Carbonell Ch.-O.* Le Grand Octobre russe 1917. La révolution inimitable. Paris, 1967, p. 185.
[52] Ibid., p. 210—211.
[53] Ibid., p. 264.

виками В. И. Ленин разъяснил, в чем разница между революцией и вооруженным восстанием. «Не может быть назначена народная революция, это справедливо,— писал В. И. Ленин,— ...Но назначить восстание, если мы его действительно готовили и если народное восстание возможно, в силу *совершившихся* переворотов в общественных отношениях, вещь вполне осуществимая» [54]. Выступая против меньшевиков, не желавших поднимать массы на восстание и назначить его срок, В. И. Ленин тогда же определил, при каких необходимых условиях может быть назначено восстание. Оно «может быть назначено, когда назначающие его пользуются влиянием среди массы и умеют правильно оценить момент» [55].

Не менее ложным является и приписываемое Ленину утверждение Карбонеля о том, что революционная ситуация — это историческая случайность, являющаяся определяющим условием победы революции.

Разработкой положения о революционной ситуации В. И. Ленин обогатил марксистское учение о революции. Во многих своих работах В. И. Ленин особо подчеркивал, что революционную ситуацию нельзя создать искусственно, что она является совокупностью объективных изменений в общественно-политической и экономической жизни той или иной страны, которые происходят независимо от воли отдельных классов и партий. Революционная ситуация — это такое состояние общества, когда налицо общенациональный политический кризис, затрагивающий одновременно и эксплуатируемых и эксплуататоров. Кризис этот создается в результате действия объективных законов общественного развития. Однако возможность революции, обусловленная революционной ситуацией, не означает, что революция произойдет сама собой. Революционная ситуация лишь подготавливает благоприятные условия для победы революции. Для реализации же этих возможностей необходимым является субъективный фактор. В октябре 1917 г., когда в России наглядно проявились все характерные признаки общенационального кризиса, именно благодаря зрелости субъективного фактора, т. е. сознательности, организованности и способности революционных сил с партией большевиков во главе к борьбе, революция одержала победу.

На примере Карбонеля можно легко проследить, как приходится изворачиваться буржуазным историкам, пишущим об Октябре. Мифам и явной клевете народ уже не верит, и литература, откровенно враждебная социализму, особым доверием не пользуется. Писать же правду об истории социалистической революции буржуазным историкам не позволяют их политические убеждения. Поэтому им приходится подделываться под «объективных» исследователей, и в этом стремлении они демонстрируют подчас настоящую виртуозность по части «искусства» фальсификации. Чего

[54] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 259.
[55] Там же, с. 260.

стоят, например, в этом отношении рассуждения Карбонеля на тему «народные массы и Октябрь». Раздел в его книге, где он повествует об Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде, носит особо интригующее название: «Массы — бесполезны или необходимы?». «Известен тезис,— пишет Карбонель,— который отстаивает талантливо, правда, лишь с точки зрения литературного таланта, Малаперт, согласно которому Октябрьская революция была делом одной тысячи рабочих, солдат и матросов, навербованных на Путиловском и Выборгском заводах, кораблях Балтийского флота и в казармах Латышского полка». Карбонель считает своим долгом «разоблачить» этот тезис, не боясь даже при этом сослаться на факты. «Малаперт забывает,— пишет он,— о постах красногвардейцев, установленных после обеда 24 октября на основных мостах через Неву, о сотнях красногвардейцев и солдат, которые заняли позиции вокруг Смольного, о многочисленных и хорошо снабженных аванпостах за пределами столицы, которые должны были обратить на свою сторону или арестовать контрреволюционные соединения, направляющиеся к городу» [56]. Было бы ошибкой, однако, полагать, что это «разоблачение» Карбонель предпринимает с целью приблизиться к истине. Все это лишь подход к фальсификации, более изощренной по сравнению с той, на какую оказался способным итальянский историк.

Насчитав несколько больше, чем Малаперт, участников штурма Зимнего, Карбонель ставит вопрос: было ли необходимо сосредоточивать такие силы? «Можно ли допустить,— пишет он,— что Смольный, так хорошо осведомленный обо всем, что делается в городе, так сильно ошибался в своих оценках (способностей Зимнего к сопротивлению.— *А. Ю.*). Нет ли скорее в этом желании — собрать очень большое количество солдат и красногвардейцев вокруг центра «сопротивления» — позиции, которая подчинена больше идеологическим соображениям, чем тактической необходимости. Больше всего большевики боялись того, чтобы их революция не походила на заговор и чтобы Октябрь не показался воплощением идей бланкизма, отвергнутых Марксом». Далее Карбонель воспроизводит некоторые выдержки из письма В. И. Ленина Центральному Комитету «Марксизм и восстание»: чтобы быть успешным, восстание должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс — и так заключает свой раздел об Октябрьском вооруженном восстании: «Теоретическая последовательность требовала таким образом значительного участия народа в революционной борьбе. Мобилизация масс, с точки зрения тактики,— это ненужная роскошь, по соображениям же идеологическим она являлась необходимостью. Взятие власти в таком случае становится законным явлением, освященным участием большого количества народа» [57].

[56] *Carbonell Ch.-O.* Le Grand Octobre russe..., p. 252.
[57] Ibid., p. 252—253.

Как видно из изложенного, Карбонель здесь остается верным своему замыслу: свести Октябрьскую революцию к вооруженному восстанию в Петрограде, а это последнее — к взятию Зимнего. При этом он умышленно скрывает от читателя, видимо, хорошо ему известное обстоятельство о том, что Временное правительство было низложено уже утром 25 октября, а взятие Зимнего дворца явилось завершением восстания.

Что касается вопроса о боевых силах революции, то если уж Карбонель взялся за уточнение этого вопроса, ему было бы достаточно обратиться к фактам, ставшим уже до выхода в свет его книги достоянием исторической науки. Советские историки провели большую работу в этом направлении. Большой фактический материал содержится в работах советских историков о численности и принципах деятельности Красной гвардии [58]. В обобщающем труде по истории Октябрьской революции академика И. И. Минца имеются суммированные данные по 150 пунктам страны. Общая численность Красной гвардии накануне Октября составляла около 75 тыс. человек. В Петрограде число красногвардейцев ко времени вооруженного восстания равнялось 40 тыс.[59] Многотысячная Красная гвардия стала передовым вооруженным отрядом армии пролетарской революции. Вместе с тем, организуя вооруженное восстание, партия большевиков проводила большую работу в армии, направленную на то, чтобы обеспечить не только сочувствие, но и активную поддержку вооруженного восстания со стороны ее значительной части.

В трудах советских историков достаточно убедительных фактов о том, каким образом в ходе революционной борьбы и благодаря неутомимой деятельности партии большевиков армия, и прежде всего Балтийский флот, революционные войска Петрограда и солдаты Северного фронта, к октябрю 1917 г. выступили на стороне вооруженного восстания [60].

В этих трудах имеются, в частности, и данные о количестве участников вооруженного восстания в Петрограде. Так, Е. Ф. Ерыкалов доказывает, что в этом восстании приняло участие не менее 100 тыс. красногвардейцев, матросов и солдат [61].

Разумеется, все боевые силы революции, которые к моменту вооруженного восстания исчислялись сотнями тысяч, создавались

[58] См., например: *Ерыкалов Е. Ф.* Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М., 1957; *Логунова Т. А.* Московская Красная гвардия в 1917 г. М., 1960; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. Документы и материалы. М., 1962; *Старцев В. И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.— Л., 1965.

[59] *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 2, с. 985—986.

[60] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.— Л., 1957; *Капустин М. И.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957; *Гапоненко Л. С.* Солдатская масса Западного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1953.

[61] *Ерыкалов Е. Ф.* Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966, с. 343.

не из расчета на силу сопротивления защитников Зимнего дворца, составлявших к 25 октября 3 тыс. человек [62].

Прежде всего процесс создания боевых сил революции был одновременно и процессом разоружения сил контрреволюции. Кроме того, готовя вооруженные силы восстания, партия большевиков выполнила указание В. И. Ленина о необходимости иметь перевес сил над противником. «В решающий момент в решающем пункте,— писал В. И. Ленин,— иметь подавляющий перевес сил — этот «закон» военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией» [63]. И, наконец, создание боевых сил революции обеспечило одно из самых необходимых условий для победы вооруженного восстания,— вокруг Петрограда было создано то революционное кольцо, которое гарантировало от прихода туда контрреволюционных соединений, верных Временному правительству.

Говоря о вооруженных силах восстания, необходимо иметь в виду, что их создание осуществлялось партией большевиков в обстановке нарастания поистине всенародной революции. Военная стратегия, подготовка армии революции не были для партии самоцелью. Она всегда учитывала ленинское положение о том, что социал-демократия «никогда не опускалась до игры в военные заговоры, она никогда не выдвигала на первый план военных вопросов, пока не было налицо условий начавшейся гражданской войны» [64]. Сколь бы ни были внушительными цифры о количестве вооруженных сил Октябрьского восстания, только по ним нельзя составить представления о народном характере революции.

Важно отметить, что те из буржуазных историков, которые стремятся к объективной оценке обстановки в стране накануне революции, констатируют в своих исследованиях не только внешние, бросающиеся в глаза явления и события, но и некоторые глубинные процессы, характерные для состояния русского общества. «Силу брожения деревенских масс и силу рабочего движения,— отмечает, например, директор института славяноведения в Париже Р. Порталь,— нельзя измерить лишь ограниченным количеством провозглашенных недовольств, манифестациями и забастовками. Глубинные противоречия общества, слишком медленно приспосабливающегося к новым условиям современной жизни, порождали в народе более смутную и более общую злобу. «Россия подземная» была не только в подпольных акциях меньшинства революционеров, она была также в потенциальных возможностях требований и мощи, которые простое чувство справедливости удерживало в народном сознании. Идея раздела земли пронизывала умонастроения большинства крестьян; вокруг заво-

[62] Там же, с. 433–436.
[63] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 6.
[64] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 340.

дов клокотал скрытый гнев, который революционные агитаторы намеревались дисциплинировать. Надо учитывать эти психологические элементы, мало заметные для современников, чтобы понять быстроту и размах крушения 1917 г., которые нельзя объяснить только последствиями войны» [65].

Некоторые авторы в своих работах уделяют много внимания анализу революционного движения рабочих и крестьян и в результате приходят к знаменательным выводам. «Глубокое недовольство, — пишет профессор Национального центра политических наук Э. Каррер д'Анкосе,— охватывает массы не только на заводах столицы, но и во всей стране». В ее же работах есть и более обобщающие выводы о том, что рабочий класс осознал необходимость политических изменений и выдвинул радикальные требования и что «русская революция как в Феврале, так и в Октябре была результатом народных движений, глубоких чаяний народа» [66].

Факторами, определившими общенародный характер Октябрьской революции, явилось то, что только путем осуществления социалистической революции было возможно решить земельный вопрос, дать крестьянам землю, удовлетворить народное требование мира, вывести страну из того общенационального кризиса, в состоянии которого Россия оказалась в сентябре — октябре 1917 г.

Итак, анализ некоторых тенденций современной французской буржуазной и реформистской историографии свидетельствует о стремлении правящих кругов и их идеологов объединить усилия представителей разных отраслей обществоведения на единой платформе антикоммунизма и антисоветизма. Пытаясь усилить влияние буржуазной идеологии на массы, авторы публикаций по истории Октябрьской революции стремятся найти такие объяснения событий 1917 г., которые бы препятствовали дальнейшему росту сознательности и активности французских трудящихся. Расширение проблематики исследований, введение в оборот наукообразных концепций — все это усложняет борьбу с фальсификаторами истории и требует более аргументированной их критики.

Большую работу в этом направлении проводят французские историки-марксисты, руководители ФКП. В 60—70-х годах во Франции было издано несколько работ по Октябрьской революции. Среди них следует прежде всего назвать вышедшую в 1967 г. книгу Ж. Дюкло «Октябрь 1917 года во Франции» [67], в которой автор дал анализ основных событий революции, раскрыл роль партии большевиков и В. И. Ленина в обеспечении победы социалистической революции.

[65] *Portal R.* Les Slaves. Peuples et Nations. Paris, 1965, p. 327.
[66] *Carrèr d'Encausse H.* Op. cit., p. 57, 64, 73.
[67] *Duclos J.* Octobre 17 vu de France. Paris, 1967.

В 1967 г. увидела свет монография Ж. Элейнштейна «Революция революции» [68], в которой с марксистско-ленинских позиций дан анализ предпосылок социалистической революции, условий, обеспечивших ее победу, показан всеобщий характер закономерностей социалистической революции. Заметным событием явился выход в 1970 г. книги Ж. Коньо «Ленин с нами» [69], в которой освещаются основные события революции, показано всемирно-историческое значение ленинизма. Видные французские историки-марксисты Ж. Воллар, Р. Бурдерон, Ж. Гакон систематически выступают против фальсификации истории советского общества на различных этапах его развития.

Важное место в идеологической работе французских коммунистов занимает борьба с антикоммунизмом и антисоветизмом — идеологией и политикой крайне реакционной монополистической буржуазии. В работах Генерального секретаря Французской коммунистической партии Ж. Марше, секретаря ЦК ФКП Р. Леруа, руководителя института им. М. Тореза при ЦК ФКП Ж. Коньо, члена политбюро ФКП П. Лорана, члена ЦК ФКП Л. Фигера вскрываются причины активизации антикоммунизма и антисоветизма во Франции, выявляются классовые корни и специфические признаки этих явлений на современном этапе. Наряду с этим французские коммунисты ведут большую работу по дальнейшему развитию марксистско-ленинской теории, по пропаганде достижений и преимуществ социализма [70].

Все это способствует росту авторитета Французской коммунистической партии, сплочению вокруг нее всех прогрессивных сил страны.

[68] *Elleinchtein.* La révolution des révolutions. Paris, 1970.

[69] *Cogniot G.* Présence de Lénine. Paris, 1970.

[70] *Marchais G.* Le défi démocratique. Paris, 1973; *Leroy R.* Antisoviétisme et anticommunisme: combat contre le léninisme vivant.— «France nouvelle», 1974, N 1479; *Cogniot G.* L'anticommunisme, ses constantes etses aspects actuels.— «Cahiers du communisme», 1970, N 7—8; *Laurant P.* Le socialisme vivant sert de stimulant à nos luttes.— «L'Humanité», 1973, 9 novembre; *Figuères L.* Le trotskism, cet antiléninisme. Paris, 1969; *idem.* L'anticommunisme, formes anciennes et nouvelles.— «Cahiers du communisme», 1972, N 7—8.

III

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

ИССЛЕДОВАНИЯ Я. А. ЯКОВЛЕВА ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Г. Ф. Сиволапова

Яков Аркадьевич Яковлев принадлежал к числу тех историков-марксистов, которые, прежде чем изучать историю, принимали активное участие в борьбе за революцию, на фронтах гражданской войны и хозяйственном строительстве. Я. А. Яковлев, член большевистской партии с 1913 г., делегат VI съезда партии и II Всероссийского съезда Советов. Один из организаторов борьбы за установление Советской власти на Украине, он в годы гражданской войны принимал активное участие в борьбе украинского народа с интервентами и белогвардейцами. Он входил в штаб вооруженного восстания харьковских рабочих в 1918 г., был членом Бюро ЦК КП(б)У, в 1918—1920 гг.— председателем Екатеринославского и Киевского губкомов партии, начальником Политотдела 14-й армии.

После освобождения Украины Я. А. Яковлев — член Политбюро и Оргбюро ЦК КП(б)У, председатель Харьковского губкома, в мае 1920 г. был избран членом ВУЦИК. С конца 1920 г. Яковлев работает в Москве, в Главполитпросвете. В 1922—1923 гг. он — заместитель заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б), с 1923 — заведующий отделом печати ЦК РКП(б). Назначенный в 1926 г. заместителем наркома РКИ, он вел большую работу по улучшению советского государственного аппарата. В декабре 1929 г. Я. А. Яковлев был назначен наркомом земледелия СССР. Вместе с ведущими деятелями партии и государства он осуществлял непосредственное руководство работой по переводу миллионных крестьянских масс на социалистический путь. «Говоря о вопросах теории и практики колхозного строительства, нельзя не вспомнить о видной роли в этих исторических делах аграрника-марксиста Я. А. Яковлева,— пишет С. П. Трапезников.— С его именем связана разработка всех важ-

нейших документов по вопросам колхозного строительства: он возглавлял комиссию Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам сплошной коллективизации; под его руководством разработаны два варианта Устава сельскохозяйственной артели; он являлся основным докладчиком на обоих всесоюзных съездах колхозников-ударников; он автор многих крупных работ по вопросам марксистско-ленинской аграрной теории»[1]. Яковлев избирался членом ЦК партии и ЦИК СССР.

Я. А. Яковлев постоянно занимался изучением истории. Он автор многих работ по проблемам Октябрьской революции, советского строительства, социалистического преобразования деревни. Он принимал активное участие в той острой идейной борьбе, которая развернулась в исторической науке после Октябрьской революции. Работы Яковлева внесли значительный вклад в борьбу партии против буржуазной и меньшевистско-эсеровской историографии, в идейный разгром троцкизма.

Если практическая деятельность Яковлева, в частности как наркома земледелия СССР, нашла освещение в исторической литературе[2], то вопрос о Я. А. Яковлеве как историке остается малоизученным. «Огромен список работ Я. А. Яковлева,— пишет Ю. А. Поляков.— Широк круг его интересов, разнообразна тематика, различны жанры. Нужны специальные историографические работы, чтобы тщательно разобраться в этом наследии, должным образом оценить роль Я. А. Яковлева в советской исторической науке, его вклад в разработку проблем социалистического строительства». Отмечая роль Яковлева как историка и публикатора документов Великого Октября, он подчеркивает: «Историографический анализ работ Я. А. Яковлева должен стать предметом специального исследования»[3].

Первые работы Я. А. Яковлева[4] были посвящены вопросам борьбы украинского народа. Работы носили популярный характер, но они написаны рукой человека, стремившегося проникнуть в законы истории. Яковлев характеризовал политику национального и классового угнетения, проводившуюся в течение веков польскими панами в отношении украинских крестьян Галиции и Западной Украины, и анализировал причины войны панской Польши с Советской Россией.

История анархизма, история мелкобуржуазных партий в России привлекает внимание Яковлева уже в эти годы. Опыт борьбы

[1] *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. II. М., 1974, с. 274.

[2] *Трапезников С. П.* Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. М., 1965; *Ивницкий Н. А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972.

[3] *Поляков Ю. А.* Работа, по мысли Ильича сделанная.— «Вопросы истории», 1975, № 5, с. 216, 217.

[4] *Яковлев Я.* Против польских панов и польских наймитов. Харьков, 1920; *он же.* Советская власть на Украине и махновщина. Харьков, 1920.

с политическим бандитизмом, махновщиной нашел свое отражение в его книгах, посвящённых анархизму. В 1921 г. в Харькове (а затем в Москве) выходит его работа «Русский анархизм в Великой русской революции». В ней рассмотрена социальная база анархизма, прослежена его эволюция в первые годы Советской власти.

Автор детально изучил историю махновщины, превращение ее из движения украинского крестьянства, направленного против гетманщины, германского империализма и белогвардейщины, в кулацкое антисоветское движение с анархистскими лозунгами. Эта работа — одна из первых по истории российского анархизма. Привлечение широкого круга источников дало возможность автору глубоко и аргументированно проанализировать разложение анархизма в России.

20—30-е годы были временем становления советской исторической науки, когда на основе марксизма-ленинизма переосмысливалась история России и всемирная история, когда выковывались кадры историков-марксистов, выдвигались и решались новые исторические проблемы. Центральной задачей молодой советской исторической науки стала разработка истории Октябрьской революции. Вокруг главных проблем Октябрьской революции — ее характера, движущих сил, исторической закономерности — развернулась острейшая борьба с буржуазной и мелкобуржуазной историографией.

Решающую роль в разгроме буржуазной и меньшевистско-эсеровской историографии Октября сыграли работы В. И. Ленина. Труды В. И. Ленина создали марксистскую концепцию истории России и Великой Октябрьской социалистической революции.

Большим вкладом в разработку истории Октябрьской революции были статьи и выступления активных ее участников, виднейших деятелей партии и советского государства — Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, С. М. Кирова, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, Г. К. Орджоникидзе, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина, С. Г. Шаумяна.

В активную борьбу с буржуазно-меньшевистской историографией Октября и научное исследование истории Октябрьской революции включились большевики-историки: М. Н. Покровский, Н. Н. Батурин, В. А. Быстрянский, В. И. Невский, М. С. Ольминский, Я. А. Яковлев и др.

Старые кадры буржуазных историков, воспитанные на методологических основах философского идеализма, были неспособны решить задачу создания истории Октябрьской революции. Предпринимавшиеся партией меры по подготовке новых марксистских кадров историков не могли дать результаты сразу. В первые годы после революции именно видные партийные публицисты, активные участники революции, историки, прошедшие еще до революции марксистскую школу, приступили к сложнейшей задаче научного исследования истории Октябрьской революции, борьбы с

меньшевистско-кадетской фальсификацией истории Октября, подготовки марксистских кадров. Однако, занятые большой партийной и советской работой, они не могли полностью посвятить себя научной деятельности. М. Н. Покровский говорил в 1927 г.: «Тогдашние ученые-большевики, в частности большевики-историки, насчитывались единицами, и эти единицы были настолько перегружены административной и всякой иной работой, что, в сущности, науке, как таковой, реорганизации науки, они могли уделять лишь самое минимальное время...» [5].

К этой замечательной плеяде первых советских историков-марксистов можно с полным основанием отнести и Якова Аркадьевича. Одной из основных тем Яковлева как историка стала история Октябрьской революции. В 1922 г. выходит первый труд Я. А. Яковлева по истории Октября [6]. По своему характеру он стоит в ряду общих популярных очерков по истории революции. Однако в нем содержалась серьезная попытка теоретического осмысливания с марксистских позиций предпосылок, содержания и характера Февральской и Октябрьской революций, пропаганды ленинской концепции революции. В брошюре дана ленинская характеристика основных противоречий пореформенной России, экономических предпосылок революции 1905—1907 гг., а затем предпосылок и расстановки классовых сил в стране накануне Февральской революции: «Вопрос об *уничтожении феодально-помещичьих элементов в экономическом и политическом строе России, в особенности вопрос о земле*, а равно вопрос о прекращении дикого, варварского угнетения малых национальностей, всякая затяжка в решении которого душила экономическое развитие России, были поставлены всей историей капиталистического развития России»,— писал автор [7]. Природу противоречий «с полной ясностью и четкостью осознала в итоге уроков первой русской революции только наша партия»,— подчеркивалось в работе Яковлева.

Рассматривая вопрос о выработке партией тактики после революции 1905 г., Яковлев опирается на резолюцию IV Объединительного съезда партии, на высказывания В. И. Ленина о роли пролетариата в буржуазно-демократической революции, о роли Советов как органов революционной власти, о борьбе за право наций на самоопределение. В сфере внимания автора причины Февральской революции и роль войны «как мощного паровоза революции».

Большое место в работе уделено разоблачению монархической позиции либеральной буржуазии накануне и в период Февральской революции. Автор отметил, что «непосредственно накануне Февральской революции либералы были готовы к тому, чтобы *под охраной гвардейских штыков перейти со стульев оппозиции*

[5] «Вестник Коммунистической академии», 1932, № 4—5, с. 48.
[6] *Яковлев Я. А.* Об историческом смысле Октября. М., 1922.
[7] Там же, с. 3.

его величеству на стулья правительства его величества, подавляющего и предупреждающего революцию» [8].

Одну из причин прихода буржуазии к власти в февральские дни 1917 г. Яковлев видел в недостаточной сознательности и организованности рабочего класса [9]. Дальше мы увидим, насколько шире поставит этот вопрос Яковлев в своих более поздних работах.

Основное противоречие Февраля Яковлев видел в том, что классам рабочих и крестьян, произведшим революцию, противостояли классы, «в корне враждебные *революционному решению основных проблем русской буржуазной революции, но в то же время совершенно неспособные силой провести свое, буржуазное решение этих проблем»* [10].

Я. А. Яковлев уже в 1922 г. в систематическом очерке предпринял попытку исследования исторического смысла первых декретов Советской власти. При этом он опирается на труды В. И. Ленина. Приближаясь к ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, Яковлев проанализировал своеобразие русской революции и закономерность перехода власти в руки пролетариата. Однако, как и некоторые другие историки тех лет, автор не усвоил ленинской идеи о выполнении Октябрьской социалистической революцией ее побочных демократических задач «походя и мимоходом». Оценивая характер Октябрьской революции, он подчеркивал его двойственность: с одной стороны — решение буржуазно-демократических задач, с другой — прорыв в будущее, в социализм. Говоря о двойственном характере революции, Яковлев все же близко подходит к ленинскому пониманию пролетарского характера Октябрьской революции: «Но кардинальным, бросающим, пожалуй, наиболее яркий луч на социальную природу Октября, является то постановление II Съезда Советов, которое гласит: «Вся власть на местах переходит Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Этими несколькими словами был определен переход от буржуазной диктатуры — к диктатуре пролетарской» [11]. Анализ декретов II Всероссийского съезда Советов был дан Я. Яковлевым более правильно и последовательно, чем это сделал год спустя С. Пионтковский, который несколько механически делил декреты съезда на две группы: одни, носящие буржуазно-демократический характер (декрет о земле), другие — пролетарский (декрет о мире, о власти) [12]. Рассматривая декреты, Яковлев с ленинских позиций показал, как в них решались и буржуазно-демократические

[8] *Яковлев Я. А.* Об историческом смысле Октября. М., 1922, с. 9.

[9] Там же, с. 10.

[10] Там же.

[11] Там же, с. 17.

[12] *Пионтковский С.* Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Популярно-исторический очерк. М.— Пг., 1923, с. 79—86.

и социалистические задачи: «*В вопросе о земле*: уничтожение частной собственности на землю — *это вчерашний и сегодняшний день* буржуазно-демократической революции. И одновременно, в условиях Октября удар по частной собственности — сегодняшний и завтрашний [день] социалистической революции» [13].

Для этой работы Яковлева, как и для большинства его трудов, характерно использование значительного круга источников.

Работа Яковлева носит боевой, наступательный партийный характер. Все содержание ее было направлено против кадетской и меньшевистской трактовки Февральской и Октябрьской революции. Вскрывая коренные причины Февральской революции, Яковлев замечает: «Февраль 17-го года кажется до сих пор тупоголовым гладиаторам романовской монархии какой-то неожиданной злокозненной катастрофой. От этого взгляда не свободен и историк (!) Милюков...» [14]. Этой же задаче служит последовательное разоблачение Яковлевым позиции либеральной буржуазии во время революции, ее неспособности решить задачи «своей», буржуазной революции. Обоснование не только буржуазных, но и социалистических задач Октябрьской революции ударяло по буржуазно-кадетской историографии, отрицавшей социалистический характер революции. Так советские историки, а в их ряду и Яковлев, вскрывая предпосылки и закономерности Февральской и Октябрьской революций, показывая движущие силы и роль народных масс в революции, успешно решали задачу борьбы с буржуазными и мелкобуржуазными фальсификациями истории.

Огромную роль в становлении Яковлева как историка-марксиста сыграли встречи и непосредственные контакты с В. И. Лениным [15].

Таким образом, в этой ранней работе Яковлева четко поставлен и решен с марксистских позиций ряд основных вопросов истории Февральской и Октябрьской революций. Брошюра Я. А. Яковлева была шагом вперед в осмыслении молодой советской исторической наукой проблем Октябрьской революции. Как справедливо отмечала М. В. Нечкина в 1927 г., это был

[13] *Яковлев Я.* Об историческом смысле Октября, с. 16.

[14] Там же, с. 8.

[15] Реализуя непосредственное указание В. И. Ленина о необходимости опровергнуть пролеткультовские взгляды по отношению к интеллигенции (В. И. Ленин беседовал с Я. А. Яковлевым 11 и 23 октября 1922 г.— См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 689, 693), Яковлев пишет для «Правды» статью «О „пролетарской культуре“ и Пролеткульте». Первые работы Яковлева по истории революции хранятся в библиотеке В. И. Ленина в Кремле: книга «Русский анархизм в Великой русской революции» (с дарственной надписью: «Владимиру Ильичу—учителю первая ученическая работа. *Я. Яковлев.* 4/X—21 г.») и работа «Об историческом смысле Октября» (с дарственной надписью: «Дорогому Владимиру Ильичу — от ученика. 30/I—23 г.») (Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, с. 188, 304).

«новый тип построения монографий и монографических статей: популяризация, обладающая качествами монографии» [16].

Отмечая положительное значение этой работы Яковлева, мы видим в ней недостатки, характерные для первого периода изучения истории Октябрьской революции. В ней не прослеживаются основные этапы развития революции от Февраля к Октябрю и, прежде всего, нет анализа двоевластия; характер Октябрьской революции определяется как двойственный: с одной стороны, она буржуазно-демократическая, с другой — социалистическая.

Яковлев, как и все историки-марксисты тех лет, сочетал научную работу с большой общественной и государственной деятельностью. С 1922 г. он заместитель заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б), а затем — заведующий отделом печати ЦК РКП(б) и главный редактор «Крестьянской газеты». «Крестьянская газета» пользовалась огромной популярностью среди миллионов трудящихся деревни. Через газету Яковлев организовал сбор материалов и мемуаров крестьян об Октябрьской революции в деревне. Яковлев работал также в редколлегиях газеты «Беднота» и журнала «Народный учитель».

Как историк, Яковлев принял активное участие в работе Центрархива, выполняя поставленную партией задачу по развертыванию архивного дела в нашей стране и публикации документальных источников. С 1925 г. Центрархив начал издание серии сборников «1917 год в документах и материалах». Эта серия выходила под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева, с предисловиями последнего [17].

Редакторами и составителями этой серии публикации источников была проделана огромная работа по выявлению, обработке,

[16] *Нечкина М. В.* Наука русской истории.— В кн.: Общественные науки СССР, 1917—1927. М., 1928, с. 150.

[17] В течение 1925—1931 гг. в серии «1917 год в документах и материалах» вышли следующие издания: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро ИК. М.— Л., 1925; Разложение армии в 1917 г. М.— Л., 1925; Рабочее движение в 1917 году. М.— Л., 1926; Крестьянское движение в 1917 году. М.— Л., 1927; Буржуазия накануне Февральской революции. М.— Л., 1927; Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М.— Л., 1927; Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. М.— Л., 1928; Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. Т. I—II. М.— Л., 1930—1931; Государственное совещание. М.— Л., 1930; Всероссийское Учредительное собрание. М.—Л., 1930. К этому изданию тесно примыкают публикации в «Красном архиве»: Протоколы заседаний ЦИК и Бюро ЦИК СР и СД 1-го созыва после Октября. Март — май 1917 года («Красный архив», 1925, № 3; 1926, № 2) с предисловиями Яковлева. В печати есть упоминание о подготовке еще ряда сборников с предисловиями Яковлева (Протоколы заседания ВЦИК 2-го созыва. Железнодорожные рабочие в 1917 году), однако эти сборники не были выпущены.

систематизации большого газетного и архивного материала (фонды I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского совещания Советов, Государственного совещания, Исполнительного комитета и Бюро исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, материалы Главного управления по делам милиции Временного правительства и др.) В этой публикации ясно виден марксистский подход к осуществлению общего замысла всей серии. Основное внимание уделялось материалам, характеризующим рабочее, крестьянское и солдатское движение в 1917 г., борьбу народных масс за развитие революции. Серия «1917 год в документах и материалах» явилась крупным вкладом в документальную базу, необходимую для изучения истории Октябрьской революции.

Участие Яковлева в издании серии «1917 год в документах и материалах» было частью его большой подготовительной работы по созданию монографии, посвященной истории Октябрьской революции. В предисловии к публикации «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов» отмечалось: «Все перечисленные книги (публикации серии «1917 год в документах и материалах».— *Г. С.*) подготовлены к печати группой товарищей, подбиравших материалы к «Истории Октябрьской революции» Я. А. Яковлева. Из этих подобранных и систематизированных материалов некоторые имеют настолько большое историческое значение и интерес, что мы приступили к их публикации» [18].

Уже в 1924—1925 гг., а затем в 1927 г. в журналах публикуются фрагменты и разделы из подготовляемой книги Яковлева «История Октябрьской революции» [19], в которой были широко использованы материалы серии «1917 год в документах и материалах» и идентичные архивные материалы, не вошедшие в эту публикацию.

Большой интерес представляют предисловия Яковлева к отдельным сборникам серии «1917 год в документах и материалах», освещающие коренные проблемы Октябрьской революции и острием своим направленные против троцкистской интерпретации Октябрьской революции. Опираясь на достаточно прочный фундамент источников, Яковлев обращается к исследованию истории рабочего, крестьянского, солдатского движений, к изучению роли мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров в период революции.

Изучая развитие рабочего, крестьянского, солдатского движений в период революции, Яковлев не ограничивается рассмотре-

[18] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, с. 2.

[19] *Яковлев Я. А.* Армия перед Октябрем (из книги «К истории Октябрьской революции»).— «Красная новь», 1924, № 7-8; *он же.* Из подготовительных работ по «Истории Октябрьской революции».— «Красная новь», 1925, № 4; *он же.* Февральские дни 1917 г. Отрывок из подготовляемой книги «История Октябрьской революции».— «Пролетарская революция», 1927, № 2—3.

нием этого процесса в общем плане, а анализирует эти движения на каждом конкретно-историческом этапе развития революции.

В предисловии к сборнику «Рабочее движение в 1917 г.» он выделяет следующие этапы его истории: движение рабочих накануне Февральской революции; движение от февральских дней до июля; движение в послеиюльские дни; перед Октябрем и в Октябре [20]. Данная периодизация исходит из ленинской концепции основных этапов истории Октябрьской революции.

Автор исследовал важнейшие вопросы истории рабочего движения в 1917 г.: деятельность партии по руководству рабочим движением, борьба рабочих за 8-часовой рабочий день и тариф, роль профсоюзов и фабрично-заводских комитетов в революции, рабочее движение на местах, борьба партии за укрепление союза рабочего класса и беднейшего крестьянства, причины корниловщины и значение ее разгрома в усилении политического движения рабочего класса против Временного правительства, большевизация профессиональных организаций рабочего класса. Рассматривая развитие профсоюзного движения в этот период, он отметил, что в процессе борьбы за 8-часовой рабочий день и за повышение заработной платы росла политическая организованность рабочего класса. Он дал четкую характеристику фабзавкомов и профсоюзов.

Особое внимание Яковлев уделил рассмотрению вопросов руководства большевиками рабочим классом, в том числе экономической борьбой рабочих. Говоря о стачке московского пролетариата в связи с Государственным совещанием, Яковлев отмечал, что здесь дала свои результаты «многомесячная работа большевиков по борьбе за 8-часовой рабочий день, по борьбе за тариф, по разоблачению действительной классовой природы меньшевистско-эсеровского правительства» [21]. Яковлев на примерах борьбы петроградских и московских металлистов показал «невозможность для буржуазии полностью реализовать плоды своей июльской победы... Ее размах (московской стачки металлистов.— *Г. С.*), единодушие и решительность рабочих оказались достаточными для того, чтобы не допустить буржуазию реализовать в области экономической плоды политической победы 3—5 июля». Из этого Яковлев сделал важный вывод: «В этих поражениях на фронте экономической борьбы таится причина решительного поворота предпринимательских кругов, и особенно кругов московских, в сторону поддержки корниловской авантюры» [22].

Очень интересен у Яковлева анализ рабочего движения после разгрома корниловщины. В исторической литературе того времени уже было показано значение разгрома корниловщины в процессе сплочения рабочего класса вокруг большевистской партии.

[20] Рабочее движение в 1917 году, с. 3.
[21] Там же, с. 7.
[22] Там же.

Яковлев сделал попытку проанализировать изменения характера, форм борьбы рабочего класса после корниловщины и в связи с этим показать, как партия большевиков на собственном политическом опыте рабочих масс подводила их к необходимости борьбы за власть, за установление диктатуры пролетариата. «... Экономические конфликты начинают носить сугубо политический характер. Они или не находят разрешения в рамках дооктябрьского строя, или непосредственно превращаются в политические конфликты, или вырастают непосредственно в восстание... Этот непосредственный переход одной формы борьбы в другую на фоне общего нарастания размаха борьбы, числа ее участников, напряженности борьбы, решительности борцов и составляет конкретную историю того, как русский рабочий класс вырос в вождя всех угнетенных масс России» [23].

Указывая, что в эти месяцы исключительное значение приобретает борьба за установление контроля над производством, Яковлев отмечал, что эта весьма активная форма борьбы сплачивала и организовывала рабочих, была наиболее понятной даже отсталым слоям и подводила их к пониманию необходимости перехода власти в руки Советов: «Это был путь к большевизму, к идее Советской власти» [24]. Широкий размах политической борьбы рабочего класса Яковлев связывает с ростом влияния большевистской партии: «Переход организаций рабочего класса под руководство большевистской партии в эти месяцы происходит с исключительной быстротой» [25].

Яковлев подчеркивал роль рабочего класса как гегемона революции, вождя трудящихся крестьянских и солдатских масс: «Заполнившая политическую историю последних двух десятилетий борьба между буржуазией и пролетариатом за руководство крестьянством окончилась победой пролетариата» [26].

Яковлева как историка весьма интересовало и международное значение опыта Октябрьской революции. Он писал, что опыт большевистской партии по подготовке пролетарских масс к социалистической революции может быть использован братскими коммунистическими партиями [27].

К разобранному выше предисловию близко примыкала статья Яковлева «Из подготовительных работ по „Истории Октябрьской революции“» [28], посвященная некоторым вопросам рабочего движения в 1917 г. Она состояла из двух разделов: 1. «Борьба за 8-часовой рабочий день»; 2. «Донбасс». Эти темы, только намеченные Яковлевым в предисловии к сборнику по истории рабочего

[23] Там же, с. 8.
[24] Там же, с. 9.
[25] Там же, с. 10.
[26] Там же.
[27] Там же.
[28] *Яковлев Я. А.* Из подготовительных работ по «Истории Октябрьской революции».— «Красная новь», 1925, № 4.

движения, в статье получили более полную разработку. В разделе, посвященном борьбе рабочего класса за 8-часовой рабочий день, Яковлев раскрыл сущность политики соглашательских партий в Советах по этому вопросу. Он противопоставлял меньшевистской тактике «тушения революции», перевода рабочего движения на реформистский путь — большевистскую тактику, направленную на развитие революции, углубление классовой борьбы, подчеркивая, что только «... партия большевиков, как единственная рабочая партия, четко формулировала требования подавляющего большинства петроградских рабочих» [29]. На основании протоколов заседаний Московского, Харьковского, Саратовского, Екатеринбургского и других Советов Яковлев показал, что рабочие вводили 8-часовой рабочий день вопреки соглашательскому руководству, явочным путем, а Советы лишь вынуждены были подтверждать это своими решениями.

Значительное место в данной статье Яковлев уделил проблеме развития революции на местах. «За Петроградом и Москвой,— писал он,— в движение втягивается и провинция... борьба за уменьшение рабочего дня... охватывает всю территорию России. В этом одно из коренных отличий революции 1917 г. от революции 1905 г.» [30] Тему о революции на местах он разрабатывал в своих последующих работах [31], показывая, что на всем протяжении революции провинция быстро догоняла революционный Петроград, что важнейшей особенностью революции 1917 г. (в отличие от революции 1905 г. в России и Парижской Коммуны) была тесная связь столицы с провинцией, быстрое развитие революционного движения по всей России.

Не ограничиваясь этими общими выводами, Яковлев обратился к рассмотрению характера и особенностей развития рабочего движения в одном из важнейших промышленных районов России — Донбассе. В разделе «Донбасс», входящем в статью «Из подготовительных работ по „Истории Октябрьской революции“» [32], он выясняет причины упорной борьбы промышленников Юга с рабочим движением (мощная организация буржуазии, связанной тысячами нитей с иностранным капиталом, недостаточная организованность рабочего класса, среди которого был большой процент женщин и детей, политика соглашательских партий), прослеживает формы борьбы донецких рабочих с предпринимателями, пути большевизации рабочего класса Донбасса.

Эта статья Яковлева была по существу первой работой, в которой на основе документальных материалов анализировалась исто-

[29] *Яковлев Я. А.* Из подготовительных работ по «Истории Октябрьской революции».— «Красная новь», 1925, № 4, с. 205.

[30] Там же, с. 208.

[31] Протоколы заседаний ЦИК и Бюро ЦИК Советов Р. и С. Д. 1-го созыва после Октября.— «Красный архив», 1925, т. 3, с. 95; Государственное совещание, с. XXI.

[32] «Красная новь», 1925, № 4, с. 210—220.

рия развития рабочего движения в Донбассе в период подготовки Октябрьской революции. Вышедшие в этот период работы по истории рабочего движения в Донбассе [33] были слабо документированы. В статье Яковлева были использованы сборник «Рабочее движение в 1917 г.», «Торгово-промышленная газета», материалы Торгово-промышленного съезда и Съезда московских предпринимателей 14 марта 1917 г., совещания представителей каменноугольной, антрацитной, железорудной, соляной и металлургической промышленности Юга и др. Довольно широкая для того времени источниковая база делала работу Яковлева аргументированной и убедительной.

В 1927 г. вышло несколько работ по истории крестьянского движения в 1917 г.: «Крестьянство в 1917 г.» С. Дубровского, «Советы крестьянских депутатов в 1917—1918 гг.», «Большевики и крестьянство в революции 1917 г.» А. Шестакова и др. В этом же году вышли документальные сборники «Крестьянское движение в 1917 г.»; «Революция в деревне в 1917 г.» с предисловиями Яковлева. В предисловиях, как и в работах С. Дубровского и А. Шестакова, на документальном материале рассматривались важнейшие проблемы истории крестьянского движения в 1917 г.: периодизация крестьянского движения в 1917 г., крестьянские организации, организации беднейшего крестьянства и батраков, земельная политика Временного правительства, аграрная программа большевистской партии, ее деятельность среди крестьянства и др. В решение этих вопросов Яковлев внес много нового.

В предисловии к сборнику «Крестьянское движение в 1917 г.» Яковлев выделил два этапа крестьянского движения: март — июль и август — октябрь. Анализируя крестьянское движение на основе сводок Главного управления по делам милиции Временного правительства, автор раскрыл формы, характер, особенности крестьянского движения на каждом этапе [34]. На первом этапе, писал автор, преобладали «легальные и полулегальные формы движения», «скрытые формы захвата» [35]. Автор охарактеризовал различные формы движения: разнообразные способы дезорганизации помещичьего хозяйства, арендное движение, захватные формы. Говоря о преобладании в первые месяцы революции относительно мирных форм крестьянского движения, Яковлев, однако, заметил: «Не надо думать, что в эти месяцы не было и прямых захватов. Прямое захватное движение не только имело место в эти

[33] *Погребной С.* Луганский пролетариат в борьбе за Октябрь. Артёмовск, 1924; Краткий очерк революционного движения на Луганщине. Луганск, 1928; *Шлосберг Д.* Из истории экономической борьбы рабочих в Донбассе между Февралем и Октябрем.— «Летопись революции», Харьков, 1927, № 2.

[34] Если С. Дубровский сравнивал крестьянское движение в 1917 г. в целом с развитием крестьянского движения в 1905 г., то Я. Яковлев большое внимание уделил анализу особенностей отдельных этапов крестьянского движения 1917 г.

[35] Крестьянское движение в 1917 г., с. VI.

месяцы, но больше того,— его роль и вес растут из месяца в месяц» [36]. Яковлев считает важным выяснить тенденцию крестьянского движения, проследить процесс его нарастания. Уже в июле, указывал он, начался перелом в крестьянском движении. Он проследил рост разгромного движения в июле — августе. В августе, подчеркивал он, «налицо были... серьезные признаки начала перерастания аграрного движения в аграрную революцию» [37].

Анализируя развитие крестьянского движения осенью 1917 г., Яковлев вскрыл в нем основные качественные изменения: колоссальный рост разгромного движения, углубление движения, когда каждая его форма — захваты, арендное движение и другие — обостряется и переходит на ступень настоящей крестьянской войны [38].

Изменение характера крестьянского движения Яковлев поставил в тесную связь с потерей доверия крестьянских масс к Временному правительству и эсеровской партии. Он показал неизбежность разрыва крестьянских масс с эсеровской партией. «Крестьянин видел, на опыте своем убеждался в том, что надо выбирать: или за правительство социалистов-революционеров или за землю» [39]. Отсюда характерная черта второго этапа крестьянского движения по Яковлеву — его антиэсеровская направленность: «Поднимаясь на ступень войны, крестьянское движение вырывалось из рук социалистов-революционеров, разрывало рамки их организации» [40]. Показывая разрыв крестьянских масс с эсеровской партией, Яковлев изучил процесс завоевания пролетариатом своего союзника — трудового крестьянства. Именно сочетание рабочей революции с крестьянской войной против помещиков сделало рабочий класс непобедимым [41], указывал Я. А. Яковлев.

Поставив в общей форме вопрос о союзе рабочего класса и трудящегося крестьянства в предисловиях к сборникам 1925—1926 гг. [42], Яковлев в работе, специально посвященной крестьянскому движению, рассмотрел конкретные пути формирования этого союза. Он остановился на слабых сторонах крестьянского движения (этот вопрос часто опускали другие историки), подчеркивая его ограниченность — неспособность вырваться за рамки непосредственной задачи уничтожения соседнего помещика. Отсюда автор сделал вывод, что победа крестьянского восстания была возможна только при условии победы рабочего класса. Показывая процесс слияния общедемократического движения крестьян с социалистическим пролетарским движением, он в трактовке этого вопроса допускал серьезную ошибку: недостаточно

[36] Крестьянское движение в 1917 г., с. IV.
[37] Там же, с. VII—VIII.
[38] Там же, с. VIII.
[39] Там же.
[40] Там же, с. IX.
[41] Рабочее движение в 1917 году, с. 10.
[42] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов; Рабочее движение в 1917 г.; Разложение армии в 1917 г.

раскрывал сущность стратегии большевистской партии после Февраля, направленной на выделение и самостоятельную организацию крестьянской бедноты. Анализируя особенности крестьянской борьбы, Яковлев преувеличивал доверие крестьян к Временному правительству в первые месяцы революции, а также стихийный характер крестьянского движения перед Октябрем. В 1929 г. он уточнил свои позиции, отметив, что продолжительность крестьянского доверия к буржуазии, к Временному правительству, «оказалась *крайне незначительной в условиях 1917 года*» [43].

Естественно, что при рассмотрении крестьянского движения, его роли в Октябрьской революции Яковлев не мог обойти вопроса о характере Октябрьской революции. И здесь он делает шаг вперед в трактовке данного вопроса, дает четкую ленинскую оценку Октябрьской революции как социалистической, мимоходом решившей задачи буржуазно-демократического характера. «Когда рабочие в Октябре нанесли решительный удар правительству буржуазии, они тем самым попутно разрешили и проблему победы крестьянского восстания» [44]. Подобную оценку характера Октябрьской революции он дает в другой своей работе этого же года, в предисловии к книге «Революция в деревне в 1917 г.» [45].

Таким образом, Яковлев был одним из первых историков, пришедших к правильному научному толкованию соотношения социалистических и буржуазно-демократических задач Октябрьской революции на основе ленинской концепции социалистической революции [46].

Работа над монографией и сборниками документов обогащала Яковлева, способствовала его формированию как историка-марксиста. Он, видимо, сам ощущал недостаток источников по истории Октября, особенно по проблемам крестьянского движения, классовой борьбы внутри крестьянства. Стремясь восполнить недостаток источников, он в июне 1925 г. рассылает обращение к селькорам «Крестьянской газеты» с просьбой написать и прислать в газету свои воспоминания о крестьянском движении в 1917 г. Составитель сборника «1917 год в деревне» И. В. Игрицкий в предисловии писал: «Эти воспоминания крестьян должны были послужить дополнительным материалом к изучению крестьянского движения в 1917 году для «Истории Октябрьской революции...» (труд, подготавливаемый к изданию Я. А. Яковлевым) [47]. Так работа Яковлева как редактора «Крестьянской газеты» сливалась с его работой как историка. 40 лет спустя составитель сборника

[43] 1917 год в деревне. М.— Л., 1929, с. 9.
[44] Крестьянское движение в 1917 году, с. XI.
[45] Революция в деревне в 1917 г. Воспоминания крестьян. М., 1927, с. 4.
[46] Предисловие Я. А. Яковлева к сборнику «Крестьянское движение в 1917 году» в 1928 г. было опубликовано с небольшими редакционными поправками в виде статьи «Крестьянская война 1917 года» в сб.: Аграрная революция. Т. II. (Крестьянское движение в 1917 году. М., 1928, с. 81—92).
[47] 1917 год в деревне, 1929, с. 16.

Игрицкий отмечал: «основная работа (по подбору крестьянских писем-воспоминаний.— *Г. С.*) легла на плечи Яковлева. Он выступал не только как редактор книги, но и фактически как основной составитель. Через его руки прошли все присланные нам документы, им была прочитана каждая строчка воспоминаний» [48].

Большой интерес представляет написанный Яковлевым текст обращения к селькорам. В нем ставится весьма широкий круг вопросов по истории крестьянского движения в 1917 г.: формы борьбы крестьян с помещиками на разных этапах, требования крестьянства, формы движения и требования сельскохозяйственных рабочих, роль солдат, отношение комитетов к крестьянскому движению и случаи их перевыборов, помощь рабочих, отношение эсеров к захвату земель, рост влияния большевиков и т. д. [49] Особенно важными для характеристики эволюции взглядов Яковлева нам представляются вопросы, связанные с расслоением и развитием классовой борьбы внутри крестьянства: отношение кулаков к крестьянскому движению, «не было ли со стороны крестьян насилия в 17 году в отношении к отрубникам, или хуторянам, или богатым крестьянам», «Все ли крестьяне одинаково участвовали в борьбе против помещиков..., как боролись с помещиками бедняки, середняки, зажиточные, кто из них больше дохода получил от разгрома помещика?», «Кто в 17 г. пошел к большевикам из крестьян — бедняки, середняки или зажиточные?» [50]. Эта сумма вопросов показывает, что Яковлев идет дальше по пути анализа крестьянского движения, его внимание привлекают проблемы дифференциации крестьянства, роли беднейшего крестьянства, проблемы союза рабочего класса с деревенской беднотой.

От крестьян было получено, как указывает Игрицкий, 490 корреспонденций из 57 губерний и 225 уездов [51]. Эти письма были обработаны и в 1926 г. к 10-летию Октябрьской революции, первая группа писем — воспоминаний крестьян (21 письмо) была опубликована издательством «Крестьянская газета» под названием «Война крестьян с помещиками в 1917 г.». Это было небольшое по размерам, популярное издание, рассчитанное на широкие читательские массы. Предисловие Яковлева к нему носит популярный характер, написано живым, образным языком. В предисловии писалось: «Письма заслуживают того, чтобы их прочитали десятки тысяч рабочих и крестьян. В них правдиво изложена история нашей революции» [52]. Рассказывая о развитии революции в деревне от Февраля к Октябрю, автор особенно подчеркивал роль союза рабочего класса и беднейшего кресть-

[48] 1917 год в деревне (Воспоминания крестьян). М., 1967, с. 5.
[49] 1917 год в деревне, 1929, с. 26.
[50] Там же, с. 27.
[51] Там же, с. 17.
[52] Война крестьян с помещиками в 1917 г. (Воспоминания крестьян). М., 1926, с. 5.

янства, руководящую роль большевистской партии: «Пролетарская Коммунистическая Партия ее (революцию.— *Г. С.*) организовала и провела. Она была вождем революции. Она боролась на передовых позициях» [53]. Яковлев подчеркивает роль солдат — проводников большевистского влияния в деревне.

Рассказывая о крестьянской борьбе за землю осенью 1917 г., Яковлев отмечает ведущую роль крестьян-бедняков в этой борьбе, обострение антагонизмов внутри крестьянства, борьбу бедняцких масс с кулачеством: «Кулаки, которые объявляли эту крестьянскую борьбу неправильной, бунтовщической, безбожной, которые боялись за свое добро, ничего не могли сделать против всей массы» [54].

Автор подчеркивает значение союза рабочего класса и беднейшего крестьянства для победы Октябрьской революции: «Рабочих поддержали середняки и бедняки — крестьяне по всей стране... так Коммунистическая партия кончила с помещиками и установила новый строй, в котором вся власть принадлежит рабочему классу в союзе с крестьянами — бедняками и середняками» [55].

В 1927 г. публикуется еще одна группа писем — воспоминаний крестьян — «Революция в деревне в 1917 году». В предисловии к данному изданию Яковлев делает дальнейший шаг в исследовании истории Октябрьской революции. Рассматривая сильные и слабые стороны крестьянского движения в 1917 г., истоки и значение союза рабочего класса и беднейшего крестьянства, Яковлев вскрывал процессы, происходящие внутри самого крестьянства, показывал решающую роль беднейшего крестьянства в развитии аграрного движения [56]. «Против помещика поднималось по селам огромное большинство крестьян. Конечно, по-разному в движении участвовали разные слои крестьян. Бедняки, для которых помещичье угнетение было особо непереносимым, поднимались в первую голову, первые принимали по отношению к помещикам меры самой крутой расправы. Середняцкая масса поднималась с большей оглядкой, с большей осторожностью, но все же шла вместе с бедняками. Видя против себя огромное большинство села, кулаки, хотя втайне часто и сочувствовали помещику, но ничего не могли поделать. Они в большинстве случаев предпочитали отсиживаться на стороне...» [57]. Опубликованные в сборнике воспоминания крестьян ярко подтверждали эту характеристику борьбы внутри крестьянства, в них говорилось о выступлении беднейших крестьян не только против помещиков, но и против кулаков, в частности, против хуторян и отрубников. Яковлев писал, что крестьянские письма «показывают, как рабочий класс, взяв-

[53] Там же, с. 5.
[54] Там же, с. 8.
[55] Там же, с. 9.
[56] Там же.
[57] Революция в деревне в 1917 году, с. 3.

ший власть и тут же, на 2-м съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором был принят декрет об уничтожении помещичьего землевладения, вывел крестьянскую войну из границ села, поднял крестьянскую войну против помещиков на уровень величайшей в мире социалистической революции и тем самым заключил союз с бедняцкими и середняцкими массами...» [58].

В этом предисловии Я. Яковлев уже с полной определенностью ставит вопрос о расслоении внутри крестьянства в период «„общедемократической", т. е. в основе своей буржуазно-демократической, борьбы всего крестьянства в целом против помещиков» [59], тем самым подчеркивая правильность курса партии на союз рабочего класса с беднейшим крестьянством в Октябрьской революции.

Сборник «1917 год в деревне», изданный в 1929 г.,— наиболее полное издание крестьянских писем-воспоминаний [60]. Письма в сборнике были систематизированы по районам и губерниям. В основу принципа порайонного распределения материала была положена интенсивность, размах крестьянского движения: 1) районы крестьянского восстания (Центрально-земледельческий район, Средне-Волжский, Западный район, Правобережная Украина); 2) районы сильного крестьянского движения (Левобережная Украина, Центрально-промышленный район, Приозерный край и Южностепная Украина); 3) районы сравнительно слабого и незначительного крестьянского движения (Нижневолжский, Уральский, Северный Кавказ, Северный, Сибирь и Степной край). «Порядок чередования районов,— указывает составитель И. В. Игрицкий,— ... взят нами в соответствии с установленным порядком т. Я. А. Яковлевым, на основе анализа крестьянского движения в 1917 году» [61]. Эта схема развития крестьянского движения по районам, разработанная Яковлевым на основе анализа крестьянского движения 1917 г. и особенностей социально-экономического развития этих районов, сохранила в основном свое значение до сих пор [62]. Каждому разделу сборника были предпосланы предварительные замечания, краткие очерки, раскрывающие особенности крестьянского движения в данном районе, в данной губернии. В основу этих очерков, написанных Игрицким, были положены «статистические материалы по социально-экономической характеристике районов накануне 1917 года... и статистические материалы по крестьянскому движению в 1917 г., разработанные для «Истории Октябрьской революции» Я. А. Яковлева» [63].

[58] Революция в деревне в 1917 году, с. 5.
[59] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 176.
[60] Сборник был преподнесен делегатам XVI партийной конференции. В 1967 г. вышло второе издание книги.
[61] 1917 год в деревне, 1929, с. 23.
[62] *Игрицкий И. В.* Аграрный вопрос и крестьянское движение в России в 1917 году (К истории Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1962, с. 14—15.
[63] 1917 год в деревне, 1929, с. 24.

Как данные составителя, так и приведенные в сборнике таблица «Уезды, принимавшие и не принимавшие участия в крестьянском движении в 1917 году, по районам» (по данным милиции Временного правительства) и статистические данные о крестьянском движении в предисловии Яковлева к «Крестьянскому движению в 1917 г.» свидетельствуют о большой работе Яковлева над сводками Главного управления по делам милиции Временного правительства, которая должна была завершиться изданием монографии по истории Октября.

Книга «1917 год в деревне» была снабжена таблицей «Общие сведения об авторах воспоминаний о 1917 годе» по районам (возрастной состав, социальное положение, образование, партийный состав, общественная работа, участие в крестьянском движении 1917 г., социальное положение в настоящее время, писал по личным воспоминаниям или по рассказам других)... «Приведенных данных о составе авторов корреспонденций совершенно достаточно,— говорилось в предисловии к книге,— чтобы их материал назвать *подлинно крестьянским историческим документом о 1917 годе*, сборником воспоминаний участников и очевидцев крестьянского движения» [64].

Таким образом, подготовленные при руководстве и участии Яковлева сборники мемуаров о революции в деревне содержали интересный материал для изучения крестьянского движения в 1917 г., давали возможность проследить важнейшие вопросы его истории. И здесь немаловажную роль сыграли целеустремленность разработанных Яковлевым в обращении к селькорам проблем, систематизация крестьянских воспоминаний и т. д.

Предисловие Яковлева к книге «1917 год в деревне» было посвящено стержневому вопросу революции — союзу рабочего класса и трудящегося крестьянства. Автор писал, что союз рабочего класса и трудового крестьянства против помещиков и буржуазии укреплялся по мере того, «как основная масса крестьянства на опыте своем увидела невозможность получить землю от буржуазной революции, невозможность выйти из империалистической войны без решительной ломки устоев не только царского, но и буржуазного мира» [65]. Вскрывая слабости крестьянского движения, Яковлев показал, что единственной силой, способной привести его к цели, была гегемония рабочего класса. Автор подверг анализу процессы, происходившие внутри самого крестьянства, изменение соотношения сил к осени 1917 г., возрастание роли беднейшего крестьянства в аграрном движении: «Вместе с этим решительно меняется соотношение классов внутри деревни. Хотя против помещиков выступает деревня в целом, хотя даже кулаки в некоторых районах не противодействуют крестьянской борьбе

[64] Там же, с. 21.
[65] Там же, с. 8.

с помещиками, но руководство деревней, восставшей против помещиков, переходит в руки ее беднейшей части»[66].

Особое место было уделено Яковлевым анализу роли В. И. Ленина как стратега революции, ясно видевшего «все величайшее значение факта крестьянского восстания»[67], анализу ленинской стратегии и тактики в 1917 г., приведшей трудящиеся массы к победоносной социалистической революции[68].

Естественно, что в работах по истории крестьянского движения были решены не все проблемы. Так, оставалась неисследованной у Яковлева конкретная история борьбы большевистской партии по завоеванию крестьянских и солдатских масс. (В статье к публикации «Революция в деревне в 1917 г.» Яковлев частично поднимает этот вопрос, подчеркивая роль солдата как организатора крестьянской борьбы за землю, как проводника большевистского влияния)[69]. Одной из причин этого была узость источниковой базы, которая не позволяла глубоко и всесторонне осветить проблему. Но Яковлев видел ее важность и, как свидетельствует Игрицкий, специально подбирал материалы по этой теме[70]. Подготовительные материалы по данному вопросу остались неопубликованными. В общем виде вопрос о путях и методах борьбы большевиков за массы поставлен автором четко.

Революционному движению в армии в 1917 г. Яковлев посвятил две работы[71]. Первая работа охватывает весь период революции, вторая — более подробно рассматривает состояние армии в предоктябрьские месяцы. Как и во всех трудах Яковлева, в них основополагающим был принцип историзма. В хронологической последовательности, этап за этапом прослежен процесс убеждения солдатских масс на собственном политическом опыте в правильности тактики и политических лозунгов большевистской партии и перехода их от соглашательских партий к большевизму. Статьи Яковлева были по существу первыми серьезными работами по истории армии в период революции, осветившими на основе анализа документальных материалов ряд важных проблем данной темы.

Позднее, к 10-летию Октября, были опубликованы статьи, посвященные деятельности большевиков в армии в 1917 г.[72], и вышла книга Р. Эйдемана и В. Меликова «Армия в 1917 г.» со вступительной статьей О. Варенцовой «Старая армия и контрре-

[66] 1917 год в деревне, 1929, с. 11.
[67] Там же.
[68] Там же, с. 15.
[69] Революция в деревне в 1917 году, с. 4.
[70] И. В. Игрицкий — ныне доцент кафедры политэкономии Московской ветеринарной академии. Запись беседы с Игрицким. 8 июня 1966 г.
[71] См. предисловие к сборнику «Разложение армии в 1917 году» (М.— Л., 1925) и статью «Армия перед Октябрем» (из книги «К истории Октябрьской революции») — «Красная новь», 1924, 7-8, с. 241—258.
[72] *Рабинович С. Е.* Работа большевиков в армии 1917 г.— «Война и революция». М., 1927, № 6; *Фомин В.* Съезд депутатов армий и тыла Западного фронта в апреле 1917 г.— «Пролетарская революция», 1927, № 4.

волюция». В ней с привлечением документального материала довольно подробно рассматривается военная политика Временного правительства, деятельность большевистской партии в армии, распространение в ней большевистской печати. Однако вопросы, поставленные Яковлевым, в этой книге не получили дальнейшего развития. В частности, авторам не всегда удается проследить состояние армии на различных этапах революции, дать характеристику особенностей каждого этапа.

Яковлев же рассмотрел основные этапы солдатского движения, выделил признаки разложения армии, характерные для каждого этапа, проследил пути большевизации солдатских масс.

Если для доиюньского периода, отмечал Яковлев, были характерны такие признаки разложения армии, как падение дисциплины, растущая рознь между солдатами и офицерами, то в послеиюньский период происходит углубление распада армии. «Действительными его (июньского наступления.— *Г С.*) результатами были: 1) новое, еще невиданное озлобление солдатской массы против командного состава; 2) чрезвычайно быстрое падение какого бы то ни было авторитета меньшевистско-эсеровских комитетов, которые в сознании солдат слились с офицерским составом, и 3) ...рост большевистского влияния в армии... 18 июня были биты те настроения добросовестного революционного оборончества, которые были довольно сильны в солдатской массе в первые дни революции» [73].

В работах Яковлева было прослежено развитие движения солдатских масс от стихийного полусознательного крестьянского протеста, крестьянской тяги к земле и миру до сознательной политической борьбы с Временным правительством под большевистскими лозунгами. Опираясь на документальные материалы, автор выяснил особенности этого процесса на разных фронтах.

Уже после июньского наступления на ряде фронтов, писал Яковлев, особенно на Северном, близком к Петрограду, борьба солдат идет под большевистским лозунгом свержения Временного правительства [74]. А корниловские дни дали величайшей силы толчок росту сознательности солдатской массы, оформлению ее настроений как настроений большевистских [75]. Яковлев показал повсеместное создание и рост большевистских групп в армии. Он отмечал, что не только лозунг мира (так считали авторы книги «Армия в 1917 году») [76], но и политика большевистской партии в вопросе о земле дали возможность оформиться солдатским настроениям как настроениям большевистским [77].

[73] Разложение армии в 1917 году. М., 1925, с. VI.

[74] *Яковлев Я.* Армия перед Октябрем.— «Красная новь», 1924, № 7-8, с. 243.

[75] Там же, с. 250.

[76] *Эйдеман Р.* и *Меликов В.* Армия в 1917 году. М., 1927, с. 102.

[77] «Красная новь», 1924, № 7-8, с. 253.

Автор подробно анализирует развитие революционного движения в армии после корниловского мятежа (дезорганизация аппарата командования, перевыборы солдатских комитетов, их большевизация, разложение тыловых частей, рост солдатского аграрного движения и др.), показывает гигантский рост большевистского влияния в армии накануне Октября [78].

Диалектический подход к теме, стремление проанализировать процесс революционизирования армии дали возможность автору прийти к выводу, что подавляющая часть солдатской массы к Октябрю отошла от соглашательских партий и стала армией революции. Эти работы Яковлева об армии в революции опираются на подробный анализ документов делопроизводства Ставки, канцелярии Военного министерства и кабинета военного министра, причем автор использует как материалы сборника «Разложение армии в 1917 г.», так и документы, не вошедшие в этот сборник.

В эти же годы Яковлев обращается к истории Советов и мелкобуржуазных партий. Он организует публикацию документальных материалов по этим вопросам в Центрархиве [79], одновременно осуществляет несколько публикаций в журнале «Красный архив» [80], создавая этим самым источниковую базу для изучения вопроса о месте мелкобуржуазных партий в революции.

В предисловиях к документальным публикациям он рассматривает деятельность меньшевиков и эсеров от Февраля к Октябрю, разоблачает меньшевистскую концепцию революции, показывает закономерность перехода этих партий в лагерь контрреволюции.

В предисловии к сборнику «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов» Яковлев анализирует причины возникновения двоевластия. Он подчеркивает, что Советы на первых порах обладали всей полнотой власти, что Временное правительство существовало постольку, поскольку его допускал Совет рабочих и солдатских депутатов. В момент Февральской революции, пишет он, «рабочие и солдаты совместно создали организацию, фактически полновластную,— Совет, буржуазии же принадлежала власть номинальная» [81]. Но недостаточная сознательность и организованность пролетариата, репрессии против большевистской партии в годы войны, соглашательская политика меньшевиков и эсеров, «сознательных сторонников власти буржуазии» — таковы, по Яковлеву, причины, позволившие буржуазии сформировать правительство.

[78] Разложение армии в 1917 г., с. VI—VII.

[79] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов, Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., Государственное совещание, Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. I—II.

[80] Протоколы заседаний ЦИК и Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва после Октября.— «Красный архив», М., 1925, № 3; март — май 1917 г.— «Красный архив», 1926, № 2.

[81] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, с. 3.

Мы видим, насколько глубже стала оценка итогов Февральской революции у Яковлева по сравнению с его более ранней работой «Об историческом смысле Октября». Вопрос ставится не о приходе к власти буржуазии, а о создании двух органов власти — Временного правительства и Советов (о двоевластии, хотя этот термин Яковлев начинает впервые употреблять в работах 1927 г.), шире рассматриваются причины двоевластия.

В предисловии к сборнику «Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов» Яковлев, анализируя соотношение классов в Феврале, подчеркнул силу революционного народного движения: «Сам количественный состав (Всероссийского совещания.— *Г. С.*) свидетельствует о величайшей мощи и глубине революционного движения, оформлявшегося Советами» [82]. Именно объективное соотношение классовых сил в марте 1917 г., указывал Яковлев, заставило меньшевиков и эсеров на Всероссийском совещании Советов принять основные начала организации Советов и основы солдатской демократии [83].

В предисловиях ко всем публикациям о Советах Яковлев вскрывает предательскую политику соглашателей. После популярных трудов о мелкобуржуазных партиях, изданных в первые годы революции, работы Яковлева явились серьезной попыткой проанализировать роль партии меньшевиков и эсеров в революции на солидной источниковой базе. Привлечение документальных материалов дало возможность Яковлеву шире подойти к самой теме, глубже решить ряд проблем. Он проследил оформление на Всероссийском совещании Советов в марте 1917 г. меньшевистской позиции «как позиции прямой поддержки буржуазии... по таким политическим вопросам, как вопрос о войне, вопрос об отношении к Временному правительству и земельный вопрос» [84]. Яковлев подверг анализу соотношение классовых сил в стране в период работы I Всероссийского съезда Советов, накануне июньского наступления, которое «представляло собой кульминационный пункт политики блока кадетов, меньшевиков и с.-р.» [85]. Он показал историческую обреченность как русской буржуазии, не сумевшей решить основные вопросы революции, так и верхушки мелкой буржуазии и ее партий, не сумевших «занять твердую, особую линию от линии крупного капитала страны...» [86] Рассматривая дальнейшую эволюцию партий меньшевиков и эсеров, он подчеркнул переход меньшевиков и эсеров на сторону контрреволюции в июльские и послеиюльские дни: «Верхи меньшевиков и эсеров связывают себя ... с буржуазной контрреволюцией

[82] Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов, с. 3.
[83] Там же, с. 3—6.
[84] Там же, с. 5.
[85] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., с. III.
[86] Там же, с. IX.

целиком, отдают себя на службу генеральской диктатуре...» [87]. Глубокий кризис охватывает партии меньшевиков и эсеров, подчеркнул Яковлев, в Октябрьские дни. Политика поддержки буржуазии привела к полной потере доверия к эсеровской и меньшевистской верхушке со стороны народных масс. «...Живыми массовыми партиями они перестали быть к Октябрю. Потеряв массы, они стали пустыми фразерами» [88]. И, наконец, последний этап — контрреволюционная деятельность меньшевиков и эсеров после революции, ее Яковлев показал на анализе протоколов заседания ЦИК и Бюро ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов 1-го созыва после Октября — «учреждения, в действительности не существовавшего» [89], ибо, пишет Яковлев, ни опоры в Советах, даже провинциальных, ни реальной власти этот ЦИК уже не имел. «В деятельности же своей они (ЦИК и Бюро ЦИК 1-го созыва.— *Г. С.*) являются попросту подручными при Комитете Спасения» [90].

Анализ предисловий Яковлева к многочисленным документальным сборникам и публикациям, его статей и брошюр свидетельствует, что они представляли собой определенный итог работы над большими комплексами источников. Это по сути дела отдельные части монографического исследования по истории Октябрьской революции. В этом нас убеждает сравнение предисловий с опубликованными в то же время статьями, являвшимися отрывками из подготовительных работ Яковлева по истории Октябрьской революции [91].

Исследование истории Октябрьской революции в этот период было тесно связано с актуальными политическими проблемами тех лет — борьбой с троцкизмом. Вставший во второй половине 20-х годов вопрос о перспективах строительства социализма в СССР вызвал обострение идеологической борьбы в стране, обусловил особую значимость разработки проблем истории Октябрьской революции.

Большую роль в разгроме троцкизма сыграли работы и выступления С. М. Кирова, В. В. Куйбышева, И. В. Сталина, Е. Ярославского. Задачу борьбы с троцкизмом, защиты ленинизма, ленинской концепции Октябрьской революции решали и советские историки. Работы М. Н. Покровского, С. А. Пионтковского, И. И. Степанова, Я. А. Яковлева, Е. Ярославского,

[87] Государственное совещание, с. VII.

[88] *Яковлев Я. А.* Вопросы II Всероссийского съезда Советов.— «Пролетарская революция», 1927, № 12, с. 64.

[89] Протоколы заседаний ЦИК и Бюро ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов 1-го созыва после Октября.— «Красный архив», 1925, № 3, с. 95.

[90] Там же, с. 96.

[91] См., например: *Яковлев Я.* Армия перед Октябрем.— «Красная новь», 1924, № 7-8, с. 241—258; *он же.* Из подготовительных работ по «Истории Октябрьской революции».— Там же, 1925, № 4, с. 204—220.

и др.[92] оказывали помощь партии в идейном разоблачении троцкизма.

По-разному решали эту задачу историки. Одни — подвергали критике извращение Троцким истории Октября (статьи И. Степанова, С. Пионтковского), другие — показывали истинную роль Троцкого и троцкизма в истории нашей партии, борьбу В. И. Ленина с троцкизмом на протяжении всей истории партии, третьи историки прослеживали фактическую сторону истории большевистской партии в 1917 г., особенно периода подготовки и проведения Октябрьской революции, разоблачая фальсификацию троцкистами истории Октября (работы Е. Ярославского, С. Пионтковского).

Яковлев показал несостоятельность троцкистской «истории» по таким важным принципиальным вопросам, как характер и движущие силы Октябрьской революции, сущность ленинской стратегии и тактики, значение союза рабочего класса и беднейшего крестьянства, расстановка классовых сил и позиции партий.

В 1927 г. выходят специальные статьи Яковлева с критикой троцкистской фальсификации истории Октябрьской революции: «Вопросы II Всероссийского съезда Советов»[93], «К вопросу о большевистской тактике в Октябре»[94], «Авангард и массы в Октябрьской революции»[95], а в 1928 г.— предисловие к сборнику «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов»[96].

Остановимся на статье «К вопросу о большевистской тактике в Октябре». Она состоит из двух частей: одна посвящена выяснению характера Октябрьской революции, другая — рассмотрению большевистской тактики в Октябрьские дни. Разрабатывая дальше основные положения своей работы «Об историческом смысле Октября», Яковлев в этой статье, опираясь на высказывания В. И. Ленина, в частности, на его статью «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», подчеркивает социалистический характер Октябрьской революции: «...только потому Октябрьская революция решила задачи буржуазно-демократической революции с невиданной смелостью, решительностью и глубиной, что решение этих задач было лишь «побочным продуктом» главной, социалистической революции»[97]. Под этим углом зрения ав-

[92] *Покровский М. Н.* Октябрьская революция. Сб. статей. М., 1929; *Пионтковский С. А.* Октябрь 1917 г. М.— Л., 1927; *Степанов И.* Кто совершил Октябрьскую революцию? (По поводу «истории» Октября в книге Троцкого «1917»).— «Красная молодежь», 1924, № 3; *Ярославский Е.* Партия большевиков в 1917 г. М.— Л., 1927.

[93] «Пролетарская революция», 1927, № 12, с. 53—91.

[94] «Большевик», 1927, № 21, с. 11—18.

[95] «Известия ЦИК», 1927, № 255, с. 3.

[96] Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.

[97] *Яковлев Я.* К вопросу о большевистской тактике в Октябре.— «Большевик», 1927, № 21, с. 13.

тор характеризует декреты II съезда Советов, подчеркивая неразрывную связь задач доведения до конца буржуазно-демократической революции с победой социалистической революции.

Принципиальные добавления по сравнению с предыдущими работами вносит Яковлев в характеристику декрета о власти, показывая, что установление власти Советов означало слом старой государственной машины и создание государства нового типа [98].

Не случайно эта статья, освещающая кардинальный вопрос о характере Октябрьской революции, была опубликована в 1927 г. в центральном органе нашей партии — журнале «Большевик» рядом с передовой, посвященной итогам борьбы с троцкизмом [99].

Статья «Вопросы II Всероссийского съезда Советов» была также направлена против троцкистской фальсификации истории. Принижение троцкизмом роли партии в революции и социалистическом строительстве, недооценка внутренних сил революции, антиленинская оценка роли крестьянства, извращение всего своеобразия перехода от одного этапа революции к другому — все это вызывало постановку Яковлевым вопроса о партии как авангарде пролетариата, руководителе Октябрьского восстания, о внутренних силах революции, о трудовом крестьянстве как союзнике пролетариата. Яковлев показал истоки штрейкбрехерской позиции Каменева и Зиновьева в Октябре 1917 г.

Исследования особенностей стратегии и тактики большевистской партии в Октябрьской революции автор начал с рассмотрения проблемы «авангард и массы». Привлекая работу В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», он подчеркивал, что для завоевания власти пролетариатом необходимы два основных условия: наличие единой централизованной партии и глубокой связи авангарда с широкими массами трудящихся. «Эти две стороны большевизма неотделимы в ленинском учении одна от другой»,— писал он [100]. Автор показал, что суть ленинского понимания соотношения авангарда и масс состоит в умении партии воспитывать массы на их собственном политическом опыте. «Помочь массам рабочего класса и массам бедного и среднего крестьянства на опыте их собственной жизни и борьбы осознать, что вне пролетарской диктатуры нет спасения для эксплуатируемых»,— в этом, подчеркивал Яковлев, видел Ленин задачи авангарда в отношении к массам [101]. Особенно выделил Яковлев задачу борьбы за крестьянские массы. «Уметь увлечь крестьян за рабочим классом», подчеркивал он, в этом заключается одна из важнейших задач пролетарской стратегии в революции [102].

[98] *Яковлев Я.* К вопросу о большевистской тактике в Октябре, с. 13—14.

[99] Через десять лет.— «Большевик», 1927, № 21.

[100] *Яковлев Я. А.* Вопросы II Всероссийского съезда Советов.— «Пролетарская революция», 1927, № 12, с. 72.

[101] Там же, с. 73.

[102] Там же, с. 74.

Основываясь на своем исследовании развития рабочего, крестьянского и солдатского революционного движения, Яковлев показал, как массы на собственном опыте при правильных лозунгах партии изживали мелкобуржуазные иллюзии, как они подводились большевистской партией на их собственном опыте борьбы к пониманию того, что вне пролетарской революции для них нет спасения, что вне пролетарской революции нельзя решить вопросов о земле и о мире. «К Октябрю,— указывает Яковлев,— за нами, несомненно, было народное большинство» [103].

В статье говорилось о международном значении большевистской стратегии в революции 1917 г. как классическом примере отношения авангарда и масс. Особенно актуальной была постановка данного вопроса в свете событий в Германии 1923 г., на которые автор ссылается [104].

Анализируя позиции представленных на II съезде Советов партий, Яковлев снова обратился к вопросу о контрреволюционной роли меньшевиков и эсеров в Октябрьской революции. II съезд Советов, писал Яковлев, вскрыл со всей очевидностью полный разрыв масс с верхушечными эсеро-меньшевистскими организациями. «Представители армейских, крестьянских и железнодорожных верхушек выступали на съезде, как во враждебном вооруженном лагере» [105].

Особенность большевистской тактики, отмечал Яковлев, состояла еще и в том, что большевики сумели найти путь к низам без, помимо и против враждебных революции верхушек крестьянских, армейских и железнодорожных организаций. В этом один из уроков революции, подчеркивал автор. Большевистская партия не ждала, когда удастся вытеснить соглашательские партии из верхушечных организаций, не они решали судьбу революции. «Задача смены эсеровской верхушки крестьянских организаций стала в момент крестьянской войны как задача захвата рабочим классом власти в городе» [106].

Особенно большое внимание уделил Яковлев в этой работе значению союза рабочего класса и трудового крестьянства в Октябрьской революции. Именно в этом вопросе, подчеркивал автор, проявилась несостоятельность Каменева и Зиновьева в 1917 г. [107] В конце сентября 1917 г. В. И. Ленин, характеризуя общенациональный кризис в стране, прежде всего отмечал факт крестьянского восстания: «Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание,— писал он,— все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения. Но все симптомы указывают, наоборот, именно на то, что обще-

[103] Там же, с. 73.
[104] Там же, с. 90.
[105] Там же, с. 76.
[106] Там же, с. 88.
[107] Там же, с. 87—88.

национальный кризис назрел»[108]. Именно на это обращает внимание Яковлев. Он писал: «Нужен был ум, действительно титанический, нужен был гений, стоящий на высоте Маркса, чтобы на основании отдельных, разрозненных фактов, тогда проникавших в печать, понять, что в стране идет крестьянское восстание, что тем самым пришел момент, исключительно благоприятный для захвата власти рабочим классом»[109].

Подчеркивая историческую заслугу ленинской тактики, приведшей к соединению пролетарской революции с крестьянской войной против помещиков, общедемократическим движением за мир, Яковлев слабо анализировал главную стратегическую линию партии, направленную на укрепление союза пролетариата с беднейшим крестьянством.

Автор подчеркивает также такие черты большевистской тактики в Октябре, как отношение к восстанию как к искусству, умение учитывать конкретные особенности исторической действительности. Большое внимание в статье было уделено вопросу борьбы большевистской партии со штрейкбрехерством Зиновьева и Каменева, с конституционными иллюзиями Троцкого[110].

Разработка Яковлевым вопроса о стратегии и тактике большевистской партии в Октябрьской революции была шагом вперед в советской исторической науке тех лет. До этого историки, в том числе и Яковлев, в основном ограничивались общей постановкой проблемы борьбы большевиков за массы, изучали фактическую сторону дела, приводили отдельные примеры борьбы большевиков за массы, но недостаточно анализировали особенности ленинской стратегии и тактики.

Исследование вопроса о соотношении авангарда и масс в Октябрьской революции, показ борьбы большевистской партии за создание политической армии революции — все это имело огромное значение в период острейшей борьбы с троцкизмом[111]. И недаром раздел статьи Яковлева, посвященный соотношению авангарда и масс в Октябрьской революции, был полностью опубликован в предъюбилейном номере газеты «Известия» под рубрикой «К 10-летию Октября»[112].

В 1928 г. выходит очередная публикация «Второй Всероссийский съезд Советов»[113] с предисловием Яковлева. В это предис-

[108] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 277.

[109] *Яковлев Я. А.* Вопросы II Всероссийского съезда Советов, с. 87.

[110] Там же, с. 67—68.

[111] Участие Яковлева в борьбе с троцкизмом не ограничивалось в эти годы разработкой октябрьской темы. Против экономической платформы оппозиции направлены его работы: Об ошибках хлебофуражного баланса ЦСУ и его истолкователей (М., 1926); Итоги развития аренды в сельском хозяйстве и задачи нашей экономполитики («Большевик», 1927, № 15-16).

[112] *Яковлев Я. А.* Авангард и массы в Октябрьской революции.— «Известия ЦИК», 1927, № 255.

[113] Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.

ловие как составная часть полностью входит статья «Вопросы II Всероссийского съезда Советов» [114]. В нее были внесены только небольшие редакционные правки и изменен порядок чередования разделов. На первый план поставлен раздел «Авангард и массы в Октябрьской революции». Первая часть статьи «К вопросу о большевистской тактике в Октябре» [115], посвященная характеру Октябрьской революции, составила заключительную главу предисловия под названием «К вопросу о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую».

Очевидно, эти статьи («Вопросы II Всероссийского съезда Советов» и «К вопросу о большевистской тактике в Октябре») были написаны в ходе подготовки предисловия к публикации «II Всероссийский съезд Советов».

Статьи явились дальнейшим этапом в развитии Яковлева как историка, одновременно они в какой-то мере были итогом его исследований по истории Октябрьской революции. Если предыдущие работы касались отдельных вопросов революции и представляли собой глубокий анализ публикуемых документальных материалов, то в данных статьях осмысливается история Октября в целом, выдвигаются и решаются при этом важнейшие общетеоретические проблемы: характер и движущие силы Октябрьской революции, особенности ленинской стратегии и тактики, значение союза рабочего класса и беднейшего крестьянства, расстановка классовых сил и позиции различных партий в октябрьские дни 1917 г., роль большевистской партии и ее вождя В. И. Ленина как руководителя и вдохновителя Октябрьской революции. Они отличаются более глубоким изучением трудов В. И. Ленина.

Рассмотрим в этом плане некоторые работы Яковлева периода 1927—1931 гг.

В 1927 г. им была опубликована большая статья («Февральские дни 1917 г.») как часть из подготовляемой книги «История Октябрьской революции». Статья была напечатана в юбилейном номере журнала «Пролетарская революция», в котором также публиковались работы М. Покровского — «Исторический смысл Февраля» и Е. Ярославского — «Большевики в февральско-мартовские дни 1917 г.» [116]. Сравнение названной статьи с работой Яковлева 1922 г. «Об историческом смысле Октября» и предисловием 1925 г. к сборнику «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов» показывает, что от характеристики общих причин Февральской революции, связанных с социально-экономическим развитием России в конце XIX — начале XX в., которую он давал в своих ранних работах, Яковлев переходит к всестороннему анализу экономического и политического кризиса царской России, сложившегося к февралю 1917 г. Он рассмотрел состояние экономики России накануне Февральской революции

[114] «Пролетарская революция», 1927, № 12.
[115] «Большевик», 1927, № 21.
[116] «Пролетарская революция», 1927, № 2-3.

(сокращение посевных площадей, падение производительности труда в промышленности, дезорганизация транспорта и финансовой системы и т. д.), показал две стороны войны: голод, бедствия трудящихся и колоссальные прибыли капиталистов.

Рассматривая соотношение классов и позиции партий в стране накануне Февральской революции, Яковлев вскрыл предательскую антинародную политику буржуазии и кадетов, социал-шовинизм мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров. «В ... характеристике меньшевиками грядущей революции, как пропасти, ярко выявлена идеология буржуазного влияния на пролетариат, носителями которой и были меньшевики. Позиция меньшевиков накануне Февраля логически завершила меньшевистскую теорию и тактику за все минувшие годы, осложняя прошлое только большей откровенностью своего сотрудничества с капиталистами социал-предателей на Западе» [117].

Раскрыв общий смысл Февральской революции, Яковлев затем проследил ее нарастание день за днем, наметил этапы ее развертывания (23 февраля — «первый день массовой демонстрации», 26 февраля — «первый день гражданской войны» и, наконец, 27 февраля — переход гарнизона на сторону рабочего класса,— «...Февральское движение поднимается на ступень революции, свергающей царизм») [118].

Автор показал роль большевистской партии в Февральской революции как единственно последовательной революционной партии рабочего класса. «И только большевики, партийные организации которых подвергались бешеным преследованиям со стороны правительства, все легальные центры которых были разбиты, подавляющая часть кадров которых была в ссылке и каторге, Петербургский комитет которых был организационно крайне ослаблен арестами, провалами техники, в лице Петербургского комитета партии зовут рабочих на улицу, на демонстрацию, к решительному бою с царизмом, отказываются решительно от меньшевистских лозунгов поддержки Государственной думы, организуют стачки и демонстрации под лозунгами прямого революционного свержения царизма» [119].

Особое внимание обратил Яковлев на роль воспитанных партией рабочих-большевиков. Именно большевистские кадры на заводах, указывал он, были вожаками, организующим элементом революции. В связи с этим Яковлев подчеркивал значение опыта борьбы большевистской партии в труднейшие годы реакции и войны для международного рабочего движения [120].

Автор более основательно, чем в своих ранних работах, рассмотрел проблему двоевластия. Он подчеркивал, что революция передала власть Совету, осуществлявшему «в тот момент прямую

[117] «Пролетарская революция», 1927, № 2-3, с. 79.
[118] Там же, с. 82—92.
[119] Там же, с. 80.
[120] Там же, с. 99—100.

диктатуру рабочего класса и крестьянства»[121]. Разоблачая меньшевистскую схему революции, Яковлев писал, что на протяжении двух десятилетий буржуазия ни разу не решилась на серьезную попытку захвата власти. И теперь «перед буржуа стоит уже задача борьбы за власть не с царизмом, а с Советом. Эту сторону дела всячески затушевывают все буржуазные историки — ее не понимают, не осмысливают мелкобуржуазные историки и мемуаристы. А между тем, это важнейшая черта Февральской революции. В революции, свергавшей царизм, буржуа выступили претендентами на власть не против царизма, а против Совета»[122]. Шире рассмотрел автор и причины преобладания мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров в Совете (эти партии имели легальные центры, использовали мелкобуржуазные иллюзии масс). И, наконец, Яковлев дал общую характеристику двоевластия: «Так оформлялось двоевластие. Руководители Совета передали правительству власть, но не смогли сразу оторвать власть от блока рабочих и солдат. Оказалась налицо в истории не встречавшаяся ситуация: Совет — власть против воли своих руководителей, Временное правительство — власть, поскольку эту власть ему передоверяет Совет»[123]. В заключение автор противопоставил буржуазному пониманию Февральской революции «как закончившейся кратковременной смуты» ленинское понимание Февральской революции как первого этапа революции, неизбежно ведущего к следующему этапу — пролетарской революции.

Рассмотрение источниковой базы этой работы свидетельствует о привлечении Яковлевым широкого круга источников и литературы. Это статистические данные «Вестника финансов, промышленности и торговли» и Московской городской управы, материалы Управления Генерального штаба, и др. Для разоблачения политики буржуазии Яковлев привлекает воспоминания Родзянко, Шульгина, Деникина, работы Милюкова.

В 1930 г. Яковлев пишет предисловие к книге «Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д.»[124]. Во всей работе I съезда автор выделяет главное: «Самое интересное во всей груде наговоренного на этом длительнейшем из всех съездов Советов было именно заявление Ленина — заявление о готовности взять власть перед лицом меньшевистско-эсеровского большинства в Советах, меньшевистско-эсеровского правительства, меньшевистско-эсеровских армейских и крестьянских комитетов»[125]. Яковлев ставит вопрос: в чем причина ленинской уверенности в неизбежности крушения мелкобуржуазной демократии? На примере июньского наступления он отвечает на него. Он

[121] Там же, с. 104.
[122] Там же, с. 106.
[123] Там же, с. 109.
[124] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., т. I.
[125] Там же, с. III.

показал нежелание и невозможность для Временного правительства разорвать с империалистической политикой войны, неспособность Временного правительства и партий меньшевиков и эсеров решить основные вопросы революции — о мире, о земле [126].

По сравнению с работами 1924—1925 гг. в предисловии 1930 г. мы видим более глубокое раскрытие проблемы и более широкую источниковую базу. Так, если в предыдущих работах Яковлев рассматривал июньское наступление как попытку Временного правительства покончить с силами революции, то теперь он вскрывал завоевательные цели внешней политики Временного правительства, подчеркивая ее империалистический характер, зависимость российского капитализма от Антанты. Автор также подчеркнул влияние русской революции на народные массы Западной Европы и в связи с этим — стремление правительств стран Антанты втянуть Россию в наступление на фронте.

«Тут в одном узле сплелись и империалистические интересы русской буржуазии, и интересы ее прямого самосохранения, и интересы антантовской стратегии, и интересы предотвращения развития революционного движения на Западе. Этот узел должно было разрубить наступление 18 июня» [127].

Анализируя углубление распада армии к июню 1917 г., неспособность ее к наступлению, Яковлев останавливается на таких новых моментах, как братание солдат, подробнее рассматривает разложение тыловых частей армии. Автор исследовал ход и методы подготовки наступления правительством Керенского (расформирование частей и усмирение «бунтующих», формирование «ударных» частей, создание национальных формирований и т. д.), подчеркивая, что «каждый из этих методов носил в себе самом элементы собственной негодности» [128].

Новым кругом проблем отличается написанное в 1930 г. предисловие Яковлева к публикации «Государственное совещание» [129]. Опираясь на ленинские работы, автор подробно показывает наступление реакции после июльских событий, характер нового состава Временного правительства, стремление буржуазии установить в России военную диктатуру. С особой силой подчеркивает он полную измену меньшевистских и эсеровских лидеров: документы Государственного совещания, пишет он, «могут быть одним из самых лучших, самых убедительных, самых ярких свидетельств того, во что превращаются лидеры мелкобуржуазной «социалистической» демократии в условиях развертывающейся гражданской войны между рабочим классом и буржуазией» [130].

Решающую роль в срыве планов буржуазии осуществить пе-

[126] Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д., с. IX—X.
[127] Там же, с. XV.
[128] Там же.
[129] Государственное совещание. М.— Л., 1930.
[130] Государственное совещание, с. XVIII.

реворот в дни Государственного совещания сыграла, как отмечает Яковлев, московская стачка, которая продемонстрировала «всю бесплодность меньшевистско-эсеровских попыток скрыть истинные размеры большевистского влияния на пролетариат...» [131].

Анализ трудов Яковлева по истории Октябрьской революции показывает, что они явились значительным вкладом в советскую историографию 20-х годов. В его работах поставлены или уже обстоятельно разработаны важнейшие проблемы истории Октябрьской революции: характер революции, развитие революционного рабочего, солдатского, крестьянского движения в 1917 г., гегемония пролетариата в революции, руководящая роль большевистской партии и ее вождя Ленина, место и роль соглашательских партий в революции, причины разрыва народных масс с соглашательскими партиями. Придерживаясь ленинского принципа историзма при рассмотрении вопроса о формах классовой борьбы, Яковлев анализирует этапы рабочего, крестьянского, солдатского движения как этапы резкого обострения классовой борьбы в стране накануне Октябрьской революции.

В течение этого периода происходит дальнейшее развитие Яковлева как историка, освоение им ленинской концепции Октябрьской революции. Работа над монографией, сборниками документов, опыт источникового анализа обогащает Яковлева. От общей характеристики Октябрьской революции и ошибочной оценки ее характера как двойственного в работе «Об историческом смысле Октября» Яковлев переходит к разработке конкретных вопросов истории Октября, приходит к глубокому пониманию ленинской характеристики революции как социалистической, попутно, мимоходом решившей буржуазно-демократические задачи. При анализе крестьянского движения им была преувеличена его стихийность, не раскрыта сущность линии большевистской партии на выделение беднейшего крестьянства и союз с ним в социалистической революции. В последующие годы он углубляет рассмотрение этого вопроса, выявляет дифференциацию внутри крестьянства, развитие классовой борьбы в деревне, усиление роли беднейшего крестьянства в этой борьбе, подчеркивает решающую роль союза рабочего класса с бедняцкими массами крестьянства.

Работы Я. А. Яковлева, посвященные отдельным проблемам Октябрьской революции, основаны на ленинской концепции истории революции. Он выделяет два основных периода революции: до июля 1917 г. и после июльских событий. Второй период подразделяет на этапы — до корниловщины и после разгрома корниловщины. На ряде вопросов истории революции он подчеркнул интернациональный характер опыта борьбы большевистской партии в период Октябрьской революции, показав этим международное значение социалистической революции в России.

[131] Там же, с. XXI.

1925—1930 гг. — это годы дальнейшего овладения Я. А. Яковлевым марксистско-ленинской методологией исторического исследования. В работах этого периода мы видим стремление автора провести ленинское понимание соотношения классов и партий в каждый исторический период, оттенить особенности каждого этапа развития революции.

Разрабатывая проблемы истории Октябрьской революции, Я. А. Яковлев вносит значительный вклад в борьбу партии против буржуазной и меньшевистско-троцкистской концепций Октября.

Необходимо отметить роль Я. А. Яковлева в публикации источников по истории Октября. Предпринятая им совместно с М. Н. Покровским колоссальная работа по изданию серии «1917 год в документах и материалах», издание им сборников крестьянских писем-воспоминаний о революции имели большое значение в деле создания источниковой базы для изучения истории Октябрьской революции.

Деятельность Яковлева как историка была теснейшим образом связана с его большой общественной и государственной работой. Круг его научных и общественных интересов был очень широк. В эти годы он много внимания уделяет вопросам теории и истории пролетарской культуры [132]. Одним из первых пишет работу о ленинизме [133]. Все больше и больше его внимание привлекают вопросы советского строительства и развития советской деревни [134]. Этому способствует его работа в Комиссии ЦК РКП(б) по работе в деревне, в Комиссии по советскому строительству при ЦИК СССР. Связь научной работы с жизнью, с практикой социалистического строительства была характерна для Яковлева. Его труды по истории Октябрьской революции и в наше время являются оружием в борьбе с буржуазными фальсификаторами.

[132] *Яковлев Я. А.* О «пролетарской культуре» и Пролеткульте.— В кн.: Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. М.— Л., 1925; *он же.* Вождь революции о задачах просвещения.— «Народный учитель», 1924, № 1; *он же.* Об учителе-общественнике.— В кн.: Учитель и революция. М., 1925; *он же.* О диалектике культурного развития и вардинском переложении А. Богданова.— «Большевик», 1925, № 11—12.

[133] *Попов Н., Яковлев Я.* Жизнь Ленина и ленинизм. М., 1924.

[134] *Яковлев Я. А.* Наша деревня. Новое в старом и старое в новом. М., 1924; *он же.* Расслоение деревни. М.— Л., 1925; *он же.* Советы как форма пролетарской демократии.— «Большевик», 1926, № 5; *он же.* Советский аппарат и строительство социализма.— «Большевик», 1926, № 3; *он же.* Сельское хозяйство и индустриализация (Доклад в Комакадемии). М.— Л., 1927, и др.

ИСТОРИК-МАРКСИСТ В. А. БЫСТРЯНСКИЙ (ВАТИН)

Л. В. Иванова

Имя Вадима Александровича Быстрянского (1886—1940), члена Коммунистической партии с 1907 г., активного участника Великой Октябрьской социалистической революции, было хорошо известно массовому читателю первых советских газет: «Правды», «Известий ВЦИК», «Петроградской правды», «Северной коммуны». Только на страницах «Петроградской правды» его статьи публиковались ежедневно на протяжении 1918—1922 гг. Его книги и научно-популярные брошюры (их около 40), по-марксистски освещавшие современные и исторические события, знали и ценили не только специалисты, но и рабфаковская молодежь, и простые советские труженики, изучавшие марксистско-ленинскую теорию. Известно, что в личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле хранились книги и брошюры Быстрянского, а его книга «Фридрих Энгельс» была в числе тех немногих изданий, которые стояли в рабочем кабинете Владимира Ильича.

Гражданская война в Советской России и гражданская война в древнем мире, Парижская Коммуна и Советская власть, армия Кромвеля и Красная Армия, революция буржуазная и революция пролетарская, коммунизм и религия, критика буржуазной историографии и тема «Ленин как историк» — таков был широкий диапазон работ историка-большевика.

Однако, когда в 1922 г. появилась изданная Минусинским музеем книга В. Ватина «Город Минусинск. Исторический очерк», пожалуй, только в среде большевиков-подпольщиков знали, что она также принадлежит Быстрянскому: так далека была она по тематике от известных работ партийного литератора. Между тем, эта книга завершила собой целый этап научного творчества ее автора.

Историческое наследие Быстрянского велико, но пока еще мало и неполно изучено. Можно назвать только две работы, посвященные этому вопросу,— М. Шейнфельда [1] и В. И. Клушина [2]. Причем первая анализирует только основные дореволюционные труды историка, а вторая характеризует Быстрянского как учено-

[1] *Шейнфельд М. Б.* В. А. Ватин-Быстрянский как историк Сибири.— «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института». Абакан, 1963, вып. IX.

[2] *Клушин В. И.* Первые ученые-марксисты Петрограда. Л., 1971.

го, внесшего важный вклад в развитие марксистско-ленинской теории.

Между тем весь творческий путь Быстрянского, начиная от его первой книги в 1913 г. и до последней статьи в «Правде» в 1940 г., это яркий и убедительный пример того, как, какими путями входило и утверждалось в отечественной историографии марксистско-ленинское направление, как шло становление советской исторической науки, как соратники В. И. Ленина боролись за утверждение и победу марксизма в общественных науках. Жизненный и творческий путь Быстрянского был неразрывно связан с активной партийной и советской работой, как у В. В. Адоратского, В. И. Невского, М. С. Ольминского, И. И. Скворцова-Степанова, М. Н. Покровского, А. Г. Шлихтера, Е. М. Ярославского и других историков-марксистов. Понимание этой неразрывной связи позволяет правильнее и глубже оценить роль пионеров советской исторической науки.

В творческой деятельности Быстрянского можно наметить четыре этапа: дореволюционный, с октября 1917 до середины 20-х годов, вторая половина 20-х годов и, наконец, 30-е годы. Они характеризуются, прежде всего, изменением исследовательской тематики ученого. В них, как мы увидим, нашли отражение основные вехи, закономерности и особенности развития марксистской историографии в нашей стране до и после Октября.

Задача статьи заключается в анализе творческого пути Быстрянского как историка в целом, его основных исторических трудов, а также публицистических работ, его научно-организационной и преподавательской деятельности. Источниками послужат как само обширное историографическое наследие Быстрянского, так и биографические материалы о нем [3].

1(14) марта 1909 г. по доносу провокатора полиция арестовала почти весь состав Петербургского комитета РСДРП(б), в том числе двадцатитрехлетнего студента историко-филологического факультета Петербургского университета Вадима Ватина. Еще молодой член партии (с марта 1907 г.), он был уже опытным пропагандистом. Его знали рабочие Путиловского завода, Невской ниточной мануфактуры, большевики 1-го Городского района. Юноше-студенту, выходцу из семьи инженера-путейца, необходимы были мужество и глубокая вера, чтобы в трудную пору реакции связать свою судьбу с рабочим классом. Эту веру дали бурный ход событий 1905 года и самостоятельное изучение марксистской теории, которое помогло ему «подвести теоретический фундамент под стихийно сложившиеся симпатии к классу-гегемону революции». «Сторонником марксистского мировоззрения я стал уже в

[3] Биография В. А. Быстрянского нашла отражение в работах: *Крушкол Н.* В. А. Быстрянский в большевистском подполье.— В кн.: Борьба пролетариата. Л., 1941, № 2; *она же.* В. А. Быстрянский — пропагандист большевизма.— Там же, 1941, № 3; *Иванова Л. В.* Вадим Александрович Быстрянский.— «История СССР», 1967, № 3.

1905 году»,— говорил Вадим Александрович[4]. Осенью 1906 г. он вошел в студенческую социал-демократическую, а в 1907 г.— в Питерскую организацию большевиков. Через год его ввели в состав Петербургского комитета[5]. А еще через полгода последовали арест, 20 месяцев тюрьмы и шесть лет ссылки на поселение в Восточную Сибирь[6]. Студент-историк оказался в Сибири, которой суждено было занять в ближайшие годы важное место в его творческой жизни.

В. А. Ватин обосновался на поселение сначала в Иркутской, а затем в Енисейской губернии, в деревне Быстрой, недалеко от Минусинска. Заштатный городок с 15-тысячным населением, Минусинск был, однако, единственным культурным центром громадного края и, естественно, привлекал к себе политических ссыльных. Ватин вскоре добился разрешения поселиться по состоянию здоровья в Минусинске. Судьба счастливо привела его в местный музей. Известность этого одного из первых краеведческих музеев, основанного в 1877 г. Н. М. Мартьяновым, далеко перешагнула границы края. Гордость музея составляли естественнонаучные коллекции и библиотека, насчитывавшая в 1913 г. свыше 30 тыс. томов[7].

Заведуя научным отделом библиотеки музея, Ватин получил возможность пользоваться всеми ее богатствами. Вскоре маленькая комнатка, где он проводил за работой целые дни, превратилась, как вспоминал Ю. П. Гавен[8], в центр большевистской ссылки. Вадим Александрович стал одним из руководителей Минусинской группы большевиков, к нему стягивались нити агитационно-пропагандистской работы ссыльных[9]. Актив минусинской организации составляли Е. Д. Стасова, В. А. Ватин, Ю. П. Гавен, А. П. Голубков, Г. С. Вейнбаум, А. П. Спунде. Особенно энергичную деятельность развернули они в годы первой империалистической войны. Не поддавшись угару оборончества и социал-шовинизма, минусинские большевики стойко защищали интернационалистические позиции. Именно в это время окончательно

[4] *Быстрянский В.* В черные годы (Из воспоминаний старого партийца).— «Юный пролетарий», Л., 1923, № 10 (60), с. 23.

[5] Очерки истории ленинградской организации КПСС. Ч. 1 (1883 — октябрь 1917 г.). Л., 1962, с. 246—260.

[6] Петербургская судебная палата присудила Ватина к восьми годам ссылки на поселение, его освободила Февральская революция (ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 294).

[7] *Адрианов.* Минусинский музей в 1913 году.— «Минусинский край», 29 июня 1914 г. Для оценки места и значимости этой библиотеки напомним, что из 310 крупнейших русских библиотек того времени только 12 имели свыше 50 тыс. томов и 66 — от 10 до 50 тыс. томов (Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею, состоящему под покровительством имп. Академии наук, и по его общественной библиотеке за 1913 год. Минусинск, 1914, с. 24).

[8] *Гавен Ю. П.* Революционное подполье в период империалистической войны в Енисейской губ.— «Каторга и ссылка», 1927, № 7 (36), с. 126—127.

[9] *Беляевский С.* Большевики в Минусинской ссылке. Красноярск, 1964, с. 151—152.

оформилась минусинская «Группа революционных сознательных социал-демократов», которая выпускала листовки, защищавшие ленинскую точку зрения на войну. Автором листовок (их было около девяти) являлся Ватин.

Целью жизни Ватина была революционная борьба. И в далекой Сибири он использовал все возможные, нелегальные и легальные, способы для продолжения борьбы. Одним из них он считал историческую науку. «История — учительница жизни» — это крылатое изречение Цицерона любил повторять Ватин. В трудных условиях жизни политического ссыльного он встал на путь исследования истории Сибири. В Мартьяновском музее хранились неразобранные архивы бывшего Саянского острога и Минусинска XVIII—XIX вв. Выполняя, по-видимому, первоначально черновую работу по разбору и систематизации архива, Ватин увлекся раскрывшейся перед ним картиной прошлого края. Возникали параллели с общим ходом социально-экономического и политического развития России. Ватин задумал грандиозный план исследования истории Минусинского края.

Итогом интенсивной работы явился выход в 1913 и 1914 гг. двух книг о Минусинском крае, к 1916 г. автор завершил третью книгу, однако она увидела свет уже после Октября [10]. Эти три работы (общим объемом около 60 печатных листов) объединяет единый замысел: проследить развитие социально-экономических отношений в Минусинском крае на протяжении почти трех столетий. В первой книге Ватин показывает хозяйство и быт племен, населявших край в XVII в., а затем, нарисовав картину колонизации края русскими в XVIII в., раскрывает процесс разложения феодальных и дофеодальных отношений. Книгу завершает анализ развития горного дела, которое открыло новый этап в истории края — возникновение крепостной промышленности. Этот этап затем обстоятельно раскрывается в книге «Село Минусинское», хронологические рамки которой охватывают период от середины XVIII в. до начала XIX в., когда село превращается в город. И наконец, третья книга посвящена истории города Минусинска в XIX в., проникновению капиталистических отношений в этот отдаленный край Российской империи.

В основе концепции первого фундаментального труда Ватина лежит марксистский взгляд на историю как на объективно закономерный и поступательный процесс развития социально-экономических и общественных отношений. Автор подчеркивает свою солидарность со взглядами К. Маркса на историю, опирается на

[10] *Ватин В. А.* Минусинский край в XVIII веке. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913; *он же.* Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 1914; [*он же*]. Город Минусинск. Часть 1-я. Исторический очерк В. А. Ватина. К 100-летнему юбилею города Минусинска. 1822—1922 гг. Минусинск, 1916—1922. За этой книгой должна была выйти ее вторая часть (по объему почти равная первой, как отмечалось в предисловии), но так и не вышла — причины этого нам неизвестны.

выводы В. И. Ленина о развитии капитализма в России. Он показывает, как неизбежность капиталистического развития проявляется на далекой окраине России. Вместе с тем автор не ограничивается анализом экономических отношений. С понятной в условиях царской цензуры осторожностью он шаг за шагом фактами обличает хищническую политику самодержавия, показывает антидемократический характер его политических и административных учреждений.

Каждая из названных книг, несмотря на их органическое единство, является самостоятельным трудом. Более того, они написаны автором, взгляды и приемы исследования которого развивались и совершенствовались. «Минусинский край в XVIII веке» — первое, после университетских лет, обращение Ватина к анализу исторических источников. Книга в большей своей части носит характер публикации документов или извлечений из них; автор крайне скуп на выводы и обобщения; он предпочитает доказывать фактами. Современная выходу книги критика отмечала такие ее недостатки, как пробелы в историографии (вполне объяснимые условиями работы в ссылке), отдельные конкретные ошибки и неточности [11]. В то же время уже в этой книге проявились некоторые характерные для творческого почерка Ватина черты, и главные — любовь к документу, умение работать с ним. Ватину пришлось разобрать, описать и изучить архив Саянского острога за 39 лет (с 1732 по 1793 г., с перерывами), преодолеть односторонность этого типа источника и на его основе воссоздать историю края во всей ее многоплановости, противоречивости и колорите. Для этого нужны были кропотливость в работе и вдумчивый анализ всего комплекса документов. В книге отчетливо видна еще одна особенность автора — он предпочитает точное цитирование документа его изложению. Несомненные достоинства книги были отмечены Томским университетом, который в 1914 г. удостоил ее премии как лучшее сочинение по истории Сибири [12].

Книга «Село Минусинское» глубже раскрывает содержание архивных материалов, также легших в ее основу. Авторские заключения становятся значительно шире, он смелее прибегает к сравнениям с историей европейской части России. Книга имеет богатую историографическую базу: Ватин показал знание русской и западной литературы в различных областях истории, этнографии и географии. Опираясь на «Капитал» К. Маркса, «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина, автор в этой книге проводит

[11] *Кузнецов-Красноярский Ин. П.* Минусинский край в XVIII веке, В. А. Ватина (Критический очерк). Томск, 1915; *Ландерма.* Новая работа по истории Минусинского края.— «Сибирь», Иркутск, 8 декабря 1913 г.; *Новомбергский Н. Я.* Рец. на кн.: *Ватин В. А.* Минусинский край в XVIII веке.— «Известия Томского университета», 1918, кн. LXVII.

[12] [Хроника].— «Минусинский край», 12 ноября 1914 г.

конкретно-исторический анализ на основе марксистской исторической теории.

Последняя книга — «Город Минусинск» — первая в историографии Сибири попытка обобщающего труда по истории города. Попытка смелая, ибо предстояло воссоздавать историю на основании только архивных материалов городской управы и словесного суда[13]. В основу структуры книги положен тематический принцип: история возникновения города, его население, хозяйственный быт, промышленность, наемный труд, торговля, городские органы самоуправления, финансы. Во второй, неизданной части книги рассматривались, по-видимому, вопросы социально-политической и культурной жизни города, а также история второй половины XIX и начала XX в., ибо первая часть в основном освещала период 20—60-х годов XIX в. Новый шаг был сделан автором в освещении событий с точки зрения историка-марксиста. Полнее и критичнее использованы труда историков, соприкасавшихся с данной темой. При всем этом в истории Минусинска, как и в предыдущих книгах, ясно виден своеобразный авторский почерк: цитаты, сопровождаемые краткими комментариями, богатая фундированность, четкий план, строгая логика изложения.

Таковы первые исторические труды Ватина, которые нашли широкий общественный отклик[14] и положительную оценку известных сибирских историков и краеведов: А. В. Адрианова, А. А. Макаренко, Г. В. Вернадского, И. П. Кузнецова-Красноярского, Ландермы, Н. Я. Новомбергского[15]. Не все рецензенты разделяли методологические и политические позиции, на которых стоял Ватин. Так, профессор Томского университета Новомбергский решительно отмежевался от развиваемой автором теории происхождения капитала; явное раздражение вызвала у него нарисованная Ватиным картина эксплуатации местного населения царскими чиновниками[16]. Подчеркивая заслуги Ватина во введе-

[13] Словесный суд исполнял в Минусинске, городе «малолюдном», функции городского управления.

[14] За работой Ватина над историей края и города внимательно следила общественность Минусинска. Газета «Минусинский край» сообщала о выходе в свет его книг, о плане создания работы по истории города. Неизменную поддержку оказывал Ватину Музей им. Н. М. Мартьянова: на его средства была издана в количестве 800 экземпляров первая книга, а печатание второй, по ходатайству музея, взяла на себя городская дума (Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею... за 1913 год, с. 15, 17). Сообщения и заметки о выходе книг Ватина помещались на страницах журнала «Сибирский архив», газеты «Сибирская жизнь» (Томск) и др.

[15] *Адрианов.* Минусинский музей в 1913 году.— «Минусинский край», 29 июня 1914 г.; *Макаренко Алексей.* Рец. на кн.: *В. А. Ватин.* Село Минусинское. Исторический очерк.– «Живая старина», Пг., 1914, вып. I; 1915, вып. II; *Вернадский Г. В. Рец.* на кн.: *В. А. Ватин.* Село Минусинское.— «Голос минувшего», 1915, № 7—8. *Кузнецов-Красноярский Ин. П.* Указ. рец.; *Ландерма.* Указ. рец.; *Новомбергский Н. Я.* Указ. рец.

[16] *Новомбергский Н. Я.* Указ. рец. с. 11, 14.

нии в научный оборот обширного архивного материала, а также признавая, в общей форме, его большой вклад в разработку истории Сибири, дореволюционная буржуазная историография отказывалась, однако, раскрыть этот вклад конкретно.

Не повезло историографическому наследию Ватина по истории Сибири в советские годы. Хотя его работы по истории Минусинского края до сих пор используются советскими историками [17], о его вкладе вспомнили лишь в связи с кончиной историка в 1940 г.[18] Только в 1963 г. появилось обстоятельное исследование М. Б. Шейнфельда, в котором было отдано должное историку-большевику как одному из пионеров марксистской историографии Сибири [19].

Шейнфельд дал, на наш взгляд, правильную характеристику как методологических основ дореволюционных работ Ватина, так и конкретного вклада историка в изучение важнейших проблем истории Сибири, а именно: присоединения верховьев Енисея к России и освоения Минусинского края в XVIII в.; истории хакассов в XVIII в.; реформ Сперанского в Сибири; роли политической ссылки в Сибири. Вывод автора, что Ватин «является одним из зачинателей марксистского направления в сибирской историографии» [20], всецело разделяется нами.

Развитая в трудах Ватина марксистская концепция истории Сибири включает в себя утверждение общих исторических закономерностей развития Сибири и европейской части России, доказательства распада патриархально-родовых и феодальных отношений в Сибири, начиная с XVII в., и неуклонного утверждения капиталистических отношений, а также своеобразия исторического пути Сибири. Подход с этих методологических позиций к конкретно-историческому анализу был для дореволюционной сибирской историографии явлением новым, ибо марксистское направление еще только пробивало себе дорогу в трудах большевиков Л. Б. Красина, М. К. Ветошкина, Я. М. Свердлова, А. Г. Шлихтера и некоторых других.

Помимо рассмотренных работ по истории Минусинского края Ватин написал ряд ценных исследовательских статей, а также опубликовал большое число научных сообщений, заметок, доку-

[17] *Азадовский М.* Очерки литературы и культуры в Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1947; *Потапов Л. П.* Краткие очерки истории и этнографии хакассов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952; 250 лет с великим русским народом. Абакан, 1959; *Карцев В. Г.* Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII — начале XIX вв.— «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории». Абакан, 1963, вып. IX и др.

[18] *Кузнецов Ф.* В. А. Быстрянский (Ватин) как историк Сибири.— «Восточно-Сибирская правда», 30 декабря 1940 г.

[19] *Шейнфельд М. Б.* В. А. Ватин-Быстрянский как историк Сибири.— «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института», 1963, вып. IX.

[20] Там же, с. 90.

ментов по актуальным проблемам истории Сибири [21]. Эти работы существенно дополняли тематику его книг.

В четырех номерах газеты «Минусинский край» [22] были опубликованы статьи Ватина о декабристах [23]. Они основывались на данных литературы и мемуаров, содержали глубокую оценку сущности классовой природы и значения движения декабристов. Ватин видел его объективную основу в развитии противоречий между производительными силами страны и всем ее общественно-политическим укладом. Называя декабристов «честными и решительными борцами за освобождение России», он не закрывал глаза на то, что «заговорщическая форма декабрьского движения обрекала его на неудачу, оно было ограничено узкими кругами просвещенного дворянства и не имело опоры в массах». Ватин высоко оценивал это первое в истории России движение против абсолютизма. Он ясно видел преемственность в революционном движении: «Через весь XIX век в истории России идет непрерывающаяся традиция политической борьбы, начало которой положили декабристы. Выдвинутые общественным развитием на политическую сцену новые классы населения поочередно брали в свои руки выкинутое декабристами политическое знамя: «кающиеся дворяне», разночинная интеллигенция и, наконец, созданный развившимся в России капиталистическим производством рабочий класс» [24].

Ватина отличало самое пристальное внимание к исторической литературе. Ему помогало при этом свободное владение французским, немецким, английским, итальянским и латинским языками. Он регулярно выступал с обстоятельными, всегда политически острыми рецензиями на новые книги, особенно те, в которых звучала демократическая мысль. Очень тепло встретил Ватин книгу своего собрата по партии и судьбе А. Г. Шлихтера, положительно оценил работу М. В. Буташевича о Петрашевском, отозвался сочувственным некрологом на смерть В. И. Семевского [25].

[21] См. в библиографии работ Ватина (наст. изд., стр. 341–343) статьи, публиковавшиеся в 1914—1917 гг. в журнале «Сибирский архив».

[22] Первый биограф Ватина-Быстрянского — Н. Б. Крушкол утверждает, что эта ежедневная газета, выходившая со 2 марта по 6 декабря 1914 г., редактировалась ссыльными большевиками, в том числе В. А. Быстрянским (*Крушкол Н.* В. А. Быстрянский в большевистском подполье.— «Борьба пролетариата», Л., 1941, № 2, с. 27).

[23] *Ватин Вадим.* Декабристы в Минусинске.— «Минусинский край», 30 марта, 13 апреля, 4 мая 1914; *он же.* Новые данные о декабристах в Минусинске.— Там же, 26 октября 1914 г.

[24] «Минусинский край», 30 марта, 4 мая 1914 г.

[25] *Ватин В. А.* [*Рец.* на кн.:] *Шлихтер А. Г.* Экономическое положение крестьян Туруханского края. Ч. II. Красноярск, 1916.— «Сибирская летопись», 1916, № 9—10; *он же.* [*Рец.* на кн.:] *Буташевич М. В.* Петрашевский в Минусинске.— «Сибирский архив», 1915, № 2; *он же.* Памяти Василия Ивановича Семевского.— «Сибирская летопись», 1916, № 9—10.

Ватин явился одним из инициаторов организации архивного дела в Сибири. В ходе обработки минусинских архивов ему пришлось убедиться в том, что в Сибири, как и «...вообще в России судьба архивного дела оставляет желать многого» [26]. Тогда же он предложил Минусинскому музею принять меры для спасения еще сохранившихся местных архивов. В марте 1914 г. комитет музея с помощью анкеты (по-видимому, составленной Ватиным) выяснил наличие, состав и положение архивов в 29 волостях Минусинского уезда [27]. Итоги обследования показали, что весьма ценные исторические источники находятся почти повсеместно под угрозой уничтожения. Музеем были приняты меры для охраны архивов и их научной обработки [28]. Большая заслуга принадлежала Ватину и в систематизации огромной библиотеки музея, которая раньше «по своей неупорядоченности... оставалась малодоступной широкой публике» [29].

Научный авторитет Ватина был так велик, что с ним не могли не считаться полицейские власти. Последним стало известно, что Ватин является одним из руководителей местных ссыльных большевиков и что работа в музее помогает ему объединять ссыльных. Не раз делались попытки помешать активной деятельности Ватина. В конце 1913 г. уездная администрация запретила ему продолжать работу в библиотеке музея, однако комитет музея добился от начальника губернии отмены этого распоряжения [30].

В чем состояла причина успехов молодого историка, работавшего в трудных условиях ссылки? Думается, что Петербургский университет с господствовавшей в нем буржуазной методологией дал ему лишь основы знаний и навыки работы над источниками (учителем Ватина был профессор М. И. Ростовцев — крупнейший знаток истории Рима). Однако главное — систему взглядов на историю — он выработал только в ходе самостоятельного изучения марксизма и революционной практики. «Невозможно сознательно ориентироваться в настоящем, не зная прошлого... И обратно, активное участие в борьбе настоящего ставит историка лицом к лицу с движущими пружинами общественного развития и дает ему Ариаднину нить для ориентации в лабиринте глубокого прошлого» — так сам Ватин определил в книге «Село Минусинское» причины, которые помогли ему стать историком. Ему удалось ввести в научный оборот не просто отдельные документы, а зна-

[26] *Ватин В. А.* Село Минусинское, с. IV.

[27] Хроника. Важная мера комитета Минусинского музея.— «Минусинский край», 25 марта 1914 г.

[28] Сельские архивы Минусинского уезда. Приложение к отчету.— В кн.: Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею... за 1913 год, с. 36; *Адрианов.* Минусинский музей в 1913 году.— «Минусинский край», 29 июня 1914 г.

[29] Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею и Минусинской городской общественной библиотеке за 1910/11 гг. Минусинск, 1912, с. 17—18.

[30] Об этом рассказал Ватин в предисловии к «Селу Минусинскому» (*Ватин В. А.* Село Минусинское, с. VI).

чительную часть архива города и Минусинского края. Ватин сумел, опираясь на историографию, а во многом и самостоятельно, освоить широкую и важную проблематику из истории Сибири, осветить многие ее стороны с марксистских позиций.

Ватин отдавал предпочтение социально-экономическим вопросам. Эта черта роднит всю марксистскую историографию до Октября. Так же как и другим историкам-большевикам, Ватину были известны работы В. И. Ленина (в частности «Развитие капитализма в России»), под влиянием которых складывались его исторические воззрения.

«Сибирская историография,— писал Ватин в ноябре 1914 г.,— находится теперь и, вероятно, долго еще будет находиться в стадии накопления материала, которого еще слишком мало для обобщающих исторических построений... За работу исторического синтеза возьмется будущий историк, пока исследователю приходится только закладывать фундамент и собирать камни для здания, которое построит будущий архитектор» [31]. Если продолжить эту метафору, то можно сказать, что Ватин заложил прочный фундамент марксистской историографии Минусинского края, а его деятельность по изучению прошлого страны имела глубокое общественное значение.

Говоря о формировании в 1913—1916 гг. Ватина как историка, мы не сможем правильно оценить этот факт, если отвлечемся от того, какое место занимали научные исследования в жизни и деятельности профессионального революционера. Продолжая в ссылке активную нелегальную партийную деятельность, Ватин видел в научной и публицистической работе средство воздействия на массы, средство политической пропаганды и агитации. «...Изучение исторического прошлого отнюдь не является делом простой любознательности, оно имеет огромное практическое значение. Только зная процесс возникновения и роста какого-либо общественного учреждения, можно ориентироваться и в его современном положении, а, следовательно, и работать над его преобразованием, что является задачей всякого сознательного общественного деятеля» [32],— эти слова Ватина как нельзя точно выражают его взгляд на значение истории вообще и ее место в его творческой биографии.

Уже в первых его исторических трудах мы всегда чувствуем политическую позицию автора. Достаточно увидеть, как в книге «Минусинский край в XVIII веке» раскрывается тяжесть гнета самодержавия, обличается администрация Минусинского края с ее неспособностью по-хозяйски использовать огромные природные богатства. Картина «произвола и всевозможных злоупотреблений», воссозданная историком по материалам ревизии 1843 г. Ачинского округа Восточной Сибири, явилась обличительным

[31] *Ватин В. А.* Село Минусинское, с. V—VI.
[32] *Ватин В. А.* Минусинский край в XVIII веке, с. III.

актом системе бюрократического управления [33]. Подобные выводы возникают и при чтении статьи о народном просвещении [34]. История и политика тесно связаны в работах Ватина. Это особенно ярко проявилось в его публицистике, в частности на страницах газеты «Минусинский край». Вот автор обращается к истории франко-германской войны 1870—1871 гг., но она интересует его не сама по себе, а в той связи, в какой позволяет проследить позиции молодой германской социал-демократии и показать, что современные социал-демократы по отношению к настоящей, империалистической, войне защищают позицию, «находящуюся в полном противоречии с заветами международного социализма» [35]. Возможность отметить пятидесятилетие со дня смерти Ф. Лассаля Ватин использовал для публикации статьи, прозвучавшей страстным гимном пролетариату и его политической организации [36]. Кстати сказать, иркутский генерал-губернатор понял это и оштрафовал издателя газеты за помещение статьи, «возбуждающей враждебное отношение к правительству» [37].

Что касается вопросов, близких современности, то здесь голос историка звучал особенно обличительно. Примером могут служить статьи о трагических событиях на Лене [38]. Ватин был активным участником в важном идейном споре марксистов с «областниками» — идеологами сибирской буржуазии, сторонниками сепаратизма Сибири. Он дал марксистский анализ взаимоотношений Сибири с метрополией, а также проблем современного экономического и политического положения Сибири. На этой основе автор убедительно показал классовый характер сепаратистских тенденций «областничества» как орудия в руках сибирской буржуазии для затушевывания классовых противоречий [39]. Так историк-большевик помогал читателю глубже разобраться в сложных явлениях современной ему действительности.

Ватин широко сотрудничал в сибирской периодической печати, в газетах и журналах, издававшихся при участии большеви-

[33] *Ватин В. А.* Ачинский округ по сенаторской ревизии 40-х годов XIX века.— «Сибирский архив», 1915, № 2.

[34] *Ватин В.* Начатки народного образования в Минусинске.— «Сибирский архив», 1914, № 11.

[35] *Ватин Вадим.* Франко-германская война 1870—71 гг. и германская рабочая партия.— «Минусинский край», 5 октября 1914 г.

[36] *Ватин Вадим.* Фердинанд Лассаль (1864—1914).— «Минусинский край», 24 и 29 августа 1914 г.

[37] [Хроника].— «Минусинский край», 5 ноября 1914 г.

[38] *Быстрянский В.* 4 апреля и рабочий класс.— «Минусинский край», 6 апреля 1914 г. Со времени публикации этой статьи литературный псевдоним В. А. Ватина — «В. Быстрянский» (по-видимому, по названию деревни Быстрой, где он был на поселении) стал все чаще появляться в печати.

[39] *Ватин В.* К юбилею областничества.— «Сибирский архив», 1915, № 12. О «драках с областничеством» Ватина свидетельствовал большевик Н. Ф. Чужак (Носович) (*Чужак Н.* Ссылка и областничество.— В кн.: Сибирская ссылка. Сб. I. М., 1927, с. 59).

ков. Н. Ф. Чужак вспоминал: как и другие ссыльные, Ватин печатался в большевистских газетах «Иркутское слово» и «Молодая Сибирь» (Иркутск), в поисках «каждой мыслимой газетной щели» большевики-подпольщики В. А. Ватин из Минусинска, Е. Ярославский из Якутска и другие ссыльные большевики посылали статьи в журнал «Богульник» (Иркутск) [40]. В. И. Николаев в статье, написанной по материалам сибирской печати периода реакции, сообщает о работе Ватина в иркутской газете «Восточная заря», в «Забайкальском обозрении» (Чита), в газетах «Минусинский листок» и «Минусинский голос», а также на страницах томского журнала «Сибирский студент» [41]. Широкая журналистская деятельность использовалась Ватиным для популяризации марксистских идей, пропаганды в массах большевистских взглядов на происходящие в стране события.

В предчувствии надвигавшейся революции Ватин стремился быть ближе к ее центрам. В конце 1916 г. он получает отпуск для свидания с родными и уезжает из Минусинска. Февральская революция застает его на Украине, с головой ушедшим в партийную работу. В ходе революционных событий 1917 г. его печатное слово все время находилось в арсенале большевиков. Новая тематика захватила большевика, и, за исключением подготовки к печати «Истории Минусинска», он не обращался больше к тем трудам, которые сделали его историком. Так завершился первый этап творческого пути В. А. Ватина (Быстрянского).

Участие в Октябрьской революции в Петрограде связало всю дальнейшую жизнь В. А. Быстрянского с этим городом. Он был одним из немногих в Петрограде марксистов, которые вместе с москвичами составили ударный отряд первых советских историков. Творческая деятельность Быстрянского в советское время отличалась крайне широким характером: он выступал как популяризатор марксизма-ленинизма, как ученый-исследователь и педагог, как последовательный борец с буржуазной и мелкобуржуазной историографией, наконец, как один из активных партийных литераторов.

Объяснение этому многообразию надо искать не только (и не столько) в личных качествах Быстрянского, а в особенностях начального этапа развития советской исторической науки (1917—середина 20-х годов). Объективный процесс рождения нового, социалистического общества, принципиально новая роль в истории народных масс ставили перед исторической наукой кардинальную задачу: осветить с марксистских позиций важнейшие вопросы исторического процесса современности и прошлых эпох. Эта сложнейшая задача развития общественных наук на основе теории и практики научного социализма в те годы была по плечу лишь

[40] *Чужак Н. Ф.* Указ. соч., с. 63, 65, 71—72.

[41] *Николаев В. И.* Сибирская периодическая печать и политическая ссылка.— «Каторга и ссылка», 1930, № 6, с. 112, 117, 118, 119.

численно небольшой группе партийных работников, прошедших еще до революции марксистскую школу. Историки-марксисты первого призыва (М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, В. А. Быстрянский, В. И. Невский, М. С. Ольминский, Н. М. Лукин, М. П. Павлович и другие) своей главной целью считали широкую пропаганду марксизма, марксистского понимания истории. Их исторические работы тех лет носят, как правило, популярный характер, отражая тем самым насущную общественную потребность эпохи — тягу народных масс к знанию, пониманию классовой сути происходящих событий. В условиях ожесточенной идейной борьбы особенно важно было с марксистских позиций подойти к обобщению уже известных фактов и материалов, к пересмотру буржуазных концепций. Отсюда боевой, наступательный в отношении буржуазной историографии дух работ марксистов.

Почти у всех историков-большевиков в эти годы практически недоставало времени для фундаментальных исследований на основе архивов. Научной и популяризаторской работой они были вынуждены заниматься наряду с ответственными партийными и государственными делами. Время диктовало марксистам-ленинцам необходимость быть партийными литераторами, готовыми по-боевому, по-марксистски, популярно осветить важные для революции вопросы текущего дня или научную проблему. Особенности первых лет Советской власти объясняют как сильные стороны марксистской исторической литературы (боевитость, многогранность проблематики, популярность), так и слабые — недостаточную аргументированность, ограниченность источниковедческой базы.

Для В. А. Быстрянского главной была работа в партийной и советской печати. Оставленный по рекомендации Я. М. Свердлова Центральным Комитетом партии после II Всероссийского съезда Советов в Петрограде для работы в печати[42], Быстрянский активно сотрудничал в «Правде», «Известиях ВЦИК» (до их переезда в Москву), а затем в «Петроградской правде», «Северной коммуне», «Известиях Петроградского Совета». Особенно показательна с точки зрения круга волновавших Быстрянского вопросов работа в «Петроградской правде». Он освещал текущие международные и внутренние события, революционное движение на Западе и созидательную роль коммунистов в Советской России; вел отделы: «Из иностранных газет», «Жизнь в оккупированных районах», «Из белогвардейской прессы», «Юбилейные даты», «Библиография», наконец, редактировал всю газету, задавая ей тон и политическую направленность[43].

[42] Об этом Быстрянский сообщил в «Анкете участника Октябрьского переворота» («История СССР», 1967, № 3, с. 134).

[43] Эти данные появились в результате выявления нами материалов Быстрянского в «Петроградской правде» за 1918—1922 гг. Свои статьи он подписывал: «В. Быстрянский», «В. Б.», «Ватин». Можно полагать, исходя из содержания и стиля материалов, что ему принадлежали также многие не-

В сотнях газетных статей Быстрянский, как и другие историки-марксисты, день за днем освещал каждый новый шаг в жизни Советской республики, создавая по существу ее марксистскую историю. Эта литература еще мало учитывается и изучается современными историками. Между тем она была массовой и наиболее действенной формой марксистской историографии первых советских лет. Она создавалась как история современности, источниками для которой служили факты текущего дня; создавалась опытными марксистами в диктуемой революцией публицистической форме.

Как партийный литератор Быстрянский широко использовал уроки истории. Он часто обращался к сугубо исторической тематике: писал о деятелях революционного движения в России и на Западе (А. И. Герцене, П. Л. Лаврове, П. А. Кропоткине, Ф. Меринге и других), по истории социал-демократии, о Французской революции 1789 г. Прекрасно владея марксистской исторической теорией, он часто использовал сравнительно-исторический метод. История и политика, история и современность всегда были рядом в его больших и малых по объему газетных материалах, актуальные вопросы дня органически сочетались с проблемами марксистской теории о роли народных масс, о соотношении революции и реформ, о демократии пролетарской и буржуазной. Быстрянский был, по общему признанию, одним из талантливых пропагандистов.

Работа в советской печати открыла для Быстрянского как историка широкую область новых тем и новых источников. К каждому мероприятию Советского государства и к каждому его документу он подходил как ученый. И если богатейшее собрание газетных статей и материалов Быстрянского представляет собою в основном публицистическую, популяризаторскую часть его историографического наследия, то в нем, безусловно, были заключены и многие предпосылки для научного освещения истории Октябрьской революции и гражданской войны.

Темы гражданской войны в Советской России (и шире — история поворотных моментов в классовом обществе, история гражданских войн) стали ведущими исследовательскими темами Быстрянского. В течение первого советского пятилетия он создал около 20 книг и брошюр, через которые красной нитью прошла проблема гражданских войн. Заслуга его состояла, прежде всего, в том, что он осветил эту проблему со многих сторон: марксизм о гражданских войнах, история гражданских войн в прошлом, Парижская Коммуна и социалистическая революция в России как важнейшие этапы классовых битв пролетариата, гражданская война в Советской России. Это хорошо видно на примере книг и

подписанные статьи, в частности передовые, и заметки. Об интенсивности работы Быстрянского в «Петроградской правде» свидетельствует тот факт, что часто четвертая часть номера газеты делалась им лично.

брошюр Быстрянского 1919—1921 гг.[44] История гражданской войны в Советской России пишется им по следам событий. Создание Красной Армии и первые ее победы вызывают к жизни уже в 1919 г. работы о революционной армии пролетариата; переход сил международного империализма от поддержки российской контрреволюции к открытой интервенции находит освещение в брошюрах 1919—1920 гг.; общее и окончательное поражение контрреволюционных сил фиксируется в книге 1921 г. Быстрянский анализирует не частные, а основные проблемы истории гражданской войны в России: сущность и причины войны, ее противопоставление войне империалистической, расстановка классовых сил в двух враждебных лагерях, союз внутренней контрреволюции с международным империализмом, роль Антанты в развязывании войны и интервенции, характеристика роли тыла.

Источником названных работ являлась главным образом пресса (советская, зарубежная, белогвардейская), а также современная мемуарная и историографическая литература. Для тех лет этим кругом документов и материалов практически ограничивались возможности исследователя. Но и на этой основе выводы Быстрянского были убедительными, ибо их сила заключалась в четком марксистском отборе фактов, в умелом применении исторического метода к анализу сложнейших событий современности. Всецело опираясь на развитые Марксом, Энгельсом и Лениным взгляды на причины войн вообще, их связь с расстановкой классовых сил и внутренней политикой государств, на марксистско-ленинское понимание революционных войн и исторической миссии пролетариата, он мастерски анализировал новые явления и факты. Быстрянский любил конкретный исторический материал, но никогда не ограничивался констатацией, хроникой фактов. Каждому событию, будь то контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса или белый террор, он находил убедительное истолкование в свете марксистского учения. В этом смысле все работы Быстрянского являются глубоко творческими и самостоятельными. Неоднократно высказанные им прогнозы хода войны, изменений в лагере противников Советской власти, роли отдельных государств и партий блестяще подтвердились. И в этом — веское доказательство научной обоснованности выводов историка.

Расширяя и углубляя аргументацию по проблемам гражданской войны в Советской России, Быстрянский обращался к истории гражданских войн вообще. В уже названных брошюрах мы находим исторические параллели, примеры из истории революционных и захватнических войн прошлого. Эту особенность отме-

[44] *Быстрянский В. А.* Армия империализма и армия революционная. Война империалистическая и война революционная. Пг., 1919; *он же.* Империалистическая Англия против социалистической России. Пг., 1919; *он же.* Красная Армия и революционная война. Пг., 1920; *он же.* Контрреволюция и ее методы. Пг., 1920; *он же.* Антанта, Россия и революция. Пг., 1920; *он же.* Из истории гражданской войны в России. Пг., 1921.

чали рецензенты. «Ничто так не уясняет мысли автора, как примеры, взятые из истории прошлых времен», — писал о книгах Быстрянского В. И. Невский [45]. И потому не случайным было появление брошюры о гражданской войне в античной истории [46]. На ее титуле стояло: «1. Древний мир». Автор собирался создать серию книг по истории гражданских войн. К сожалению, Быстрянскому не удалось реализовать столь интересный замысел.

Введение к брошюре (оно составляет почти половину ее объема) является одной из первых марксистских работ по вопросу о гражданских войнах в истории. Автор анализирует характер и формы гражданских войн, рассматривает соотношение войн и политики, внешних и гражданских войн, революции и гражданской войны, роли насилия в истории. Своеобразие этой части книги заключается в том, что по сути вся история человечества, кончая событиями гражданской войны в Советской России, рассматривается под углом зрения места и значения гражданских войн. Особый интерес представляет оценка Быстрянским представлений буржуазных социологов о путях перехода к новому общественному строю — социализму.

Приступая к анализу конкретного исторического материала, Быстрянский не ставил перед собой задачу исследования источников греко-римской эпохи (исключение составляют ссылки на Фукидида и Плутарха). Предметом его изучения являлась западная и русская историография, в которой нашла отражение рассматриваемая проблема. В брошюре использованы труды Э. Мейера, Р. Пельмана, Фюстель-де-Куланжа, К. Бюхера, Т. Моммзена, М. М. Хвостова, Р. Ю. Виппера, В. П. Бузескула, М. И. Ростовцева. Прежде чем познакомить читателя с фактами в оценке этих ученых, Быстрянский излагает свое понимание историографии. Он отмечает ее неразрывные связи с развитием классовой борьбы, показывает ограниченность буржуазной историографии, в частности, модернизацию ею прошлого. Затем он излагает основы марксистского понимания истории и в свете его на конкретных примерах показывает, как в буржуазной историографии истории древнего мира отразились все перипетии развития Европы в XIX в. Вооружив таким образом читателя марксистским пониманием проблем гражданской войны и критическим отношением к буржуазной историографии, Быстрянский переходит к позитивному изложению истории гражданских войн в Греции и Риме.

Эта книга Быстрянского обратила на себя внимание научной общественности. В рецензиях В. И. Невского, Н. М. Лукина,

[45] *Невский В. И.* [*Рец.* на книги:] *Быстрянский В. А.* Красная Армия и революционная война. Пг., 1920; *он же.* Гражданская война в истории. Пг., 1920; *он же.* Контрреволюция и ее методы. Пг., 1920; *он же.* Партия коммунистов большевиков. Пг., 1920.— «Петроградская правда», 21 декабря 1920 г.

[46] *Быстрянский В.* Гражданская война в истории. Пг., 1920.

Б. Б. Беккера ей давалась положительная оценка, прежде всего, за обобщение интересного и ценного материала, труднодоступного широкому читателю. Вместе с тем рецензенты расходились в конкретных отзывах об отдельных сторонах книги. Невский отмечал, что Быстрянского вообще интересуют вопросы гражданской войны и что достоинством данной книги является «...попытка дать анализ и рассмотреть с марксистской точки зрения эволюцию форм гражданской войны, начиная с греко-римской эпохи» [47]. Лукин видел слабость брошюры в недостаточной систематизации материала [48]. Беккер в обстоятельной рецензии оценил хорошее знание автором темы; наиболее удачным в брошюре он считал анализ и критику буржуазной историографии. Однако он полагал, что отобранный автором фактический материал говорит не столько о гражданских войнах, сколько о классовом характере античного общества вообще [49]. Справедливость критики не умаляла важного значения брошюры, которая явилась первой в советской историографии попыткой обобщения взглядов буржуазных историков на гражданские войны. Неполнота в разработке этого вопроса, естественно, сказалась на книге Быстрянского. Тем не менее он сумел противопоставить буржуазной историографии марксистский взгляд на гражданские войны и классовую борьбу как движущую силу развития общества, сумел показать объективную закономерность и неизбежность классовых боев и их прогрессивную роль в истории.

Если Быстрянскому не удалось осуществить замысел и показать в историческом разрезе гражданские войны всех времен, то он, естественно, не мог пройти мимо наиболее важных, кульминационных моментов гражданских битв. Одно из своих исследований он посвятил Парижской Коммуне. Впервые Быстрянский обратился к этой теме сразу после Октября [50]. Популярная брошюра «Что такое Коммуна?» была его первой работой, вышедшей после революции. «Наиболее четко в агитационной литературе марксистская концепция Коммуны была представлена в брошюре В. А. Быстрянского» — так оценивают ее современные историографы [51]. В 1918—1919 гг. брошюра выдержала шесть изданий. Очевидно, тогда же Быстрянский начал работу над книгой по истории Коммуны [52], ибо уже с 1919 г. на страницах «Правды» и «Петроградской правды» печатались отдельные части этого

[47] *Невский В. И.* Указ. рец.— «Петроградская правда», 21 декабря 1920 г.

[48] *Лукин-Антонов Н.* [*Рец.* на кн.:] *Быстрянский В.* Гражданская война в истории.— «Печать и революция», 1921, № 2, с. 140.

[49] *Беккер Б.* [*Рец.* на кн.:] *Быстрянский В.* Гражданская война в истории.— «Книга и революция», 1922, № 4 (16), с. 39.

[50] *Быстрянский В.* Парижская Коммуна и Октябрьская революция.— «Правда», 16 декабря 1917 г.; *Ватин.* Что такое Коммуна? Пг., 1918.

[51] *Дунаевский В. А.* Советская историография новой истории стран Запада. 1917—1941 гг. М., 1974, с. 126.

[52] *Быстрянский В.* Очерки по истории Парижской Коммуны. (18 марта — 28 мая 1871 г.). Пг., 1921.

исследования. Наряду с книгами И. И. Скворцова-Степанова и Н. М. Лукина эта работа Быстрянского была одной из первых в советской историографии Парижской Коммуны.

Быстрянский собрал в своей книге огромный материал, неизвестный или малоизвестный русскому читателю — мемуары героических деятелей Коммуны и воспоминания ее врагов. Он широко использовал все издания документов о Коммуне, а также литературу на русском, французском и немецком языках. Оценивая книгу Быстрянского, Б. Беккер отмечал, что «она является как бы своего рода хрестоматией по истории Парижской Коммуны, каковой, впрочем, еще ни на одном языке не существует» [53]. Заслуга Быстрянского в обогащении советской историографии Коммуны публикацией ряда ценных источников и материалов (которые он сам и перевел) несомненна.

Суммируя конкретный материал в десяти разделах-очерках («Французская буржуазия начинает гражданскую войну против революционного Парижа», «Коренная ошибка Коммуны», «Армия версальцев», «Армия Коммуны», «Тьер, Бисмарк и Коммуна», «Последние дни Коммуны» и др.), автор дает марксистскую оценку сущности Коммуны и ее исторического значения. Особенно ценны в этом отношении разделы «Чем была Коммуна?» и «Заключение». Впервые широко привлеченные документы из стана врагов Коммуны позволили осветить такие малоизученные вопросы, как блок версальцев с прусской армией, роль интервенции Германии в подавлении Коммуны, отзвуки Коммуны. В специальном обзоре разоблачалась классовая ограниченность буржуазных историографов Коммуны. Наконец, сильная и оригинальная сторона книги заключается в проведенных автором сравнениях и связях опыта Коммуны и Советской Республики.

Можно было (и современники Быстрянского делали это) спорить, дал ли автор максимум возможного в этой книге. Рецензенты, например Б. Беккер, в числе ее недостатков отмечали слабовыраженный авторский взгляд на некоторые освещаемые вопросы. Не удовлетворен был книгой И. И. Скворцов-Степанов, который хорошо знал и ценил энергию, эрудицию и трудоспособность автора и потому имел основание судить его особенно строго [54]. Следы некоторой поспешности заметны, тем не менее, выход книги имел важное научное и политическое значение. Она сыграла определенную роль в утверждении марксистской историографии истории Коммуны.

Активный участник Октябрьской социалистической революции Вадим Александрович стал также одним из первых ее историографов. И к этой теме он сначала пришел как партийный пуб-

[53] *Беккер Б.* [*Рец.* на кн.:] *Быстрянский В.* Очерки по истории Парижской Коммуны.— «Книга и революция», 1922, № 3 (15), с. 69.

[54] *Степанов И.* [*Рец.* на кн.:] *Быстрянский В.* Очерки по истории Парижской Коммуны.— «Печать и революция», 1921, № 2, с. 148—150.

лицист. Необходимость марксистского освещения этой темы понималась Быстрянским очень глубоко. Ее диктовали, считал он, мировое значение революции, практическая необходимость изучения истории революции для выработки политики Коммунистической партии в настоящем и будущем и, наконец, важность разоблачения враждебной буржуазной и мелкобуржуазной историографии. С гневом он отмечал тот факт, что пока коммунисты отдают все силы созиданию нового общества, идеологи свергнутых классов «пишут», т. е. фальсифицируют славную историю Октября. Большевик-ленинец призывал работать над историей социалистической революции в двух направлениях: разоблачать буржуазную фальсификацию и по-марксистски разрабатывать проблемы Октября [55].

Труды Быстрянского — пример последовательной и непримиримой позиции марксиста. Внимательно следя за каждой новой книгой, новым документом, он обрушивал всю силу критики на любое издание, искажавшее события и сущность великой революции. Убедительной критике он неоднократно подвергал работы П. Милюкова, Н. Суханова, воспоминания В. Станкевича — сподвижника Керенского и Савинкова [56]. Быстрянский был непримирим к тем деятелям русской и международной социал-демократии, которые не сумели понять Октябрьской революции (Мартов, Каутский, Церетели) [57].

Внимательно следя за эволюцией взглядов идейных противников, Быстрянский вместе с тем не проходил мимо фактов, свидетельствовавших о признании некоторыми буржуазными учеными исторической роли Октябрьской революции. С симпатией и доброжелательностью встретил он статью А. Е. Преснякова «Обзор пережитого», считая, что в ней историк подметил кардинальную особенность нашей революции: партия рабочего класса овладела революционной стихией масс [58].

Позитивный вклад Быстрянского в историографию Октября выразился, прежде всего, в обогащении ее источниковедческой базы. Многие его газетные статьи — это комментарий ученого-марксиста к документам истории, будь то документ советский или

[55] *Быстрянский В.* О необходимости изучения истории Октябрьской революции и Коммунистической партии.— «Петроградская правда», 10 октября 1920 г.

[56] *Быстрянский В.* Буржуазная фаза русской революции в освещении кадетского «историка».— «Книга и революция», 1920, № 2; *он же.* Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921; *он же.* Как «делали» Февральскую революцию.— «Книга и революция», 1920, № 1; *он же.* По пути в Каноссу.— Там же, 1921, № 8—9.

[57] *Быстрянский В.* Признание собственного банкротства.— «Петроградская правда», 19 августа 1919 г. См. также его статьи в «Петроградской правде» за 21 января, 8, 18 и 25 февраля, 1 марта 1919 г.; *Быстрянский В.* [*Рец.* на кн.:] Речи И. Г. Церетели. Пг., 1917.— «Книга и революция», 1922, № 9—10.

[58] *Быстрянский В.* Стихийность и сознательность.— «Петроградская правда», 22 апреля 1921 г.

документ, исходящий из стана врага. Критическому использованию последних материалов Быстрянский придавал важное политическое и научное значение. В брошюре «Рабоче-крестьянская революция в оценке буржуазной публицистики» (1919 г.) причины, ход и значение Февральской революции, оценка Октября и Учредительного собрания, сущность и причины контрреволюции рассматривались им в освещении буржуазных и мелкобуржуазных авторов от П. Струве до Осоргина и Левина. Полагая, не без оснований, что в «толстых» журналах публицисты пишут откровеннее, Быстрянский детально анализировал материалы «Вестника Европы» и «Русской мысли» за 1917 г., «Русского богатства» за 1918 г. На суд читателя он представлял, таким образом, большую группу материалов врагов революции. Это трудный, но важный для исследователя истории Октября источник. Заслуга Быстрянского состояла в том, что он одним из первых обратил на него внимание и сделал попытку историографического анализа буржуазной и мелкобуржуазной литературы по Октябрю.

Брошюра Быстрянского «Революция буржуазная и революция пролетарская» (1920 г.) носила иной характер. Ее ценность заключалась в противопоставлении основных черт социалистической революции буржуазной демократии. Показывая руководящую роль пролетариата в социалистической революции, активное творчество народных масс, огромное международное значение Октября, автор широко пользуется историческими параллелями. Историко-сравнительный метод позволяет ему выявить коренное отличие пролетарской демократии от демократии буржуазной. Брошюра в целом неопровержимо доказывала историческую закономерность хода социалистической революции. Она заслуженно выделялась современниками как одна из лучших среди популярных изданий, посвященных Октябрю [59].

Следующая по времени книга Быстрянского «Меньшевики и эсеры в русской революции» (1921 г.) также популярна по форме. Тем не менее это научное исследование, оригинальное по тематике и структуре, построенное на обширной документальной базе, прежде всего меньшевистско-эсеровских изданиях (пресса, исторические труды и мемуары), которые являются объектом критики автора. Им противопоставлены марксистские и большевистские издания, начиная от трудов Маркса, Энгельса и Ленина и кончая последним по времени изданием документов РКП(б). Широкая база источников и, главное, отличное знание истории большевистской партии, истории ее борьбы с меньшевиками и эсерами позволили Быстрянскому создать исследование, которое не потеряло своего значения и в наши дни. Автор показал социальные корни мелкобуржуазных партий, дал очерк их истории, поставил развитие обеих партий в историческую связь с эволю-

[59] *С. В.* [*Рец.* на кн.:] *Быстрянский В.* Революция буржуазная и пролетарская.— «Книга и революция», 1921, № 8—9.

цией мелкой буржуазии и ее идеологов со времен буржуазной революции 1789 г. во Франции до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России, дал сравнительные характеристики русской и международной социал-демократии и, наконец, показал международное значение опыта борьбы большевиков с «белой социал-демократией» (так образно называл Быстрянский меньшевиков и эсеров). При всей политической остроте исследуемого вопроса книга конкретна и исторична. Большой интерес представляет, например, данный в ней анализ тактики партии эсеров после Октября. Быстрянский как исследователь твердо стоит на позициях партийности. В основе его анализа — основные этапы истории партии большевиков, он опирается в своей аргументации на решения ее съездов и конференций.

К освещению исторического значения Октябрьской революции Быстрянский подошел еще с одной стороны. В ряде его работ показана преобразующая и созидательная сила социалистической революции в социальной, политической и духовной жизни народа [60]. Эти работы по своей тематике отвечали насущным задачам дня, широко пропагандировали марксистские взгляды. Давая в них, как правило, предысторию той или иной проблемы, автор опирался на критический анализ буржуазной историографии. Например, для исторического очерка о положении женщины в обществе он использует и критически оценивает в брошюре «Коммунизм, брак и семья» работы Г. Шульца, Д. Брэстеда, Г. Масперо, А. Рамбо, Э. Лависса, Б. А. Тураева, Л. П. Карсавина и многих других исследователей. В анализе одной из проблем современности — семейных отношений в Советской России — автор использует статистические данные 1919 г. по Петрограду, советское законодательство, а также исследования советского юриста А. Г. Гойхбарга.

Богатую эрудицию обнаруживает Быстрянский и в области мировой юриспруденции и истории печати. Последняя тема была ему особенно близка и дорога. Он не раз выступал по поводу проблем советской печати и воспитания кадров партийных литераторов. Брошюра «Газета в буржуазном и пролетарском государстве» (1921 г.) — это исследование по истории печати, в котором автор полемизирует с буржуазными историками прессы, например, по вопросу о существовании газеты в древнем мире. Но главное внимание он обращает на роль печати в буржуазном и социалистическом обществе. Анализ значения социалистической революции, делающей печать подлинно свободной, красной нитью проходит через эту и другие книги Быстрянского.

[60] *Быстрянский В. А.* Коммунизм и религия. Пг., 1920; *он же.* Пролетариат и наука. Пг., 1920; *он же.* Революция и женщина. Пг., 1920; *он же.* Газета в буржуазном и пролетарском государстве. Пг., 1921; *он же.* Коммунизм, брак и семья. Пг., 1921; *он же.* Преступление в прошлом и будущем. Пг., 1921.

Наследие Быстрянского первых советских лет не исчерпывается названными работами. Необходимо назвать его брошюру о Ф. Энгельсе [61], которая влилась в ряд первых научно-популярных работ об основоположниках марксизма. М. В. Серебряков считал ее «единственной самостоятельной работой, напечатанной к столетию...» [62].

Подведем некоторые итоги творческой деятельности Быстрянского в первые годы Советской власти. Только за 1918—1921 гг. им были написаны более 20 книг и брошюр объемом от одного до 15 печатных листов («Очерки по истории Парижской Коммуны»). Их широкую тематику объединяет внимание к проблемам, поставленным Октябрьской революцией; историк в этом отношении идет в авангарде советских исследователей. Построенные на базе марксистской методологии, содержащие глубокий историографический аспект, они вносили свой вклад в науку, способствовали разоблачению буржуазной фальсификации истории. Заслуга Быстрянского состояла также в постановке ряда новых проблем, в выявлении новых источников.

Работы Быстрянского были обращены не только к специалистам, но и к новому массовому читателю — рабочему, красноармейцу, рабфаковцу. Тираж книг колебался от 10 до 25 тыс. экземпляров, о них регулярно информировала советская пресса.

Успеху работ Быстрянского помогало и то обстоятельство, что он был постоянно в курсе новейшей литературы. «Почти всякой статьей и всякой брошюрой,— писал И. И. Скворцов-Степанов,— он показывает, что он постоянно подновляет свои знания, часто стряхивает пыль с библиотечных полок, умеет найти и использовать новую книжку» [63].

Большой интерес представляет вопрос о том, насколько был знаком с первыми трудами советских историков, в частности Быстрянского, В. И. Ленин. В личной библиотеке Ленина в Кремле хранилось 13 книг и брошюр Быстрянского, написанных в 1917—1921 гг. [64]

В середине 20-х годов начался новый этап творческого пути Быстрянского, связанный с изучением и научной пропагандой ленинских трудов, разработкой философии марксизма.

Первое, что отличает этот этап — изменение ведущей пробле-

[61] *Быстрянский В. А.* Фридрих Энгельс (1820—1920 гг.). К его характеристике. Пг., 1920.

[62] *М. Серебряков.* Фридрих Энгельс в литературе (1820—1920).— «Книга и революция», 1921, № 10-11, с. 9.

[63] *Степанов И.* [*Рец.* на кн.:] *Быстрянский В.* Очерки по истории Парижской коммуны.— «Печать и революция», 1924, № 2, с. 148.

[64] Среди них: «Рабоче-крестьянская революция в России в оценке буржуазной публицистики», «Гражданская война в истории», «Революция буржуазная и революция пролетарская», «Меньшевики и эсеры в русской революции», «Очерки по истории Парижской Коммуны» и др. (Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961).

матики исследований историка. Правда, тема о В. И. Ленине не была для Быстрянского совершенно новой. Еще в работах по истории Минусинского края он уделял большое внимание трудам Ленина. Личные контакты с Владимиром Ильичом в ходе Октябрьской революции [65] еще более привлекли его внимание к личности и трудам вождя партии и Советского государства. Источниковедческий анализ послереволюционных книг и брошюр Быстрянского говорит, что он продолжал внимательно изучать работы В. И. Ленина, выходившие как отдельными изданиями, так и в первом Собрании сочинений. Показательна в этом отношении рецензия Быстрянского на IV том сочинений В. И. Ленина [66], посвященный периоду «Искры».

Понимая роль В. И. Ленина как историка, Быстрянский тем более отчетливо сознавал все величие личности Владимира Ильича как вождя революции. Вот почему нам не представляется неожиданным и связанным только со смертью В. И. Ленина появление в 1924—1925 гг. ряда книг и статей Быстрянского о Ленине и ленинизме, а также его указателя к сочинениям В. И. Ленина.

Несколько необычное по своему характеру для историка издание указателя [67] было подготовлено Быстрянским по заданию Ленинградского губкома партии в крайне сжатый срок (даже с учетом помощи студентов Коммунистического университета и членов коллектива Смольного). Это могло произойти только потому, что составлению указателя предшествовало систематическое и глубокое изучение Быстрянским всех ранее выходивших произведений В. И. Ленина. Предметный указатель, данный в алфавитном порядке, позволил его автору «выделить наиболее важные, интересующие широкие массы рабочих и партийных практиков темы» [68]. Быстрянский отмечал, что более подробно им были проработаны тома Собрания сочинений В. И. Ленина, относящиеся к 1917—1923 гг., чтобы ответить на нужды практической жизни. Вместе с тем в указателе имеется большое число исторических рубрик-понятий, в том числе: «Великая Французская революция», «Парижская Коммуна», «Революция 1848 г. во Франции», «Буржуазная революция в России», «Рабочее движение в Англии» и др. Следовательно, автор подходил к произведениям Ленина как к важному источнику по методологическим и историческим вопросам. Однако это только часть общего, весьма широкого принципа авторской классификации: здесь и вопросы

[65] О них В. А. Быстрянский написал в «Анкете участника Октябрьского переворота» («История СССР», 1967, № 3, с. 134).

[66] *Быстрянский В.* [*Рец.* на кн.:] Собрание сочинений В. И. Ленина, т. IV («Искра», 1900—1903 гг.). М., 1920.— «Книга и революция», 1921, № 10-11.

[67] *Быстрянский В.* Систематический указатель к сочинениям В. И. Ленина. Л., 1924.

[68] Там же, с. 3.

теории, политики, экономики, идеологии, философии, истории. Всего в указателе около 300 рубрик. «Для многих справок указатель сослужит пользу»,— справедливо отмечалось в «Лениниане»[69]. Наиболее полно раскрыты такие проблемы, как философская основа марксизма, история партии, социологические и идеологические вопросы. В указателе выделена специальная рубрика «Автобиографический материал», которой не было в последующих указателях. Указатель Быстрянского получил положительную оценку и быстро нашел читателя: в том же году вышло его второе, дополненное издание, удвоенным (20 тыс. экз.) тиражом.

В 1924 г. группа историков Ленинграда — большевики В. А. Быстрянский, В. И. Невский, беспартийные профессора А. Е. Пресняков и Т. И. Харечко подготовили выпуск нового исторического журнала «Борьба классов». Он был задуман для восполнения пробела в марксистской историографии новейшей русской истории. Быстрянский открыл страницы журнала статьей «Ленин, как историк»[70]. Не приходится говорить о важности и актуальности этой темы для молодой советской исторической науки.

Представляя собою первый опыт подобного рода исследования, брошюра Быстрянского затронула узловые проблемы темы. Автор показал прежде всего, историзм марксистско-ленинского учения, историзм метода Маркса — Энгельса — Ленина. Это основная посылка автора, исходя из которой он оценивает вклад В. И. Ленина в историческую науку. Быстрянский отмечает заслуги В. И. Ленина в разработке проблем новейшей истории: «Весь опыт последних десятилетий развития не одной России, а и всего мира... вся необычайно бурная и богатая содержанием эпоха новейшей истории обобщена и осмыслена с точки зрения марксизма в творениях Ленина... Если для уяснения истории Европы во вторую половину XIX столетия лучшее, что мы имеем,— это труды Маркса и Энгельса, то судьбы человечества в первые десятилетия XX века мы поймем лишь по сочинениям Ленина»[71]. Быстрянский понимал трудности, которые стояли перед В. И. Лениным именно как перед исследователем: «Гений Ленина позволяет ему решать самую трудную для марксиста задачу — ориентироваться в современной истории, когда нет и не может еще быть налицо того фактического материала — статистического и документального,— который позволяет историку вскрывать подлинную физиономию давно минувших событий»[72].

[69] Лениниана. Т. 1 (Библиографический обзор русский литературы за 1924 год). М.— Л., 1926, с. 448.

[70] *Быстрянский В.* Ленин, как историк (Историзм в ленинизме).— «Борьба классов». Исторический журнал. Л., 1924, № 1—2. В 1925 г. статья без существенных изменений была напечатана отдельным изданием (*Быстрянский В.* Ленин-историк. Историзм в ленинизме. Л., 1925. Далее мы будем ссылаться на это издание брошюры).

[71] *Быстрянский В.* Ленин — историк, с. 34.

[72] Там же, с. 7.

Быстрянский показал далее, что работы В. И. Ленина являются богатейшей сокровищницей для историка партии, а также для историка прошлого как России, так и Запада. Он обращался не только к таким широкоизвестным трудам Ленина, как «Развитие капитализма в России» или «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», но и к его многочисленным публицистическим статьям. Особенно подробно он остановился на высказываниях В. И. Ленина по истории Германии, Франции, США и пришел к выводу, что «творения Ленина свидетельствуют о глубоком изучении истории революционных движений Запада...» [73]

Оригинальность и глубина понимания Быстрянским темы проявились в том, что он не ограничился анализом только непосредственного вклада В. И. Ленина в историческую науку, как бы он ни был значителен. Убедительно и ярко показал он «историческое чутье Ленина», глубокую историчность его мысли. Значительная часть брошюры демонстрирует, по словам автора, «специфически исторический подход Ленина к проблемам политики» [74], его умение рассматривать вопрос конкретно-исторически, использовать уроки истории, особенно опыт революций, проверять политику и тактику сегодняшнего дня практикой и опытом истории. «...Ленин всегда изучает любое явление с точки зрения его развития,— он начинает с «истории вопроса»,— в прошлом он видит ключ к пониманию настоящего, а, значит, и исходный пункт для уяснения вероятного хода развития в будущем» [75]. Всю работу Быстрянского пронизывала мысль о том, что В. И. Ленин высоко ценил «практическое значение истории» [76]. Это, по мнению автора, убедительно доказывало важную общественную роль исторической науки на современном этапе.

Таким образом, Быстрянский осветил наиболее существенные стороны этой важнейшей для советской исторической науки темы, всесторонне показал значение В. И. Ленина как историка. Не только в ряду последовавших за ней работ о В. И. Ленине как историке, но и в наши дни эта небольшая брошюра Быстрянского не потеряла своего значения.

В дальнейшем развитие ленинской темы шло у историка в основном в двух направлениях: Ленин как теоретик, взгляды Ленина на отдельные исторические проблемы. Первое направление нашло выражение в одном из фундаментальных трудов Быстрянского — книге «Ленин как материалист-диалектик» [77]. Обращение к этой теме автор объяснил так: «Пока же вся глубина духовного завещания, оставленного нам Лениным в его творениях, осознана лишь в малой мере. Особенно справедливо это положение по отношению к Ленину как теоретику». Быстрянский по-

[73] Там же, с. 23.
[74] Там же, с. 8.
[75] Там же, с. 20.
[76] Там же, с. 30.
[77] *Быстрянский В.* Ленин как материалист- диалектик. Л., 1925.

лагал, что «полное, действительно научное исследование о Ленине как теоретике может быть результатом лишь ряда предварительных работ» [78]. К таким работам он относил и свою книгу.

Цель книги Быстрянского — восстановить в общих чертах понимание В. И. Лениным основных проблем марксистской философии и социологии, его трактовку вопросов диалектического и исторического материализма. Автор опирается на теоретические, а также на публицистические работы Ленина, так как, по его мнению, «среди последних щедрой рукой разбросаны крупинки чистого золота научной теории» [79]. Структура книги очень четкая (это вообще характерная черта Быстрянского как автора). После общей оценки значения революционной теории для революционной практики он в последующих восьми главах раскрывает ленинский вклад в философию и диалектику марксизма, а затем рассматривает основные понятия исторического материализма, в том числе вопросы государства и права, науки и искусства, идеологии и религии. Вывод автора: «Нет области марксистской теории, куда Ленин не внес бы драгоценнейших вкладов: философия и социология, политическая экономия и историография оплодотворены его великим умом» [80].

Суммируя творческий вклад В. И. Ленина в марксизм, Быстрянский подчеркивал «оригинальность» освещения им основных вопросов марксистского мировоззрения, его борьбу со всеми разновидностями идеализма и обогащение материализма новейшими научными открытиями, выдвижение Лениным на первый план диалектической природы современного научного мышления. Особое внимание обращал Быстрянский на определение В. И. Лениным политических форм переходного периода от капитализма к коммунизму, на его формулировки таких основополагающих понятий, как производственные отношения и классы, учение о надстройках, учение о государстве.

В. И. Ленин показан в книге не только как теоретик, но и как «величайший практик всех времен» [81]. Эта мысль была выражена автором еще в предыдущей брошюре. Здесь она развивается и находит более яркое и глубокое выражение. «Теория и практика сливаются в жизни Ленина в беспримерном в истории народов единстве, образуя гармоническое, стройно согласованное целое»,— пишет автор и утверждает далее, что «проникающую все мышление Ленина теснейшую связь теории с практикой... по справедливости можно назвать душой ленинизма» [82]. Эта книга, как и вообще все работы Быстрянского о В. И. Ленине, создана на основе глубокого знания материала, написана с проникновенностью и страстностью.

[78] *Быстрянский В.* Ленин как материалист-диалектик, с. 3, 4.
[79] Там же, с. 4.
[80] Там же, с. 3.
[81] Там же, с. 291.
[82] Там же, с. 3—4.

В 1925 г., в связи с юбилеем революции 1905—1907 гг. Быстрянский обратился к вопросу об освещении Лениным основных проблем первой русской революции. В «Красной летописи» были напечатаны четыре его статьи, объединенные единым замыслом — показать громадное значение ленинского наследства во всестороннем, марксистском освещении проблем «генеральной репетиции» Октября [83]. Статьи предельно конкретны, построены на идеях работ В. И. Ленина. В них особенно ощутимо стремление Быстрянского как можно глубже и шире пропагандировать сокровища ленинской мысли. Именно поэтому они были переизданы и рекомендованы Ленинградским Истпартом как пособие для пропагандистов и докладчиков. И в этих статьях автор раскрывает свой тезис: «Ленин является лучшим учителем по истории России и истории партии за последнюю четверть века» [84].

Быстрянского также волновали темы: В. И. Ленин и история партии, В. И. Ленин и культура. Он выступил активным пропагандистом ленинских взглядов по вопросам отношения пролетариата к культуре прошлого и буржуазной интеллигенции. При этом он использовал не только высказывания В. И. Ленина, известные по его произведениям и выступлениям, но и начавшую появляться мемуарную литературу (в частности, воспоминания К. Цеткин о Ленине).

Пропаганда ленинского наследия далеко не исчерпывалась научными и популярными трудами Быстрянского. Существенное место в ней занимала педагогическая работа. С начала 20-х годов XX в., на протяжении 18 лет, Вадим Александрович был преподавателем ряда высших учебных заведений Ленинграда. В 1924 г. он начал вести занятия по ленинизму и истории РКП(б) в Коммунистическом университете, и эта работа оставалась ведущей на протяжении многих лет. Как преподаватель, а затем и руководитель кафедры ленинизма Коммунистического университета, Быстрянский пропагандировал ленинское наследие в среде нового, пролетарского студенчества, в аудитории, хотя и неоднородной по образованию, но вполне определенной с точки зрения социальной и политической. Это обстоятельство не могло не сказаться на формах творчества такого чуткого ко времени и людям человека, как Быстрянский. (Он и раньше принимал живое участие в судьбе советской и партийной школы, входил в Комиссию по коренной реорганизации преподавания общественных наук в высших школах республики, созданную декретом Совнаркома в декабре 1920 г.).

[83] *Быстрянский В.* Ленин и 1905 год.— «Красная летопись», 1925, № 1 (12); *он же.* Ленин и Советы в первой русской революции.— Там же, № 2 (13); *он же.* Ленин и крестьянство в первой революции.— Там же, № 3 (14); *он же.* Ленин как теоретик вооруженного восстания в первой русской буржуазной революции 1905—1907 гг.— Там же, № 4 (15).

[84] *Быстрянский В.* Ленин и 1905 г.— «Красная летопись», 1925, № 1 (12), с. 5.

Преподавание ленинизма в высшей школе он сочетал с чтением курса философии марксизма, так как диалектический и исторический материализм мыслился им только в органической связи марксизма и ленинизма. К сожалению, мы не располагаем записями его лекционных курсов или семинарских занятий по ленинизму. Зато сохранился курс диалектического материализма, который предназначался для самообразования и печатался в 1926—1927 гг. на страницах журнала «Коммунистический университет на дому». Курс отличается глубиной постановки вопросов философии, энциклопедичностью и свойственной автору сжатой, скупой манерой изложения. Учитывая особенности аудитории, автор дает строго последовательное изложение важнейших проблем философии.

Углубление в область марксистской философии характерно для Быстрянского во второй половине 20-х годов, хотя к этим вопросам он обращался и прежде. В поле его зрения находились и новые издания по философии и постановка преподавания философии в высшей школе. Самый факт деятельности на университетских кафедрах таких противников марксистской философии, как Н. О. Лосский, Л. П. Карсавин и другие, глубоко волновал Быстрянского[85]. Призыв В. И. Ленина усилить позиции марксизма на философском фронте нашел отклик у большевика. Быстрянский в 1923 г. начал читать курс исторического материализма в Коммунистическом университете Петрограда, возглавил отделение исторического материализма Научно-исследовательского института при университете[86].

Научная и преподавательская деятельность Быстрянского всегда тесно связывалась с жизнью партии. На протяжении многих лет он избирался членом Ленинградского обкома партии, председателем и членом партийной контрольной комиссии, был членом Ленсовета ряда созывов. Он активно отстаивал марксистско-ленинские позиции, разоблачая троцкизм, борясь с троцкистско-зиновьевской оппозицией, в частности, на страницах «Ленинградской правды». Ленинградские большевики доверяли Быстрянскому представлять свои позиции на VIII, XI[87], XV и XVI партийных съездах, он входил в состав делегации РКП(б) на II конгрессе Коминтерна. Роль ученого-марксиста в борьбе с анти-

[85] Так, Быстрянский резко критиковал книгу проф. Н. О. Лосского «Интуитивная философия Бергсона» за попытки протащить махровый идеализм путем признания возможности «сочетания положительных наук и метафизики». В то же время он положительно в целом встретил выход книги проф. И. А. Боричевского «Введение в философию наук. Наука и метафизика», направленную против современных буржуазных философских течений.

[86] ГАОР ЛО, ф. 3864, оп. 1, д. 2445; Архив АН СССР, ф. 233, оп. 2, д. 16, лл. 2, 4.

[87] Быстрянский дважды, в анкетах делегата XV и XVI партийных съездов (ЦПА ИМЛ, ф. 56, оп. 1, д. 2; ф. 58, оп. 1, д. 2), сообщал о своем участии на XI съезде РКП(б) с правом решающего голоса, однако в списках делегатов съезда его фамилии нет (Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 года. Стенографический отчет. М., 1961, с. 583—602).

партийными уклонами, в защите генеральной линии партии основательно освещена в статье Н. Крушкол «В. А. Быстрянский — пропагандист большевизма».

Творческое овладение ленинизмом, пропаганда марксистско-ленинской теории и, что особенно важно, разработка проблем лениноведения — вот что составляет отличительные черты деятельности Быстрянского во второй половине 20-х годов. Проблематика исследовательских и популяризаторских трудов, преподавательская работа Быстрянского как бы концентрировались вокруг этих вопросов. Изменился и характер его выступлений в печати — от широкой и многосторонней агитации он все более переходит к углубленной пропаганде марксизма-ленинизма. Это отчетливо видно по его статьям в журналах «Красная летопись», «Борьба классов», «Коммунистический университет на дому». Поворот в тематике имел основания: Быстрянского всегда отличала склонность к теоретическим вопросам, к философии марксизма. Однако решающую роль при этом сыграли те новые задачи, которые ставил перед марксистами ход социалистического строительства и развитие идейной борьбы в стране.

Хочется несколько слов сказать о Вадиме Александровиче как человеке. К сожалению, о нем не осталось воспоминаний, да и автобиографических материалов почти нет. Тем бо́льшую ценность составляют немногочисленные свидетельства его современников.

«Незаурядная литературная активность» Быстрянского (слова И. И. Скворцова-Степанова) объяснялась не только его блестящими способностями, феноменальной памятью и знанием языков. Это был подлинный эрудит, одинаково свободно владевший знаниями по истории, философии, политэкономии, юриспруденции, литературе. Мы, например, находим у него глубокий анализ творчества Мольера, Бальзака, Ромэна Роллана рядом с его собственными переводами Данте, Гейне и Гете. Он с успехом опровергал богословские хитросплетения А. И. Введенского [88] и внимательно оценивал веяние нового в трудах известного русского криминалиста А. А. Жижиленко [89]. Поражает многообразие тематики книг, которые рецензировались Быстрянским. И ко всему этому — страстная любовь к музыке, театру, искусству вообще.

«Это был человек кристальной чистоты»,— сказал о Вадиме Александровиче И. С. Бузулаев, хакас, которому историк в 1915—1916 гг. дал «путевку в жизнь» — подготовил к вступлению в большевистскую партию [90]. Необычайная скромность, предель-

[88] *Быстрянский В.* Покушение с негодными средствами.— «Книга и революция», 1922, № 7 (19).

[89] *Быстрянский В.* [*Рец.* на кн.:] *Жижиленко А. А.* Преступность и ее факторы. М., 1922.— «Книга и революция», 1922, № 9—10.

[90] *Бузулаев И. С.* Немного о делах революционных.— «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Записки». Абакан, 1958, вып. VI, с. 137.

ный аскетизм Вадима Александровича были широко известны. Необычайной была и обстановка, в которой он жил. В его большой комнате в Смольном на Крестьянской половине все пространство стен от пола до потолка, огромный стол, стулья (другой мебели не было) были отданы книгам и подшивкам газет. Здесь ученый был в своей стихии — такое впечатление вынес историк М. С. Волин, посетивший Быстрянского в начале 30-х годов по поручению Института Маркса — Энгельса — Ленина. Работоспособность Быстрянского была удивительной. «Никогда не отказывался от работы. Загружали сверх головы — соглашался»,— вспоминает член КПСС с 1917 г. Е. Д. Осьминская, которая преподавала политэкономию и заведовала учебной частью Коммунистического университета и близко знала Быстрянского по работе.

Таким рисуется облик этого талантливого человека, неутомимого труженика науки и партии.

Последний этап творческой деятельности Быстрянского — 30-е годы XX в. Он продолжает преподавать, занимаясь преимущественно подготовкой аспирантов, участвует в партийно-советской работе как член Ленинградского областного комитета партии и депутат Ленсовета, сотрудничает в печати.

В 1929—1930 гг. появились книги Быстрянского о правом уклоне [91]. Эти работы отличаются вдумчивым историческим подходом к острым партийным вопросам. Автору не изменяет спокойный тон, умение убедить в правоте партийных позиций, не прибегая к голословным обвинениям противника. Шаг за шагом, идя от первых ошибок правых, он показывал теоретическую несостоятельность и политическую опасность их позиции. К этим работам примыкал сборник материалов и документов с обширной вводной статьей Быстрянского [92]. Автор дал здесь историю меньшевиков в связи с фактами их контрреволюционной и антисоветской деятельности, которые вскрыл процесс Союзного бюро ЦК РСДРП меньшевиков в 1930 г. Статья перекликалась в своей исторической части с работой «Меньшевики и эсеры в русской революции». Новое здесь — показ того, как по мере социалистической реконструкции народного хозяйства в СССР возрождались интервенционистские планы меньшевиков, укреплялись их связи с контрреволюционными организациями буржуазии. Быстрянский, как и прежде, сочетал в этой книге подход историка с задачами политика. Она связана с современностью, с идеологической работой Коммунистической партии.

Под его редакцией в эти годы выходят учебная книга и хрестоматия по ленинизму [93], он пропагандирует ленинское насле-

[91] *Быстрянский В. А.* К характеристике правого уклона. М.— Л., 1929; *он же.* Правый уклон на новом этапе. Л., 1930.

[92] Социал-интервенты перед судом пролетарской диктатуры. Л., 1931.

[93] Учебная книга по ленинизму. Л., 1931; Изд. 2-е. М.— Л., 1933; Ленинизм. Хрестоматия. Л., 1933; изд. 2-е. Л., 1934; изд. 3-е. М.— Л., 1935.

дие в периодической печати. Одним из последних выступлений Быстрянского в печати была статья, написанная к 70-летию со дня рождения В. И. Ленина[94]. Она завершила обширный ряд трудов историка, посвященных вождю революции.

Известно, что вместе с историками А. С. Бубновым, Н. М. Лукиным, Я. А. Яковлевым он входил в Комиссию по пересмотру учебников по истории (1936 г.) Быстрянский был включен в авторский коллектив «Истории гражданской войны в СССР».

В 1937 г. Быстрянский был назначен руководителем Ленинградского института истории ВКП(б). Последние годы своей жизни он целиком отдает этому делу, помогая развитию истории партии. В 1939—1940 гг. Быстрянский принял непосредственное участие в пяти фундаментальных изданиях Института, посвященных революционному движению в Петербурге[95]. Каждая из книг поднимает кардинальные проблемы, которые освещаются на базе коллективно собранного богатого фактического материала. Их ценность возрастает благодаря публикации многочисленных документов из архивов Ленинграда и Москвы. Все издания располагают основательным научно-справочным аппаратом, хотя представляют собой разные формы научной литературы: хронику, публикацию документов, коллективно написанные монографии.

Быстрянский являлся не только ответственным редактором этих книг, но также автором предисловий к трем из них. Предисловия носят различный характер: от кратких общих оценок значения книги до обширной тематической статьи «Ленин и питерские рабочие» в хронике «Ленин в Петербурге».

Научная фундированность изданий Ленинградского института истории ВКП(б), созданных при непосредственном участии и под руководством Быстрянского, способствовала тому, что они явились одними из лучших научных изданий 30-х годов. Так, книга «Ленин в Петербурге», дающая на основе документов и воспоминаний хронику жизни и деятельности В. И. Ленина, составила ценный источник для углубленного изучения биографии Владимира Ильича. В ее создании приняли участие Н. К. Крупская, В. А. Шелгунов, М. М. Эссен, В. Д. Бонч-Бруевич, С. Я. Аллилуев, М. А. Сильвин и другие соратники и близкие к В. И. Ленину люди. Выпуску в свет «Истории Путиловского завода» — одной из первых и лучших книг в серии «Истории фабрик и заводов» —

[94] *Быстрянский В.* Корифей передовой науки.— «Пропаганда и агитация», 1940, № 5—6.

[95] Ленин в Петербурге. Места пребывания и революционной деятельности В. И. Ленина в Петербурге-Петрограде. 1890—1920. Под ред. В. А. Быстрянского. Л., 1939; Листовки петербургских большевиков. 1902—1917. Т. I и II. Ред. В. А. Быстрянский. Л., 1939; *Мительман М. И.* История Путиловского завода. 1789—1917. Под ред. В. А. Быстрянского. Л., 1939; Михаил Иванович Калинин. [Биография]. М., 1940; Хроника революционного рабочего движения в Петербурге. Под общ. ред. В. А. Быстрянского. Т. I (1870—1904 гг.). Л., 1940.

помогало то обстоятельство, что еще задолго до этого систематически изучалась история рабочего движения и деятельность большевиков в Петербурге.

Ленинградский институт истории партии под руководством Быстрянского многое сделал для научной разработки проблем истории партии. В 1940 г. Институт начал издавать ученые записки [96]. Редакционная статья первого номера журнала (которая не могла быть написана без участия Быстрянского) не скрывала недостаточной разработанности многих проблем истории партии и обосновывала важные задачи в этой области исторической науки. Однако начавшаяся война не позволила реализовать обширные планы Института.

На протяжении последнего десятилетия своей жизни Быстрянский выступал редактором и участником создания ряда научных изданий, но в центре его внимания оставались вопросы истории партии.

Итак, мы видим, что на последнем этапе деятельности Быстрянского, наряду с созданием работ в русле прежней тематики, происходит некоторое перемещение центра тяжести с творческой работы к преподавательской и научно-организаторской. Быстрянский по-прежнему живо откликается на актуальные вопросы современности — страстно звучат его выступления на темы борьбы с угрозой фашизма [97]. Показательно предисловие Быстрянского к «Хронике Ливонии», в котором он сумел убедительно доказать не только важность данного исторического источника для изучения прошлого прибалтийских народов и Северо-западной Руси, но и политическую актуальность книги в условиях роста экспансионистских устремлений германского фашизма. Здесь снова эрудиция историка соединилась с остротой взгляда большевика.

Подведем итоги. Сформировавшись как марксист в результате самостоятельного изучения марксистской теории, под влиянием трудов, деятельности и самой личности В. И. Ленина, в ходе революционной борьбы в рядах большевистской партии, Быстрянский стал историком еще до Октябрьской революции. Весь свой талант он отдал борьбе за упрочение позиций марксизма в общественных науках, в том числе истории. Как и другие большевики-ленинцы, Быстрянский был исследователем и популяризатором, теоретиком и практиком одновременно. Вклад Быстрянского в советскую историческую науку определяется, прежде всего, его активной борьбой за марксизм-ленинизм в науке. Вся его научная, педагогическая и партийно-организаторская деятельность по-

[96] Борьба пролетариата.— «Ученые записки Института истории ВКП(б) Ленинграда», 1940, № 1; 1941, № 2, 3.

[97] *Быстрянский В.* Вступительная статья.— В кн.: *Л. Каннер.* Пакты и факты. На путях второй интервенции. Л., 1931; *он же.* Предисловие.— В кн.: *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.— Л., 1938.

могала становлению и росту молодой советской исторической науки и ее кадров.

Быстрянского интересовали и волновали многие вопросы истории, но он отдавал предпочтение, как мы видели, истории Минусинского края, истории гражданской войны в Советской России и Парижской Коммуны, лениноведению и истории Коммунистической партии. Его наследие обширно и многообразно. Оно дало науке новые источники, обобщения и выводы. В исследованиях и популярных работах Быстрянского марксистский анализ истории органически сочетался с классовой оценкой современности, а научное освещение событий сочеталось с убедительным разоблачением позиций буржуазной историографии.

Творческая деятельность Вадима Александровича протекала на протяжении почти тридцати лет. В ней были свои приливы и отливы, творческие удачи и промахи. На его некоторые работы порою ложилась печать торопливости, им не всегда доставало глубины анализа. Менялась проблематика исследований, перемещался центр тяжести в практической работе Быстрянского. Но неизменным оставалось главное — как историк Вадим Александрович всегда шел в ногу со временем. Отвечая на вопрос анкеты партийной переписи 1927 г. о роде его занятий до Октябрьской революции, Быстрянский написал: «Партийная работа (литература)» [98]. Это краткое определение как нельзя лучше характеризует органическую связь творческой деятельности историка с его практической работой в рядах Коммунистической партии.

Весьма своеобразный по своему характеру человек, который проводил подчас целые дни среди любимых книг, Вадим Александрович тем не менее никогда не был кабинетным ученым. Не случайно многие его работы носили популярный характер — в этом проявлялись тяга к живому непосредственному общению с массами, стремление помочь перестройке общественного сознания на новый коммунистический лад.

Вступив в ряды большевиков под влиянием революционных боев пролетариата в 1905—1907 гг., Быстрянский всю свою сознательную жизнь и творческую мысль отдал делу победы социализма. Ученый-историк, он внес значительный вклад в советскую историческую науку.

[98] ЦПА ИМЛ. ф. 17, оп. 9, д. 1248.

КОНЦЕПЦИЯ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ МИХАИЛА ОРЛОВА
(30-е годы XIX в.)

М. А. Алпатов

П. Я. Чаадаева (1794—1856) и М. Ф. Орлова (1788—1842) Герцен ставит рядом. Это были люди из поколения декабристов, которые в николаевское время пытались сказать свое слово. Чаадаев выступил с «Философическими письмами» (1829—1830 гг.), Орлов — с исследованием «О государственном кредите» (1833 г.). Труд Чаадаева наделал много шума, книга Орлова прошла незаметно. И тем не менее она заслуживает внимания.

Теория государственного кредита (государственного долга) Орлова, в которой он придавал государственному кредиту гипертрофированное значение, сама по себе была несостоятельна. Это была та самая теория, которую потом осудит К. Маркс в 24-й главе I тома «Капитала». Но в условиях николаевской России теоретические построения Орлова были явлением прогрессивным. Теория Орлова была первой значительной экономической теорией, направленной против феодально-крепостнической системы и деспотизма в России. Рассматривая себя как продолжателя идей Н. И. Тургенева, Орлов выступил фактически как идеолог капитализма, проповедник свободной игры экономических сил, не стесненных рамками феодализма, сторонник неограниченного роста крупной собственности, сосредоточения ее в руках узкого круга имущих [1].

В то же время следует подчеркнуть, что эта теоретическая конструкция была далека от идеалов декабристов их лучшей поры. В своем главном труде Орлов выступил уже не как дворянский революционер, а как буржуазно-дворянский реформист, для которого кредит являлся средством, могущим «закрыть навсегда ужасную эпоху политических переворотов и начать счастливую эру постепенных гражданских преобразований» [2].

[1] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, с. 101.

[2] Об истории книги «О государственном кредите», о ее политических идеях и месте в экономической науке см.: *Боголепов М. И.* Первая русская книга о государственном кредите.— «Советские финансы», 1945, № 5, с. 35—39; *Боровой С. Я.* Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите».— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1951, т. VIII, вып. 1, с. 46—60; *он же.* Новые материалы о книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите».— «Записки Отдела рукописей Всесоюзной Гос. библиотеки им. В. И. Ленина», 1955, вып. 17, с. 159—190; *он же.*

Нас интересует концепция всемирной истории Михаила Орлова, насколько ее можно проследить в книге «О государственном кредите» [3]. Когда Орлов говорит об экономических проблемах, он подробно перечисляет свои западноевропейские письменные источники, что же касается источников по истории, то тут Орлов молчит, ибо не они были предметом его интереса. Но о них все же можно создать представление, хотя бы в самой общей форме.

Если говорить о современной Орлову Западной Европе, то приходится вспомнить, что Орлов, дворянин и аристократ, получил блестящее для своего времени образование, в котором знакомство с западноевропейской историей и литературой занимало большое место. Многолетнее пребывание Орлова за границей не могло не способствовать этому знакомству. Вернувшись в Россию, Орлов продолжал следить за иностранной прессой. Его переписка свидетельствует о хорошем знакомстве с современными ему событиями на Западе. Это легко понять — декабристы, готовившие выступление против самодержавия, не могли не интересоваться обстановкой, которая складывалась тогда в Западной Европе [4].

Но дело не ограничивалось современностью. Орлов, как и другие декабристы, следил за новинками западноевропейской исторической литературы; естественно, наибольшее внимание привлекала литература по ранним буржуазным революциям на Западе — тут речь не только о литературе, но и об издании источников. В письме к А. Раевскому от 30 июля 1823 г. Орлов писал, что «мы приобрели собрание мемуаров, относящихся к английской революции» [5]. По всем данным, в виду имелось предпринятое Гизо издание «Collection des memoires relatifs à la Révolution d'Angletterre», первый том которого вышел в Париже в 1823 г.

В самой России к этому времени уже была более чем столетняя традиция изучения западноевропейской истории; выходила довольно многочисленная переводная литература. В течение прошедшего перед тем века в России уже создались традиции либерально-дворянского, демократического и раннего революционно-демократического просветительства (Радищев). Декабристы в свою лучшую пору создали революционно-дворянское просветительство, одним из представителей которого в эти годы и был Орлов. В своей речи на заседании киевского филиала Библей-

М. Ф. Орлов и его литературное наследие.– В кн.: *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа, с. 301—306; 331—333; *Морозов Ф. М.* О книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите». Письмо в редакцию.– «Вопросы экономики», 1954, № 10, с. 122–127; *он же.* Разработка М. Ф. Орловым новой теории государственного кредита.— В кн.: История русской экономической мысли. Т. I, ч. 2. М., 1958, с. 193–202.

[3] О взглядах на всемирную историю раннего М. Ф. Орлова см. *Алпатов М. А.* Исторические взгляды Михаила Орлова.— «История и историки. 1972». М., 1973, с. 259—271.

[4] Там же.

[5] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа, с. 237.

ского общества (1819 г.), направленной против «политических староверов» и «гасителей просвещения», он изложил отдельные элементы своей концепции всемирной истории, в частности взял под свою защиту Великую французскую революцию [6]. Годом раньше он выступил против самодержавной концепции русской истории Н. М. Карамзина [7].

Теперь, после восстания 1825 г. позиция Орлова была позицией буржуазно-дворянского просветителя. В основе этой концепции лежит тезис о просвещении народа, это тот фундамент, на котором держится вся историческая конструкция Орлова. Но он писал свою книгу для опубликования в России, где правительство привыкло считать, что просвещение ведет к революции. Поэтому автор старается доказать, что «настоящий государственный вопрос состоит... в том, чтоб при полном развитии просвещения найти средство отклонить все его опасности и воспользоваться всеми его дарами» [8]. Способ, при помощи которого можно избежать «опасных» последствий просвещения, состоит, по мысли Орлова, в том, чтобы хозяйственные реформы опережали реформы политические, ибо если «внутреннее преобразование начинает распространяться тогда только, когда хозяйственное преобразование вполне исполнено, вся опасность исчезает, и порядок, постепенность и спокойствие сопутствуют всем новым учреждениям и всем успехам просвещения и свободы». Если же хозяйственные проебразования отстают от политических или одновременны им, «ужасные несчастья угрожают правительствам и народам» [9].

Просветительская точка зрения обязывает Орлова начинать свои рассуждения с «естественного человека», который, по его мнению, имеет два рода нужд — естественные и искусственные. Нужды естественные свойственны всем народам, нужды искусственные — только народам просвещенным; «чем более народ имеет искусственных нужд, тем более он близок к просвещению» [10]. Нужды естественные удовлетворяются трудом, нужды искусственные — трудом и богатством. Но как умножить богатства? Рост богатств и рост просвещения — процессы взаимообусловленные, ибо «просвещение, распространяя круг наших желаний и нашей деятельности, поощряет образование общего богатства, а образование богатств, умножая число людей просвещенных, дает самому просвещению новые силы к его собственному распространению» [11]. Отсюда следовал вывод — сильные и «благонамеренные» правительства должны строить свою политику на этом основании.

[6] *М. А. Алпатов*. Указ. соч., с. 259—271.
[7] *Нечкина М. В.* Декабрист Михаил Орлов — критик «Истории» Н. М. Карамзина.— «Литературное наследство», т. 59, с. 557—564.
[8] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа, с. 142.
[9] Там же.
[10] Там же, с. 140.
[11] Там же.

«Покровительствуя земледелию, промышленности, торговле и ограждая собственность граждан, правительства действительно водворяют просвещение, а умножая учебные способы, воздвигая университеты, академии и школы, покровительствуя наукам и художествам, они истинно обогащают своих подданных» [12].

Говоря о росте богатств народа, Орлов различает два типа благосостояния народов — «преспеяние случайное» и «преспеяние обдуманное», различаемые между собою по степени распространения просвещения. «В сем одном слове, принятом в самом обширном его значении, заключается вся разность между двумя преспеяниями и, следственно, вся судьба правительств и народов» [13]. Если у народа не развито просвещение, то его процветание является чисто случайным, оно зависит от благоприятного стечения обстоятельств. К ним Орлов относит: появление мудрого правителя, необходимость принятия каких-либо решительных мер, влияние более просвещенного народа, открытие неизвестной дотоле земли, развитие торговли или открытия, улучшающие ведение хозяйства.

Все народы древности и средних веков автор относит к народам непросвещенным, а следовательно, пользующимся только случайным благосостоянием. «Древние народы, до какой бы степени образованности они не доходили, не могут назваться просвещенными... В древности просвещение зависело от законов, а сочинение законов препоручалось почти всегда одному человеку. Всякий городок имел своего мудреца, который выдавал умствования свои за непреложные истины, сочинял уложения для своего отечества и часто силою принуждал своих сограждан повиноваться его законодательным вымыслам» [14].

Подтверждением этого для Орлова является Древняя Греция. Ее законодатели тянули к старине и тем задерживали развитие своих государств. «Мы привыкли с младенчества почитать имена Солона и Ликурга. Но можно ли по справедливости приписывать могущество и славу, приобретаемые богатством и торговлею, соображению тех самых, кои употребляли все свои усилия, чтобы уронить торговлю и истребить богатство» [15]. Но почему же тогда Афины и Спарта были богатыми государствами? Это потому, что источником их обогащения был грабеж чужого добра, ибо «преспеяние Афин основано не на чем другом, как на преступном управлении и насильственном похищении сокровищ Делосского храма. Спарта не могла бы вооружить флота Лизандра, ежели бы не испросила денежного пособия у персов, пособия, постыдного для потомков Леонида. Филипп обязан всем своим могуществом разорению Дельфийского казнохранилища, богатством коего он

[12] Там же.
[13] Там же, с. 135.
[14] Там же.
[15] Там же, с. 137.

успел подкупить правителей разных греческих народов. Вот истинные причины величия Афин, Спарты и Македонии» [16].

Подобные источники могли создать только искусственное, а стало быть и недолговечное «преспеяние» греческих полисов, как и государств классического Востока. «Откройте историю и самое простое сравнение эпох и чисел выведет вас из заблуждения. Вы ужаснетесь, когда увидите, что сии блестящие времена жизни целых народов едва равняются жизни одного поколения. Слава персов начинается и кончается Киром. Преспеяние Афин простирается от Саламин до Эгос-Потамос, Спарты от Фермопил до Левктры. Жизнь Эпаминонда и Пелопида составляет весь златой фонд Фивов. Блистательная эпоха Македонии продолжается только от Херонейского сражения до пожара Персеполиса. Царствование Селевка в Сирии, трех Птолемеев в Египте, Мифридата в Понте заключает в себе каждое едва полвека благоденствия» [17].

Однако среди государств классической древности под схему Орлова не подходили Карфаген и Рим, существовавшие длительное время. И Орлов объявляет их исключениями. Положение Карфагена зависело «от обладания всеобщею торговлею», а положение Рима — «от сильных учреждений, им управляющих, и той же торговли, похищенной у его соперницы, то есть, от обстоятельств, кои по существу своему принадлежат более к обдуманному преспеянию, чем к случайному» [18].

В *средние века* продолжает действовать как непреложный закон кратковременность в благосостоянии народов. За весь длительный средневековый период только два явления достойны внимания — расцвет Венеции и влияние римской культуры, но «Венеция... наследовала торговлю Карфагена, а духовный Рим основал свое величие на глубокой своей политике и на закоснелых предрассудках народов». Это могло продолжаться только до тех пор, «пока Венеция не нашла соперников на торжищах вселенной и пока просвещение не разогнало в Европе тьму невежества» [19].

Наиболее ярким подтверждением этой кратковременности процветания была Испания. Она имела в своих руках «целую полвселенную в то самое время, когда она уже владела третьею частию просвещенной Европы, когда армия ее была первою в мире, когда флоты ее господствовали на всех морях, когда торговля ее обнимала весь известный свет, когда литература ее и язык были всеобщим языком и всеобщею литературою. Какое собрание благоприятных обстоятельств! Однако же блистательная эпоха испанской истории непродолжительна. Она начинается победою при Павии и кончается сражением при Сант-Кентине, заключает в себе не более 32 лет» [20].

[16] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа, с. 137.
[17] Там же, с. 135.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] Там же, с. 136.

Исключением была Турция, которая, грабя другие народы, т. е. переживая «случайное преспеяние», была процветающей страной в течение столетий. По обыкновению Орлов объявляет ее исключением, однако исключением, подтверждающим правило, поскольку «сей пример, единственный в истории, доказывает, что ежели счастье иногда отступает от обыкновенного своего хода и дает некоторое постоянство случайному преспеянию, самые богатые его дары недостаточны, чтобы воздвигнуть на твердом основании благоденствие народов», и Турция, пережив свой подъем, вошла в полосу упадка.

Началом *нового времени* Орлов считает Вестфальский мир 1648 г., поскольку около этого времени просвещение начинает быстро распространяться; «чрез книгопечатание, изучение иностранных языков и ежедневные сообщения всех людей между собою... все нации, все искусства процветают или стремятся к процветанию; всякое новое открытие делается всеобщим достоянием рода человеческого; всякая новая истина проницает до глубины нашего политического быта, входит в наши обычаи и нравы и составляет после некоторого времени особенный род нравственной необходимости. На поприще словесности, наук, художеств и торговли является дух сообщничества, соединяющий усилия частные в силу общую» [21].

По этим причинам Орлов считает просвещение уделом только народов нового времени. Оно проникает теперь в самые глубины общественной жизни и ставит историю народов на иные основания. Просвещение производит переворот во всех сферах социальной жизни. Орлов насчитывает четыре главных сферы и в соответствии с этим конструирует четыре «революции».

1. *Révolution intellectuelle.* В религии, философии и науках эта интеллектуальная «революция» должна привести от фанатической борьбы убеждений к терпимости между ними; «борьба убеждения с пристрастием, терпимости с фанатизмом есть то же, что борьба просвещения с варварством. Терпимость в сем общем и важном смысле есть независимость совести и возмужалость рассудка» [22]. Вместе с тем, это должно означать восхождение науки на новую, более высокую ступень. В частности, положение современного историка чрезвычайно сложно. «Жизнь новейших народов не представляется наблюдателю с той величественною простотою, которая отличает рассказы древних историков... Быстрое обозрение нравов, острый очерк действующих лиц, красноречивое изложение происшествий не достаточны нынче для историка»; он обязан вникать в глубинные процессы исторического развития, а такими Орлов считает процессы экономические.

2. *Révolution diplomatique.* В новое время происходит «начало постоянных отечеств, сих необходимых центров человеческой

[21] Там же, с. 137—138.
[22] Там же, с. 138.

деятельности». Однако отношения между государствами основаны на «враждебном праве сильного», состояние мира всего лишь кратковременная передышка между войнами. «Не нам, современникам Наполеона, нужно пространно доказывать сию истину; честь, слава, свобода, независимость основаны на могуществе и политике; но беззащитному нет безопасности и слабому нет союзников» [23]. Орлов стремится особо выделить одну из главных причин войн — захват чужих богатств. Такой путь был «источником обогащения правительств в средних веках, изгнал некогда евреев из большей части Европы и ограбил их достояние, истребил огнем и мечом туземный род американцев и присудил Монтезюму к жестокой пытке, был поводом долгих и кровопролитных войн и разорил вместе побежденных и победителей». В этот же ряд Орлов ставит и события Великой революции: «Во Франции он подвел под гильотину более жертв, чем сам фанатизм свободы, и кровью начертал ужасные законы о продаже имуществ церкви и эмигрантов» [24]. Все эти явления внешних и внутренних войн (в особенности войны) Орлов решительно осуждает: «Вообще сей способ принадлежит временам варварства, или похищения короны, или переворотов». Задача человечества состоит в том, чтобы покончить с войнами, установить между государствами «политическое равновесие». Это вполне достижимо в новое время при помощи просвещения. Именно в этом и должна состоять дипломатическая «революция».

3. *Révolution organique.* Под органической «революцией» Орлов понимает переход народов от «недостаточных учреждений к усовершенствованному порядку». Этот усовершенствованный порядок должен включать в себя такие истины, как «вера в науки, развитие промышленности и торговли, необходимость личной свободы, стремление к гражданскому равенству, одинаковое для всех покровительство законов, независимость судопроизводства, неприкосновенность собственности... постепенное уничтожение монополий и привилегий не только для частных людей, но и для целых провинций, польза народного воспитания, распространенного от самых высших до самых последних сословий» [25]. Все это предполагает непременное условие — развитие *либерализма.* Но Орлов тут же оговаривается, что пользоваться либерализмом нужно со всей осторожностью, ибо либерализм заключает в себе начала, «подлежащие сомнению и возражениям».

4. *Révolution financiere* — «преобразование хозяйственное или переход от простой системы усиленных податей к системе умеренных налогов и займов на правилах государственного кредита» [26]. Систему государственных займов Орлов рассматривал как главнейший рычаг всего экономического и гражданского прогресса,

[23] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа, с. 108.
[24] Там же.
[25] Там же, с. 139.
[26] Там же.

как одну из «главнейших необходимостей нашего времени» и в то же время как «вернейший способ для обуздания духа политических переворотов» [27]. Аргумент Орлова в пользу последнего тезиса состоял в том, что государственный кредит предполагает «обоюдное благорасположение» подданных и правительства, поскольку правительство «старается более и более ограждать собственность частных людей, в коей содержится вся тайна его богатства и могущества, а частные люди всеми силами поддерживают правительство, располагающее их капиталами» [28].

Но против этого тезиса о миротворческой роли кредита говорил опыт западноевропейской истории. Цифры, которые собрал Орлов, свидетельствовали, что после Нидерландской, Английской и Французской буржуазных революций кредит, в том числе и государственный, стал быстро развиваться, и это давало оружие в руки противников. Орлову пришлось доказывать, что «кредит не есть детище переворотов», что, напротив, он «служит залогом как внешней безопасности, ...так и внутреннего спокойствия». Отсюда шло его уверение, что если «кредит утвердился в Голландии, Англии и Франции после ужаснейших переворотов», то отсюда еще не следует, что он «без переворотов существовать не может». Но при этом обращает на себя внимание та характеристика буржуазных порядков, которую он дает попутно. Доказывая, что развитие кредита возможно и в России, он пишет, что оттого, что кредит «был изобретен там, где *вольность прений дает более игры воображению и более смелости слову*, не следует еще, что после его изобретения другие правительства не могли воспользоваться вполне его благодетельными последствиями. Мы охотно признаем, что *некоторая степень вольности дает кредитным постановлениям много постоянства и твердости*; но мы уверены также, что *самодержавие, соединенное с просвещением*, не есть препятствие для учреждения сих постановлений... *Везде, где собственность ограждена законами* (курсив мой.— *М. А.*), везде кредит может основаться и процветать» [29].

Непременное условие, соблюдение которого Орлов считает обязательным, состоит в том, чтобы «правительство умело оценить всю важность народного просвещения и чтоб оно уверено было, что сие просвещение отнюдь не вредит его собственным выгодам, могуществу и славе» [30]. Вывод, к которому приходит в этом вопросе Орлов, гласит: «Истинное просвещение никогда не вооружится против благонамеренного правительства, которого значение в мире есть порядок и устройство. Без просвещения никакое правительство процветать не будет. Без правительства просвещение существовать не может» [31]. При соблюдении этого условия созда-

[27] Там же, с. 142.
[28] Там же, с. 143.
[29] Там же, с. 162.
[30] Там же, с. 133.
[31] Там же, с. 141.

ется полная возможность для обдуманного процветания народа. Все искусство правителей состоит в том, чтобы «уметь воспользоваться случайным преспеянием для водворения преспеяния обдуманного» [32].

Эти теоретические, в действительности априорные, искусственно сконструированные положения Орлов стремится доказать опытом западноевропейской истории; он избирает для этого историю Франции и Англии, при этом Франция рассматривается как опыт отрицательный, а Англия — как опыт положительный.

Наивысшей точкой благоденствия Франции по традиции считается время Людовика XIV. Этот король и в самом деле отличался рядом достоинств, в частности, «любил порядок, умел обуздывать страсти народные и строптивость парламентов... сделал несколько учреждений, кои до сих пор могут служить примером по части гражданского устройства... гордо верил, что в чрезвычайных обстоятельствах венценосец не имеет нужды в советах и получает внушения свои свыше» [33]. Однако в действительности благополучие Франции было только кажущимся. Зеркалом действительного положения страны было состояние ее финансов. Эпоху Людовика XIV Орлов делит на три периода — время управления Мазарини, время Кольбера и время, когда правил сам Людовик.

Наиболее неудачным было время правления самого короля. Расточительность и дурное управление, эти явления, «противные и совести, и нравственности, и здравому рассудку», привели к разорению страну «короля-солнца». Государственная казна, «как ненасытная бочка Данаид, поглощала все труды Кольберта, все усилия и пожертвования предприимчивого народа, все сокровища и доходы Голландии», и все кончилось крахом. «Дым славы сомнительной, огромные Версальские постройки и неминуемое банкротство. История Людовика XIV содержит в себе высокий урок для тех, кои умеют читать историю. Никогда случай не открывал никакому народу более путей к преспеянию, как Франции в конце 17 столетия. Но никогда не было монарха более способного, чем Людовик, употребить во зло все дары счастья» [34].

Когда в малолетство Людовика XV регентство принял принц Орлеанский, государство было накануне банкротства. На этой почве выросла «дерзкая, но искусная» система Лоу. Но правительство и сам Лоу сделали эту систему безнравственной. «Вы отставлены потому, что слишком честны для нас»,— сказал принц Орлеанский главе парижского купечества после его отказа участвовать в финансовой авантюре. Крушение системы Лоу принесло Франции огромный вред, ибо «обесславило на долгое время употребление кредита и откинуло за пятьдесят лет назад усовершен-

[32] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа, с. 140.
[33] Там же, с. 145—146.
[34] Там же, с. 150.

ствование ее финансов»[35]. Все царствование Людовика XV это — банкротства казны, возведенные в систему, обирательство откупщиков, которые затем обирали народ, рост налогов, а налоги всегда раздражают народ, нелепая роскошь двора и мотовство фаворитов.

Людовику XVI страна досталась с огромным дефицитом. Тюрго, назначенный генерал-контролером, не мог поправить дело, так как все его расчеты покоились на «теориях секты экономистов» — так Орлов именует физиократов. Несколько иные результаты имела деятельность Неккера. Ему удалось сбалансировать бюджет, но это оказалось явлением временным. Причины этой неудачи Орлов ищет не в феодальной природе «Старого порядка» — в частности, он считает, что Неккер «истребил остатки феодального рабства»,— а в неосведомленности Неккера в области кредита. «Нет ни одного франка, занятого на правилах кредита, нет ни одного займа, обеспеченного погашением»[36]. Он сравнивает Неккера с полководцем, который знает «дробные части военного искусства», но не разбирается в самых элементарных требованиях стратегии. Его преемники — Калон, а затем Бриенн — оказались менее значительными людьми, и к 1789 г. Франция оказалась перед финансовой катастрофой.

Людовик XVI прибег к чрезвычайной мере — созыву Генеральных штатов. «Правительство, не умевшее совершать свое финансовое преобразование, сзывает представителей народа, уже готового к внутренним преобразованиям»[37]. Орлов не закрывает глаза на положение классов в этот момент. Дворянство, «утопая в роскоши и безнравственности... посредством незаслуженных пенсий и подарков грабило казну и истощало все жизненные силы государства». Духовенство, «подверженное нападкам почти всех искусных писателей того времени, алчно стяжало и скупо берегло богатство как единственное средство для удержания своих привилегий». Среднее сословие, «владеющее без соперничества науками, искусственностью и всею торговлею, обогащалось, просвещалось и начинало... доверять своим силам и чувствовать первые порывы честолюбия». Простой народ Франции «стенал в угнетении и тайно кипел ненавистью к виновникам своего угнетения, не имея никакого законного средства не только дабы улучшить свою судьбу, но даже чтобы выразить свое несчастье»[38].

Но не это, по мнению Орлова, было причиной революции. Виной всему явилось финансовое банкротство, а главное, неумение выйти из него посредством государственного кредита. Именно это неумение привело к созыву Генеральных штатов, а следовательно, и к революции. Преобразование финансов, первая при-

[35] Там же.
[36] Там же, с. 153.
[37] Там же, с. 155.
[38] Там же, с. 155—156.

чина их собраний, сделалась внезапно последним предметом их занятий... Страсти возжигаются; слово гремит; Франция рукоплещет; депутаты провинций преобразуются в представителей народа и Генеральные штаты в Народное собрание. Так совершилась участь Франции, участь тем более достойная сожаления, что сама по себе она не была неизбежна. Сколько бедствий, сколько ужасов были бы отвращены от Франции и от Европы, ежели б государственный кредит был заранее известен и оценен правительством? Он один мог погасить недочет, предупредить созвание Генеральных штатов или усмирить умы и укротить страсти в Народном собрании» [39].

Чтобы восполнить дефицит, Народное собрание прибегло к конфискациям имущества врагов революции. «Сия мера, столь противная рассудку и справедливости», как и безмерный выпуск ассигнаций, могли только усугубить положение. Во времена Конвента ассигнации потеряли всякую свою ценность. К этому прибавилось установление максимума цен. Эта мера, «поддержанная всей строгостью звериного правления, перенесла разорение от капиталистов, уже разоренных, в города и даже в села, где сохранились еще остатки промышленности и земледелия» [40]. Во времена Директории Франция, казалось, получила чрезвычайно мощный источник доходов; «ежели Конвент, по выражению одного из собственных членов, чеканил монету на гильотине, Директория взимала вернейшую часть своих штыковых доходов силою оружия с завоеванных земель». Однако это тоже не принесло оздоровления французским финансам.

Общая картина Великой французской революции, если смотреть на нее с главной для Орлова стороны, а именно, со стороны финансовой, рисовалась ему так: «Во все течение французской революции, от Народного собрания до возвышения первого консула, все финансовые обороты — длинный ряд обманов, ошибок и злодейств. Похищать попеременно имущества духовенства и собственность эмигрантов, уделы королевской фамилии и наследие подозреваемых граждан, вести за границей кровопролитную войну, чтобы собирать обильные дани с соседственных народов, водворять внутри ужас и убийство, чтоб разорять трепещущих и грабить убиенных — вот источники тогдашних доходов» [41].

Это и было причиной неразберихи — в стране царил беспорядок, то и дело падали правительства. Причина их падения всегда была одна и та же: «недостаток в кредите, происходящий от совершенного незнания кредитных правил... Франция имела все, что обыкновенно почитается нужным, чтоб упрочить порядок и власть... Недоставало кредита, а от сего недостатка все усилия, все труды человеков остались тщетными. Беспорядок финансовый

[39] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа, с. 156.
[40] Там же, с. 157.
[41] Там же, с. 159.

увлек за собою всеобщий беспорядок, и Франция обречена была судьбою на новые перевороты, на новые испытания» [42].

Орлов чрезвычайно высоко ставит Наполеона. Усмиритель революции получил разоренную и мятежную страну. «В сем ужасном положении Франции нужен был человек сильный умом, деятельностью и счастьем; она нашла его в Бонапарте» [43]. Деятельность Наполеона по водворению порядка, по мнению Орлова, «заслуживает удивления потомства». Среди мер в этом направлении Орлов подчеркивает отношение Наполеона к мелкой собственности, получившей широкое распространение в результате революции. «Продажа народных имений раздробила на мелкие части огромные владения, дурно управляемые, и дала право собственности множеству небольших помещиков, готовых употребить все их способы на улучшение своих участков посредством земледелия, промышленности и торговли. Со свойственной ему прозорливостью Бонапарт понял, что спокойное владение сими имениями и лучшее обрабатывание сих земель суть настоящие источники богатства и возрождения Франции» [44]. В действительности, как известно, мелкая собственность, созданная революцией, была крестьянская собственность, которую Орлов и именует собственностью «небольших помещиков».

Но главными сферами, где развернулся гений Наполеона, были армия и финансы. Он производил «смотры цифрам с той же подробностью, с которою осматривал свои войска» [45]. Даже в походной палатке «всегда бюджет финансов лежал у него на столе подле рапортов о состоянии войск». Казна расходовалась не только на армию, но и на развитие хозяйства. «Чудные цифры, заставляющие невольно удивляться почти необъятному превосходству сего великого гения!» — восхищался Орлов. К 1812 г. бюджет Франции был приведен в порядок.

Но, оказывается, и Наполеон страдал ненавистным для Орлова изъяном — он был ярым противником государственного кредита. Орлову это кажется настолько неожиданным, что он начинает искать объяснения этого в высших, неисповедимых целях провидения. Он уверен, что провидение «хотело, конечно, сим самым положить предел его честолюбию и бедствиям Европы, ибо ежели б инстинкт собственных его выгод в сем случае ему не изменил, ежели б гений его умел оценить силу кредита, ежели б его могущественная рука могла завладеть сим ужасным рычагом, вероятно все гигантские его предприятия были бы увенчаны успехом и все покорилось бы его власти. Может быть, народы европейские обязаны нынешнею своею независимостью отчасти предубеждениям Наполеона против истин государственного кредита» [46].

[42] Там же, с. 159—160.
[43] Там же, с. 160.
[44] Там же, с. 160—161.
[45] Там же, с. 162.
[46] Там же, с. 164—165.

Но в таком случае чем объяснить, что Наполеон без помощи государственного кредита привел в порядок бюджет Франции и продержался у власти столь длительное время? Не является ли это свидетельством ничтожной роли государственного кредита? Ничего подобного, пример Наполеона, по мнению Орлова, как раз и подтверждает всесилие государственного кредита! Дело в том, оказывается, что Наполеону помогал грабеж чужих стран. Война питала войну! Но это могло продолжаться лишь до тех пор, пока войны были успешны. Стоило только Наполеону потерпеть поражение, сразу же обнаружилась вся порочность его финансовой системы. И если после разгрома в России у Наполеона достало финансов выставить новую армию, то после битвы под Лейпцигом финансовый крах не позволил ему сделать это. Наполеон «собрал все гарнизоны крепостей и оставил их почти без защиты; он вызвал все войска из Испании, сосредоточил все способы свои в действующей армии, сразился с 60 000 человек против бесчисленных неприятелей и должен был погибнуть» [47].

Реставрированные Бурбоны в первые два года вели пагубную политику, ибо господствующей страстью большинства правящих кругов теперь было «полное и чистое обращение к образу правления 1788 года со всеми его гражданскими, политическими и финансовыми заблуждениями» [48], в то время как правительство Людовика XVIII «было ненавистно большей части его подданных» [49]. Однако в 1817 г. произошел, по мнению Орлова, резкий поворот — в обеих палатах победил план Лаффита, поддержанный главой министерства Ришелье. Это был план использования государственного кредита при обеспечении интересов не только государства, но и широких кругов держателей государственных бумаг. Ришелье и Лаффит водворением кредита воскресили, так сказать, свое отечество и успокоили его успешнее, чем союзная армия, коей пребывание во Франции послужило единственно к большему затруднению финансов, и сие предложение так справедливо, что немедленно после введения кредита сия армия была распущена. Сам Людовик XVIII тогда только утвердился на престоле, когда проект Лаффита, принятый в обеих палатах, обратился в государственный закон» [50].

Теперь Орлов считает, что несмотря на отдельные ошибки, несмотря на неразумную трату миллиарда на возмещение убытков дворян от революции, финансовое положение Франции стало устойчивым. Он указывает на еще не исчезнувшее во Франции предубеждение против кредитной системы, на пристрастие французов к «раздроблению недвижимых имуществ», а с этим «никакое образование богатств и вольных капиталов согласоваться не может».

[47] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа, с. 167.
[48] Там же, с. 168.
[49] Там же, с. 169.
[50] Там же, с. 175.

Так представляется Орлову история Франции, как *отрицательный опыт* с точки зрения его исторической концепции. Этому противопоставляется исторический опыт Англии. Но излагать историю Англии с Вестфальского мира, с которого, согласно схеме Орлова, начинались «новейшие времена», значило начинать с событий Английской буржуазной революции. Здесь Орлов наталкивается на существенное препятствие — если Великая французская революция началась, по Орлову, от полного расстройства финансов, то революция английская началась при достаточно благополучном состоянии бюджета, при этом оказывалось, что почти все английские короли были аккуратными плательщиками долгов. Это било по главному тезису Орлова о том, что общественные перевороты есть результат неблагополучия в сфере финансов.

Орлов пытается выйти из положения очень просто — он заявляет, что если не было неблагополучия в финансах, зато была беда не менее тяжкая — отсутствовал правильный государственный кредит, а следовательно, опорой бюджета были налоги; значит, погоду в стране делали «ненасытные собиратели податей, и часто доводили народ до отчаяния. В сем обстоятельстве должно искать причины английского переворота, который совершился без всякого явного недочета, без всякой несостоятельности правительства. Противоположность странная между французской и английской революциями, но ведущая к одному заключению! Там, во Франции, переворот произошел от дурной системы кредита; здесь — в Англии — от совершенного недостатка в кредитной системе» [51].

Отношение Орлова к Английской революции — отношение отрицательное, но в отличие от оценки Французской революции, среди последствий революции Английской он выделяет два положительных результата: «После ожесточенного переворота, поколебавшего все основания гражданского быта в государстве, Англия долговременною борьбою и ужасными несчастиями не приобрела почти ничего, кроме беспрекословного утверждения права собственности и некоторого уважения к мнениям и суждениям граждан, соединенным общим духом народным. Но это было очень важно; ибо на сих двух обстоятельствах государственный кредит основался как бы сам собою» [52].

Впервые государственный кредит в Англии стал утверждаться после реставрации Стюартов. С этого момента кредит, по уверению Орлова, стал определять всю английскую историю. Стоило только Якову II прекратить уплату процентов по займам, как последовала революция 1688 г., изгнавшая Стюартов. «Достойно замечания,— подчеркивает Орлов,— что перемена династии совершилась без всяких судорожных явлений и почти без пролития

[51] Там же, с. 177.
[52] Там же.

крови, потому что, согласно с правилами, нами показанными, преобразование внутреннее сделалось необходимым тогда, когда преобразование хозяйственное находилось в полном и успешном развитии» [53].

Этим хозяйственным преобразованиям Англии Орлов уделяет свое главное внимание. После «славной» революции 1688 г. Англия вступает на тот путь, который ко времени окончания наполеоновских войн привел ее к положению первой страны в мире. Главная причина этого процветания Англии лежала, по мнению Орлова, в сфере финансов. Все преимущество английского государства перед другими странами, «вся тайна его величия, силы и богатства состоит в том, что оно опередило все народы на поприще государственного хозяйства и целым столетием прежде других европейских держав пользовалось монополией устройства и здравых мыслей в управлении финансовыми и кредитными силами» [54].

Развитие кредитов и финансового дела повело за собой очень важное последствие. Оно приучило правительство «дорожить достоянием граждан и видеть в нем свое огромное, неисчерпаемое, беспрерывно увеличивающееся сокровище», оно повело к созданию банков и компаний, вроде Южной или Ост-Индской, ставших кредиторами правительства. Эти корпорации капиталистов были «посредниками между обществом и правительством, завися от сего последнего своими отданными капиталами и не менее того действуя на него влиянием своим на ход денежных дел и кредитом в новых займах» [55]. Слиянию интересов капиталистов с интересами государства и влянию капиталистов на политику государства Орлов придавал огромное значение: «Сие удивительное соображение, сплавившее, так сказать, все частные выгоды в одну массу выгоды общественной, дает всем частям правления столь неизъяснимую силу действия, что мы сами, в наше время, были свидетелями самых невероятных событий» [56].

Успехи в области финансов способствовали развитию промышленности и торговли. Примером этого может служить политика Питта, который высоко ставил интересы промышленности, снизил заработную плату рабочим, чтобы снизить цены на товары, и это помогло ему завоевывать рынки; Питт сделал менее обременительным для состоятельных граждан налог на помощь бедным. Процветание финансов помогало росту крупного землевладения. При Питте этот рост также усилился. Известный аграрный переворот в Англии Орлов аттестует лишь как успех хозяйственного развития и как распространение агрономической науки на сферу земледелия; «богатые помещики, удостоверившись в истине новых теорий, занялись приведением их в исполнение и не пощадили

[53] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа, с. 178.
[54] Там же, с. 181.
[55] Там же, с. 187.
[56] Там же, с. 196.

своих капиталов. Тогда земледелие обновилось и родилась система больших мыз (le systéme des grandes fermes), которая так много способствовала к выгоднейшему возделыванию полей и улучшению скотоводства» [57]. Орлов с большим удовлетворением отмечает, что ко времени, когда окончились войны с Наполеоном, земля в Англии была сосредоточена в руках 32 тыс. помещиков. Это — свидетельство процветания Англии. Если в прошлом «Англия была бедна, ибо все богатства были рассеяны, то теперь, когда богатства сосредоточились... почти с излишеством, она достигла до высочайшей степени преспеяния» [58].

Но рост «преспеяния» сопровождался ростом бедности низов, что составляло большие затруднения для английского правительства. Трудности особенно возросли после окончания войн с Наполеоном, когда торговля и промышленность еще не оправились, когда сказался гнет военных податей, а демобилизация вооруженных сил грозила увеличением числа обездоленных людей. «Правительство, торжествуя над внешними врагами, должно было начать новую борьбу с внутренними бедствиями, с нищетой своих собственных граждан, лишенных занятий и работы, с гибельными последствиями военных податей. Положение его было весьма опасно... Европа, свидетельница несчастных приключений, сопровождавших в Англии водворение всеобщего мира, мятежей работников, сожжение машин, бешенства народных собраний, дерзости писателей и публичных ораторов, подобных Коббетам и Гунтам, должна была почесть Англию близкой к ее погибели» [59].

В числе причин, которые помогли Англии выйти из тяжелого положения, Орлов указывает на наличие колоний. Он решает этот вопрос в свете теории Мальтуса; подчеркивает важность для английского государства колоний, «на кои оно могло бы от времени до времени извергать излишества своего народонаселения. Мы не можем утвердительно сказать, правительство ли воспитывалось теорией Мальтуса или сам Мальтус почерпнул свои теории из действий правительства, но очевидно, что слова писателя и меры министерства основаны на одних и тех же правилах» [60].

И над всеми рассуждениями Орлова доминирует одна и та же мысль — государственный кредит и ничто другое — есть творец английской истории, в нем все концы и все начала английских событий, а «каждое событие в английской истории как бы нарочно служит доказательством нашей системы» [61]. Государственный кредит, широкая система государственных займов создала как внутреннее «преспеяние» Англии, так и ее внешнее могущество. Это сказалось уже в Семилетней войне: «сколько подвигов совершенных? Сколько областей завоеванных? Сколько коло-

[57] Там же, с. 191.
[58] Там же, с. 206.
[59] Там же, с. 208.
[60] Там же, с. 206.
[61] Там же, с. 189.

ний основанных? Сколько славы, сколько влияния приобретенных? Какое необъятное развитие внешнего и внутреннего богатства, всех сил торговых и военных на твердой земле, а особенно на море... Какая из держав европейских может стать наравне с Англией и предложить удивлению потомства подобный вывод из своих бюджетов? Вот что такое кредит!» [62] Это нашло свое завершение в победе над наполеоновской Францией.

Но в истории внешних успехов Англии было событие, которое никак не укладывалось в концепцию Орлова, это была война Соединенных Штатов Северной Америки за независимость. И Орлов объявляет это событие результатом отступления английского правительства от правил кредита. Дело в том, что наряду с государственными займами Англия практиковала и налоги, а на них Орлов смотрел отрицательно, считая, что деньги, собираемые при помощи налогов, были «похищены у промышленности и торговли». Орлов полагал, что английское правительство иногда совершало ошибку, перенося тяжесть бюджета на налоги. Не рискуя взваливать налоги на самих англичан, правительство «обратило на колонии свою пагубную деятельность. Отсюда обложение Америки, начатое с такой неосторожностью, поддержанное с таким упрямством, наказанное общим возмущением и доведшее Англию до края погибели» [63]. Таким образом, и американская война за независимость была втиснута в схему.

Подводя итоги своему исследованию, Орлов сравнивает исторические судьбы Англии и Франции. Одержав победу над Францией в трех крупных войнах — войне за испанское наследство, Семилетней войне и в войнах с Наполеоном,— Англия доказала свое преимущество. «Причина сего торжества ясно выводится из истории. Англия вступила в бой возмужавшая, совершившая свое внутреннее и хозяйственное преобразование. Франция, напротив того, начала сии войны прежде всякого опыта хозяйственного преобразования и продолжала последнюю во всех ужасах внутреннего переворота. Она поддерживалась одним только... случайным преспеянием, тогда как Англия пользовалась полным развитием преспеяния обдуманного» [64]. Теперь, когда Франция прибегла, наконец, к кредитной системе, перед ней открылась возможность догнать Англию. Если же она не сумеет оценить роль государственного кредита, то «должно ожидать упадка кредита во Франции, а за сим упадком — новых потрясений и нового переворота» [65].

Главный вывод, который делает Орлов из своего исследования для современности, сводится к положению, что «враги кредита суть не кто другие, как враги властей вообще... все нападения на систему кредита суть не что иное, как происки властолюбия,

[62] *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа, с. 187—188.
[63] Там же, с. 189.
[64] Там же, с. 211—212.
[65] Там же, с. 214.

а сам кредит более нежели когда-либо пребывает для правительства залогом силы и могущества, для народов источником беспредельного преспеяния» [66].

Книга Орлова «О государственном кредите» свидетельствует о хорошем знакомстве автора с историей Западной Европы от античности до его современности. Но вся эта эрудиция поставлена на службу предвзятой и ложной идее; западноевропейская история, насильственно втиснутая в прокрустово ложе исторической концепции Орлова, приобрела изуродованный вид. События, имевшие место в исторической действительности, но озаренные искажающим их светом, перестали выражать закономерный ход исторического процесса. Книга не давала правильного представления об истории Западной Европы, она лишь ярко рассказывала об эволюции исторических взглядов бывшего декабриста.

Историческая концепция Орлова 30-х годов XIX в. явно отличалась от его ранних взглядов. Скидка на цензуру может быть сделана лишь в одном отношении — не стоит доверять его дифирамбам во славу монархов, свободных от всяких человеческих законов и умудренных лишь неисповедимой волей провидения. Задача книги Орлова в том и состоит, чтобы обнажить историческую закономерность, которую не могут нарушить даже самодержцы. «Конечно, моя концепция странным образом монархична, но что поделаешь? В положении, в котором я нахожусь, мне нужно больше ума и таланта, чтобы держаться на воде, чем требуется для кругосветного путешествия на пароходе»,— писал Орлов П. А. Вяземскому 20 июля 1833 г.

Орлов никогда не был республиканцем. Как тогда, до 1825 г., так и теперь Орлов не хотел быть почитателем монарха-самодержца, как тогда, так и теперь речь у него идет о монархии ограниченной, монархии конституционной. Но значит ли это, в таком случае, что Орлов остался таким же, каким он был до декабристского восстания? Никак не значит. Декабризм пережил явную эволюцию, пережил ее и Орлов. Из дворянского революционера он превратился теперь в буржуазного либерала. Определяющим моментом в его эволюции было отношение к революции. В 1819 г. в речи в киевском отделении Библейского общества он выступил защитником Французской революции, теперь же, в 30-е годы XIX в., он выступает ее хулителем. Отношение к революции — коренной вопрос. В книге Орлова поношение революции это не тактический прием для цензуры, это фундамент, на котором держится вся историческая конструкция Орлова, вся аргументация книги преследует одну цель — показать гибельность «ужасного переворота» и доказать возможность его избегнуть.

Отрицательному опыту французской истории Орлов противопоставил положительный опыт истории английской, другими словами — пути революции он противопоставляет путь парламент-

[66] Там же, с. 215—216.

ских реформ. Орлов явился родоначальником либеральной традиции в русской историографии противопоставлять пути французскому путь английский (или немецкий), утверждать парламентский реформизм в противовес революционному перевороту. Эта традиция, как известно, дожила до Октябрьской революции.

Таким образом, концепция Орлова действительно противостояла крепостничеству и деспотизму николаевской России, но она противостояла им не в качестве теории революционера, а в качестве теории *буржуазного либерала.* Концепция Орлова была буржуазной концепцией, направленной против русского феодализма; это был своего рода буржуазный манифест, провозглашавший наступление капиталистической эры в России, но отнюдь не подцензурная форма для пропаганды идей революции. При этом Орлов, потеряв дворянскую революционность, не перестал быть дворянином. Его позиция буржуазно-дворянская. Его историческая концепция вовсе не противостоит дворянству, а наоборот, занимает по отношению к нему благожелательную позицию: во Франции, согласно Орлову, государственный кредит стал неотъемлемой частью политики только после реставрации Бурбонов, а в Англии — после реставрации Стюартов. Иначе говоря, Орлов теперь выступил типичным представителем русского либерализма.

Орлов придавал исключительное значение своему главному труду — он сделал все, чтобы книга увидела свет; николаевская цензура потребовала убрать из книги все, что казалось ей подозрительным, и автор принял эти условия. Он внимательно следил за впечатлением, которое должна была произвести его книга на общество: «Сообщи мне что-нибудь относительно моего труда. Вызвал ли он некоторую сенсацию в обществе? — спрашивал он Н. Н. Раевского, сына героя 1812 года, в письме от 22 января 1834 г.— Похвалы, которые я получаю, ни в коей мере меня не удовлетворяют. Они почти все относятся к первым страницам моей работы, доказывая мне, что не многие дочитали до конца. Я хотел бы знать правду, как бы сурова она ни была».

Автор, нужно полагать, был уверен, что он совершил переворот в науке, нашел ключ к книге законов истории человечества; его концепция содержала мысли того же масштаба, что и «Философическое письмо» Чаадаева. При этом Орлов мог рассчитывать на славу Чаадаева без ее тернового венца — его книга получила благословение цензуры. Книгу не читали.

И это безразличие понятно. «Философическое письмо» Чаадаева вызвало сенсацию потому, что оно затронуло большие, острые чувства тогдашнего «общества» — оно оскорбляло русский патриотизм, било по тем идеалам, которым веками служило русское дворянство. Книга же Орлова воспринималась как досужее доктринерство, как утопия, которая не имела никаких шансов на осуществление в России, она никого не волновала и никуда не звала. Единственным письменным откликом на труд Орлова была рецензия О. И. Сенковского в его журнале «Библиотека для чтения».

Автор рецензии, для которого имя написавшего трактат едва ли было секретом, снисходительно хлопал Орлова по плечу и поучал, как поучают недоросля, не справившегося с письменным сочинением на избранную тему. Это было сделано в самой небрежной и оскорбительной форме. Рецензент отчитывал Орлова, который «громко объявил в предисловии притязания свои на преобразование им самой теории государственного кредита, изложил в десяти полновесных пунктах свои новые виды с ощутительным презрением к проницательности всех знаменитых политических экономистов, публицистов и деньгословов» [67]. Из такой претензии, конечно, ничего не вышло — автор трактата в действительности или говорил банальные вещи или, хуже того, проявил безграмотность в проблемах политической экономии, ибо его идеи есть «следствие оптического обмана». Это можно видеть на примере его главной идеи о государственном кредите, из которой автор сделал «нечто вроде идеальной красоты или философского камня. Хочешь ли быть богатым? — делай долги; умным? — делай долги; глубокомысленным? — делай долги; счастливым, могущественным? — делай долги, делай их как можно более и будешь счастлив и могущ. Хочешь ли бы героем? — опять делай долги, делай их храбро, геройски, по большому масштабу, как делали великие люди. Кто не делает долгов, тот не герой в наше время. Наполеон упал — потому что Наполеон не хотел делать долгов!» [68]

Рецензент находил концепцию Орлова политически вредной; одержи она верх, в стране начнет расти алчный социальный слой кредиторов государства, всякого рода рантье, слой, который постоянно грозит «проникнуть в недра отечественной политики и заразить их своим нечистым дыханием». Что же касается главного политического довода самого Орлова, что враги кредита — враги власти и порядка, то этот довод был начисто забракован. «Полноте! — восклицал рецензент.— А Наполеон?... Об нем, по крайней мере, нельзя сказать того, что он был врагом властей вообще!» Если автор всерьез принял критические рассуждения о кредите «Эдинбургского обозрения», то это тоже зря; орган вигов выступает против тори, старается «поколебать славу Питта и уверить англичан, что тори ведут их в пропасть погибели». Борясь за власть, эти партии английской аристократии — а уж их-то никак нельзя заподозрить в том, что они ниспровергатели властей,— «нередко менялись мнениями, смотря по обстоятельствам, и еще будут меняться. Иностранцы, которые принимали проповеди «Edinburgh Review» за наличные деньги, добровольно попали в мистификацию» [69]. Это было все, что сказала о сочинении Орлова современная ему русская печать.

[67] «Библиотека для чтения», 1834, т. I. Литературная летопись, с. 48.
[68] Там же, с. 50.
[69] Там же, с. 51.

«ЗАМЕТКИ» А. С. ПУШКИНА ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII В.

М. Т. Белявский

На многие десятилетия растянулся спор пушкинистов о том, являются ли «Заметки по русской истории XVIII века», написанные А. С. Пушкиным в 1822 г. в Кишиневе, своеобразным введением к его автобиографическим запискам или перед нами вступление к незавершенному политическому трактату, навеянному беседами с П. И. Пестелем. Немало выдвинуто в этом споре гипотез, остроумных и шатких аргументов, но гипотезы так и остались только гипотезами, так как дошедшее до нас не дает возможности окончательно решить эту проблему. Но думается, что как ни интересно само по себе решение вопроса, заметки Пушкина имеют большое самостоятельное значение, не зависящее от того, частью чего они являлись. Как нам представляется, это удивительно цельное и яркое произведение — одно из самых важных и значительных в идейно-политической жизни времени, когда формировалось движение декабристов. Пушкинские заметки не назовешь научным исследованием, основанным на анализе исторических источников и критическом разборе литературы и концепций, господствовавших тогда в оценке событий XVIII в. историческими деятелями того времени. Едва ли можно подойти к пушкинским «Заметкам» с меркой готовой, законченной и до конца продуманной статьи. Это, скорее, запись мыслей и наблюдений, возникших у Пушкина при попытке осмыслить и оценить содержание, характер, суть событий недавнего прошлого, понять их место и значение в истории России, выяснить их влияние на настоящее и будущее страны. Отдельные факты, события, исторические деятели, литературные и политические произведения нужны автору и используются автором именно для выяснения характера и направления исторического процесса, того, что называют Историей с большой буквы.

Конечно, его заметки по русской истории XVIII в. являются органической частью общей проблемы «Пушкин-историк». Но мы в данном случае не касаемся этой большой и сложной проблемы и отнюдь не ставим своей задачей охарактеризовать взгляды и позиции Пушкина по всем вопросам русской истории, рассмотреть эволюцию его исторических взглядов. Естественно, что в стороне остается и такой интересный вопрос, как вопрос об источниках исторических знаний Пушкина о XVIII в.

Оговорим также, что мы не видим необходимости специально останавливаться на тех характеристиках и оценках пушкинских заметок, которые содержатся в работах Д. Д. Благого, Н. Л. Бродского, Б. С. Мейлаха, Ю. Г. Оксмана, Л. В. Черепнина и других советских литературоведов и историков. Впрочем, следует заметить, что пушкинские заметки много и охотно цитировали, очень часто упоминали, давали им общую оценку, спорили об их назначении, но специально на их содержании, направленности и значении останавливались лишь Б. В. Томашевский и И. Л. Фейнберг [1]. И наконец, последняя оговорка. В данной статье мы не касаемся той части пушкинских заметок, где он рассматривает роль духовенства и церкви в прошлом и настоящем России. Эта часть стоит особняком, и ее рассмотрение неизбежно требует привлечения ряда других работ Пушкина.

Чтобы правильно понять пушкинские заметки и оценить их значение, необходимо иметь в виду уровень исторической науки того времени, исторические и политические концепции в отношении событий и деятелей XVIII в., господствовавшие в первой четверти XIX в. При наличии весьма существенных различий в позициях и оценке событий XVIII в. в работах Ломоносова, Щербатова, Болтина, Голикова, Карамзина (а к этому времени он уже выступил со своей «Запиской о древней и новой России») для них было характерно апологетическое отношение к личности Петра I и его реформам. Незыблемость самодержавно-крепостнического строя лежала в основе исторических концепций. Устами Н. М. Карамзина он был объявлен «палладиумом России», любое посягательство на который «история не простит». На все лады расхваливалась и поднималась на щит политика Екатерины II, изображавшаяся заботой о всенародном благе и «золотым веком». Не менее высоко оценивались и формы осуществления этой политики, которую мы называем политикой «просвещенного» абсолютизма. Не меньшее внимание привлекала проблема о роли дворянства и дворянской аристократии в истории России вообще и событиях XVIII — начала XIX в. в особенности.

Всем своим содержанием и направленностью пушкинские заметки противостоят этим концепциям. Автор подходит к явлениям и деятелям XVIII в. совсем с другой стороны, обнаруживает удивительное умение выделить главные ключевые моменты, понять характер, смысл и значение событий и роль виднейших деятелей русской истории того времени. Его заметки проникнуты подлинным историзмом в буквальном и лучшем понимании этого слова.

Пушкинские заметки, вполне естественно, начинаются с характеристики и оценки Петра I и значения его преобразований. И примечательно, что Пушкин, вслед за Радищевым, показывает

[1] *Томашевский Б. В.* Пушкин. Кн. I. М.— Л., 1956; *Фейнберг И. Л.* Незавершенные работы Пушкина. М., 1955.

две стороны его деятельности. С одной стороны,— «сильный человек», «Северный исполин», «блеск его величия», «движение в огромных суставах государства преобразованного», европеизация, распространение просвещения [2]. А рядом с этим Пушкин выделяет и подчеркивает вторую сторону петровского времени: «история представляет около его всеобщее рабство», «все дрожало, все безмолвно повиновалось» и «все состояния, окованные без разбора, были равны перед его *дубинкою*». Как бы завершая вступление к заметкам, он пишет: «Петр не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество...»

В этих кратких заметках о Петре I уже есть в зародыше все то, что получит развитие и воплощение в «Полтаве» и «Медном всаднике», в «Пире Петра Великого» и «Стансах», в «Арапе Петра Великого» и в незавершенной работе над историей Петра. В них зародыш того подхода и тех оценок, которые дадут Петру Белинский и Герцен, и знаменитого определения самого Пушкина, без которого не может обойтись ни один историк, пишущий о Петре: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые жестоки, своенравны и, кажется, написаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика» [3].

Вторая группа пушкинских заметок связана с периодом дворцовых переворотов, последовавших после смерти Петра I. И снова бросается в глаза, что Пушкин увидел и понял две стороны этого периода. С одной стороны, по-пушкински лаконичная характеристика «ничтожных наследников северного исполина», царствования «беграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона, сладострастной Елизаветы». А с другой — Пушкин правильно увидел, что и после смерти Петра движение страны вперед продолжалось, что его преемники старались подражать ему. Но это подражание осуществлялось «с суеверной точностью» лишь в том случае, если оно «не требовало нового вдохновения». В результате этого «действия правительства были выше собственной его образованности» и «азиатское невежество обитало при дворе». Другими словами, то, что осуществляли преемники Петра, было лишь механическим повторением его действий в отдельных вопросах, между тем страна двигалась вперед, возникали новые решения, которые могли бы ускорить это движение, но на новое правители России были абсолютно неспособны.

[2] Все цитаты из «Заметок по русской истории XVIII века» приводятся по изданию *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, т. 6. М., 1954, с. 59—63. Мы считаем излишним в дальнейшем давать ссылки на эти страницы.

[3] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 8. М., 1962, с. 323.

Эта мысль Пушкина раскрывается заметками его о судьбе планов «верховников» ограничить самодержавие в пользу дворянской олигархии и относительно манифеста Петра III о вольности дворянства. Дело не только в том, что в отличие от «верховников», Панина, Щербатова, Карамзина Пушкин считает «счастьем для России» неудачу попыток аристократии ограничить самодержавие в свою пользу и утверждает, что «это спасло от чудовищного феодализма». Гораздо важнее то, с каких позиций он радуется неудаче аристократии.

Он пишет: «Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. свершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами *затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния*... Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство...» (курсив наш.— *М. Б.*).

Вот тут-то мы впервые и встретились с совершенно определенно выраженным главным критерием, которым Пушкин руководствовался при оценке событий и деятелей XVIII в.: способствовало данное событие или деятель ликвидации в России крепостного права, этого «закоренелого рабства», или мешало, задерживало. Как видим, пушкинский критерий исходил из целей и позиций, диаметрально противоположных тем, с которых против планов верховников выступали Феофан Прокопович, Татищев и другие идеологи дворянства. Он не имеет ничего общего и с целями Екатерины II, похоронившей аристократические планы и претензии Никиты Панина и князя Щербатова.

В этом аспекте оказывается совершенно закономерной и та связь, на первый взгляд совершенно неожиданная, в которую поставил Пушкин планы и претензии дворянской аристократии с манифестом о вольности дворянства. Нам нет необходимости говорить о целях и значении этого законодательного акта. Они общеизвестны. Важнее другое — то место, которое ему отводилось, и та роль, которая ему приписывалась не только дворянской, но и буржуазной историографией XIX — начала XX в. Именно манифест о вольности дворянства был одним из краеугольных камней теории закрепощения и раскрепощения сословий, и разница в отношении к нему домарксистской историографии сводилась, в сущности, лишь к тому, что одни видели в нем начало освобождения народа и восхваляли его на все лады, а другие ограничивались тем, что отмечали затяжку в осуществлении следующего этапа освобождения — ликвидации крепостного права. Но и для тех и для других манифест о вольности дворянства и Крестьянская реформа 1861 г. были явлениями одного порядка. Кстати сказать, самодержавие не только не возражало против такого отождествления, но и стремилось его подчеркнуть. Это, между прочим, выразилось и в том, что почти век спустя после манифеста о вольности дворянства, изданного 18 февраля 1762 г., последовал царский манифест 19 февраля 1861 г.

В отличие от всех историков в домарксистской историографии XIX — начала XX в., Пушкин был первым и единственным автором, который поставил этот манифест Петра III в прямую связь с претензиями аристократов и охарактеризовал его как пагубный для судеб страны. Он писал об указах Петра III, как о документах, «коими предки наши столько гордились и коих справедливо должны были бы стыдиться».

Эта пушкинская оценка была неразрывно связана с сохранением в России «закоренелого рабства», с возникновением еще одного препятствия для его уничтожения. Возвратившись к вопросу вопросов жизни современной ему России, он снова подчеркивает, что «политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян», что именно это «соединяет все состояния противу общего зла», что именно решение этого вопроса «может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы». И здесь нас не может не поразить, что Пушкин не только правильно понимает, в чем главное отличие тогдашней России от передовых стран Европы, но и причины социальной и культурной отсталости России.

Заметим попутно, что Пушкин выделил и некоторые другие важные черты и явления дворянской России середины XVIII в. В их числе — утверждение и развитие чиновничье-бюрократического аппарата, ставшего важной составной частью самодержавно-крепостнического строя. Он писал, что «гражданские и военные чиновники более и более умножались». Пушкин считал, что утверждение олигархии «ограничило б дворян и заградило б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных». Конечно, в этих словах, наряду с правильной характеристикой последствий победы олигархии, налицо и преувеличение возможностей вхождения в состав дворянства для представителей других сословий по петровской Табели о рангах, преувеличение роли дворянства в историческом прогрессе. Как представляется, в этом сказалась не только классовая ограниченность взглядов Пушкина, сына своего класса и своего века. Не меньшее влияние оказало и то обстоятельство, что первый этап революционного движения в России был этапом дворянской революционности. Но к этой теме нам еще придется вернуться в связи с его заметками, относящимися к екатерининскому времени.

Принципиально важно и совершенно не случайно, что большая часть пушкинских заметок посвящена именно этому времени. Петровские преобразования и время дворцовых переворотов были для современников Пушкина далекой историей. Иное дело екатерининское время — оно было не только совсем недавним прошлым, но и временем, когда сложились и законодательно оформились порядки, институты, учреждения, существовавшие и в их время. Именно тогда окончательно сложилась и была законодательно оформлена неограниченная власть помещиков над крестьянами, то «закоренелое рабство», о котором писал Пушкин.

Именно в ее царствование оформился сословный строй России с его сословными правами и привилегиями дворян, с дворянскими собраниями, предводителями дворянства, капитан-исправниками, городничими и управами благочиния, с системой губернских и уездных учреждений и сословных судов. Именно в екатерининское время выросли дворцы и особняки дворян в городах и помещичьи усадьбы, сложились черты быта и нравов дворян, характерные для их «золотого века». Именно в царствование Екатерины II сложились формы и методы, позволявшие самодержавию облекать свою продворянскую и прокрепостническую политику в тогу Просвещения и заботы об общенародном благе, начали складываться те черты политики русского царизма, которые превращали его в жандарма Европы.

Но и этого мало. Вспомним декларацию Александра I о намерении царствовать «по законам и правам бабки нашей Екатерины Великой», о воплощении этой декларации в Негласном комитете, законе о вольных хлебопашцах и других проявлениях «дней Александровых прекрасного начала», в Священном союзе, аракчеевщине, военных поселениях, деятельности Библейского общества, архимандрита Фотия, «министра народного затемнения» князя Голицына и его приспешников Магницкого и Рунича. В этих условиях характеристика Екатерины II и ее политики становилась не только историей прошлого, но и настоящего, оценкой современной Пушкину политики самодержавия.

Характеристику деятельности Екатерины II Пушкин начинает с указания, что она имела «новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России». Весь вопрос в том, в чем же это выразилось, как повлияло на развитие. Ответ на этот вопрос следует сразу: Екатерина оказалась на престоле в результате «заговора нескольких мятежников», которых она «обогатила за счет народа» и тем самым «унизила» дворянство. Последнее положение кажется несколько неожиданным. Екатерина с ее политикой сохранения и расширения дворянских сословных прав и привилегий, и вдруг «унижение дворянства». Но как только мы вспомним заметки Пушкина о Табели о рангах, о том, что дворянство должно даваться за заслуги перед родиной, а не за услуги монарху, о том, что именно в просвещенном дворянстве он видел преграду произволу и самовластью монарха, все становится на место. Действия Екатерины II шли вразрез с этим и «унижали» дворянство. Они возбуждали «гнусное соревнование» среди дворян, так как «не нужно было ни ума, ни заслуг, ни титулов, ни талантов для достижения второго места в государстве». Пушкин говорит о «длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства», о «казне, расхищенной ее любовниками», о том, что Екатерина «знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала», что отсюда и произошли как «огромные имения вовсе неизвестных фамилий», так «и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа».

И вот вывод о новом и сильном влиянии ее царствования: «От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно. Таким образом развратная государыня развратила все государство». На первый взгляд перед нами лишь один из вариантов «строгого разбора дворцового разврата» (А. И. Герцен), с таким блеском осуществленного в щербатовском «О повреждении нравов в России». Но это лишь на первый взгляд.

В действительности позиции, с которых вели критику Пушкин и Щербатов, диаметрально противоположны. Мысль Пушкина сводится к тому, что осуществляемый Екатериной рост прав дворянства незаконен и вреден для страны, что это одна из главных причин грабежа народа, что все это осуществляется Екатериной во имя «жестокого ее деспотизма». И здесь мы не можем не заметить совпадение не только духа, но и буквы мысли Пушкина с замечаниями Дидро на екатерининский «Наказ», замечаниями, которые Пушкин не знал и знать не мог, так как они были обнаружены и опубликованы лишь после Октября. Он с гневом пишет, что Екатерина, ограничившись тем, что уничтожила «название рабства», «раздарила около миллиона государственных крестьян и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции». Таким образом, ее политика была связана с укреплением и расширением «закоренелого рабства», в то время как «политическая свобода» русского народа «неразлучна с освобождением крестьян».

Всего несколько фраз «Заметок» посвящено внешней политике. Пушкин замечает, что Потемкин «разделит с Екатериною часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хоть и бесплодными победами в северной Турции».

За внешней приходит черед оценки внутренней политики Екатерины II, которая значительно больше привлекла внимание Пушкина, а также мероприятий, получивших название «просвещенного» абсолютизма, вызывавшего самые восторженные похвалы и дворянской, и буржуазной, и реакционно-охранительной, и либеральной историографии. И в разрез со всей современной ему и последующей историографией, изображавшей Екатерину главной фигурой русского Просвещения, Пушкин выдвигает ряд общих положений, оценивающих ее деятельность: «Жестокая деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казна, расхищенная любовниками, ...важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия...» Сколько в этих положениях прямо перекликается с тем, что писали о Екатерине II и ее политике Новиков и Радищев, Дидро и Рейналь...

Поэтому снова не случайно в заметках вырастает тема: «Екатерина и Просвещение», и Пушкин показывает, что Екатерина в действительности была не учеником и последователем просветителей, а врагом Просвещения: «Екатерина любила просвеще-

ние, а Новиков, распространявший первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу, где находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами — и Фон-Визин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность».

Совершенно очевидно, что в данном случае, говоря о просвещении, Пушкин имел в виду не школу и образование, а то Просвещение, которое звало к уничтожению деспотизма и рабства, то Просвещение, которое, по определению Энгельса, просвещало «головы для приближавшейся революции» [4].

Отсюда логичен переход Пушкина и к тому, что было главными козырями Екатерины II в той крупной политической игре, которую она вела и которая по своему значению выходила далеко за пределы страны,— созыву Уложенной комиссии, «Наказу» и интерпретации этой Комиссии. Всего несколькими фразами он буквально уничтожает их, показывает, что это был лишь ловкий маневр, призванный скрыть ее истинные цели. О Комиссии — «фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная». Ну как не вспомнить Рейналя, писавшего, что Уложенная комиссия не больше, чем «недостойная комедия, разыгранная императрицей». Трудно сказать, читал Пушкин женевское издание рейналевской «Истории обеих Индий» или не читал, но совпадение оценок полное.

Пушкин напоминает о том, что екатерининский «Наказ» вызвал огромный резонанс в Европе: «Ее «Наказ» читали везде и на всех языках», ее ставили рядом с Титами и Траянами». И к этому лишь одно добавление, буквально уничтожающее, говорящее о том, что нет смысла даже рассуждать о нем всерьез: «Перечитывая сей лицемерный «Наказ», нельзя удержаться от справедливого негодования». И снова, в который уже раз, приходится отметить полное совпадение оценки «Наказа» у Пушкина и Дидро.

Но если так, то почему же такой резонанс в Европе, почему восторги и надежды Вольтера, Мармонтеля, Дидро и других просветителей? «Очень естественно,— отвечает Пушкин,— они знали ее только по переписке с Вольтером (в которой она старательно изображала себя его ученицей и долгожданным «мудрецом на троне». — *М. Б.*) и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать». В тех же случаях, добавим мы, когда записки иностранцев, посетивших Россию, не соответствовали ее намерениям, она делала все, чтобы их дискредитировать, помешать их изданию и распространению. Ярким свидетельством этого являлась ее реакция на «Путешествие в Сибирь» французского астронома аббата Шаппа; его сочинение камня на камне не оставляло от создаваемой Екатериной II легенды. Книга Шаппа привела Екатерину в бешенство и вызвала издание за границей напи-

[4] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 16.

санного или отредактированного ею «Антидота». Показательно, что и в «Антидоте» главным аргументом для опровержения положений и утверждений Шаппа являлся все тот же «Наказ».

Есть все основания полагать, что Пушкин не только знал эту историю, но и именно ее имел в виду. Незадолго до смерти он составил список статей, которые предполагал напечатать в «Современнике». Одна из этих статей — «Александр Радищев» — была им уже написана, но ее публикацию не разрешила цензура. Среди тем предполагаемых статей фигурируют «Аббат Шапп» и «Антидот». Пушкин даже набросал несколько фраз для первой из них и отметил, что «в числе иностранцев, посетивших Россию в прошедшем столетии, Шапп д'Отрош заслуживает особенное внимание» [5].

Сказанное определяет и общий вывод Пушкина о похвалах, расточавшихся Екатерине II в современной ей и последующей литературе. «Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и короне, он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна».

Но этот пушкинский вывод относился не только к оценке самой Екатерины II, ее деятельности и ее политики. Мы уже говорили о том, какие прочные связи существовали между временем Екатерины II и Александра I, между екатерининскими учреждениями, порядками, формами осуществления продворянской политики и аналогичными явлениями первой четверти XIX в. В свете этого совершенно очевидно, что положение «Заметок» о «подлости русских писателей» относилось отнюдь не только к тем из них, кто восхвалял Екатерину, но и к тем, кто делал это в отношении современного Пушкину правительства Александра I и его внутренней и внешней политики. Но Пушкин верит, что вопреки всем стараниям добровольных и продажных писак, история раскроет истину «и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России». Это проклятие было обращено не только и не столько лично Екатерине II, сколько тому строю деспотизма и крепостничества, который она олицетворяла, защищала и укрепляла.

Всем своим содержанием, оценками, выводами пушкинские заметки свидетельствовали о его верности великим освободительным идеям Просвещения. Они были полностью созвучны и составляли органическую часть формировавшейся в то время идеологии декабристов. Его заметки были историчны в самом высоком смысле слова и проникали в суть исторических явлений и событий, в исторический процесс в целом. В этом отношении они на много десятилетий опережали труды по истории XVIII в. историков-профессионалов, давали для понимания истории XVIII в.

[5] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 5. М., 1954, с. 307—309.

больше, чем тома исторических исследований его предшественников, его современников и многих из тех, кто писал десятилетия спустя. Причиной этому было то, что несколько страничек «Заметок по русской истории XVIII века» были написаны не просто образованным и талантливым юношей, а гением, имя которого — Пушкин.

Может возникнуть вопрос: так что же он видел в истории нашей страны в XVIII в.— лишь достойные осуждения и проклятья мрачные и отрицательные стороны? Нет и нет! Он прекрасно знал, что начало XVIII в.— это «та смутная пора, когда Россия молодая, в бореньях силы напрягая, мужала с гением Петра». Он первым четко и образно определил великое значение того, что в это время было «прорублено окно» в Европу и Россия, «как спущенный корабль, при стуке топора и громе пушек», властно и победно вошла в дела Европы. Он славил мужество героев Полтавы, победы и подвиги чудо-богатырей Румянцева и Суворова. Он с гордостью писал о великом человеке, который создал первый русский университет и сам был «нашим первым университетом», писал о Радищеве и Пугачеве, о Фонвизине и рождении новой русской литературы...

Он знал и помнил все эти славные и героические страницы русской истории XVIII в. Но его заметки и не были историей XVIII в. Это были мучительные поиски ответа на вопрос: почему же при всех успехах, при мужестве и творческом гении народа XVIII век не принес ликвидации отсталости страны, не принес счастья народу русскому? Пушкин нашел ответ на этот вопрос: XVIII век принес не только победы и успехи, он принес также сохранение и укрепление самодержавного деспотизма и «закоренелого рабства» народа. Отсюда уничтожающая критика, гнев, сарказм в отношении того, что было главным злом для России и русского народа, всего того, что способствовало сохранению этого зла.

Три года спустя Пушкин писал Гнедичу: «История народа принадлежит поэту». Он имел право сказать так не только тогда, когда стал автором «Полтавы», «Медного всадника», «Бориса Годунова», «Капитанской дочки», но и тогда, когда в один из августовских дней 1822 г. написал свои «Заметки по русской истории XVIII века».

IV

СООБЩЕНИЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941—1945 ГГ.

Б. В. Левшин

В годы войны со всей силой проявились основные черты советской науки — высокий уровень исследований, плановость и комплексность в решении научных проблем, связь с жизнью, высокий патриотизм, преданность делу Коммунистической партии.

Научно-исследовательские учреждения всю свою работу подчинили интересам фронта. В условиях войны советские ученые с удесятеренной энергией отдавали свои силы и знания народу, оказывая конкретную помощь народному хозяйству. Наша наука внесла большой вклад в совершенствование советской боевой техники, в развертывание военного производства и научно-техническое обслуживание фронта. В дело разгрома фашистской Германии внесли свой вклад и работники общественных наук. Историки, философы, экономисты, этнографы, юристы в своих работах разоблачали нацизм, в том числе его антинаучную теорию расизма, служившую идеологическим оружием для обоснования мирового господства. Работы ученых давали в руки пропагандистов и агитаторов ценный материал, раскрывающий варварскую сущность фашизма, помогали в проведении идейно-политической работы в войсках Советской Армии и в тылу. Центральное место в исследованиях по общественным наукам занимали проблемы, поставленные Великой Отечественной войной. Историки направляли свои усилия на воспитание советского народа в духе непримиримости к врагу и самоотверженного служения Родине.

Важный вклад в дело борьбы с фашистской идеологией, поднятие боевого духа советских бойцов, в дело сохранения для потомков материалов военных лет внесла Комиссия по истории Великой Отечественной войны, созданная в декабре 1941 г. Первоначально это была Комиссия по составлению хроники обороны

Москвы. Однако в ходе работы задачи ее разрослись, и она была переименована в Комиссию по составлению хроники Великой Отечественной войны при Академии наук СССР [1]. Председателем Комиссии был назначен начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) профессор Г. Ф. Александров [2]. Заместителями председателя Комиссии — член-корреспондент АН СССР И. И. Минц (ныне академик) и проф. И. М. Разгон. В состав Комиссии вошли академики Е. М. Ярославский, М. Б. Митин, представитель ЦК ВЛКСМ, зам. пред. СНК Р. С Землячка, редактор «Правды» П. Н. Поспелов, редактор «Известий» Ровинский, секретарь МК Леонтьева, Кузнецов, Юдин, проф. Е. Н. Городецкий [3].

Главной задачей Комиссии ставились сбор, регистрация и частичная публикация документального материала, отражающего беспримерный подвиг советского народа на фронтах Великой Отечественной войны и в тылу. Обилие военного материала натолкнуло Комиссию на определенные трудности. «Если бы мы решили собирать все, что имеет отношение к войне, то даже если бы три четверти Москвы превратить в архив, то и тогда мы не смогли бы разместить весь этот материал. А собирать материал нужно, ибо наши потомки будут искать ответа на вопрос — почему ни одной стране не удалось устоять перед фашистскими варварами, закованными в броню, а наш народ устоял?» — писал И. И. Минц [4]. В первую очередь было решено собирать материал, который мог никогда не попасть в архивы или отложился бы в них в незначительном количестве. Сюда вошли воспоминания участников партизанского движения; материалы о Героях Советского Союза; по истории отдельных частей и соединений; по истории обороны Москвы; материалы, освещающие героический подвиг нашего тыла; материалы, запечатлевшие подвиг деятелей науки, литературы и искусства в годы Великой Отечественной войны.

Для собирания и обработки материалов при Президиуме АН СССР была создана специальная научно-исследовательская группа, в обязанности которой входила и помощь работе комиссий, созданных при райкомах ВКП(б) г. Москвы и Московской области для составления ежедневной хроники обороны Москвы и собирания материалов по истории Великой Отечественной войны.

В Главном Политическом управлении РККА был организован сбор фронтовых, армейских и дивизионных газет, брошюр, листовок, материалов из политсводок и донесений.

[1] Архив ИИ АН, ф. 14, раздел 1, д. 20.
[2] Там же, д. 26, л. 2.
[3] Там же, д. 29, л. 2.
[4] *Минц И. И.* Документы Великой Отечественной войны, их собирание и хранение.— В кн.: 80 лет на службе науки и культуры нашей Родины. М., 1943, с. 135.

Комитету по делам кинематографии было поручено выделить в распоряжение Комиссии группу кинооператоров для фотографирования всех мест, связанных с обороной Москвы, а Союз художников выделил специальную группу для зарисовок отдельных эпизодов истории обороны Москвы. Члены Комиссии собирали все выпускаемые плакаты, все «окна ТАСС». Члены научно-исследовательской группы собирали материал о боевой жизни и деятельности частей непосредственно в действующей армии, производили записи рассказов героев обороны Москвы, пострадавших от фашистских зверств. Трудным участком работы было собирание материалов партизанского движения. В основном это были рассказы самих партизан. Однако, даже записанный по свежим следам материал, порою мог быть построен не совсем логично. Рассказы приходилось дополнять данными и сведениями, имеющимися в штабах действующих частей, рассказами соседей и товарищей. Члены Комиссии пользовались каждым случаем приезда партизан за наградами, чтобы произвести запись бесед с ними. В 1942 г. записано было уже более 700 человек, из них 60 женщин [5].

Многие партизанские отряды поддерживали с Комиссией постоянную связь и передали ей ряд ценнейших документов (индивидуальную клятву партизан, простреленный партбилет убитого бойца партизанского отряда и др.).

К концу 1942 г. членами сектора партизанского движения Комиссии были обследованы все районы Московской области, где действовали партизаны. А за годы своей деятельности Комиссия собрала обширный материал о партизанском движении в Смоленской, Тульской, Ленинградской областях и Белоруссии, в Крыму, на Украине, в Прибалтике. Были собраны материалы о партизанах — Героях Советского Союза Ковпаке, Дуке, Еммотине, Ромашине, Линькове и др. Часть собранного Комиссией документального материала была опубликована уже в годы войны [6]. Ученые — члены Комиссии — с первых же месяцев войны посвятили героической борьбе советских партизан целый ряд работ [7].

Важным направлением в деятельности Комиссии явилось собирание материалов по истории Советской Армии. Однако большое количество действующих частей и секретность их материалов мешали проводить сбор документов в общем порядке. Необходимо также было сохранить историю отдельных частей (и преж-

[5] *Минц И. И.* Указ. соч., с. 141.

[6] Восемь повешенных в Волоколамске. М., 1942; *Михайлов Н.* Лиза Чайкина. М., 1942; «Молодая гвардия». Герои-комсомольцы Краснодона. М., 1943. В 1944 г .была подготовлена рукопись: *Белецкий.* Партизаны Московской области в обороне Москвы и Московской области 1941—1942 гг.

[7] *Минц И. И.* Партизанская война против фашистских людоедов (Примеры первых месяцев). М., 1941; *Митин М. Б.* Партизанская война в тылу фашистских войск.— «Известия», 1941, 29 августа.

де всего гвардейских) для приходящего пополнения с целью воспитания в боевых традициях. Комиссией была разработана специальная инструкция по составлению истории части, с тем чтобы по возможности, части не растеряли своих документов, а хранили в архивах военного ведомства. Члены Комиссии объездили 29 гвардейских пехотных частей, где произвели запись рассказов нескольких тысяч героев. Часть собранного материала была опубликована уже в годы Отечественной войны в различных сборниках [8].

В 1943 г. Комиссия осуществила работу по созданию книги «Оборона Москвы». Была закончена работа Голубевой «43-я гвардейская Латвийская дивизия». Очень ценный материал был собран работавшими в Комиссии видными советскими историками А. Л. Сидоровым и В. И. Шунковым за время месячной поездки по территории Советской Украины, освобожденной от фашистских захватчиков [9].

В 1944 г. работы Комиссии значительно расширились. Прежде всего прочно установилась связь с фронтом, армиями и дивизиями.

Она осуществлялась не только с помощью переписки, но и личным общением работников Комиссии и ее руководителя Минца, в его частых поездках в действующую армию. Кроме того, он консультировал 3 крупнейшие комиссии — Украинскую (для чего выезжал в Киев в ЦК КП(б), Белорусскую (путем постоянных контактов с секретарем ЦК КП(б) Пономаренко), а также Крымскую. Минц прочитал больше 100 докладов в различных аудиториях на темы, связанные с Великой Отечественной войной, напечатал более 20 статей.

Большую работу вели сотрудники Комиссии по документированию исторических событий, боевых эпизодов, воспоминаний бойцов и командиров Советской Армии. Только в 1944 г. было записано и застенографировано около 1500 воспоминаний активных участников Великой Отечественной войны: генералов, офицеров и бойцов, из них свыше 400 — Героев Советского Союза, что составило 1370 стенограмм на 20509 листах и 132 рукописи на 7684 страницах. Весь же собранный Комиссией в 1944 г. документальный материал составил около 150 печатных листов [10].

Особое место в деятельности Комиссии занял сбор материалов о Героях Советского Союза, с последующим изданием большого количества сборников, посвященных славным сынам советской Родины.

Эта работа проводилась по нескольким направлениям. Члены Комиссии производили записи бесед с Героями, прибывшими в

[8] *Ровинский О.* Герои одной стрелковой дивизии.— «Новый мир», 1941, № 7-8, с. 118—141; Боевой путь 163-й стрелковой дивизии. М., 1941; Сыны Урала. М., 1942; Боевой путь. М., 1944; и др.

[9] ААН СССР, ф. 457, оп. I-а — 44, д. 12, л. 6.

[10] Там же, д. 29, л. 16.

Москву для вручения им высоких наград или находившимися на излечении в госпитале; вели переписку с родными, близкими героев, друзьями и боевыми товарищами [11]. Собирались копии наградных листов Героев Советского Союза, фотографии, портреты, открытки, издаваемые в те годы, проводились выписки из анкетных данных, автобиографий и др. Только в 1945 г. членами Комиссии было обработано 250 стенограмм бесед с Героями Советского Союза, участниками форсирования Днепра, от генералов до рядовых бойцов.

К 1945 г. Сектором Героев Советского Союза были составлены картотеки с общими сведениями на 6558 Героев. Многие материалы были изданы уже в сборниках военных лет [12].

Среди материалов, собранных Комиссией, значительное место занимают документы по истории обороны Москвы. Помимо материалов о партизанском движении и на фронтах важно было собрать материалы, отражающие трудовой героизм москвичей при строительстве оборонительных сооружений, в борьбе с воздушными налетами. С этой целью районными комиссиями Москвы и области были выделены специальные уполномоченные для сбора материалов, отражающих трудовую и культурно-бытовую жизнь москвичей в дни обороны города. Был собран значительный материал по истории 11 дивизий народного ополчения г. Москвы. В ходе Великой Отечественной войны члены Комиссии работали над подготовкой отдельных глав монографии «Оборона Москвы». Разгром фашистских войск под Москвой, как и другие темы, был частично освещен в военные годы [13].

Важной работой Комиссии явилось собирание материалов по обороне Сталинграда и Сталинградской операции, по обороне Одессы и Севастополя. Члены Комиссии (Фазин) работали над монографией «Оборона Одессы». Часть собранного материала нашла отражение в многочисленных статьях ученых, опубликованных в центральной периодической печати [14]. Комиссией были подготовлены к изданию книги «Героический Сталинград» (Э. Б. Генкина) и «62-я армия в боях за Сталинград».

[11] Архив ИИ АН СССР, ф. 14, раздел 1, д. 26, л. 1—22.

[12] Герои Отечественной войны, мл. л. С. И. Здоровцев, мл. л. М. П. Жуков, мл. л. Т. Харитонов. М., 1941; Боевые подвиги артиллеристов. Вып. 1. М., 1941; Герои Отечественной войны. Ген.-м. К. А. Семенченко, полковник А. И. Лизюков, мл. л. В. В. Талалихин. М., 1941, О 28 павших героях. М., 1942.

[13] *Минц И. И.* Поражение фашистских войск под Москвой.— «Исторический журнал», 1941, № 12, с. 19—30; *Александров Г. Ф.* Москва. М., 1941; *Г. Александров.* О провале немецкого плана окружения и взятия Москвы.— «Правда», 1941, 14 декабря.

[14] *Александров Г. Ф.* Решающий момент Отечественной войны.— «Правда», 1943, 28 февраля; *Орбели И.* Заклятые враги армян.— «Правда», 1943, 27 февраля, *Тарле Е. В.* Крупнейшее поражение германской армии.— «Правда», 1943, 4 февраля; *он же.* Канны обернулись протпв Германии.— «Красная звезда», 1943, 20 февраля, и др.

Сектором военной экономики Комиссии было собрано огромное количество материалов, раскрывающих массовый героизм советского народа в тылу, в крайне трудных условиях проведшего эвакуацию промышленных предприятий на Урал, в Сибирь и перестроившего его экономику на военные рельсы, а затем восстанавливавшего промышленность в освобожденных районах страны. Сюда вошли стенограммы воспоминаний старых рабочих, материалы из газет, кино- и фото документы, материалы из иностранной печати. Используя частично собранные Комиссией материалы, Институт экономики в 1944 г. подготовил книгу «Экономическая победа Советского Союза». С целью наиболее полного охвата изучаемой проблемы в Свердловске был организован Уральский филиал Комиссии при Президиуме АН СССР (под руководством академика И. П. Бардина).

При Секторе по изучению оккупационного режима и восстановлению органов Советской власти было образовано несколько подкомиссий, которыми производился сбор материалов на территории Украинской ССР, Крыма, Белоруссии, Латвийской ССР и др.

Членами Комиссии был собран огромный фактический материал, обличавший звериную сущность гитлеровского фашизма. Ученые, выезжавшие в освобожденные районы, были потрясены увиденным: угнетение, грабеж, истребление населения, зверские расправы с военнопленными, больными и ранеными — вот что оставил в памяти фашизм [15].

Ряд работ академика В. М. Хвостова был посвящен истории развития германского империализма, приведшего ко второй мировой войне [16]. Академик Е. В. Тарле в качестве члена Чрезвычайной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в 1944—1945 гг. редактировал сборник статей и материалов для иностранного издания [17].

К 1945 г. Комиссия по составлению хроники Великой Отечественной войны в основном выполнила свои задачи. 15 ноября Президиум АН СССР вынес решение о ее ликвидации и образовании в составе Института истории специального Сектора по изучению истории Великой Отечественной войны (руководитель И. И. Минц).

[15] *Бурденко Н. Н.* Чудовищные преступления гитлеровских разбойников.— «Вестник АН СССР», 1944, № 1-2, с. 64—71; *Тарле Е. В.* О преступлениях гитлеровской Германии и о их подготовке.— Там же, с. 50—58.

[16] *Хвостов В. М.* Как германский империализм однажды уже напобеждался «до смерти». М., 1942; *он же.* Как развивался германский империализм. М., 1943.

[17] Отчет о работе академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР за 1944 г. М.— Л., 1945, с. 220.

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ 1917—1918 ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1968—1973 гг.)

М. Л. Иткин

В последнее десятилетие вышли в свет работы, подводящие итоги исследования рабочего контроля в отдельные периоды. Важное место среди них занимает монография Т. А. Игнатенко, в которой наиболее полно анализируется литература по истории рабочего контроля, вышедшая за 50 лет [1]. Она содержит оценку положительных сторон в разработке проблемы рабочего контроля; вскрыты недостатки, объясняемые слабой изученностью источников по истории революционного творчества российского пролетариата в сфере производства и управления. Автор убедительно раскрывает значение борьбы советских историков против буржуазной историографии, пытавшейся извратить социалистическую сущность рабочего контроля, представляя его как анархистское требование. Теперь становятся очевидными те успехи, которые достигнуты советскими учеными в изучении проблемы рабочего контроля.

В последние 5—6 лет усилилось изучение многогранной деятельности партии и трудящихся масс России по осуществлению рабочего контроля. Подведены итоги исследования данной проблемы на Украине в работе И. Ш. Черномаза [2]. В этой связи он положительно оценивает книги В. И. Астахова и Ю. Ю. Кондуфора, Н. Г. Гончаренко, В. Я. Борщевского, Ю. М. Гамрецкого, в которых показана борьба металлистов Харькова и шахтеров Донбасса за рабочий контроль летом — осенью 1917 г., переход рабочих в ряде случаев к управлению производством, роль Советов в развитии рабочего контроля. Черномаз называет также работы А. А. Воскресенского, В. В. Суздальцева, И. К. Печкурова, Ю. Г. Тобенгауза, в которых освещается практика проведения рабочего контроля на крупных предприятиях Харькова. Отмечая успехи, Черномаз обращает внимание исследователей на слабо изученные вопросы, впервые приводит некоторые обобщенные

[1] *Игнатенко Т. А.* Советская историография рабочего контроля и национализации промышленности в СССР (1917—1967 гг.). М., 1971. Рецензию на монографию см.: *Лисовский Н. К., Анкудинова Л. Е.* Новые книги о рабочем контроле и национализации промышленности в СССР.— «История СССР», 1972, № 5, с. 178—181.

[2] *Черномаз И. Ш.* Робітничий контроль і перши кроки націоналізації промисловості України в радянській історичній літературі.— «Питання історії народів СССР», Харьків, 1972, вип. 13, с. 15—24.

данные о движении трудящихся масс Украины за рабочий контроль. Статья Черномаза ограничивается рамками Украины.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы проанализировать состояние изучения проблемы рабочего контроля во всех районах и центрах страны в последние годы, выявить вопросы, которые требуют дальнейшего исследования.

В конце 60-х — начале 70-х годов XX в. были достигнуты успехи в изучении ленинского теоретического наследия о рабочем контроле. В. И. Селицкий уделяет большое внимание истории разработки В. И. Лениным и принятого большевистской партией лозунга рабочего контроля, выяснению сущности рабочего контроля как шага к социализму[3]. В монографиях В. А. Виноградова, Н. А. Воскресенской и М. М. Слонимской[4] показано развитие В. И. Лениным принципов рабочего контроля на различных этапах борьбы накануне Октябрьской революции и после победы диктатуры пролетариата. В книге Воскресенской фактический материал о творчестве пролетарских масс ограничивается характеристикой рабочего контроля на нескольких предприятиях. В статье В. И. Алексеевой при изложении вопроса о роли рабочего контроля в борьбе против разрухи и саботажа приведены сведения о деятельности рабочих организаций Москвы и Центрального промышленного района[5]. В других статьях также освещаются ленинские принципы рабочего контроля[6].

В работах В. М. Спивак, В. С. Кириллова и М. С. Султанова подчеркивается важное значение ленинского положения о необходимости использования учетно-регистрационного и распорядительного аппарата крупного капитала в интересах Советской власти[7]. Однако в них не нашло освещения ленинское положе-

[3] *Селицкий В. И.* Массы в борьбе за рабочий контроль. М., 1971. Рецензию на монографию см.: *Лисовский Н. К., Анкудинова А. Е.* Указ. соч., с. 178—181.

[4] *Виноградов В. А.* Ленинские идеи рабочего контроля в действии. М., 1969; *Воскресенская Н. А.* В. И. Ленин — организатор социалистического контроля. М., 1970; *Слонимская М. М.* В. И. Ленин о рабочем контроле. Душанбе, 1970.

[5] *Алексеева В. И.* В. И. Ленин о рабочем контроле над производством в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.— «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та», 1968, т. 211. Политэкономия, вып. 5.

[6] *Вознесенский Э. А.* Ленинское учение о социалистическом контроле.— «Науч. зап. Ленингр. финансово-экономического ин-та», 1970, вып. 34; *Корольков В. К.* В. И. Ленин — вдохновитель и организатор рабочего контроля.— «Труды Северо-западного заочного политехнического ин-та». Л., 1970, № 8. Общественные науки; *Балашова Л. И.* В. И. Ленин о сущности и значении рабочего контроля над производством и распределением в социалистической революции.— В кн.: В. И. Ленин и развитие общественных наук. М., 1970.

[7] *Спивак В. М.* Ленинская экономическая платформа в социалистической революции.— «Труды кафедр общественных наук Тульского пед. ин-та», Калуга, 1970, вып. 2; *Кириллов В. С.* Курс, подтвержденный жизнью. К истории экономической платформы большевиков (апрель — октябрь 1917 г.).

ние о необходимости обеспечить во всех регулирующих учреждениях и организациях большинство за рабочими представителями в три четверти *решающих* голосов [8] и практические шаги в этом направлении, предпринимаемые общегородскими Центральными Советами фабзавкомов Петрограда, Екатеринослава, Одессы. Особое внимание П. П. Дронь уделил истории выработки декрета о рабочем контроле [9], но само творчество рабочих в осуществлении контроля не нашло достаточного отражения в монографии. Ленинские идеи о роли рабочего контроля в подготовке основного экономического преобразования — экспроприации экспроприаторов, обобществлении средств производства, социалистической национализации промышленности — нашли освещение в работах Д. А. Коваленко и Р. М. Савицкой [10].

Однако не все вопросы рабочего контроля, поставленные В. И. Лениным, изучаются в равной степени. Недостаточно раскрываются первоначальные ленинские положения о рабочем контроле. Некоторые исследователи считают, что идея рабочего контроля была выдвинута В. И. Лениным с момента Февральской буржуазно-демократической революции; другие утверждают, что В. И. Ленин еще в период революции 1905—1907 гг. указал на необходимость введения контроля за фабриками; третьи связывают истоки ленинской идеи о контроле с первой Программой РСДРП и, наконец, четвертые отмечают, что идея контроля была выдвинута еще в 1885 г. группой «Освобождение труда» в изданном ею первом проекте Программы русских социал-демократов [11]. По нашему мнению, первые заметки о контроле, надзоре на предприятиях сделаны В. И. Лениным в конце XIX в. в связи с изучением развития капитализма в России и подготовкой первой Программы марксистской партии. Развивая марксистские положения об общественном характере производства при капитализме и возможности контроля за ним [12], В. И. Ленин уже тогда отмечал, что концентрация производства выдвинула требование общественного контроля и планомерного регулирования

М., 1972; *Султанов М. С.* Ленинская экономическая программа социалистической революции (апрель — октябрь 1917 г.). Баку, 1973.

[8] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 443.

[9] *Дронь П.* В. И. Ленин о руководстве народным хозяйством. Минск, 1971, с. 39.

[10] *Коваленко Д. А.* В. И. Ленин об историческом опыте социалистических преобразований в промышленности Советской России (1917—1920 гг.) — В кн.: В. И. Ленин об историческом опыте Великого Октября. Сб. статей. М., 1969; *Савицкая Р. М.* Очерк государственной деятельности В. И. Ленина. Март — июль 1918 г. М., 1969.

[11] *Алексеева В. И.* Указ. соч., с. 162; *Слонимская М. М.* Указ. соч., с. 162; *Воскресенская Н. А.* Указ. соч., с. 5; *Химович Е. М.* Развитие взглядов В. И. Ленина о контроле в дооктябрьский период и их освещение в исторической литературе.— «Труды Алтайского политехнического ин-та им. И. И. Ползунова». Барнаул, 1972, вып. 20 (Обществ. науки), с. 140 и др.

[12] См. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 342, 369.

производства [13]. При выработке идеи надзора, контроля рабочих на предприятиях В. И. Ленин опирался на опыт парижских коммунаров и творчество рабочих России в период революции 1905—1907 гг. [14]

Требуют дальнейшего исследования и такие вопросы, как значение рабочего контроля для укрепления союза рабочего класса и беднейшего крестьянства и повышения руководящей роли пролетариата в этом союзе. В. И. Ленин еще 26 марта 1917 г. призывал рабочих «в союзе с *беднейшей* частью крестьянства» осуществлять «шаги, направленные к *контролю* производства и распределения важнейших продуктов» [15]. Разоблачая клевету буржуазной печати против рабочих о том, что они якобы хотят установить контроль не только над предприятиями, но и над крестьянским хозяйством, В. И. Ленин убедительно показал, что рабочий контроль «выгоден крестьянам, он даст увеличение производства и удешевление продуктов» [16]. Будучи чисто пролетарской формой борьбы, рабочий контроль выражал также общедемократические интересы и соответствовал потребностям беднейшего крестьянства, способствовал укреплению сотрудничества и повышению революционной активности обоих эксплуатируемых классов в борьбе против хозяйственной разрухи.

В отличие от литературы предшествующих лет, усилилось изучение вопроса о борьбе большевистской партии против анархистского извращения идеи рабочего контроля. С. Н. Канев пришел к выводу о временном характере отдельных синдикалистских заблуждений, в частности, у рабочих Черемховских угольных копей, привел подробные данные, характеризующие разъяснительную работу большевиков на конференциях фабзавкомов и на отдельных предприятиях, направленную против лозунга анархистов о переходе предприятий в собственность отдельных групп рабочих [17].

Важнейшей составной частью рабочего контроля была выработка социалистической дисциплины труда. З. А. Астапович и Л. Б. Генкин в своих последних работах привели ценные данные о разработке рабочими организациями правил внутреннего распорядка, уставов самодисциплины [18].

[13] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 241, 545.

[14] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 487, 491; т. 9, с. 330; т. 11, с. 70; т. 16, с. 452.

[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 56.

[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 44.

[17] *Канев С. Н.* Борьба большевиков против анархистского извращения рабочего контроля.— «По ленинскому пути. Учен. зап. Ленингр. Высшей партийной школы», 1968; *он же.* Борьба В. И. Ленина против анархизма в первые годы Советской власти.— «Учен. зап. Высшей партийной школы». М., 1970, вып. 9, с. 84.

[18] *Астапович З. А.* В. И. Ленин о социалистической организации труда и борьбе рабочих за ее осуществление.— В кн.: Вопросы истории советского общества в трудах В. И. Ленина. Сб. статей. М., 1970; *Генкин Л. Б.* Формирование новой дисциплины труда и материальное стимулирование рабо-

Нуждается в дальнейшем исследовании вопрос об источниках, которыми пользовался В. И. Ленин при разработке вопроса о контроле. Важнейшим источником было изучение опыта трудящихся масс. В. И. Ленин систематически встречался с рабочими — участниками движения за контроль над производством, изучал материалы большевистской периодической и профессиональной печати, материалы собраний, конференций и съездов РСДРП(б) и местных рабочих организаций. Эти данные дали возможность В. И. Ленину сформулировать основные положения о рабочем контроле. Вместе с тем В. И. Ленин использовал также материалы из буржуазной и мелкобуржуазной прессы, подвергая их тщательному анализу.

Серьезные успехи были достигнуты советскими историками в последние годы также в обобщении инициативы и творчества трудящихся масс. Первой монографией по истории рабочего контроля в период мирного развития революции явилась упомянутая книга Селицкого. На большом материале в ней освещается процесс зарождения творчества масс в сфере производства и распределения, исследован вопрос о расширении содержания и организационных форм рабочего контроля, его роли в борьбе масс за спасение страны от разрухи, за подготовку к ликвидации политического и экономического господства эксплуататорских классов. Большую ценность представляет собранный Селицким материал о степени распространения рабочего контроля в период двоевластия. Для цифровых подсчетов послужили материалы, представленные в отчетах делегатов VII (Апрельской) Всероссийской конференции, в Опросном листе ЦК партии (направленном более чем в 200 большевистских организаций), в анкетах, заполненных делегатами VI съезда РСДРП(б) и в их отчетах на съезде, а также в переписке ЦК с местными большевистскими организациями. Отдельные материалы были выявлены автором в архивах.

Опираясь на изученные источники и литературу, Селицкий показал, что движение за рабочий контроль над производством и распределением продуктов имело место к концу двоевластия в 119 городах и распространилось на 373 предприятия, насчитывавших 832 тыс. рабочих [19]. Приводимые Селицким данные значительно превышают те, которые сообщаются В. З. Дробижевым в результате обобщения материалов промышленной переписи 1918 г. До Октябрьской революции специальные органы рабочего контроля, как отмечал Дробижев, существовали на 3,2% всех предприятий, охваченных промышленной переписью, а на предприятиях с числом рабочих свыше 200 этот процент возрастал до 10,8% [20]. Однако нужно иметь в виду, что рабочий контроль

чих в конце 1917 — первой половине 1918 г.— В кн.: Вопросы историографии рабочего класса СССР. Сб. статей. М., 1970.

[19] *Селицкий В. И.* Указ. соч., с. 193.

[20] *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности. М., 1966, с. 51.

осуществляли не только контрольно-хозяйственные комиссии, но и многие фабзавкомы, в составе которых не было подобных комиссий. Наряду с ними рабочий контроль осуществляли и Советы, профсоюзы и другие организации. Эти данные не были учтены промышленной переписью. Кроме того, перепись не охватила районы Урала и Украины. Селицким были выявлены 1566 фактов борьбы за установление рабочего контроля, которые характеризуют творчество рабочих масс в отдельных отраслях промышленности и районах страны [21].

Наиболее распространенной функцией рабочего контроля в период двоевластия было вмешательство в регулирование личного состава предприятий. Наряду с осуществлением рабочего контроля в этом направлении проводился и производственно-технический, финансово-экономический контроль; рабочие вмешивались в дела охраны предприятий, устанавливали контроль над распределением продуктов потребления и на ряде предприятий переходили к организации рабочего самоуправления. Доля этих функций рабочего контроля, по данным Селицкого, достигает 40% всех его появлений в этот период [22]. Приведенные в книге данные говорят о ведущей роли крупных рабочих коллективов в развитии рабочего контроля. Автор подчеркивает, что петроградский пролетариат занимал передовые позиции в осуществлении рабочего контроля. Составляя всего лишь немногим более десятой части всего российского пролетариата, он на своих предприятиях осуществил около третьей части всех фактов контроля над производством и распределением [23]. Представленный в книге всесторонний анализ революционного творчества масс, несомненно, выиграл бы, если бы он был дополнен подробными данными о численности пролетарских масс, их территориальном размещении, профессиональной структуре рабочих, сложившейся в отдельных районах [24]. Рабочий контроль над производством и распределением продуктов в период подготовки вооруженного восстания получил дальнейшее развитие.

Этот вывод может быть подтвержден нашими подсчетами, сделанными на основании изучения отмеченных выше источников и литературы, а также анкет большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Накануне Октября рабочий контроль распространился в 149 городах, осуществлялся на 567 заводах и фабриках, насчитывавших 1426 тыс. рабочих, т. е. 40,9% всего пролетариата, сосредоточенного в фабрично-заводской, горнозаводской и добывающей промышленности. Количество предприятий, в которых распространился рабочий контроль, выросло по сравнению с доиюльским

[21] *Дробижев В. З.* Главный штаб социалистической промышленности. М., 1966, с. 51.
[22] *Селицкий В. И.* Указ. соч., с. 194.
[23] Там же, с. 196, 197.
[24] *Лисовский Н. К., Анкудинова Л. Е.* Указ. соч., с. 179.

периодом более чем на 68%, а число рабочих, участвовавших в нем,— на 58%. Нами выявлены 2089 фактов борьбы за рабочий контроль.

При сопоставлении данных о развитии рабочего контроля в предоктябрьский период можно прийти к выводу, что самой распространенной функцией рабочего контроля было вмешательство в регулирование личного состава предприятий, которое сопровождалось зачастую напряженной забастовочной борьбой. Около половины всех фактов контроля приходилось на творчество рабочих в этом направлении. Углубился рабочий контроль над материально-техническим снабжением предприятий сырьем, топливом, технической и коммерческо-финансовой сторонами производства, органами управления предприятий. На их долю приходилось более 36% всех выявленных фактов. Контроль над распределением продуктов осуществлялся рабочими значительно шире, чем в период двоевластия. 14% всех учтенных фактов приходится на этот вид контроля. В контроле над производством и распределением активно участвовали три четверти рабочих Петрограда, половина рабочих Центрально-промышленного района и Урала. Эти данные не являются окончательными и задача историков состоит в том, чтобы путем конкретных исследований внести в эти цифры уточнения, дополнения.

В изучаемые годы вышли в свет работы, характеризующие революционное творчество пролетариата Москвы, Среднего Поволжья, Татарии, Башкирии, Сибири и Украины. В них отмечаются новые важные явления в развитии рабочего контроля, которым ранее уделялось мало внимания, в частности, рабочему контролю над распределением продуктов. В разработанной партией большевиков программе экономических преобразований рабочий контроль над производством и распределением рассматривался как единый процесс. Единство органически связанных между собой составных частей рабочего контроля вызвано самой жизнью, объективной обстановкой в стране, находившейся на грани катастрофы и голода. В. И. Ленин призывал трудящихся ввести «рабочий контроль за хлебом и за фабриками» [25].

Вопросы борьбы масс за рабочий и демократический контроль над распределением нашли отражение в работах В. И. Селицкого, А. Г. Егоровой [26]. Л. И. Балашова продолжает изучение этого вопроса на материалах Москвы и Московской губернии. Она впервые подробно исследовала деятельность продовольственных комиссий при фабзавкомах, их контроль над фабрично-заводскими лавками, участие в организации столовых, в регулировании карточной системы, в установлении контроля над хлебопекарнями и булочными и др. Автор отметила и огра-

[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 120.

[26] *Селицкий В. И.* Указ. соч., с. 145—157; *Егорова А. Г.* Партия и профсоюзы в Октябрьской революции. М., 1970, с. 213—221 и др.

ниченные возможности рабочего контроля в области распределения из-за отсутствия единой системы и координации из одного центра. Рабочий контроль над распределением облегчал крайне тяжелое положение трудящихся масс и способствовал росту политической сознательности самых широких слоев пролетариата [27].

Изучался рабочий контроль в Среднем Поволжье: были опубликованы статьи, характеризующие борьбу фабзавкомов, профсоюзов Самарской губернии за контроль над производством и распределением в предоктябрьский период, в Пензенской губернии — в первом году пролетарской диктатуры и в Средневолжском крае — накануне Октября. С. Г. Басин изучил борьбу пролетарских организаций Самарской губернии за контроль над предприятиями в период подготовки вооруженного восстания, привел обширный материал о рабочем контроле за распределением продуктов [28]. Автор отошел от схемы распределения отдельных функций рабочего контроля между фабзавкомами и Советами [29] и пришел к выводу, что разнообразные формы контроля за производством и распределением продуктов первой необходимости осуществлялись всеми пролетарскими организациями. Достоинством работы В. В. Казюхина является то, что он впервые обобщил интересные данные о развитии рабочего контроля в ведущих отраслях промышленности Среднего Поволжья — металлообрабатывающей, текстильной и мукомольной [30].

Исследуя вопрос о рабочем контроле в Пензенской губернии в послеоктябрьский период, Н. А. Шарошкин пришел к выводу, что число фабзавкомов, принимавших участие в управлении, составило 56,9%, а число органов рабочего контроля, участвовавших в управлении предприятиями,— 63,2%. Только на предприятиях суконной промышленности губернии из 17 членов заводоуправлений 10 были членами фабзавкомов или контрольно-хозяйственных комиссий [31]. В этих работах большое внимание уделяется изучению контроля над распределением. То же самое можно сказать и о статье К. А. Назиповой о развитии рабочего контроля в Татарии, где был установлен контроль за распреде-

[27] *Балашова Л. И.* Рабочий контроль над распределением в период подготовки социалистической революции.— «Вопросы истории», 1973, № 5, с. 47—58.

[28] *Басин С. Г.* Фабрично-заводские комитеты и профессиональные союзы Самарской губернии в борьбе за рабочий контроль над производством и распределением накануне Октябрьской революции.— «Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та», 1969, вып. 60; *он же.* Победа ленинской тактики завоевания средневолжских массовых рабочих организаций на сторону революции накануне Октября.— Там же, 1970, вып. 71.

[29] *Селицкий В. И.* Указ. соч., с. 10, 11.

[30] *Казюхин В. В.* Рабочий контроль в промышленности Среднего Поволжья накануне Октябрьской революции.— «Науч. труды Куйбышевского пед. ин-та», 1972, т. III. Из истории Среднего Поволжья и Приуралья, вып. 2.

[31] *Шарошкин Н. А.* Рабочий контроль в промышленности Пензенской губернии (ноябрь 1917 — конец 1918 г.).— «Учен. зап. Рязанского и Пензенского пед. ин-тов», Пенза, 1969, т. 64, с. 38.

лением продуктов питания среди рабочих. Он развивался при активной поддержке рабочей секции Казанского Совета рабочих и солдатских депутатов [32].

Усилилось изучение особенностей проведения рабочего контроля в отдельных районах. Так, В. В. Казюхин объясняет более низкую степень интенсивности борьбы за рабочий контроль в промышленности Среднего Поволжья тем, что сказался более низкий технико-экономический уровень производства в этом районе и был значительным удельный вес рабочих, сохранивших связь с сельским хозяйством [33]. Особенности социалистических преобразований в промышленности Кузбасса состояли, по мнению Г. К. Волковой и Селицкого, в том, что здесь приходилось проводить национализацию в более сжатые сроки, чем в центре страны. Советской власти пришлось столкнуться со старой и разрушенной техникой на копях. Удельный вес квалифицированных рабочих был ниже, чем в целом по стране, что усложняло решение задачи вовлечения рабочих в дело социалистического преобразования промышленности в этом районе. Органам рабочего контроля Сибири пришлось до организации совнархозов осуществлять регулирование всей экономической жизни — в сфере снабжения и организации производства, по вопросам труда и торговли [34]. Особенностью рабочего контроля в Башкирии было его распространение прежде всего на металлургических заводах [35]. Об активной роли Советов рабочих депутатов г. Грозного и прилегающих к нему районов в осуществлении финансового контроля над местными банками «в целях искоренения имевшихся там злоупотреблений» и кассами нефтяных фирм говорится в статье В. И. Саранкина [36]. Отмечаются особенности проведения рабочего контроля в военной промышленности: организация более рациональной работы предприятий, налаживание социалистической дисциплины труда, охрана государственного имущества [37].

[32] *Назипова К. А.* Рабочий контроль в Татарии (март — октябрь 1917 г.).— В кн.: Татария в период Великого Октября. Казань, 1970, с. 52, 57—58.

[33] *Казюхин В. В.* Указ. соч., с. 105.

[34] *Волкова Г. К., Селицкий В. И.* Первые социалистические преобразования угольной промышленности Кузбасса.— В кн.: Из истории рабочего класса Сибири. Вып. 3. Кемерово, 1970, с. 10; *Волкова Г. К.* Деятельность сибирских коммунистов по организации управления банками, промышленностью и транспортом в первые месяцы Советской власти (декабрь 1917 — май 1918 г.).— Там же, вып. 4, 1972, с. 6, 7.

[35] *Гвоздикова И. М., Касимов С. Ф.* Контроль по-ленински. Уфа, 1970, с. 15; *Касимов С.* В. И. Ленин о рабочем контроле и его осуществлении в Башкирии.— «Учен. зап. Башкирского пед. ин-та», Уфа, 1972, вып. 1 (Общественные науки), с. 22—23.

[36] *Саранкин В. И.* Претворение в жизнь ленинских идей национализации на нефтяных промыслах страны.— «Вестник ЛГУ», вып. 3, 1970, № 14, с. 35.

[37] *Иткин М. Л.* Рабочий контроль в военной промышлености.— В кн.: 50 лет разгрома интервентов и окончания гражданской войны в СССР (Научная сессия. Июнь 1972 г.), секция 3 (Советский тыл). М., 1972, с. 74—77.

Украинские исследователи разрабатывают вопрос о периодизации советского рабочего контроля. И. Ш. Черномаз и С. П. Кихтев пришли к выводу, что на Украине можно наметить два периода в развитии рабочего контроля: ноябрь — декабрь 1917 г., когда рабочие организации главное внимание уделяли борьбе с саботажем капиталистов за сохранение заводов, фабрик, шахт; январь — март 1918 г., когда рабочие организации, укрепив свои позиции и накопив некоторый опыт, стали больше заниматься вопросами налаживания производства, повышения производительности труда, укрепления трудовой дисциплины. В работах Черномаза имеются также итоговые материалы о развитии рабочего контроля на Украине [38].

В брошюре М. А. Барановой, посвященной истории рабочего контроля в Донбассе, имеются интересные наблюдения о предотвращении Советами и фабзавкомами закрытия заводов и шахт, о взаимопомощи рабочих организаций в ремонте техники, снабжении сырьем и топливом. Однако Баранова пытается включить движение пролетариата за 8-часовой рабочий день и повышение зарплаты в сферу рабочего контроля; отсутствует решение вопроса о контроле над распределением продуктов [39]. Большое внимание вопросам рабочего контроля уделяется в исследовании А. С. Гапоненко по истории пролетариата в 1917 г.[40]

Приводя материалы о развитии рабочего контроля в Сибири в сентябре — октябре 1917 г., Д. М. Зольников сообщил данные о том, что этот процесс характерен усилением борьбы за Советы. В книге отмечается активное участие Красноярского и других Советов в рабочем контроле над производством и распределением, характеризуется процесс установления рабочего управления на ряде приисков Забайкалья. Практические результаты рабочего творчества на предприятиях носили ограниченный характер, они «не могли решить проблемы борьбы с экономической разрухой»; рабочий контроль сыграл «роль политического воспитания рабочих» [41].

В книгах и статьях о массовых рабочих организациях также изучается рабочий контроль. А. Г. Егорова привела интересные сводные данные о контрольных комиссиях, действующих на предприятиях Петрограда и Москвы. По ее подсчетам, только на 24 ведущих заводах этих центров было создано 108 комиссий,

[38] *Черномаз И. Ш.* Рабочий контроль и национализация промышленности на Украине (март 1917 — март 1918 гг.). Автореф. докт. дисс. Харьков, 1969, с. 31; *он же.* Указ. статья, с. 20, 22, 23; *Кихтев С.* Октябрьская революция и первые социалистические преобразования в Донецко-Криворожском бассейне. Киев, 1969, с. 80, 81.

[39] *Баранова М. А.* Рабочий контроль на промышленных предприятиях Донбасса (1917—1918 гг.). Львов, 1968, с. 32, 38.

[40] *Гапоненко А. С.* Рабочий класс в России в 1917 году. М., 1970, с. 299, 300.

[41] *Зольников Д. М.* Рабочее движение в Сибири в 1917 году. Новосибирск, 1969, с. 300, 303.

занимавшихся вопросами рабочего контроля[42]. А. А. Свиридов показал, что благодаря участию в рабочем контроле представителей петроградского Союза металлистов удалось предотвратить закрытие заводов «Динамо», «Сименс-Шуккерт», Речкина. Он уделил также большое внимание анализу деятельности фабзавкомов как органов рабочего контроля[43]. Выяснению роли Советов в развитии рабочего контроля посвящена статья А. Е. Смирнова[44].

В 1967—1968 гг. в журнале «История СССР» состоялась дискуссия о содержании рабочего контроля. В современной историографии выявились, в основном, две точки зрения по этому вопросу. З. В. Степанов ограничивает рабочий контроль функциями производственно-техническими, снабженческо-сбытовыми, коммерческо-финансовыми, а также вопросами производительности труда и трудовой дисциплины. Селицкий считает, что в условиях надвигающейся катастрофы пролетариат стал проявлять заботу о всех сторонах производственной жизни, т. е. он вмешивался также и в вопросы регулирования личного состава предприятий, выступал против варварских форм эксплуатации, осуществлял в ряде районов контроль за распределением продуктов[45]. Именно ко всеобщему контролю за общественным производством и распределением продуктов призывал В. И. Ленин Советы рабочих депутатов в Апрельских тезисах[46]. Об этом же говорит и деятельность рабочих контрольных комиссий[47]. Изучение борьбы трудящихся масс за рабочий контроль в предоктябрьский период убеждает нас в том, что важнейшими его функциями были контроль за наймом и увольнением рабочих и служащих, за состоянием оборудования и технологическим процессом производства, всеми сторонами материально-технического снабжения (заказами, сырьем, топливом и др.) предприятия, вмешательство в коммерческо-финансовую сторону производства, контроль за состоянием трудовой дисциплины и производительностью труда, за сбытом готовой продукции и распределением продуктов первой необходимости.

[42] *Егорова А. Г.* Партия и профсоюзы в Октябрьской революции, с. 191.

[43] *Свиридов А. А.* Петроградский союз металлистов в 1917 году.— «Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та», 1968, т. 360, с. 165; *он же.* Фабрично-заводские комитеты как форма организации питерских рабочих в 1917 году.— «Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та имени А. И. Герцена», 1970, т. 298.

[44] *Смирнов А. Е.* Борьба за рабочий контроль над производством и Советы в период двоевластия (по материалам Центральной России).— «Вестник МГУ», 1968, № 2.

[45] *Степанов З. В.* К вопросу о рабочем контроле над производством и распределением.— «История СССР», 1967, № 1, с. 233, 234; *Селицкий В. И.* Еще раз к вопросу о рабочем контроле над производством и распределением.— «История СССР», 1968, № 4, с. 227, 228, с. 9—10. См. также: *Селицкий В. И.* Указ. соч.

[46] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 116.

[47] Октябрь и профсоюзы (Воспоминания). М., 1967, с. 48—49; Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917—1919 гг. Сб. документов. Т. 1. Л., 1947, с. 77 и др.

В последние годы заметно усилилось изучение опыта рабочего контроля в отдельных центрах России, в том числе и в национальных районах. Однако в монографиях и статьях уделяется еще мало внимания выяснению связей пролетарских организаций различных районов страны в проведении рабочего контроля. Исторический опыт движения масс за рабочий контроль показывает проведение большевистской партией ленинской линии на сплочение трудящихся всех национальностей. Рабочий контроль в предоктябрьский период осуществлялся на предприятиях всех районов России.

Рабочий контроль в сочетании с другими формами революционной борьбы подвел трудящиеся массы к установлению диктатуры пролетариата. Важную роль сыграло переплетение рабочего контроля с массовыми стачками, охватывавшими порой целые отрасли промышленности или крупнейшие промышленные центры и приводившими в свою очередь к усилению вмешательства пролетарских масс в производство и распределение.

Важно также раскрыть органическую связь рабочего контроля с движением трудящихся масс за мир. Это нашло конкретное выражение в борьбе контрольных комиссий за перевод предприятий на выпуск мирной продукции, что подрывало политику продолжения империалистической войны. В подготовленной В. И. Лениным и принятой Первой конференцией фабзавкомов Петрограда «Резолюции об экономических мерах борьбы с разрухой» подчеркивалась необходимость постепенного перевода «рабочих сил из производства военных снарядов на производство необходимых для восстановления хозяйства продуктов» [48].

Анализ литературы о рабочем контроле, опубликованной в последние годы, дает основание отметить, что сделано многое в изучении проблемы, вышли в свет ценные монографии и статьи, раскрывающие в общероссийском плане содержание рабочего контроля в период мирного развития революции, особенности его проведения в отдельных районах. Впервые был приведен сводный фактический материал о распространении рабочего контроля. Однако многие вопросы теории и практики рабочего контроля по-прежнему требуют более глубокого исследования. Среди них вопросы о сущности и содержании ленинского лозунга о рабочем контроле, об источниках, используемых В. И. Лениным при разработке принципов рабочего контроля, о роли большевистской партии в организации и мобилизации трудящихся масс на проведение его в жизнь. Кроме того, нуждаются в дальнейшем изучении история рабочего контроля в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания, сложившиеся в этот период организационные формы движения за рабочий контроль, объединение под этим лозунгом широких демократических слоев населения. Крайне важно более глубоко исследовать и такие во-

[48] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 197.

просы рабочего контроля после Октября, как периодизация рабочего контроля, деятельность фабзавкомов и других рабочих организаций по преодолению разрухи и саботажа капиталистов, за сохранение и восстановление производства, его организацию на социалистических началах, по воспитанию социалистической трудовой дисциплины, развитию производительности труда.

Нуждаются в более всесторонней критике произведения буржуазных фальсификаторов истории Октябрьской революции, в которых искажается процесс революционного творчества трудящихся масс в сфере производства и распределения, по созданию основ социалистической экономики. Изучение истории рабочего контроля в России приобретает особое значение.

В капиталистических странах коммунистические и рабочие партии выдвигают требование демократического контроля над экономикой, организуют движение масс за глубокие антимонополистические преобразования, идут по указанному В. И. Лениным пути, развивают и конкретизируют его идеи в соответствии со складывающейся в этих странах обстановкой. Освещение этого вопроса занимает центральное место в монографии В. А. Виноградова (1969 г.) и в изданном под его редакцией сборнике статей [49].

[49] *Виноградов В. А.* Ленинские идеи рабочего контроля в действии; *он же.* Важное направление классовой борьбы. М., 1970.

V

ПУБЛИКАЦИИ

НАЧАЛО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИКА Б. Д. ГРЕКОВА

К. Ф. Шацилло

Летом 1900 г. на стол директора Департамента полиции легло письмо. Автор его писал: «Среди вопросов, над которыми с особой любовью останавливается русский образованный человек, едва ли не важнейшим будет вопрос: как жить, как устроиться *личностью в обществе*? И опять-таки, едва не наиболее назойливо стоит данная задача перед молодежью, у которой чувства так сильны и порывисты, так влекут вверх от низа, от земного к высоким идеалам блага». «Как жить, чтобы свершить благо?» — вопрошал автор письма, и сам отвечал: «Нельзя, мне кажется, найти более благодарной жизненной задачи, как глаголом жечь сердца людей в том смысле, чтобы подымать силу «высоких чувств, укреплять ум, в познаниях твердый», и объединять такую вообще «приподнятую» жизнь в единстве, сосредоточенности и напряженности *деятельности*» [1].

Деятельности для чего? Вопроса такого перед автором письма не стояло. Образованная молодежь, если у нее «не медные лбы и вареные души», должна жить «в полной гармонии ума и сердца», должна «бороться с дебрями мракобесия», она не имеет права «становиться к людям труда спиною», ее долг — дорожить прежде всего «благом народа».

«Кто это такой?» — начертала на копии письма рука исполняющего должность директора Департамента полиции. Ко второму перлюстрированному письму полицейские приложили справку: Игорь Александрович *Будилович* — «студент Московского университета — член Исполнительного Комитета объединенных землячеств, будет ликвидирован в текущем августе, занимается также пропагандой среди гимназистов» [2].

[1] ЦГАОР СССР, ф. 102 (Департамент полиции). Особый отдел, 1898, д. 3, ч. 108, л. 1.
[2] Там же, л. 4.

Как выяснил Департамент полиции, адресатом первого и последующих писем И. А. Будиловича был гимназист города Грубешова в Люблинской губернии Борис Дмитриевич Греков. Будилович сообщал о своих планах в жизни: окончить два факультета (филологический и медицинский), изучить английский, французский, немецкий, итальянский языки с целью принять активное участие в социал-демократическом движении [3]. Планы Б. Д. Грекова пока выглядели скромнее: надо было закончить гимназию, для чего переехать в Холм. Но кипучая натура молодого Грекова требовала немедленной активной деятельности — он решил еще в Грубешове организовать нелегальный кружок из единомышленников, наладить издание на гектографе нелегальной литературы и нелегального журнала. Это уже было опасно. Полицейские ищейки развили активную деятельность. Знаменитый С. В. Зубатов — начальник московской охранки — был поставлен Департаментом полиции в известность о переписке и делах молодых людей [4].

«11 августа 1900 г. № 1670 *Совершенно секретно*

Его высокоблагородию С. В. Зубатову

Милостивый государь Сергей Васильевич!

В дополнение к предыдущей переписке имею честь совершенно доверительно препроводить к Вашему высокоблагородию копии с полученных агентурным путем писем известного Вам члена Исполнительного Комитета Московской объединенной студенческой организации Игоря *Будиловича* от 21, 28 и 31 минувшего июля на имя проживающего в г. Грубешове, Люблинской губ., Бориса *Грекова*, присовокупляя, что по имеющимся в Департаменте сведениям названный Греков занялся уже, по-видимому под влиянием Будиловича, организацией тайного кружка среди учеников Грубешовской прогимназии.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении

Ратаев».

Одновременно из Петербурга полетела депеша и в далекую Люблинскую губернию [5]:

«9 августа 1900 г. № 1666 *Совершенно секретно*

Начальнику Люблинского губернского жандармского управления

По полученным в Департаменте полиции из агентурного источника сведениям проживающий в г. Грубешове Борис Дмитриевич *Греков*, по-видимому воспитанник местной прогимназии,

[3] ЦГАОР СССР, ф. 102 (Департамент полиции). Особый отдел, 1898, д. 3, ч. 108, л. 7.
[4] Там же, л. 10.
[5] Там же, лл. 8-9.

предполагает организовать, а может быть, и успел уже организовать среди своих товарищей тайный кружок с библиотекою нелегальных книг, периодическими взносами участников кружка на приобретение таковых и изданием гектографированного журнала, программу коего после перехода в Холм предполагается расширить при большем количестве сотрудников. В настоящее время Греков намеревается возбудить ходатайство о назначении его дежурным по ученической квартире, дабы таким образом накопить побольше денег на приобретение запрещенных и тенденциозных изданий, которые предполагает выписывать при посредстве окончившего курс Холмской гимназии и состоящего ныне студентом Московского университета Игоря *Будиловича,* принимающего участие в деятельности Московской студенческой организации и по-видимому пользующегося влиянием на Грекова.

Об изложенном Департамент полиции долгом считает уведомить Ваше высокоблагородие для сведения и соображений, прося обратить внимание на деятельность Грекова.

Исполняющий должность директора Семякин
Чиновник особых поручений Ратаев».

Жандармы сделали свое дело: Будилович в конце августа 1900 г. был «ликвидирован», т. е. арестован и отправлен в тюрьму [6], а юный Б. Д. Греков столкнулся с серьезными трудностями при оформлении своего перевода из Грубешовской прогимназии в Холмскую гимназию [7]. Поначалу его упорно не хотели принимать в восьмой класс Холмской гимназии, ставя таким образом под угрозу саму возможность получения им аттестата зрелости. Только сведения об отличной успеваемости Б. Д. Грекова вынудили директора Холмской гимназии в конце концов изменить отношение к его просьбе.

Так начиналась жизнь выдающегося советского ученого и крупного общественного деятеля академика Бориса Дмитриевича Грекова.

[6] Там же, л. 12.

[7] За сообщенные об этом сведения автор выражает свою искреннюю благодарность сыну академика Б. Д. Грекова, доктору исторических наук И. Б. Грекову.

VI

БИБЛИОГРАФИЯ

ФЕДОР ВАСИЛЬЕВИЧ ПОТЕМКИН (1895—1973)

(К 80-летию со дня рождения)

Исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося советского ученого, члена-корреспондента АН СССР Ф. В. Потемкина,— признанного авторитета в области истории промышленной революции и рабочего движения во Франции в период домонополистического капитализма.

С 1922 г. после окончания историко-филологического факультета Ленинградского университета Потемкин работает в различных высших учебных заведениях Ленинграда и Москвы. Его педагогическая деятельность была с самого начала неразрывно связана с социально-экономической и политической историей Франции эпохи промышленного переворота. Уже первые труды молодого ученого в этой области показали все методологическое значение исследуемых им тем для разработки узловых проблем истории Западной Европы, для всестороннего изучения марксистской наукой развития капиталистической формации в целом.

Работы Потемкина, содержащие научно обоснованную критику попыток буржуазной историографии ниспровергнуть такую важную категорию исторического материализма, как «промышленная революция», стали в конце 20-х и в 30-е годы XX в. неотъемлемой составной частью борьбы за утверждение марксистско-ленинских взглядов на основные вопросы истории капитализма и рабочего движения.

В 1936 г. Потемкин защитил докторскую диссертацию на тему «Лионские восстания 1831 и 1834 гг.», которая легла в основу монографии под тем же названием, вышедшей год спустя. Это исследование сразу же заняло место среди лучших работ советских ученых, стало значительным явлением в советской историографии нового времени.

В год выхода в свет «Лионских восстаний» Потемкин стал сотрудником Института истории Академии наук СССР, где он успешно работал на протяжении более чем трех десятилетий.

Одиннадцать лет Ф. В. Потемкин возглавлял Сектор новой истории института, объединявший значительную часть ведущих советских специалистов в этой отрасли исторического знания.

В годы Великой Отечественной войны Потемкин отдал все свои силы ученого, всю страсть патриота делу борьбы с фашизмом. Ученый меняет в это время тематику своих исследований, которые посвящены теперь выявлению закономерностей, характеризующих справедливые, народные, освободительные войны, а также критическому разбору трудов Клаузевица как одного из источников военной доктрины германского империализма.

В 1953 г. Потемкин был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Он принимал активное участие в установлении и развитии связей с зарубежными организациями историков, в подготовке X Международного конгресса исторических наук в Риме, на котором выступал по проблемам социальной истории XIX в. Потемкин избирается членом бюро Национального комитета историков Советского Союза, а также членом Международного комитета исторических наук.

В 1971 г. увидел свет двухтомный труд Потемкина, базировавшийся на огромном архивном материале и первоисточниках, которому ученый отдал многие годы творческой деятельности,— «Промышленная революция во Франции». Первый том исследования посвящен преимущественно истории переворота в промышленной и сельскохозяйственной технике и носит название «От мануфактуры к фабрике». Этот том охватывает события от середины XVIII в. вплоть до крушения Второй империи. Второй том, названный «Положение трудящихся масс и социальные движения», освещает социальные и политические последствия промышленного переворота.

Исследование Потемкина убедительно показало, что изучение промышленной революции во Франции позволяет понять не только ее специфику для данной страны, но и общие закономерности промышленного переворота, присущие ему во всех странах.

Работы Потемкина служат примером подлинно научного труда, сочетающего самое тщательное рассмотрение как старых, так и впервые вводимых в оборот фактов с глубоким теоретическим анализом. Для них характерно большое профессиональное мастерство, тонкая исследовательская техника, яркий литературный стиль.

Все это способствовало широкому признанию трудов историка, их переводу на французский и другие иностранные языки, включению в ряд лучших советских исследований по новой истории стран Западной Европы.

Работы Потемкина получили заслуженную оценку. За научную и педагогическую деятельность он был удостоен орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета».

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Ф. В. ПОТЕМКИНА*

1929

К вопросу о методологии истории промышленной революции.— В кн.: Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. 2. М., с. 53—63. Прения по докладу и заключительное слово.— Там же, с. 64—76, 77—82.

Причины восстания лионских рабочих в 1831 г.— В кн.: Архив Маркса и Энгельса, т. IV. М., с. 165—214.

Промышленная революция во Франции по новейшим работам (Обзор иностранных работ).— В кн.: Архив Маркса и Энгельса, т. IV. М., с. 435—453.

Промышленная революция во Франции. Переворот в мелкопрядильном производстве.— «Историк-марксист», № 12, с. 115—152.

1930

К истории развития капитализма во Франции (Несколько иллюстраций к «Капиталу»).— В кн.: На боевом посту. Сборник. М., с. 322—360.

К социальной истории французской фабрики. Положение малолетних рабочих и первый закон об охране их труда.— В кн.: Архив Маркса и Энгельса, т. V. М., с. 202—260.

1931

Лионские восстания 1831 г.— «Борьба классов», № 8—9, с. 113—121.

1932

Европа. Историко-экономический очерк. БСЭ, т. 24. М., стб. 253—267 [совместно с Е. А. Косминским].

1936

Буржуазная революция. Период учредительного и законодательного собрания (1789—1792).— БСЭ, т. 58. М., стб. 510—583.

Реставрация Бурбонов во Франции. БСЭ, т. 58. М., стб. 571—583.

1937

Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 356 с. *Рец.: Молок А.*— «Историк-марксист», кн. 5—6, с. 189—196.

1939

Классики марксизма-ленинизма о революции 1789—1794 гг.— «Советская Украина», 14 июля, № 159.

Предисловие: Новая история, т. I. М.– Л., с. 3–4.

Франция накануне буржуазной революции XVIII в.— В кн.: Новая история, т. I. М.— Л., с. 38—50.

* *Составитель Г. М. Амешина.* Настоящая библиография не является исчерпывающей. Она включает книги, журнальные статьи Ф. В. Потемкина и труды, вышедшие под его редакцией.

При выявлении литературы были использованы каталоги Всесоюзной книжной палаты, Научного кабинета Института истории СССР АН СССР.

За отдельными исключениями вся учтенная литература просмотрена de visu.

1940

Экономический кризис 1787–1789 гг. (во Франции).– «Труды Моск. гос. ин-та истории, философии и лит-ры», т. VI, с. 119—143.

1941

Борьба буржуазии с феодально-абсолютистской системой.— В кн.: Французская буржуазная революция. М.— Л., с. 49—67.

Кризис феодально-абсолютистской системы и революционная ситуация.— В кн.: Французская буржуазная революция. М.— Л., с. 35—48.

Крупная буржуазия у власти.— В кн.: Французская буржуазная революция. М.— Л., с. 68—117.

О роли Энгельса в создании учения о промышленной революции (Резюме доклада).— «Вестник АН СССР», № 1, с. 43—45.

Формирование капиталистического уклада в феодальной Франции.— В кн.: Французская буржуазная революция. М.— Л., с. 3—34.

Отв. ред.: Печатные издания эпохи Французской революции конца XVIII в. в книгохранилищах СССР (1787—1794 гг.). Сводный каталог, ч. 1. Сост. Р. М. Тонкова. Л.

1942

Теория войн в трудах Карла Клаузевица.— «Исторический журнал», № 6, с. 102—109.

Теория войн в трудах К. Клаузевица.— «Большевик Казахстана», № 7, с. 21—28.

1943

Учение Клаузевица о войне. Ташкент, 116 с. [совместно с Л. И. Герман].

1947

Фабричная хлопкопрядильная промышленность во Франции перед революцией 1848 г.– «Изв. АН СССР. Сер. истории и философии», т. IV № 1, с. 49—60.

Пер на франц. яз. Париж, 1954.

1948

Легенда и действительность в истории происхождения и распространения станка Жаккарда.— «Труды по новой и новейшей истории Института истории АН СССР». М.— Л., т. 1, с. 286—331.

1949

Англия. 1815—1848 гг. Стенограмма лекций. М., 18 с.

Пер. на нем. яз. М.

Июльская монархия во Франции (1830—1848 гг.). Стенограмма лекции. М., 19 с.

Пер. на венг. яз. Будапешт, 1951.

Кризис феодально-абсолютистского порядка и буржуазная революция 1789—1794 гг. во Франции. Стенограмма лекции. М., 55 с. [совместно с А. И. Молоком].

1951

Франция накануне буржуазной революции.— В кн.: Новая история, т. I. М. с. 218—232.

1952

Европа в 1794—1847 годах. Лекции. М., 115 с.

Кризис феодально-абсолютистского порядка и буржуазная революция 1789—1794 гг. во Франции. Лекции. М., 47 с. [совместно с А. И. Молоком].

Пер. на венг. яз. Будапешт.

Франция накануне революции 1848 г.— В кн.: Революция 1848—1849 гг., т. I. М., с. 18—57.

Ред., введение, заключение: Революция 1848 г. Т. I—II. М., [Ред. совместно с А. И. Молоком], с. 9—17, 458—484.

Пер. на нем. яз. Т. I. Берлин, 1956.

1953

Рец.: Фальсификация исторических событий. (The world's great Events. New York, 1950) — «Коммунист», № 10, с. 117—128 [совместно с З. Удальцовой и Б. Крыловым].

1955

К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е гг. XIX в.) — В кн.: Из истории социально-политических идей. Сборник статей. К 75-летию академика В. И. Волгина. М., с. 570—600.

Массовые движения во Франции со времени лионских восстаний до революции 1848 г.—«Учен. зап. по новой и новейшей истории». Вып. 1, с. 5—170.

Рец.: Порочный учебник по истории Франции. (*Джеджула К. О.* История Франции. Киев, 1954, на укр. яз.) — «Коммунист Украины», № 2, с. 73—79 [совместно с *Л. Бендриковой* и *А. Ефимовой*].

Рец.: Предшественники научного социализма. (Серия книг под ред. В. П. Волгина. Критич. обзор.) — «Вопросы истории», № 6, с. 115—127 [совместно с др.].

Ред.: Учен. зап. по новой и новейшей истории. Вып. 1. М., 500 с. [совместно с др.].

1956

Европа в 1815—1848 годах. Первые движения пролетариата.— В кн.: Новая история, ч. 1. Первый период. 1642—1870 гг. Учебн. пособие. М., с. 109—140 [совместно с А. И. Молоком].

Кризис феодально-абсолютистского порядка во Франции. Возникновение революционной ситуации.— В кн.: Новая история, ч. 1. Первый период. 1642—1870 гг. Учебн. пособие. М., с. 54—67.

Франция. Исторический очерк (Конец XVIII в.— 1918 г.) — БСЭ. Изд. 2-е. т. 45. М., стб. 469—478 [совместно с А. З. Манфредом и А. Л. Ефимовой].

Введение.— В кн.: Новая история, ч. 1. Первый период. 1642—1870 гг. Учебн. пособие. М., с. 3—9.

Ред.: Десятый международный конгресс историков в Риме. Сент. 1955. Доклады советской делегации. М., 687 с. [совместно с др.]

Ред.: *Желубовская Э. А.* Крушение второй империи и возникновение третьей республики во Франции. М., 506 с.

Ред.: Учен. зап. по новой и новейшей истории. Вып. 2. М., 520 с. [совместно с др.].

1957

К истории каменноугольной промышленности во Франции в первой половине XIX в.— В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память Е. В. Тарле. М., с. 372—388.

Рабочее и национально-освободительное движение во время революций 1848—1849 годов. Лекции. М., 104 с. [совместно с М. И. Михайловым].

Отв. ред.: Е. Б. Черняк. Демократическое движение в Англии. 1816—1820 гг. М., 296 с.

Ред.: Из истории общественных движений и международных отношений. Сборник статей в память Е. В. Тарле. М. [совместно с др.].

Ред.: Программа курса «История международного рабочего и национально-освободительного движения». Для четырехгодичных парт. школ. М., 56 с. [совместно с Н. Д. Боголюбовым].

Ред.: *Тарле Е. В.* Сочинения. Т. 1—12. М. [совместно с др.].

1958

Буржуазная монархия во Франции.— В кн.: Новая история, т. 2. 1789—1870. М., с. 244—263.

Вопросы советской науки. Генезис капитализма. М., 39 с. [совместно с др.].

Начало кризиса феодально-абсолютистского строя во Франции.— В кн.: Всемирная история, т. V. М., с. 539—570.

Первые самостоятельные выступления промышленного пролетариата в Англии, Франции и Германии. Лекции. М., 68 с. [совместно с М. И. Михайловым].

Первый период революции. Господство крупной конституционно-монархической буржуазии (14 июля 1789 г.— 10 авг. 1792 г.) — В кн.: Новая история, т. 2. М., с. 5—33 [совместно с А. З. Манфредом].

Отв. ред.: Новая история, т. 2. 1789—1870. М., 848 с.

1959

Возникновение революционной ситуации [в 1847—1848 г.].— В кн.: История международного рабочего и национально-освободительного движения, ч. 1, 60—80-е гг. XVIII в.— 1917 г. Учебн. пособие. М., с. 91—93.

К истории развития черной металлургии во Франции в период промышленной революции.— В кн.: Французский ежегодник. 1958. М., с. 206—194 (Резюме на франц. яз.).

Роль рабочих в февральской буржуазно-демократической революции во Франции.— В кн.: История международного рабочего и национально-освободительного движения, ч. 1, 60—80-е гг. XVIII в.— 1917 г. Учебн. пособие. М., 93—106; 130—134.

Франция.— В кн.: История международного рабочего и национально-освободительного движения, ч. 1, 60—80-е гг. XVIII в.— 1917 г. Учебн. пособие, М., с. 22—40.

1960

Англия в 1815—1848 гг. Чартизм.— В кн.: Новая история, ч. 1. 1642—1870. Пособие для учителей. М., с. 199—211.

За новые успехи в освещении истории зарубежных стран. Обзор журнала «Новая и новейшая история».— «Коммунист», № 8, с. 111—116 [совместно с. В. Ермолаевым и Е. Черняком].

Кризис феодально-абсолютистского порядка во Франции во второй половине XVIII в.— В кн.: Новая история, ч. 1. 1642—1870. Пособие для учителей. М., с. 71—86.

Франция в период июльской монархии (1830—1848).— В кн.: Новая история, ч. 1. 1642—1870. Пособие для учителей. М., с. 188—198.

Отв. ред.: Новая история. Пособие для гос. университетов и педагогических институтов, т. 2. 1789—1870. Вильнюс. 771 с. (на лит. яз.).
Ред.: *Лукин Н. М.* Избранные труды в 3-х тт. М.. 1960—1963 [совместно с др.].
Ред.: Новая история. [Учебник для университетов и педагогических институтов], т. 2. 1789—1870. Киев. 748 с. (на укр. яз.).

1961

Ред.: Парижская Коммуна 1871 г. Т. I—II. М. [совместно с др.].
Ред.: Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции 1958—1973. М., 1961—1973 [совместно с др.].

1962

Отв. ред.: *Черняк Е. Б.* Массовые движения в Англии и Ирландии в конце XVIII — нач. XIX в. М., 717 с.

1965

Ред.: *Тарле Е. В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — нач. XIX в.). М.— Л., 427 с. [совместно с др.].

1966

Агрономическая практика и политические позиции пропагандистов «нового земледелия» во Франции во второй половине XVIII — нач. XIX в.— В кн.: Французский ежегодник. 1965. М., с. 76—103.
Война демуазелей (К истории крестьянских движений времен утверждения капитализма во Франции).— В кн.: Европа в новое и новейшее время. М., с. 206—228.

1971

Промышленная революция во Франции. Т. 1—2. М., Т. 1. 454 с.; Т. 2. 322 с.
Рец.: *Михайлов М. И., Поршнев Б. Ф.*— «Новая и новейшая история», 1972, № 3, с. 179—181; *Сказкин С. Д., Черняк Е. Б.*— «Вопросы истории», 1972, № 3, с. 165—170; *Сказкин С. Д., Черняк Е. Б.*— «Social Sciences», 1974, vol. 4, N 1, p. 187—191.
Ред.: История Парижской Коммуны 1871 г. М., 804 с. [совместно с др.].

1973

Июльская монархия (1830—1848).— В кн.: История Франции. В 3-х тт. Т. 2. М., с. 226—262.

ЛИТЕРАТУРА О Ф. В. ПОТЕМКИНЕ

Избрание членом-корреспондентом АН СССР 23 октября 1958 г.,— «Правда», 1953, 24 октября.
Избрание членом Национального комитета историков СССР.— «Вопросы истории», 1955, № 12, с. 197.
Награждение орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в деле подготовки специалистов для народного хозяйства и культурного строительства.— «Ведомости Верховного Совета», 1944, 23 ноября, № 62.
Награждение орденом «Знак Почета» за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием АН СССР.— «Ведомости Верховного Совета», 1945, 12 августа, № 17.
Потемкин Федор Васильевич. БСЭ. Изд. 2-е, т. 34. М., 1955, стб. 267—268.

Потемкин Федор Васильевич.— БСЭ. Изд. 3-е, т. 20. М., 1975, стб. 428.
Потемкин Федор Васильевич (11 февраля 1895 г.– 20 июля 1973 г.) – В кн.: Ежегодник Большой Советской Энциклопедии, вып. 18. М., 1974, с. 610.
Сказкин С. Д., Манфред А. З., Черняк Е. Б. Члену-корреспонденту АН СССР Ф. В. Потемкину — 75 лет.— «Новая и новейшая история», 1970, № 3, с. 167—169.
Сообщение Президиума АН СССР о смерти 20.VII.1973 г. члена-корреспондента АН СССР Федора Васильевича Потемкина.— «Известия» (веч. вып.), 1973, 21 июля, № 170.
Член-корреспондент Академии наук СССР Федор Васильевич Потемкин. Историк. 1895—1973. Некролог.— «Новая и новейшая история», 1974, № 1, с. 229—231. (Подпись: Редакционная коллегия).
Черняк Е. Б. Федор Васильевич Потемкин (1895—1973).— В кн.: Французский ежегодник, 1973. М., 1975, с. 295—296.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ В. А. БЫСТРЯНСКОГО (ВАТИНА) ЗА 1913—1941 гг. *

1913

Минусинский край в XVIII веке. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 212 с.
Рец.: Кузнецов-Красноярский И. П. «Минусинский край в XVIII веке» В. А. Ватина (Критический очерк). Томск, 1915, 15 с. (Ответ В. А. Быстрянского см.: «Сибирский архив», 1914, № 12); *Андрианов А. В.*— «Минусинский край», 1914, 29 июня, № 47; *Ландерма* — «Сибирь» (Иркутск), 8 декабря, № 275; *Новомбергский Н. Я.*— «Известия Томского университета», 1918, кн. LXVII, с. 1—15 (в связи с присуждением премии Кузнецова).

1914

Возникновение музея в Иркутске.— «Сибирский архив», № 5, с. 231—234.
Декабристы в Минусинске.— «Минусинский край», 30 марта, № 13; 13 апреля, № 17; 4 мая, № 26.
К вопросу о положении политической ссылки в Сибири в 70-х годах. (Сообщение).— «Сибирский архив», 1914, № 3—4, с. 184.
К вопросу о рабстве в Сибири.— «Сибирский архив», № 10, с. 453—457.
К 25-летию Красноярской городской общественной библиотеки.— «Сибирский архив», № 3—4, с. 175—176.
Минусинск в 40-х годах.— «Минусинский край», 9 ноября, № 133.
Минусинский округ в 30-х гг. XIX столетия.— «Минусинский край», 23 ноября, № 147.
Начатки народного образования в Минусинске (Материалы для истории народного просвещения в Сибири).— «Сибирский архив», № 4, с. 475—499.

* *Составители Г. М. Амешина и Л. В. Иванова.* Настоящая библиография не является исчерпывающей. Она включает книги, журнальные статьи, рецензии В. А. Быстрянского и труды, вышедшие под его редакцией. Газетные статьи и рецензии включены выборочно, преимущественно за 1919—1921 гг. из «Петроградской правды», где наиболее полно отразилась публицистическая деятельность В. А. Быстрянского.

До 1918 г. работы В. А. Быстрянского (Ватина) публиковались, как правило, под его фамилией — Ватин, позднее — под литературным псевдонимом — Быстрянский.

При выявлении литературы были использованы каталоги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Всесоюзной книжной палаты.

За отдельными исключениями (они отмечены звездочками) вся учтенная литература просмотрена de visu.

Новые данные о декабристах в Минусинске.— «Минусинский край», 26 октября, № 119.
Новые данные по истории Минусинского края в XVIII в.— «Сибирский архив», № 9, с. 391—393.
Село Минусинское. Исторический очерк. Минусинск, 179 с.
Рец.: *Вернадский Г. В.*— «Голос минувшего», 1915, № 7—8, с. 274; *Макаренко А.*— «Живая старина», 1914, XXIII, вып. I—II. Пг., 1915, с. 215—217; *Чибизов И. А.*— «Сибирский архив», № 11, с. 521.
Фердинанд Лассаль (1864—1914).— «Минусинский край», 24 августа, № 71; 29 августа, № 73.
Франко-германская война 1870—1871 гг. и германская рабочая партия.— «Минусинский край», 5 октября, № 98.
4 апреля и рабочий класс. [Передовая].— «Минусинский край», 4 апреля, № 15.
«Pro domo sua».— «Сибирский архив», № 12, с. 537—541.

1915

Ачинский округ по сенаторской ревизии 40-х годов XIX века.— «Сибирский архив», № 12, с. 61—72.
Из истории порто-франко на Дальнем Востоке.— «Сибирский архив», № 1, с. 25—33.
К истории солепромышленности в Минусинском крае (степные самосадочные озера в первой половине XIX в.) — «Сибирский архив», № 7—9, с. 311—328.
К юбилею областничества.— «Сибирский архив», № 12, с. 1—8.
Новые материалы для истории города Минусинска.— «Сибирский архив», № 7—9, с. 435—437.
Тагарское озеро (историческая справка).— «Сибирский архив», № 7—9, с. 437—439.
Урянхайский вопрос в 80-х годах прошлого века.— «Сибирский студент», № 7—8, с. 86—103.
Юбилей Г. Н. Потанина и «Молодая Сибирь».— «Сибирский архив», № 7—9, с. 414—417.
Рец.: «Новая книга об Усинском крае». [О кн.: *Ф. Кон.* Усинский край. Красноярск, 1914, 111 с.] — «Сибирский архив», № 10, с. 483—487.
Рец.: [о ст.: *Рожков Н. А.* К истории народного хозяйства в Сибири].— «Сибирский архив», № 7—9, с. 426—428.

1916

Администрация и попытки насаждения крепостничества в Сибири.— «Сибирская летопись», № 11—12, с. 584—585.
Восточная Сибирь в начале XIX века (На основании неизданного отчета иркутского губернатора Трескина).— «Сибирская летопись», № 3—4, с. 97—156; № 11—12, с. 528—567; 1917, № 1—2, с. 48—59.
Из истории евреев в Сибири.— «Сибирская летопись», № 6—8, с. 342—347.
К вопросу об именах минусинских иноградцев.— «Сибирская летопись», № 5, с. 219—221.
Кеннан в Минусинске.— «Сибирские записки», Красноярск, № 3, с. 71—93.
Материалы для истории золотопромышленности в Сибири.— «Сибирская летопись», № 5, с. 193—202.
Метаморфозы.— «Багульник», Иркутск, № 2, с. 8—9. [Критика взглядов Н. А. Рожкова на сибирское областничество].
О гражданской зрелости Сибири в 1875 году.— «Сибирская летопись», № 2, с. 84.
Памяти Василия Ивановича Семевского.— «Сибирская летопись», № 9—10, с. 484—485.

Сойоты в начале 40-х годов прошлого столетия.— «Сибирская летопись», № 1, с. 1—8.
Рец.: [на кн.: *Буташевич М. В.* Петрашевский в Минусинске].— «Сибирская летопись», № 2, с. 85—87.
Рец.: [на кн.: *Зензинов В. М.* Очерки торговли на севере Якутской области. М., 1916, 97 с.].— «Сибирские записки», № 1, с. 171—174.
Рец.: «Новая книга об Урянхайском крае» [на кн.: *Каррутерс Д.* Неведомая Монголия, т. 1. Урянхайский край. Пг., 1914. 341 с.] — «Сибирская летопись», № 9—10, с. 486—490.
Рец.: [на кн.: *Шлихтер А. Г.* Экономическое положение крестьян Туруханского края. Ч. 2. Красноярск, 1916, 197 с.].— «Сибирская летопись», № 9—10, с. 491—493.

1917

Борьба с революцией.— «Звезда», Екатеринослав, 12 июля, № 37; то же.— «Пролетарий», 15 июля.
Власть и страна.— «Пролетарий» (Харьков), 6 сентября.
Где выход? — «Звезда», 12 сентября, № 87.
Крепостное право в Енисейской губернии в XIX веке.— «Сибирская летопись», № 1—2, с. 60—62.
Не полиция, а всенародная милиция. Пг., 11 с.
Не полиция, а народная милиция. Екатеринослав, 1917 *.
Не постоянная армия, а милиция. Пг., 1917 *.
О наступлении. Екатеринослав, 1917 *.
Памяти Буцинского.— «Сибирская летопись», № 1—2, с. 76.
Парижская Коммуна и Октябрьская революция.— «Правда», 16 декабря, № 205.
Победа буржуазии.— «Звезда», 30 июля, № 53.
Социалистическая революция и крестьянство.— «Правда», 2 декабря, № 194.
Чего хотят социал-демократы. Екатеринослав *.

1918

Буржуа о рабочей революции.— «Петроградская правда», 8 сентября, № 195.
Буржуазная и пролетарская революция.— «Правда» (веч. выпуск), 16 января, № 1.
Буржуазный идеолог о русской революции.— «Петроградская правда», 12 сентября, № 198.
Империализм. Лекция, прочитанная на курсах агитаторов. Пг., 20 с.
Пер. на фин. яз. Стокгольм, 1919.
Исторические параллели (Из истории Парижской Коммуны).— «Петроградская правда», 29 сентября, № 213.
Когда разложилась армия.— «Петроградская правда», 18 сентября, № 203.
Кольцо смыкается.— «Правда», 10 марта, № 46.
Мелкобуржуазный интеллигент о «моменте».— «Петроградская правда», 8 сентября, № 195.
Не борьба наций, а борьба классов.— «Правда», 1 марта, № 38.
Не война, а восстание.— «Правда», 6 марта, № 42.
Октябрьская революция в глазах буржуазного публициста.— «Петроградская правда», 15 сентября, № 201.
Ставка на бедных.— «Северная Коммуна», Петроград, 14 декабря, № 179.
Что такое Коммуна? Пг., 16 с.
То же. Пг., 12 с.
То же. Пг., 13 с.
То же. М., 16 с.

1919

Американский банкир о неминуемости социальной революции.— «Петроградская правда», 10 октября, № 229.
Антанта против нас.— «Петроградская правда», 31 мая, № 119.
Антанта и Германия.— «Петроградская правда», 17 апреля, № 85.
Антанта и фон дер Гольц.— «Петроградская правда», 11 октября, № 230.
Антанта, Юденич и Финляндия.— «Петроградская правда», 29 октября, № 247.
Армия империализма и армия революции. Война империалистическая и война революционная. Пг., 40 с.
Рец.: Б. а.— «Книга и революция», 1920, № 3—4, с. 87.
Банкротство дела контрреволюции.— «Петроградская правда», 12 сентября, № 205.
Белый публицист о политике белых.— «Петроградская правда», 25 октября, № 243.
Белый террор и контрреволюция.— «Петроградская правда», 19 июля, № 160.
Белый террор прежде и теперь.— «Петроградская правда», 27 сентября, № 218.
Белым приходится плохо.— «Петроградская правда», 30 августа, № 194.
Борьба с контрреволюцией внутри страны.— «Петроградская правда», 25 января, № 18.
Буржуазия против пролетариата.— «Петроградская правда», 21 января, № 15.
Буржуазный интеллигент против буржуазной диктатуры.— «Петроградская правда», 6 июля, № 149.
В Германии.— «Петроградская правда», 20 февраля, № 40.
В Колчаковии.— «Петроградская правда», 5 октября, № 225.
В революционной Германии.— «Петроградская правда», 15 февраля, № 36.
В стане врага.— «Петроградская правда», 15 октября, № 233.
В царстве колчаковского «порядка».— «Петроградская правда», 13 июля, № 155.
В царстве учредилки неблагополучно.— «Петроградская правда», 14 сентября, № 207.
«Великая английская демократия» и российские царисты.— «Петроградская правда», 27 июля, № 167.
Великий поэт о буржуазной «свободе».— «Петроградская правда», 21 августа, № 187.
Великий поэт о коммунизме [О Г. Гейне].— «Петроградская правда», 24 августа, № 190.
Великий рыцарский орден современности [О великой чести быть коммунистом].— «Петроградская правда», 28 августа, № 193.
Возможен ли российский термидор? — «Петроградская правда», 16 января, № 11.
Война гражданская перешла в войну революционную.— «Петроградская правда», 12 января, № 8.
Война империалистическая и война гражданская.— «Красный командир», Пг., № 4, с. 5.
Враг признает нашу силу.— «Петроградская правда», 29 июня, № 143.
Все силы — в продовольствие и транспорт.— «Петроградская правда», 24 января, № 17.
Все для войны! — «Петроградская правда», 2 октября, № 222.
Германские дела.— «Петроградская правда», 14 февраля, № 35.
Да здравствует Третий Коммунистический Интернационал! — «Петроградская правда», 26 января, № 19.
Декларация объединенной контрреволюции.— «Петроградская правда», 27 июня, № 141.
«Демократия» как лозунг буржуазии.— «Петроградская правда», 10 января, № 6.
Деникин и Петлюра.— «Петроградская правда», 12 октября, № 231.
Женщина в вооруженной борьбе за коммунизм.— «Петроградская правда», 11 ноября, № 257.

Женщина в гражданской войне.— «Петроградская правда», 25 июля, № 165.
Женщина в первой пролетарской революции — Парижской Коммуне.— «Петроградская правда», 22 мая, № 112.
Женщина в Советской Республике.— «Петроградская правда», 6 июня, № 124.
За что прячется контрреволюция? — «Петроградская правда», 3 июня, № 121.
Из прошлого наших врагов.— «Петроградская правда», 31 июля, № 170.
Из русской зарубежной прессы.— «Петроградская правда», 21 октября, № 239.
Империализм Пг. *
Империалистическая Англия против социалистической России. Пг., 16 с.
К вопросу о программе партийных школ.— «Петроградская правда», 18 апреля, № 86.
К русско-финским отношениям.— «Петроградская правда», 1 июня, № 120.
Как англичане поставили у власти Колчака.— «Петроградская правда», 14 августа, № 182.
Каутский-марксист против Каутского-оппортуниста.— «Петроградская правда», 8 февраля, № 30.
Колчаковцы о гражданской войне в Сибири.— «Петроградская правда», 8 августа, № 177.
Колчаковцы о самих себе.— «Петроградская правда», 13 августа, № 181.
Коммунистическая партия в Германии.— «Петроградская правда», 7 января, № 5.
Контрреволюционеры пали духом.— «Петроградская правда», 4 июля, № 147.
Контрреволюция и Петроград.— «Петроградская правда», 3 июля, № 146.
Кончается война империалистическая — продолжается война гражданская!— «Петроградская правда», 2 июля, № 145.
Красный и белый террор.— «Петроградская правда», 9 июля, № 151.
Крах белогвардейщины.— «Петроградская правда», 6 июля, № 149.
Кто готовит войну? — «Петроградская правда», 15 января, № 10.
Кто убил вождей немецких коммунистов.— «Петроградская правда», 19 февраля, № 39.
Лига Наций.— «Петроградская правда», 21 февраля, № 41.
«Мастера пропаганды».— «Петроградская правда», 22 февраля, № 42.
«Меланхолия белых».— «Петроградская правда», 7 сентября, № 201.
Мелкая буржуазия и рабочая революция.— «Петроградская правда», 12 февраля, № 33.
Меньшевик о германской революции.— «Петроградская правда», 4 марта, № 50.
Мировые кризисы и нравственная оценка.— «Петроградская правда», 3 января, № 2.
Надвигающаяся гроза.— «Петроградская правда», 10 сентября, № 203.
Наша война до победы.— «Петроградская правда», 4 мая, № 97.
Наша партия и народное просвещение.— «Петроградская правда», 12 августа, № 180.
Наши братья в тылу у белых.— «Петроградская правда», 2 апреля, № 73.
Наши победы и буржуазия Европы.— «Петроградская правда», 17 января, № 12.
Не могут сговориться.— «Петроградская правда», 11 сентября, № 204.
Неодолимая сила коммунизма [О притоке в партию новых членов].— «Петроградская правда», 15 ноября, № 261.
О новоявленных учредиловцах.— «Петроградская правда», 26 июня, № 140.
Огюст Бланки (1805—1881).— «Петроградская правда», 2 марта, № 49.
От нападения к обороне [Об отношении министров Франции к Советской России].— «Петроградская правда», 5 января, № 4.
Памятная годовщина. [О Жоресе].— «Петроградская правда», 1 августа, № 171.
Партия большевиков.— «Петроградская правда», 31 августа, № 195.
Партия в Советском государстве.— «Петроградская правда», 29 января, № 21; 2 февраля, № 25.
Партия и Советы.— «Петроградская правда», 3 февраля, № 34.

1-е Мая 1919 г.— день революционного действия.— «Петроградская правда», 1 мая, № 95.
Польша и революция.— «Петроградская правда», 4 января, № 3.
Последняя опора.— «Петроградская правда», 22 августа, № 188.
Пролетариат и наука.— «Петроградская правда», 21 декабря, № 232.
Пропаганда «белых» организаций.— «Петроградская правда», 21 сентября, № 213.
Прочность нашей власти.— «Петроградская правда», 11 января, № 7.
Работница и коммунизм.— «Петроградская правда», 23 декабря, № 293.
Работница и оборона Петрограда.— «Петроградская правда», 20 октября, № 238.
Рабоче-крестьянская революция в России в оценке буржуазной публицистики. Пг., 40 с.
Рец.: *Н. П.*— «Книга и революция», 1920, № 5, с. 30.
Разгром Деникина — путь к миру.— «Петроградская правда», 1 октября, № 221.
Разложение армии, как следствие политики старого порядка.— «Петроградская правда», 25 апреля, № 90.
Разруха и социализм.— «Петроградская правда», 5 марта, № 51.
Революция и женщина. Пг., 24 с.
Рец.: *Б. Й.*— «Книга и революция», 1920, № 5, с. 23.
Революция и реакция в Германии.— «Петроградская правда», 31 января, № 23.
Реформы и революция.— «Петроградская правда», 13 апреля, № 82.
Российская контрреволюция в освещении финских буржуа.— «Петроградская правда», 27 ноября, № 271.
Россия и Антанта.— «Петроградская правда», 7 февраля, № 29.
Свобода пропаганды в «чистой» демократии.— «Петроградская правда», 11 октября, № 230.
Советы и Третий Коммунистический Интернационал.— «Петроградская правда», 7 сентября, № 201.
Солдатские Советы против шейдемановцев.— «Петроградская правда», 16 февраля, № 37.
Социальная революция есть дело самих масс.— «Петроградская правда», 1 февраля, № 24.
Союзники, Финляндия и Петроград.— «Петроградская правда», 7 июня, № 125.
Союзники, шейдемановцы и Советская власть в России.— «Петроградская правда», 19 января, № 14.
Старый и новый Каутский.— «Петроградская правда», 22 января, № 16.
Съезд финских коммунистов.— «Петроградская правда», 25 сентября, № 216.
Тактика отчаяния.— «Петроградская правда», 28 сентября, № 219.
Трезвый голос иностранца о Советской России.— «Петроградская правда», 30 июля, № 169.
Третий Коммунистический Субботник в Первом Городском районе.— «Петроградская правда», 31 августа, № 195.
1849—1919. [О революции в Венгрии].— «Петроградская правда», 10 августа, № 179.
М. С. Урицкий. [К годовщине его смерти].— «Петроградская правда», 30 августа, № 194.
Финляндия и мир с Советской Россией.— «Петроградская правда», 5 октября, № 225.
Финские и русские белогвардейцы.— «Петроградская правда», 17 июля, № 158.
Франц Меринг и русские коммунисты.— «Петроградская правда», 11 февраля, № 32.
Церетели о России.— «Петроградская правда», 16 сентября, № 208.
Циммервальд — Кинталь и Москва.— «Петроградская правда», 8 марта, № 54.
Черчилль о русских делах.— «Петроградская правда», 7 августа, № 176.
Что несут деникинцы рабочим? — «Петроградская правда», 30 августа, № 194.

Что такое Коммуна. Одесса, 15 с.
То же. Гомель, 15 с.
То же. Екатеринослав, 15 с.
Шейдемановцы и реакционная военщина.— «Петроградская правда», 16 сентября, № 208.
Япония и интервенция.— «Петроградская правда», 4 октября, № 224.
Рец.: «От гражданского мира к гражданской войне» [О брошюре А. Гильбо «Социализм и синдикализм во Франции во время войны» с предисловием В. И. Ленина. Пг., 118 с.].— «Петроградская правда», 17 августа, № 185.
Рец.: «От «чистой» демократии к рабочей диктатуре» [О брошюре В. О. Куусинена «Революция в Финляндии». Пг., 1919, 64 с.].— «Петроградская правда», 16 ноября, № 262.
Рец.: «Отец народничества о народной революции» [о кн.: *Лавров П. Л.* Парижская Коммуна 18 марта 1871 г. Пг., 1919, 232 с.].— «Коммунистический Интернационал», № 4, стб. 578—590.
Рец.: «Признание собственного банкротства» [о ст.: *Л. Мартов.* Мировой большевизм].— «Петроградская правда», 19 августа, № 186.
Рец.: «Процесс Карла Либкнехта» [о кн.: *К. Либкнехт.* Мой процесс по документам. Пер. с нем. Пг., 1918, 214 с.] — «Коммунистический Интернационал», № 3, стб. 415—426.
Рец.: «Терроризм и коммунизм» [о брошюре: *К. Каутский.* Терроризм и коммунизм». Пг., 1919, 228 с.] — «Коммунистический Интернационал», № 7-8, стб. 1049—1058.

1920

Английская интеллигенция и большевизм.— «Петроградская правда», 10 января, № 6.
Антанта, Россия и революция. Пг., 27 с.
Армия, как освободительная сила.— «Петроградская правда», 4 января, № 3.
Борьба за коммунизм и сознание масс.— «Петроградская правда», 23 октября, № 238.
Война политической неграмотности.— «Петроградская правда», 29 сентября, № 217.
Газеты при капитализме и коммунизме.— «Петроградская правда», 5 мая, № 96.
Герцен и русский народ.— «Петроградская правда», 21 января, № 14.
Государственное издательство и его задачи.— «Книга и революция», № 1, с. 2—4.
Гражданская война в истории. Вып. 1. Древний мир. Пг., 64 с.
Рец.: *Беккер Б.*— «Книга и революция», 1922, № 4 (16), с. 38—39; *Лукин-Антонов Н.*— «Печать и революция», 1921, № 2, с. 140; *Невский В. И.*— «Петроградская правда», 21 декабря, № 287.
9 января 1905 г.— 9 января 1920 г.— «Петроградская правда», 22 января, № 15.
Дети в белом царстве.— «Петроградская правда», 8 декабря, № 276.
Египет и британский империализм.— «Петроградская правда», 14 ноября, № 256.
Идеология соглашательского центра (об Ф. Адлере).— «Петроградская правда», 25 февраля, № 43; 26 февраля, № 44.
Из уроков Парижской Коммуны.— «Петроградская правда», 18 марта, № 61.
Индия и британский империализм.— «Петроградская правда», 17 ноября, № 258.
К вопросу о методах пропагандистской работы.— «Петроградская правда», 25 сентября, № 214.
К вопросу о пропаганде коммунизма.— «Петроградская правда», 6 октября, № 223.
Коммунизм и духовная жизнь.— «Книга и революция», № 5, с. 1—2.
Коммунизм и религия. Пг., 55 с.
Контрреволюция и ее методы (Белый террор прежде и теперь). Пг., 16 с.

Рец.: *Невский В. И.*— «Петроградская правда», 21 декабря, № 287.
Красная армия и революционная война. Пг., 23 с.
Рец.: *В. Кс.*— «Книга и революция», 1921, № 7, с. 75; *Невский В. И.*— «Петроградская правда», 21 декабря, № 287.
Культура и коммунизм.— «Петроградская правда», 11 января, № 7.
П. А. Лавров и диктатура пролетариата.— «Петроградская правда», 8 февраля, № 29.
Легионы древнего Рима и Красная Армия.— «Петроградская правда», 27 января, № 18.
Марксизм и буржуазная наука.— «Петроградская правда», 30 мая, № 117.
Марксизм и пролетариат.— «Петроградская правда», 29 мая, № 116.
Место пропаганды в партийной работе.— «Петроградская правда», 16 сентября, № 206.
Мировая война и II Интернационал.— «Петроградская правда», 28 марта, № 69; 30 марта, № 70; 31 марта, № 71; 6 апреля, № 76.
Молодая гвардия рабочей революции.— «Петроградская правда», 6 января, № 4.
Немецкие независимцы и III Интернационал.— «Петроградская правда», 15 сентября, № 205.
О марксистском воспитании новых членов партии.— «Петроградская правда», 12 мая, № 102.
О необходимости изучения истории Октябрьской революции и Коммунистической партии.— «Петроградская правда», 10 октября, № 227.
Об одном юбилее (19 февраля 1861 г.) — «Петроградская правда», 4 марта, № 50.
От социалистического патриотизма к коммунизму (Духовный путь А. Барбюса).— «Петроградская правда», 21 ноября, № 262.
Памяти великих страстотерпцев рабочего дела. [О К. Либкнехте и Р. Люксембург].— «Петроградская правда», 16 января, № 11.
Партия коммунистов-большевиков. Пг., 46 с.
Рец.: *Невский В. И.*— «Петроградская правда», 21 декабря, № 287.
Перерегистрация и политическая сознательность членов партии.— «Петроградская правда», 7 сентября, № 198.
Признания немецкого интеллигента.— «Петроградская правда», 13 января, № 8.
Пролетариат и наука. Пг., 31 с.
Рец.: *Р. С.*— «Книга и революция», № 5, с. 63—64.
Проституция в прошлом и настоящем.— «Петроградская правда», 26 сентября, № 215.
Работница и II Конгресс Коммунистического Интернационала.— «Петроградская правда», 15 августа, № 181.
Разруха и европейская культура.— «Книга и революция», № 3—4, с. 1—4.
Революция буржуазная и революция пролетарская. Пг., 32 с.
Рец.: *Невский В. И.*— «Петроградская правда», 19 декабря, № 286; *С. В.*— «Книга и революция», 1921, № 8—9, с. 42.
Революция буржуазная и революция пролетарская в их отношениях к женщине.— «Петроградская правда», 7 марта, № 53.
Революция и женщина. Пг., 45 с.
Революция и литература.– «Книга и революция», № 6, с. 1–3.
Роза Люксембург и Леон Тышко перед царской Фемидой.— «Коммунистический Интернационал», № 14, стб. 2847—2862.
Среди книг и журналов.— «Петроградская правда», 1 февраля, № 23.
Судьба детей в стране капитализма.— «Петроградская правда», 7 декабря, № 275.
Судьба интеллигенции в Европе.— «Петроградская правда», 13 октября, № 229.
Терроризм и коммунизм. Одесса, 16 с.
Товарищ Ленин и революция.— «Петроградская правда», 23 апреля, № 87.
Французский художник о рабочей революции (Р. Роллан и его роман «Жан Кристоф»).— «Петроградская правда», 9 марта, № 54; 11 марта, № 56.

Фридрих Энгельс. 1820—1920.— «Петроградская правда», 28 ноября, № 268.
Фридрих Энгельс (1820—1920 гг.). К его характеристике. Пг., 32 с.
Рец.: *Дволайцкий Ш.*— «Печать и революция», 1921, № 1, с. 73—74; *Быстрянский В. А.* Ответ на рецензию.— «Печать и революция», 1921, № 2, с. 249—250; *Невский В. И.*— «Петроградская правда», 19 декабря, № 286.
Хозяйственные перспективы Центральной Европы.— «Петроградская правда», 27 февраля, № 45.
Энгельс о Польше.— «Петроградская правда», 28 апреля, № 91.
Рец.: [на кн.: *Бальзак Оноре де.* Сочинения. Т. XII. Крестьяне. Пг., 1920, 376 с.].— «Книга и революция», № 6, с. 43.
Рец.: «Буржуазная фаза русской революции в освещении кадетского „историка“» (О кн.: *П. Милюков.* История второй русской революции, т. I, вып. 1. Киев, 1919, 171 с.).— «Книга и революция», № 2, с. 27—32.
Рец.: [на кн.: *Дволайцкий Ш. М.* Фридрих Энгельс. М., 1919, 55 с.].— «Петроградская правда», 29 февраля, № 47.
Рец.: «Еще о новой книге т. Бухарина „Экономика переходного периода“», ч. 1, 157 с.— «Книга и революция», № 6, с. 9—11.
Рец.: [на кн.: *Лукин Н. М.* (*Антонов*). Максимилиан Робеспьер (1758—1793). М., 1919, 126 с.– «Петроградская правда», 1 февраля, № 23.
Рец.: «Невольные признания». [о кн.: *Потресов.* Интернационализм и космополитизм. Пг., 1916, 90 с.].— «Книга и революция», № 5, с. 5—14.
Рец.: «Ученый-историк о русской революции». [О статье А. Ону в «The New Russia»].— «Петроградская правда», 13 мая, № 103.
Рец.: «Хорошее дело». [на Каталог книг издательства «Всемирная литература» при Наркомпросе. Пг., 1919, 173 с.].— «Петроградская правда», 8 февраля, № 29.
Рец.: [на кн.: *Энгель Е. А.* Социология. Краткий курс средней школы. Пг., 1919, 114 с.].— «Петроградская правда», 14 марта, № 58.

1921

Анархизм и революционный коммунизм (П. А. Кропоткин).— «Петроградская правда», 9 февраля, № 28.
Белая гвардия в Италии.— «Петроградская правда», 14 апреля, № 82.
Военная диктатура (К 100-летию со дня смерти Наполеона 5 мая 1821 г.).— «Петроградская правда», 5 мая, № 97.
Газета в буржуазном и пролетарском государстве. Пг., 75 с.
Две революции.— «Петроградская правда», 29 марта, № 69.
9-ое Термидора.— «Петроградская правда», 3 апреля, № 74.
Еще из литературной истории вопроса о «рабочей демократии».— «Петроградская правда», 16 января, № 10.
Из интеллигентских настроений.— «Петроградская правда», 30 октября, № 227.
Из истории гражданской войны в России. Пг., 94 с.
Рец.: *В. Н.*— «Петроградская правда», 4 декабря, № 255.
Из уроков истории революции. [О революции 1789 г. во Франции].— «Петроградская правда», 27 марта, № 68.
К истории вопроса о «рабочей демократии» и «бюрократизме».— «Петроградская правда», 13 января, № 7.
К нашей работе среди студенчества.— «Петроградская правда», 4 июня, № 120.
Как буржуазия спасает науку.— «Петроградская правда», 17 июня, № 128.
Колеблют ли уступки пролетарскую диктатуру в России.— «Петроградская правда», 23 октября, № 221.
Коммунизм, брак и семья. Пг., 68 с.
Рец.: *Книжник И.*— «Книга и революция», № 12, с. 62.
Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 79 с. Пер. на нем. яз. Гамбург, 1922, 88 с.
Новая экономическая политика и основы марксизма.— «Петроградская правда», 25 августа, № 176.

Кровавое воскресенье.— «Петроградская правда», 22 января, № 14.
Очерки по истории Парижской Коммуны (18 марта — 28 мая 1871 г.). Пг., 175 с.
Рец.: *Беккер Б.*— «Книга и революция», 1922, № 3 (15), с. 66—69; *Никонов.*— «Анналы», 1922, № 2, с. 317; *Степанов И.*— «Книга и революция», 1921, № 2, с. 148—150.
Памяти т. Артема (Сергеева).— «Петроградская правда», 28 июля, № 157.
Памяти Данте (К 600-летию со дня смерти).— «Книга и революция», № 1 (13), с. 13—16.
Парижская Коммуна и Советская республика (1871—1921).— «Петроградская правда», 18 марта, № 61.
Партия и агитпропагандистская работа.— «Петроградская правда», 23 апреля, № 90.
Плеханов и русская контрреволюция.— «Петроградская правда», 18 февраля, № 36.
Послевоенная мировая ситуация.— «Петроградская правда», 11 января, № 5.
Преступление в прошлом и будущем. Пг., 32 с.
Пролетарский авангард и рабочая масса.— «Петроградская правда», 25 февраля, № 43.
Рабочее движение в России и Февральская революция (1914—1917 гг.).— «Петроградская правда», 12 марта, № 56.
Распад капиталистической культуры.— «Петроградская правда», 24 апреля, № 91.
Светлой памяти героев «Народной воли».— «Петроградская правда», 15 апреля, № 83.
«Тезисы Ленина». 4 (17) апреля 1917 г.— «Петроградская правда», 17 апреля, № 85.
Умственный декаданс буржуазного мира.— «Петроградская правда», 20 февраля, № 38.
Христианство и коммунизм.— «Петроградская правда», 6 января, № 4.
Рец.: «Зародыши оппортунизма в германской социал-демократии» [о кн.: *А. Бебель.* Из истории моей жизни. Мемуары. Т. 3. Пг., 1919, 251 с.].— «Книга и революция», 1921, № 7, с. 7—13.
Рец.: «Из исповеди контрреволюционера» [о кн.: *Зензинов В.* Из жизни революционера. Париж, 1919. 119 с.].— «Книга и революция», 1921, № 12, с. 1—3.
Рец.: «Как «делали» Февральскую революцию» [о кн.: *Суханов Н.* Записки о революции. Кн. 1. Пг., 1919. 263 с.].— «Книга и революция», 1920, № 1, с. 15—21.
Рец. [на кн.: *Ленин В. И.* Собр. соч., т. IV. «Искра» 1900—1903 гг. М., 1920, 335 с.] — «Книга и революция», 1921, № 10—11, с. 42.
Рец.: «По пути в Каноссу» [о кн.: *Станкевич В. Б.* «Воспоминания 1914—1917 гг. Берлин, 1920. 178 с.].— «Книга и революция», 1921, № 8—9, с. 20—21.
Рец.: «Стихийность и сознательность» [О статье А. Е. Преснякова «Обзор пережитого»].— «Петроградская правда», 22 апреля 1921 г., № 89.
Рец. [на кн.: *Черкезов В.* Предтечи Интернационала. Доктрины марксизма. Пг.— М., 1919. 194 с.].— «Книга и революция», 1921, № 1 (13), с. 72.

1922

Борьба за богатства мира. М., 12 с.
Буржуазная и социалистическая революция (февраль и октябрь 1917 г.).— «Красная летопись», № 2—3, с. 27—37.
Город Минусинск. Ч. 1. Исторический очерк В. А. Ватина. К 100-летнему юбилею города Минусинска. 1822—1922. Минусинск, 1916—1922, 394 с.
Естествознание в плену у метафизики.— «Книга и революция», № 9—10 (21—22), с. 1—8.
Из истории мелкобуржуазной контрреволюции.— «Книга и революция», № 3 (15), с. 20—30.

Мольер и французская буржуазия второй половины XVII века.— «Книга и революция», № 4 (16), с. 1—7.
Фантаст-реалист. Памяти Эрнеста Теодора Амедея Гофмана (1776—1822).— «Книга и революция», № 8 (20), с. 1—5.
Рец.: [на кн.: *Бартольд В. В.* Мусульманский мир. Пг., 1922, 93 с.].— «Книга и революция», № 8 (20), с. 38—40.
Рец.: [на кн.: *Боричевский Н.* Введение в философию науки. Наука и метафизика. Пг., 1922, 115 с.].— «Книга и революция», № 6 (18), с. 67—69.
Рец.: [на кн.: *Евреинов Н. Н.* Первобытная драма германцев. Пг., 1922, 31 с.].— «Книга и революция», № 8 (20), с. 72.
Рец.: [на кн.: *Жебелев С. А.* Древний Рим. Ч. I. Пг., 1922, 120 с.].— «Книга и революция», № 5 (17), с. 41.
Рец.: [на кн.: *Жебелев С. А.* Древняя Греция. Ч. II. Эллинизм. Пг., 1922, 113 с.].— «Книга и революция», № 7 (19), с. 40—43.
Рец.: [на кн.: *Жижиленко А. А.* Преступность и ее факторы. М., 1922 67 с.].— «Книга и революция», № 9—10 (21—22), с. 73—77.
Рец.: [на кн.: *Зелинский Ф. Ф.* Возрожденцы. Научно-популярные статьи по всеобщей истории. Вып. I. Из жизни идей, т. IV. Пг., 1922, 108 с.].— «Книга и революция», № 6 (18), с. 49—51.
Рец.: «Исповедь реформистки» [о кн.: *Лилли Браун.* Роман моей жизни. Т. I—II. СПб., 1919. Т. I. 367 с.; Т. 2. 376 с.].— «Книга и революция», № 5 (17), с. 1—7.
Рец.: [на кн.: *Лосский Н. О.* Интуитивная философия Бергсона. Пг., 1922, 119 с.].— «Книга и революция», № 4(16), с. 52—53.
Рец.: «Покушение с негодными средствами». [О журн. «Мысль» Петерб. филос. о-ва за 1922 г., № 2].— «Книга и революция», № 7 (19), с. 1—8.
Рец.: [на кн.: «Речи И. Г. Церетели», Пб., 1917, 244 с.].— «Книга и революция», № 9—10 (21—22), с. 42—45.
Рец.: [на кн.: *Тураев Б. А.* Древний Египет. Пг., 1922, 203 с.].— «Книга и революция», № 5 (17), с. 39—41.

1923

В начале 1916 года.— «Красная летопись», № 7, с. 208—211.
В черные годы (Из воспоминаний старого партийца).— «Юный пролетарий». Пг., № 10 (60), с. 23—24.
К двадцатипятилетию РКП (1898—1923).— «Под знаменем коммунизма», Пг, № 3, с. 5—18.
Материалы для истории группы «Освобождение труда».— «Красная летопись», № 8, с. 247—249.
По поводу письма тов. Лепешинского в «Пролетарскую революцию»,— «Красная летопись», № 8, с. 301—303.
Рец.: [на кн.: *Жебелев С. И.* Древний Рим. Ч. II. Пг., 1923. 143 с.].— «Книга и революция», № 4 (28), с. 41—44.
Рец.: [на кн.: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.— Л., 1923, 472 с.].— «Книга и революция», № 4 (28), с. 38—39.
Рец.: [на кн.: *Солнцев С. И.* Общественные классы. Изд. 2-е. Пг., 1923, 216 с.].— «Книга и революция», № 3 (27), с. 86—87.

1924

Воззвание «Группы революционных социал-демократов» в Минусинске 1916 г.— «Красная летопись», № 2 (11), с. 212—215.
Заветы Ленина в деле партийного строительства.— «Ленинградская правда», 27 января, № 22.
Из истории партийной работы в Сибири в период империалистической войны (По документам и воспоминаниям).— «Красная летопись», № 1 (10), с. 186—199.
Как читать Ленина? — «Коммунистическая учеба», № 1, с. 7—8.

Н. Ленин и буржуазная революция в России.— В кн.: *Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции. Л., 1924, с. 3—30.
Ленин и история РКП(б).— «Красная летопись», № 2 (11), с. 5—16.
Ленин и Парижская Коммуна.— «Красный студент», № 3, с. 20—22.
Ленин и теория марксизма.— «Ленинградская правда», 6 февраля, № 29.
Ленин как историк (Историзм в ленинизме).— «Борьба классов», № 1—2, с. 5—28.
Марксизм и ленинизм.— «Под знаменем коммунизма», № 2, с. 82—100.
Обзор литературы о Ленине и ленинизме.— «Красная молодежь», № 2, с. 190—195.
Письмо в редакцию.— «Красная летопись», № 2 (11), с. 278.
Систематический указатель к сочинениям В. И. Ленина. Л., 129 с.
Систематический указатель к сочинениям В. И. Ленина. 2-е доп. изд. Л., 132 с.
Рец.: Кривцов Ст.— «Вестник книги», № 9—10, с. 75; *Коршунов Ст.*— «Правда», 1 октября, № 223; Б. а.— «Коммуна», Калуга, 1925, 4 января; Б. а.— «Лениниана», т. I. М.— Л., 1926, с. 448.
Что читать о Ленине.— «Просвещенец», № 5, с. 56—57.

1925

Диалектический материализм. Лекции.— «Коммунистический университет на дому», кн. 1—5. Л.
Н. Ленин и буржуазная революция в России.— В кн.: *Ленин Н.* (*Ульянов В. И.*). Две тактики социал-демократии в демократической революции. Л., с. 3—30.
К вопросу о госкапитализме.— «Правда», 29 декабря, № 296.
В. И. Ленин и искусство.— «Жизнь искусства», № 3, с. 3—4.
Ленин и крестьянство в первой русской революции.— «Красная летопись», № 3 (14), с. 5—25.
Ленин и Советы в первой русской революции.— «Красная летопись», № 2 (13), с. 5—18.
Ленин и 1905 год.— «Красная летопись», № 1 (12), с. 5—36.
Ленин и 1905 год (Пособие для докладчиков и пропагандистов), Л., 151 с.
Ленин — историк. Историзм в ленинизме. Л., 34 с.
Рец.: Бочаров Ю.— «Книгоноша», 1926, № 3—4, с. 33; *Дивильковский А.*— «Печать и революция», 1926, № 1, с. 145—147.
Ленин как материалист-диалектик. Л., 294 с.
Рец.: Б. а.— «Морской сборник», № 5, с. 154—155; *Баммель Гр.*— «Книгоноша», № 15—16, с. 18; *Биленкин Д.*— «Печать и революция», № 5—6, с. 328—329.
Ленин как теоретик вооруженного восстания в первой русской буржуазной революции 1905—1907 гг.— «Красная летопись», № 4 (15), с. 5—41.
Ленин и искусство при социализме.— «Жизнь искусства», № 16, с. 4—5.
Марксова теория перманентной революции.— «Под знаменем коммунизма», Л., № 2, с. 54—64.
Материализм и диалектика в творчестве Ленина. Б. м. 1925.
Политическая ссылка в Минусинске (Декабристы. Польские повстанцы).— В кн.: «Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинск», т. III, вып. 2. Декабристы в Минусинской ссылке. К 100-летнему юбилею декабристов. Минусинск, с. 1—34.

1926

Диалектический материализм. Лекции.— «Коммунистический университет на дому», кн. 1—12, Л.
Ленин о социалистической революции в России.— «Красная летопись», № 5 (20), с. 5—31.
Рабочая оппозиция и оппозиционный блок 1926 г.— «Под знаменем коммунизма», № 8, с. 31—38.

1927

О постановке курса истории ВКП(б) и ленинизма в комвузе.— В кн.: Ленинградский коммунистический университет. Три года ленинской учебы. Л., с. 76—77.

«1917—1927» (Предисловие).— В кн.: На волю! Падение самодержавия, освобождение из царских тюрем и каторг. Сборник воспоминаний к 10-летию Февральской революции. Л., с. 3—4.

1928

15 съезд и задачи культурного строительства.— «Ленинградская правда», 21 января, № 10 (3826).

1929

Буржуазная фаза революции в оценке кадетского историка. Б. м.

К десятилетию программы ВКП(б) (1919—1929 гг.).— «Красная летопись», № 2 (29), с. 5—23.

К характеристике правого уклона. Л., 92 с.

К характеристике правого уклона. Изд. 2-е. Л., 92 с.

К характеристике правого уклона. Изд. 3-е. Л., 92 с.

1930

Правый уклон на новом этапе. Л., 85 с.

Против правых и примиренцев. М., 99 с. [совместно с В. П. Милютиным]. На польск яз.

1931

Сторожевые псы империализма. [Предисловие].— В кн.: «Социал-интервенты перед судом пролетарской диктатуры». Матер. и докум. Л., с. 3—43.

Предисловие.— В кн.: *Каннер Л.* Пакты и факты. На путях второй интервенции. Л., с. 3—12.

Ред.: «Учебная книга по ленинизму». Пособие для совпартшкол. Л., 448 с.

1932

Без Ленина по ленинскому пути. Л., 32 с.

1933

К. Маркс и пролетарская революция.— «Красная летопись», № 1 (52), с. 5—21.

На рубеже двух пятилеток (Успехи советского строительства).— «Ленинская учеба», № 1 (7), с. 2—13.

Памяти Маркса. К 50-летию со дня смерти.— «Ленинская учеба», № 22 (8—9), с. 2—10.

Ред.: «Ленинизм. Хрестоматия». Л. 767 с. [совместно с М. Мишиным].

Ред.: «Учебная книга по ленинизму». Пособие для совпартшкол и кружков ленинизма. Изд. 2-е, перераб. М.— Л., 728 с. [совместно с М. Мишиным].

1934

Всемирно-исторические достижения партии к XVII съезду ВКП(б).— «Красная летопись», № 1 (58), с. 9—17.

К двадцатилетию империалистической войны (1914—1934).— «Красная летопись», № 4 (61), с. 3—11.

Киров — идейный руководитель ленинградских большевиков.— «Партработник», № 12, с. 55—62.
Ред.: «Ленинизм. Хрестоматия». Л., 664 с. [совместно с М. Мишиным].

1935

Ленин и ленинизм.— «Фронт науки и техники», № 1, с. 3—11.
Партия в борьбе на два фронта от XVI до XVII съезда.— «Партийная учеба», № 7, с. 4—11.
Стратегия и тактика партии во время империалистической войны.— «Партийная учеба», № 19, с. 6—13.
Ред.: «Ленинизм. Хрестоматия». Изд. 2-е. М.— Л., 664 с.
Ред.: «Ленинизм. Хрестоматия». Дополнение ко 2-му изд. 1934—1935. М.— Л., 36 с.

1936

Положение на историческом фронте и задачи историков партии.— «Красная летопись», № 1, с. 12—14.
Дружба между народами СССР растет и крепнет. Итоги национальной политики СССР.— «Советская этнография», № 3, с. 7—18.
За ленинизм в историческом образовании. [О постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 янв. 1936 г. об учебниках по истории в средней школе].— «Рабочий», Минск, 4 марта, № 51.
За преподавание истории по-новому. [В связи с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР о работе над учебниками истории].— «За коммунистическое просвещение», 12 февраля, № 21.
Критические замечания об учебниках по истории СССР.— «Борьба классов», № 2, с. 20—25.
Критические замечания об учебниках по истории СССР.— «Правда», 1 февраля, № 31.
На фронте исторической науки. В связи с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК о положении на фронте исторической науки и о составлении учебников.— «Молодая гвардия», № 5, с. 169—174.
Наши писатели и исторические учебники [О необходимости участия советских писателей в создании учебника по истории СССР].— «Ленинградская правда», 17 июня, № 138.
Победа ленинского плана построения социализма в нашей стране.— «Партийная учеба», № 1, с. 12—23.

1937

20 лет социалистического государства [диктатура пролетариата и советская демократия].— «Ленинградская правда», 11 ноября, № 259.
Съезд боевой подготовки Октября. [К 20-летию VI съезда РСДРП(б) в Петрограде 8—16 августа (26 июля — 3 августа) 1917 г.].— «Партийный организатор», № 13, с. 8—16.
Ред.: *Греков Б., Якубовский А.* Золотая Орда. Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII—XIV вв. Л., 233 с.

1938

ВКП(б) — организатор Великой Октябрьской Социалистической революции и партия нового типа.— «Партийный организатор», № 20, с. 9—16.
Партия и народ. Морально-политическое единство советского народа.— «Партийный организатор», № 10, с. 39—46.
Отв. ред. и предисловие: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.— Л., XV, 608 с. (ред. совместно с Б. Д. Грековым).
Ред.: «Большевистская фракция IV Государственной Думы». Сборник материалов и документов. М. 630 с. [совместно с А. Е. Бадаевым].

1939

Ленин и питерские рабочие.—В кн.: «Ленин в Петербурге. Места пребывания и революционной деятельности В. И. Ленина в Петербурге-Петрограде. 1890—1920». Л., с. 5—12.

Ленин и единство социалистической культуры в СССР.— «Литературный современник», № 1, с. 3—8.

Новая эпоха в истории человечества (Октябрьская революция и тактика большевиков).— «Партийный организатор», № 20, с. 9—14.

Учение марксизма-ленинизма о вооруженном восстании.— «Пропаганда и агитация», № 20, с. 8—16.

Предисловие: В кн.: «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917». Т. I. 1902—1907. М., с. 6—7.

Предисловие: В кн.: «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917». Т. II. 1907—1917. М., с. III—VI.

Предисловие: В кн.: *Мительман М. И.* История Путиловского завода. 1789—1917. М.— Л., 756 с., с. 1—3.

Ред.: «Ленин в Петербурге. Места пребывания и революционной деятельности В. И. Ленина в Петербурге-Петрограде. 1890—1920». Л., 148 с.

Ред.: «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917». Т. I—II. Л., Т. I. 566 с.; т. II. 272 с.

Ред. и предисл.: Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг. М.— Л., 376 с., с. 3—6.

1940

Корифей передовой науки (К 70-летию со дня рождения В. И. Ленина).— «Пропаганда и агитация», № 5—6, с. 8—14.

Красная Армия — армия освобождения трудящихся. Л., 28 с.

Красная Армия — армия освобождения трудящихся.— «Морской сборник», № 2, с. 12—24.

Развитие Лениным и Сталиным марксистского учения о двух фазах коммунизма.— «Пропаганда и агитация», № 1, с. 11—19.

Отв. ред.: «Хроника революционного рабочего движения в Петербурге». Т. 1. 1870—1904. Л., 382 с.

1941

Ред. и предисл.: *Мительман М. И.* История Путиловского завода. 1789—1917. Изд. 2-е (сокращ.). М.— Л., 632 с., с. 1—3.

ЛИТЕРАТУРА О В. А. БЫСТРЯНСКОМ (ВАТИНЕ)

Азадовский М. Очерки литературы и культуры в Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1947, с. 27, 44, 49, 54—57 и др.

Арский Р. Эпоха реакции в Петрограде (1907—1910 гг.).— «Красная летопись», 1923, № 9, с. 88.

Альтшулер С. В рядах борющихся. Воспоминания.— «Красная летопись», 1923, № 8, с. 112, 117.

Беляевский С. И. Большевики в Минусинской ссылке. Красноярск, 1964, с. 143, 151, 156, 161, 162, 173, 183, 189, 192, 193 и др.

Беляевский С. И. Революционная деятельность большевиков в Минусинской ссылке (1897 — февраль 1917 гг.). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1961, с. 12 и др.

Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, с. 111, 161, 183, 197, 225, 227, 242, 365, 394, 529.

Бузулаев И. Большевики в Минусинске в 1915—1916 гг. (Из материалов Енисейского землячества).— «Каторга и ссылка», 1930, № 4 (65), с. 65—73.

Бузулаев И. С. Немного о делах революционных.— «Записки Хакасского н.-и. ин-та языка, литературы и истории». Абакан, 1958, вып. VI, с. 133—140.
Буйко А. Путь рабочего. Записки старого большевика. М., 1934, с. 79, 89.
В. А. Быстрянский [Член ВКП(б) с 1907 г. Некролог].— «Правда», 1940, 14 декабря, № 345.
Ватин (Быстрянский) В. А.— В кн.: «Сибирская советская энциклопедия», т. 1. Новосибирск, 1929, с. 448.
Верный сын партии Ленина — Сталина [В. А. Быстрянский].— «Пропаганда и агитация», 1940, № 24, с. 5—6.
Верный сын партии Ленина — Сталина. [В. А. Быстрянский. Некролог].— «Правда», 15 декабря 1940 г., № 346.
Верный сын партии. [В. А. Быстрянский. Некролог].— «Известия», 1940, 15 декабря, № 290.
Гавен Ю. П. Революционное подполье в период империалистической войны в Енисейской губернии.— «Каторга и ссылка», 1927, № 7 (36), с. 122, 123, 125, 127, 128.
250 лет с великим русским народом. Сборник. Абакан, 1959, с. 106, 179 и др.
Иванова Л. В. Вадим Александрович Быстрянский [Вступление и публикация документов В. А. Быстрянского: Автобиография; В черные годы (Из воспоминаний старого партийца); Анкета участника Октябрьского переворота].— «История СССР», 1967, № 3, с. 129—134.
Карцов В. Г. Металлургическая промышленность Средней Сибири в XVIII — нач. XIX в.— «Ученые записки Хакасского н.-и. ин-та», вып. IX, 1963. Абакан, с. 95, 97, 98, 102, 109.
Клушин В. И. Борьба В. А. Быстрянского за марксистскую теорию общества в начале 20-х гг.— «Учен. зап. Института истории партии» Ленинградского обкома КПСС, 1970, № 1, с. 269—288.
Клушин В. И. Некоторые вопросы исторического материализма в работах В. А. Быстрянского (20-е годы XX в.) — «Научные доклады высшей школы». Философские науки, 1969, № 2, с. 141—147.
Корифей передовой науки [В. А. Быстрянский].— «Пропаганда и агитация», 1940, № 5—6, с. 8.
Корнатовский Н. А. В. А. Быстрянский.— «Историк-марксист», 1941, № 1, с. 155—157.
Крушкол Н. Б. В. А. Быстрянский в большевистском подполье.— «Борьба пролетариата», 1941, № 2, с. 21—41.
Крушкол Н. Б. В. А. Быстрянский — пропагандист большевизма.— «Борьба пролетариата», 1941, № 3, с. 17—40.
Кулик И. Ю. Киевская организация от Февраля до Октября 1917 года.— «Летопись революции», Харьков, 1924, № 1 (6), с. 189—190.
Кузнецов Ф. В. А. Быстрянский (Ватин) как историк Сибири.— «Восточно-Сибирская правда», 1940, 30 декабря, № 303.
Майоров М. Из истории революционной борьбы на Украине (1914—1919). Киев, 1922, с. 29, 39, 40, 41.
Николаев В. И. Сибирская периодическая печать и политическая ссылка.— «Каторга и ссылка», 1928, № 6 (43), с. 110—119.
Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею и Минусинской общественной библиотеке за 1910—11 гг. Минусинск, с. 17—18, 25.
Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею и Минусинской городской общественной библиотеке за 1913 г. Минусинск, 1914, с. 15—18, 29, 35, 36.
Очерки истории Коммунистической партии Украины. Изд. 2-е. Киев, 1964, с. 186.
Очерки истории ленинградской организации КПСС, ч. 1. 1883 — октябрь 1917. Л., 1962, с. 246, 258—260, 273.
Памяти В. А. Быстрянского (1886—1940).— «Борьба пролетариата», 1941, № 2, с. 19—20.
Пивторак В. В. В. А. Быстрянский-Ватин. (К 75-летию со дня рождения).— «Учен. зап. Тувин. НИИ языка, литературы и истории». Абакан, 1961, вып. 9, с. 265—268.

Плотников Ю. Большевик Ватин-Быстрянский (1886—1940).— «Енисей», 1971, № 3, с. 64—69.
Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакассов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952, с. 106, 111, 113.
Прибылев А. В. Минусинск — Париж — Казаченское. (Ссылка — эмиграция — ссылка).— «Каторга и ссылка», 1928, № 2 (39), с. 109.
Пузанов Д. Минусинская ссылка 1910—1917 гг.— «Каторга и ссылка», 1928, № 2 (39), с. 89, 95, 98, 99, 100, 102.
Самойлов Ф. Февральская революция 1917 года в Минусинской ссылке.— «Пролетарская революция», 1926, № 9 (56), с. 193, 194.
Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1957, с. 78, 79.
Словарь сибирских писателей, поэтов и ученых. Сост. М. Е. Стож. Изд. 9-е. Б. м., (до 1917 г.), с. 2—3.
Тетерин Н. И. Сухая гильотина.— «Каторга и ссылка», 1924, № 3 (10), с. 191.
Уход из «Сибирских записок» Ватина В. А.— «Сибирская летопись», 1916, № 9—10, с. 479.
Чужак Н. Ссылка и областничество.— В кн.: «Сибирская ссылка». Сборник 1. М., 1927, с. 51—87.
Шейнфельд М. В. В. А. Ватин-Быстрянский как историк Сибири.— «Учен. зап. Хакасского н.-и. ин-та языка, лит-ры и истории», 1963, вып. IX, с. 64—93.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ СССР

Историография научно-технической революции и соединения ее достижений с преимуществами развитого социализма 5
В. И. Касьяненко

Из истории разработки научной биографии В. И. Ленина (1917 г.— середина 30-х годов XX в.) 35
В. В. Баженов

Изучение истории рабочего класса СССР в Институте истории Коммунистической Академии ЦИК СССР (1929—1935 гг.) 62
Т. А. Игнатенко

Периодизация русского освободительного движения XIX в. в либерально-буржуазной кадетской историографии . . 89
М. Г. Вандалковская

Отечественная война 1812 г. и освободительная миссия русской армии (итоги и перспективы исследований) . . 105
Б. С. Абалихин, В. А. Дунаевский

Ранняя советская историография феодального иммунитета в России 148
С. М. Каштанов

II. КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Характеристика современного этапа французской буржуазной историографии Октябрьской революции 189
Ю. Н. Афанасьев

III. ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

Исследования Я. А. Яковлева по истории Октябрьской революции 216
Г. Ф. Сиволапова

Историк-марксист В. А. Быстрянский (Ватин) 249
Л. В. Иванова

Концепция всемирной истории Михаила Орлова (30-е годы XIX в.) 282
М. А. Алпатов

«Заметки» А. С. Пушкина по русской истории XVIII в. . 302
М. Т. Белявский

IV. СООБЩЕНИЯ

Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. 312
Б. В. Левшин

Рабочий контроль 1917—1918 гг. в современной историографии (1968—1973 гг.) 318
М. Л. Иткин

V. ПУБЛИКАЦИИ

Начало общественно-политической деятельности академика Б. Д. Грекова 331
К. Ф. Шацилло

VI. БИБЛИОГРАФИЯ

Федор Васильевич Потемкин (1895—1973) (К 80-летию со дня рождения) 334

Библиография трудов Ф. В. Потемкина 336

Литература о Ф. В. Потемкине 340
Составитель Г. М. Амешина

Библиография трудов В. А. Быстрянского (Ватина) за 1913—1941 гг. 341

Литература о В. А. Быстрянском (Ватине) 355
Составители Г. М. Амешина, Л. В. Иванова

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник
1974

Утверждено
Институтом истории СССР АН СССР

Редакторы издательства **Д. М. Дзюбак,**
Е. Д. Евдокимова, М. М. Медведев
Художественный редактор **Н. Н. Власик**
Технический редактор **Р. Г. Грузинова**
Корректоры: **Ф. А. Дебабов, Г. М. Котлова**

Сдано в набор 9/IV 1976 г.
Подписано к печати 19/X 1976 г.
Формат 60×90 1/16. Бумага типогр. № 1.
Усл. печ. л. 22,5. Уч.-изд. л. 26,8
Тираж 3200. Т-16555. Тип. зак. 475
Цена 1 р. 92 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
40	17 св.	биографий	биографии
229	18 сн.	июне	июле
231	2 сн.	Там же.	Революция в деревне в 1917 г. М., 1927.
236	3 сн.	март —	Март —

Зак. 475. История и историки. Историографический ежегодник. 1974.